WARHAMMER 40,000

DAN ABNETT

TITANICUS

THE GOD-MACHINES GO TO WAR

Annotation

Ярость апокалиптических масштабов и темные политические интриги в новом романе знаменитой серии Warhammer 40,000.

Мир-кузница Орест атакован легионом титанов Хаоса. Жизнь на планете и дальнейшее ее существование под вопросом. Орест взывает о помощи, и титаны Легио Инвикта, хотя сами только что из боя и отчаянно нуждаются в ремонте и отдыхе, отзываются и собирают силы для нового сражения. Когда божественные махины вступят в войну, мир содрогнется. Их чудовищная мощь способна в мгновение ока разрушить планету, которую они обязались сохранить.

- Дэн Абнетт
  - Карта
  - ~~~
  - ~~~

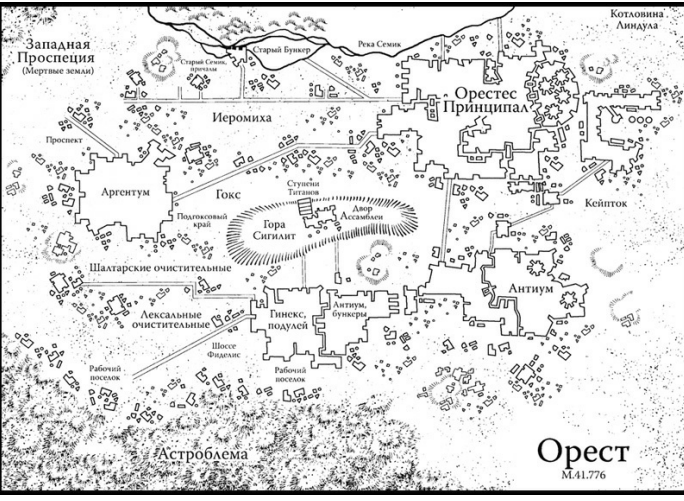
- 0
- 1
- 10
- 11
- 100
- 101
- 110
- 111
- 1000
- 1001
- 1010
- 1011
- 1100
- 1101
- 1110
- 1111
- 10000
- 10001
- 10010
- 10011
- 10100

Дэн Абнетт
ТИТАНИКУС

Автор хотел бы поблагодарить Большого Стива за возможность пользоваться древними архивами, и Ричарда Дагера за его вдохновляющие живописные работы.

Для Джу и Сильвии.

Карта


Западная Проспеция
(Мертвые земли)
Старый Семик, причалы
Старый Бункер
Река Семик
Котловина Линдула
Орестес Принципал
Иеромиха
Проспект
Аргентум
Гокс
Ступени Титанов
Двор Ассамблеи
Подгоксовый край
Гора Сигилит
Кейпток
Шалтарские очистительные
Антиум
Лексальные очистительные
Гинекс, подулей
Антиум, бункеры
Шоссе Фиделис
Рабочий поселок
Рабочий поселок
Астроблема
Орест
M.41.776

Сорок первое тысячелетие. Уже более ста веков Император недвижим на Золотом Троне Терры. Он — Повелитель Человечества и властелин мириадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он — полутруп, неуловимую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, и ради этого ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империума никогда не умирает по-настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для

которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишащий демонами варп, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиконом, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Адептус Астартес, космические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы Планетарной Обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Адептус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов. И других, более опасных врагов.

Быть человеком в такое время — значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд — лишь вечная бойня и кровопролитие, да смех жаждущих богов.

~ ~ ~

<[выгружено:] Кругий, магос экзекутор-фециал, Легио Инвикта (110011001101, сжатие кода zy) [добавочные информационные модули приложены, поток 2] [начал]

В соответствии с предложенным исполнением К494103 я начал переговорный процесс с магосами Ореста. Подключайтесь к добавочному модулю 1100 и загружайте подробную ревизию фактов о ситуации на Оресте. Эти оценки подтверждены нашими съемками с места событий. Орестские магосы четко изложили все, что касается кризиса. Враждебные силы, включая сто семьдесят четыре [один семь четыре] идентифицированные единицы крупной боевой техники Изначального Уничтожителя, приступили к военным действиям против Ореста Принципал с прилегающими субульями, улья Аргентум, сборочных площадок на горе Сигилит, доводочных башен ульев Гинекс и Антиум,

Западной проспекции и различных вассальных общин Астроблемы. При обсуждении исполнения К494103 магосы Ореста предложили провести полный ремонт и переснаряжение Легио Инвикта без промедления, оплаты и компенсаций в обмен на профилактическую акцию. В ожидании вашего решения я рекомендую вмешаться. Даже если не учитывать предложенный ремонт, полагаю, мы все равно обязаны совершить это исполнение, или мы уклонимся от своего долга, проигнорировав тяжелое положение этого священного мира-кузницы. Полагаю, исполнение отменит имперский приказ 475:3Ае472 [Макарот], но уверен, что магосы-пробанды подтвердят законность этого. Я возлагаю эту рекомендацию во имя Омниссии к мудрости своих доверенных старших в день Империума 223.779>.

<[выгружено:] Ковеник, магос навис, Легио Инвикта (0011101010011101, сжатие кода twa) [добавочные информационные модули сопоставлены, поток 2] [начал]

Я загрузил выкладки, Кругий, и согласен с тобой. Я приказал флоту ждать и готов изменить курс и перейти к Оресту, если Геархарт даст свое одобрение. Жду подтверждения приказов>.

<[выгружено:] Борман, первый принцепс, Легио Инвикта (111010110110111, сжатие кода cfn) [добавочные информационные модули сопоставлены, поток 2] [начал]

Документация отв.: исполнение К494103 загружено и просмотрено. Не думаю, что у нас есть выбор, законно это или нет. Неважно, чего требует имперский магистр войны, — мы не можем просто пройти мимо и бросить марсианскую колонию в экстремальной ситуации. Мы должны пойти. Почему Геархарт думает так долго?>

<[выгружено:] Лау, командующий скитариев, Легио Инвикта (44 десятичная 8, сжатие кода exk) [добавочные информационные модули сопоставлены, поток 2] [начал]

Борман прав. К черту приказы! Скитарии готовы. Исполнение должно начаться, и Орест должен быть спасен. Я заклинаю милорда Геархарта принять решение побыстрее>.

<[выгружено:] Геархарт, принцепс максимус, адепт сеньорус, носитель Седьмой печати Марса, первый комментатор, магистр манифольда, называемый Красной фурией, благословленный Божеством, Легио Инвикта (1110110110111111100, сжатие кода kin) [добавочные информационные модули сопоставлены, поток 2] [начал]

Какие вы нетерпеливые, дьяволята. Сталь может ждать дольше, чем плоть. Я загрузил данные и закончил общий просмотр. Ковеник, начинай переход. Борман, будите свои БМУ. Лау, загружай данные войскам.

Мы пойдем по Оресту>.

Иссохшие и безгубые, полки мертвецов воют жуткую хулу вслед твоей поступи. Темный дым заполняет огромную каверну пространства. О машина! О божественная махина! Раскаленный, как топка, поток твоего огня гнет прогорклый воздух небесного свода и плавит прах земли в стекло. Принцепс в своем амниозе, пьющий жидкие данные, раздавленный прекрасной агонией столь могущественного бытия, чувствует тяжесть твоей величественной поступи так же верно, как если бы вырезал мавзолейные таблички каждой из твоих жертв сам, своими руками, пока кости на кончиках пальцев не прорвали бы стертую плоть. О железный бог! Единение яростное, как водоворот в черной воде, как кипящий котел, в котором вы варитесь вместе, где

нет начала одному и конца другому, но где оба смешаны, подобно сплаву. Быть сцепленным с богом! Чувствовать, как обжигающий голод звенит в твоей душе! О счастливец!

Спишь ли ты когда-нибудь на самом деле? В долгое межвременье, проходящее впустую в тиши испачканных масло трюмов и опорных лесов, спишь ли ты тогда? Когда технопровидцы погружают тебя в бездействие — сон ли это для тебя? Спишь ли ты тогда, великая махина?

Что за сны ты видишь?

1

Судя по показаниям аупика, махина, похоже, отступила за горящий остов сыромятни и ушла. Но прибор несколько раз роняли, и как минимум один раз в него попал лазер, расколов экран. Основной дисплей еще что-то выдавал, и приходилось ему верить, иначе Голанд давно бы его бросил. Хотя у него было гадкое предчувствие, что в конце концов бросить его все же придется. Когда придет время, ему и его людям придется бросать во врага все, что у них есть. Буквально все.

Была середина дня, но казалось, что середина ночи. Единственным источником света под грязно-черным низким небом служили горящие вокруг развалины. Кислотный дождь лил как из ведра, превращая густой слой кирпичной пыли под ногами в чавкающую глину. Потоки воды

не могли заглушить огненной бури пожаров. Слышно было несмолкаемое сдавленное шипение воды, встречающейся с огнем, и клубы пара, накатывающие, словно туман, ухудшали видимость еще сильнее.

«Вот на что похож ад, — решил Голанд. Затем поправил себя: — Это и есть ад».

Дарик Голанд опустился коленями в грязь и взялся за настройки ауспика. Мокрые пальцы все время соскальзывали с панели наладонника. Где-то за спиной, среди дождя, протяжно и страшно кричал человек. Обезболивающего больше не было, не осталось ни ампул с морфием, ни медиков, ни надежды.

Ауспик принялся выдавать частичные всплески, какой-то странный отклик. Голанд тихо выругался. Что это означает? Прячется кто-нибудь за сыромятней или нет? Он встряхнул прибор и стукнул им по бедру в надежде, что всплеск — лишь дефект изображения, вызванный трещиной в дисплее.

Внезапно в нескольких сотнях метров

слева обрушилась какая-то массивная постройка — арка или опорная стена. Со звуком, похожим на грохот сходящей лавины, она опустилась в огненную пучину, которая и была причиной ее разрушения. Искры взметнулись тучей светлячков, и дождь тотчас пожрал их. Сотрясение и грохот заставили людей Голанда дрогнуть.

— Спокойно! Спокойно! — крикнул он. — Это просто от пожара! Всем оставаться на местах!

Нервы у них уже ни к черту. Еще чудо, что большинство до сих пор не разбежались. Их выпустили против врага, который превосходил их по всем параметрам. Эта война была не для пехоты. Такая война вообще не для пехоты.

Им — и Голанду — грохот рухнувшей постройки показался предрекающей смерть поступью махины. На этих узких, зажатых меж высоких стен фабричных улицах, как они уже узнали, на свою беду, падающая стена служила зачастую единственным предупреждением, что в атаку на тебя прет махина.

Ядовитый смрад потек по узкому переулку. Голанд сдержал рвотный позыв. Пожар в сыромятне добрался до складов кож, и в воздухе распространилось зловоние обугленной плоти и горящего жира.

Голанд еще раз глянул на ауспик. Всплеск исчез. Поврежденный экран теперь показывал лишь топографические объекты и энергетический шум от пожаров. Что это — правда или очередная ошибка дисплея?

— Ну что, выдвигаемся, командир? — спросил рядовой Кинер.

Голанд поднял голову. Кинер съежился в разбитом дверном проеме; по его шлему, плащу и оружию струился едкий дождь. Шестью днями ранее, в дружественном тепле ротной казармы СПО, они праздновали двадцатый день рождения Маки Кинера. Голанду показалось, что сейчас, бледный и изможденный, рядовой выглядит на двенадцать.

— Прежде чем мы двинемся, я хочу быть уверен, что это ублюдочное чудище ушло, — ответил он. — Держись, ладно?

Кинер кивнул.

Где-то в километре слева заколошматило орудие махины. Несмотря на расстояние, грохот потряс землю. Голанд и Кинер вздрогнули.

— Сраный ад! — взвизгнул рядовой.

— Держись, — повторил Голанд. — Поверь мне, Маки, — просто продержись, и я вытащу тебя отсюда.

— Вокс! Вокс! — раздался сзади сорванный голос.

— Я здесь! — крикнул Голанд, поднимаясь на ноги и размахивая руками в струях дождя. Тертун, связист отделения, подбежал и рухнул на землю рядом.

— Сигнал из Принципала! — неразборчиво выплюнул он, обтирая дождевую воду с лица и протягивая трубку Голанду.

Голанд взял трубку и присел возле связиста.

— Херес-Пять СПО, прием.

— Херес-Пять СПО, это Принципал. Сообщите свое местоположение.

— К югу от субулья Гинекс, Принципал. Не хочу сообщать точные координаты — нас прослушивают.

— Уточните, Херес-Пять СПО.

— Противник. Они настроились на все наши каналы и системы. Они нас прослушивают.

— Вас понял. Это майор Кайрнс?

— Кайрнс убит около часа назад. Это сержант Голанд, замещаю командира. У нас три, возможно четыре, махины, буйствуют в сельхозпригородах. Серьезные сопутствующие разрушения. Их ничем не остановить.

— Каковы ваши силы, сержант?

— Подождите, Принципал. — Голанд поднял голову, стряхивая едкие капли с ресниц. — Провести перекличку! — крикнул он в ливень.

Ответило восемнадцать голосов, некоторые — глухо и издалека. Всего восемнадцать. Еще утром он шагал вслед за Кайрнсом с семьюдесятью пятью солдатами СПО.

— Один-восемь, восемнадцать, — прохрипел Голанд в вокс. — Нас здесь разносят! Принципал, сообщите, где Легио Темпестус? Нам приказали ждать Темпестус.

Повисла долга пауза.

— Тетрестус сейчас недоступен. Мы отправляем к вам шесть «Стервятников».

— «Стервятников»?! — воскликнул Голанд. — «Стервятники» не сделают ни хрена! У нас тут махины! Три, может быть четыре, «Разбойника» и еще «Владыка»! Я не шучу, Принципал, нас тут испаряют, и нам нужна поддержка махин!

— Ожидайте, Херес-Пять СПО, — протрещал вокс.

И смолк.

«Они говорят мне ждать, — подумал Голанд, — а я говорю парням держаться. Мы тут все сидим и ждем, пока не разверзнется ад и не утащит нас всех вниз».

— Чертовы идиоты! — сказал он связисту, бросая трубку обратно. — Ни черта не понимают.

Он поднялся и окинул взглядом разрушенную улицу. Уцелевшие бойцы его отряда жались в ямах и воронках позади него, облепленные грязью и обгадившиеся от страха.

— Херес-Пять, внимание! — крикнул Голанд. — Пушка? Пушка осталась? Нет? Взрывчатка? Или плазма?

Никто не ответил.

— Огнемет хотя бы? Кто-нибудь! — отчаянно вопрошал Голанд.

Он подождал еще, но вместо ответа раздался жуткий, протяжный грохот падающих камней.

— О черт! — завопил Тертун.

Голанд обернулся.

Высокие стены и трубы горящей сыромятни рушились. Они падали, потому что их ломали.

Она не ушла. Аустик соврал.

Кирпичная кладка, каменные блоки, поперечные балки хлынули на улицу, словно оползень, скатываясь и подпрыгивая в вихре огня. Грязь и искры взметнулись в воздух, и проливной дождь тут же превратил взлетевшую пыль в падающие капли дегтя.

Когда рухнули стены, обжигающее пламя внутри сыромятни глотнуло кислорода и радостно воспрянуло, желто-белое, метров на шестьдесят в черный

воздух. За стеной огня возвышалось нечто. Грубое подобие человека — человека, увеличенного до тридцати метров.

Махина стояла за огненным занавесом, словно силуэт бога, и смотрела на них.

— Бегом! Бегом, ради всего святого! — заорал Голанд.

Солдаты Херес-Пять СПО уже бежали.

Мощная гидравлика зашипела, огромные приводы двинулись, массивные металлические сочленения заскрежетали и лязгнули. Махина сделала шаг — и земля содрогнулась. Куски каменной кладки разлетелись от ноги восьми метров в обхвате, словно мелкая галька.

— Быстрее! В укрытие! — прокричал Голанд на бегу и бросил взгляд назад.

Выйдя из огня, огромная махина так и осталась черным силуэтом. Она вся была покрыта коркой копоти, на корпусе — толстый слой сажи. Остатки пламени трещали и бились в выемках и сочленениях конструкции. Она сделала еще два сотрясающих землю шага, а затем

слегка наклонилась, словно только заметив крошечных бегущих людей. Постояла. Затем опустила тлеющую правую руку, зафиксировала и открыла огонь.

Звук турболазера в автоматическом режиме походил на крик умирающего солнца. Череда раскаленных добела разрядов захлестнула со всех ног бегущих по переулку солдат Херес-Пять СПО. Попавшие в накат массированного огня беглецы вспыхивали и испарялись практически мгновенно. Напор огня сровнял с землей всю улицу и распорол землю до спекшейся каменной подложки.

Маки Кинер распался на середине шага облаком пепла, разлетевшимся, словно конфетти. Последнее оставшееся от Тертуна, что увидел Голанд, — прожаренный хребет, череп и лопаточная кость, выпавшие из накатывающего огненного потока, все еще соединенные, словно части марионетки, управляемой обжигающей яростью атаки.

Голанд развернулся и с воплем

швырнул предательский аспик, словно метательный диск, в огромную махину, шагающую вслед за ним по улице.

Он не успел увидеть, попал ли в цель. Лазерный залп испарил плоть с его костей, а затем, миллисекундой позже, сверхдавление разметало его скелет, словно пучок прутьев, в струях падающего дождя.

>

Они так привыкли к состоянию войны, что когда она в конце концов подобралась к ним лично, то, похоже, застала врасплох.

Народ Ореста, как имперцы, так и Механикус, давно уверился, что находится вдали от жарких линий передовой. Крестовый поход, бушующий в мирах Саббат, шел в нескольких месяцах пути по ходу вращения галактики. Народ Ореста считал себя в безопасности.

Огни, замеченные ночью в пустынных краях Астроблемы, означали начало

немыслимого. В этих суровых местах — рваной ране, оставленной доисторическим метеоритом, — обитали вассальные сообщества, и именно они — племенные сборища и мобильные колонии проспекторов — первыми увидели огни в небе над самыми пустынными частями разбитых земель и с удивлением воззрились на них. Сообщения и сигналы закружились в виде сплетен и слухов среди вассальных сообществ, по торговым площадям субульев и с севера от улья Принципал. К тому времени, как к ним отнеслись всерьез, было уже слишком поздно. Крупнотоннажные посадочные модули тайком сели в самых мертвых точках планеты и выпустили боевые махины. Темные механики Архиврага ослепили и обманули бдительные сенсоры и дозорные спутники орестских СПО, и легионы Урлока Гаура двинулись, чтобы нейтрализовать этот жизненно важный источник поставок военной техники — Кузницу Ореста.

Однажды утром, на третий день

топливня — седьмого месяца орестского календаря, за двадцать девять дней до того момента, как обугленные кости Дарика Голанда разлетелись под дождем, тягучие удары колоколов полетели над Орестом Принципал. Еще едва рассвело. Колокола разбудили капитана Эрика Варко на койке общежития, и он встал, поняв без слов, что его жизнь скоро полностью переменится. Они встревожили Калли Замстак, спокойно ждавшую в своей квартирке мужа с вечерней смены в доках.

Они звучали на пустых галереях и под медными арками. Их нудный звон эхом отдавался в нижних провалах и на высоких авеню. Лорд-губернатор Поул Элик Алеутон крутился в постели, пока помощник настойчиво стучал в двери покоев. Дарик Голанд проснулся на своей гарнизонной койке с тяжелой головой и кислым привкусом во рту — и возненавидел этот день за все, что тот принес. Этта Северин в своем особняке на Южном утесе оторвалась от торгового отчета, над которым трудилась всю ночь, и хмуро прислушалась к колокольному звону.

Соломан Итануал, адепт сеньорус Кузницы, дремлющий в своем амниотическом мешке, почувствовал всплеск данных и понял, что в его бинарных снах звонят колокола.

Колокольный звон покатился по темному сердцу Кузницы — вдоль мостков и разбегающихся во все стороны туннелей; под тяжелыми кольцами толстых волоконных жгутов, цепляющихся за потолок и стены, словно сочные плети лиан; сквозь сборочные подвалы, где производство никогда не затихало; по криптам огромных когитаторов с контролируемой атмосферой. Магосы собрались в мастерских и контрольных точках — замешательством щетинилась их эпидермальная гаптика, вопросы пульсировали в их жидкостных системах. С растущим недоверием они смотрели на поток телеметрии, передаваемой в прямом эфире из южных ульев, прокручивая, просматривая — и высмеивая данные, что заполнили свинцовые стекла экранов и объявили о вторжении как о свершившемся факте, словно бросая вызов

неверию зрителей.

— Это учения? Имитация? — спрашивал адепт Файст, пытаясь обработать в полном объеме то, что видит.

— Это не имитация, — ответил стоявший рядом магос-логис.

Колокола продолжали звонить. Холодный предутренний свет омыл небо. Сад Достойных — огороженная, усаженная рядами деревьев лужайка под восточным подъемом Канцелярии — в это время пустовал. Мучимый бессонницей и призванный колокольным звоном, модерати Цинк вышел из своей будки и окинул взором начинающийся день. Несмотря на дряхлость, Цинк до сих пор передвигался ходульной походкой человека, когда-то связанного разумом с величественной махиной.

Стайка крошечных щебечущих зефирид прихорашивалась в южной части лужайки, держась на той стороне газона, куда падали лучи новорожденного солнца. Они кружили и перескакивали с места на

место, словно сухие листья, подхваченные осенним ветерком. Цинк застегнул пальто, достал из будки ивовую метлу и принялся подметать дорожки.

Колокола отбивали не часы. Это было что-то новое. Цинк размышлял, что означает их звон, но так и не пришел к определенному мнению. Он вообще был мало в чем уверен, так что просто продолжил тщательно работать метлой. Цинк был далеким отблеском себя прежнего. Боль, принесенная яростью гарганта, выжгла ему рецепторы манифольда и гаптику во время войны махин восемьдесят лет назад. Шок сжег все акцепторы и сделал его глухим к машинам. Механикус назначили ему служебную пенсию, а принцепс Цинка добился для него места смотрителя Сада. Цинк подметал дорожки, приводил в порядок и подстригал лужайки, чистил бюсты достойных.

Он заметил интересную закономерность. Каждый год или два в Саду Достойных появлялись сервиторы и убирали некоторые бюсты, обычно самые

старые и заросшие мхом и лишайником. Цинк точно не знал, куда они их забирают. Чистые и свежие бюсты занимали свободные пьедесталы — новые герои на смену старым.

Подметая лужайку и сгребая листья, слушая, как колокола бьют в неурочный час, Цинк постепенно кое-что понял.

Скоро великое множество достойных отдаст свои жизни, и скоро понадобится много пьедесталов.

>

Трррк! Трррк! Трррк!

Медленно, величественно титан наступал на врага — шаг, затем другой: тунк, тунк, тунк. Затем он остановился, гудя. Орудийные конечности двинулись вверх-вниз — и вспыхнули светом, уничтожая все перед собой.

— Гигант! Гигант! — захихикал Цетбер, хлопая в ладоши с изуродованными артритом пальцами.

Тусклые лица кукол глядели на него, пустоглазые и безразличные. Свеча в полушарии грязной, потрескавшейся светосферы угасала. Хихиканье Цембера перешло в кашель.

Он прижал титана, чтобы тот не свалился с края верстака. Ростом в локоть, он был успокаивающе тяжелым — железные шестерни придавали веса заводному сердцу под жестяной броней. Цембер сам раскрасил жестяные пластины кобальтово-синим — в цвета Темпестуса. Когда он поднял игрушку, ноги машины беспомощно забултыхались взад и вперед.

Манфред Цембер был владельцем в третьем поколении небольшого магазинчика «Анатомета», на восемьдесят восьмом уровне коммерции Ореста Принципал — в Рядах железных дел мастеров, приткнувшегося между птичьим рынком с его запахом зерна и металлической вонью крови и студией светского миниатюриста. Напротив, через узкую улицу, сбились убогие лавки свечника, красильщика, войлочника и чулочника, опершиеся друг на друга, словно

компания друзей-пьянчужек. Дед Цембера расписал вывеску собственноручно: «АНАТОМЕТА» — золотым и красным. Тогда это было процветающее дело — продажа манекенов и автоматов богатым и привилегированным из Верхограда и с Южного утеса. Бережно хранимая семейная история рассказывала о дне, когда лорд-губернатор собственной персоной заявился, чтобы купить механическую обезьяну для младшей дочери. У обезьяны было шутовское выражение на морде, и она колотила в медные тарелки, если ее завести и пустить. «Крайне изумительно!» — объявил лорд-губернатор. Это было шестьдесят лет назад. Времена прошли, вкусы изменились, и вывеска поблекла.

Цембер считал себя сейчас кем-то вроде доктора для сломанных игрушек. Денег особых это не приносило. Клиенты приходили нечасто, сжимая в руках лысых кукол с вывихнутыми конечностями, механические игрушки, которые отказывались ходить, танцевать или крутиться. Он брал свою мзду за ремонт.

Цембер мог за пять минут перетянуть куклу, склеить разбитое личико из керамики или папье-маше как завзятый косметический хирург, заменить сломавшуюся пружину или шестеренку, заставить сломанный механизм ходить, жужжать, сверкать и приносить радость, как новый.

Но он не мог так же просто починить собственную удачу.

Внеурочный звон колоколов стал его праздником. Проснувшись по привычке в четыре утра, он приволокся в оживленную столовую на Конгрессе за кружкой кофеина и коркой вчерашнего хлеба. Вечерняя и утренняя смены рабочих пересекались тут, покупая завтрак или ужин. Когда начали бить колокола, управляющий столовой включил общественный вокс, и душный зал затих — посетители слушали передачу.

Война пришла на Орест. Южные улы сообщали о первых нападениях. Лорд-губернатор просил сохранять спокойствие, а Кузница объявила, что Темпестус пойдет.

Все оцепенели. Цембер плюнул и устало потащился обратно в свои владения, прижимая к птичьей груди горячую жестяную кружку с кофеином.

Создание титана заняло у него три недели, а простоял он на полке в задней части магазина девять лет. Цембер снял его, осторожно сдул пыль и завел. Куклы, изношенные и поломанные, ждали помощи в госпитале, в который превратился магазин. Цембер устало посмотрел на них: кукла, нуждающаяся в перетяжке; клоун с пробитой головой-яйцом; потертая принцесса, нетерпеливо ждущая, когда ее увядшую красоту подновят; солдат-автомат, которого покалечили на чьем-то ковровом поле битвы.

Пусть подождут.

Титан шагал все медленнее — завод пружины кончался. Цембер поставил его на стол. Тот сделал последний судорожный выстрел из орудий.

Это будет его возвращением к успеху — война махин. Он наделает игрушек, и они будут продаваться — как сувениры, призы, подарки, талисманы — маленькие

заводные титаны.

Трррк! Трррк! Трррк!

Он завел игрушку снова и пустил по столу. Та шагала как будто в такт ударам колокола. Куклы смотрели молча, широко раскрытыми глазами.

Игрушечные титаны спасут его бизнес. В конце концов, разве титаны не должны спасти их всех?

— Они пойдут? — спросил адепт сеньорус.

Сформулированный на бинарном канте вопрос он выдал инфоговоркой частых импульсов через аугмиттеры, встроенные, наподобие жабр, под нижней челюстью. Скорость и высота говора передали оттенки нетерпения и озабоченности.

Экзекутора-фециала звали Джаред Кругий. Он почтительно склонился перед благородной ассамблеей, стоя в одиночестве на широком траморном помосте, в центре их внимания. Более пяти тысяч нотаблей собралось в этот день, чтобы услышать его ответ. Свет позднего летнего солнца, заливающий огромный аудиториум сквозь стеклянный

купол крыши, омывал кресла, расположенные кругами под помостом, придавая силуэтам сидящих некоторую божественность. Крузий не отводил почтительного взгляда от адепта сеньорус.

— Благородные лорды, — ответил он на чистом и четком низком готике, — этикет обязывает меня вести собрание вербально. Не все из присутствующих владеют бинариком.

В зале одобрительно захлопали имперские чины и гранды. Их было почти втрое больше, чем присутствующих магосов Механикус Ореста.

— Благодарю вас за любезность, экзекутор, — произнес, поднимаясь с места, имперский губернатор. — Учитывая значимость этого заседания, я бы предпочел на некоторое время не слышать эти непонятные машинные звуки. Со всем уважением к моему благородному другу адепту сеньорус, конечно.

Губернатор Поул Элик Алеутон был величавым и харизматичным мужчиной, в результате омолаживающих процедур

выглядевшим на шестьдесят — вчетверо моложе своего реального возраста. Тяжелые белые доспехи Гордой гвардии Ореста привычно сидели на нем благодаря долгому времени, проведенному больше на официальных приемах и торжественных парадах, чем на действительной военной службе. На него здесь была возложена власть Золотого Трона. Он был голосом Терры на Оресте и в прилегающей системе. Замолчав, он почтительно обратил взор на адепта сеньорус, сидящего в противоположном конце залитого светом аудиториума. Глава Кузницы Ореста Соломан Итануал, в красной мантии, древний, на девяносто один процент состоящий из искусственных органов, благосклонно кивнул в ответ.

— Примите мои извинения, лорд-губернатор, — ответил он, также поднимаясь на ноги. — Я поддался собственной фрустрации. — Его плотский голос звучал неуклюже и гнусаво, словно речь абсолютно глухого человека. Адепт сеньорус не привык к вербальному общению.

— Может быть, я не понимаю канта,

но догадаться о сути вопроса адепта могу, — продолжил Алеутон, поднимая взгляд на экзекутора. — Они пойдут?

Джаред Кругий, как и большинство экзекуторов-фециалов, предпочитал лишь неразличимую или спрятанную внутри аугментику. Он был высоким и статным мужчиной с благородными скулами и коротко стриженными серебристыми волосами. Ниспадающие складки простой черной мантии подчеркивали рост. Его внешний вид — посла, посредника, устроителя — был тщательно проработан, чтобы внушать доверие в переговорах той стороне, которая не относилась к Механикус. Большая часть переговорщиков легио во все годы занималась связью с ведомствами Империума. Лишь форменная мантия и легкий голубовато-зеленый отсвет, который появлялся в глазах, когда на них под определенным углом падал свет, выдавали его принадлежность к Марсу.

А еще Кругий был мастером драматических пауз.

— Они пойдут, — кивнув, произнес он.

Магосы, расположившиеся в креслах на траторных кругах внизу, издали всеобщий свистящий вздох облегчения, даже несмотря на то что значительной части из них больше не требовалось дышать. Раздались всплески аплодисментов и несколько ликующих выкриков со стороны имперского контингента.

Кругий поднял руку, элегантно обтянутую перчаткой.

— Прошу вас понять, — сказал он, когда аплодисменты стихли, — мой легио просит от всех вас заявления о поддержке. Приходя к вам на помощь, мы нарушаем приказ, данный самим магистром войны, который предполагает, что Инвикта присоединится к нему на саббатском фронте через шестнадцать недель.

— Он будет расстроен, — произнес магос по имени Иган.

Кругий знал их всех. Его адаптированные глаза видели то, что не могли видеть присутствующие имперцы:

описывающий все клубок ноосферы — зеленую ауру, которая переводила передачу данных в световые росчерки и прикрепляла над головой каждого присутствующего магоса спецификацию с именем, биографией, специализацией и жизненными показателями. Для Крузия, для всего персонала Механикус, собравшегося сегодня в огромном аудиториуме, воздух искрился колонками визуальной информации и синаптическим терцанием обменов данными.

— Да, будет, — согласился Крузий, — но объяснительные заявления от старейшин Ореста должны сгладить его расстройство. Очень важно, чтобы магистр войны Макарот понял, почему мы свернули с курса. Раздоров между Механикус и магистром войны необходимо избежать.

— Я отправлю ему оправдательные пояснения до наступления ночи, — произнес губернатор Алеутон.

— Благодарю вас, сэр, — ответил Крузий.

— Я сделаю то же самое, — сказал

адепт сеньорус, мучительно выдавливая слова непослушным языком.

— Еще раз примите мои благодарности, — повторил Крузий.

— Каковы ваши текущие силы, экзекутор? — спросил магос в красной мантии, поднимаясь из ряда позади адепта сеньорус. Ноосфера подсказала Крузию имя магоса: Кейто.

Несмотря на сделанное ранее заявление, экзекутор приоткрыл рот и ответил десятисекундной инфоговоркой мягких частотных скрипов из аугмиттера, расположенного под нёбом.

— Сорок восемь махин, — произнес Кейто, слегка подрагивая глазами в такт чтению данных, внезапно побежавших по сетчатке.

— Сорок девять, брат Кейто, — поправил Крузий, — если «Владыку войны» «Доминатус Викторикс» удастся привести в боевую готовность. Ему тоже не терпится пойти.

— Заводы Антиума готовы принять его, — вступил другой магос. — Фабрикаторы пробуждены и полностью

простимулированы. Учитывая ваши сводки о повреждениях «Доминатус Викрикс», фабрикаторы рассчитывают успеть за восемь дней.

— Риза управилась бы за шесть, брат Толемей, — сказал Кризий, улыбаясь.

Адепт сеньорус пренебрежительно махнул одним из выполненных на заказ стальных манипуляторов:

— Риза есть Риза. Они все делают на день раньше, чем требуется. Ресурсы этой Кузницы более ограничены. Восемь дней.

— Восемь дней вполне удовлетворительно, — ответил Кризий.

— Инвикта сражалась с эльдарами? — спросил Иган. — Я вижу это в выгрузке. Восемь лет в скоплении Бельтран?

— На самом деле семь лет сражений, брат, — поправил Кризий. — Последний год потратили на перевозку. Бельтранская кампания была нелегким выходом. Эльдары производят искусные и быстрые машины. Мы потеряли восемь единиц.

— Я бы с большим удовольствием загрузил себе данные о пережитом вами в той войне, — произнес другой магос, по

имени Талин. — И любая дополнительная информация будет очень кстати.

— Они ваши, — ответил Крузий. — Я выгружу все, что у меня есть, на ваши графты. Когда легион высадится, я отдам указания принцепсам передать все данные с орудийных камер в ваше архивное хранилище.

— Я целиком и полностью удовлетворен, — сказал Талин.

— Полагаю, что мы пришли к заключению, — констатировал Крузий. — Благодарю лордов за терпение. — Он снова поклонился. — Легио Инвикта в распоряжении Ореста.

>

— Но мы нарушаем приказ, — брюзжал фамулюс Зонне, семеня вслед за Крузием.

Они шли под открытым небом по длинной дорожке для процессий, соединяющей аудиториум с посадочным выступом. Ряды вычурно подстриженных

кустов частично затеняли дорожку. Ниже уходили вдаль величественные постройки Ореста Принципал.

— Это ты к чему?

— Макарот будет кипятком писать, так ведь?

Кузий остановился и повернулся к фамулюсу:

— Конечно будет. Дополнение: где ты научился таким выражениям?

Зонне пожал плечами:

— Не знаю...

— Кипятком писать... Очень по-земному. Очень по-имперски. Каково наше правило?

Зонне вздохнул:

— Мы, Механикус, предпочитаем совокупность художественных приемов на канте и системном коде, а не в биологических выражениях.

— И?..

— У Макарота будет сильный выброс ошибочного шунта.

— Уже лучше.

Зонне фыркнул:

— Я думал, подготовка экзекутора

предполагает, что ты должны усваивать и применять биочерты немодифицированных, чтобы лучше понимать имперцев, с которыми ведем дела.

— Так и есть, — подтвердил Кругий, затем нахмурился. — Напоминает кусок из какой-то лекции.

— Одной из ваших. Шесть месяцев назад. Я сархивировал конспекты.

— Молодец.

Они пошли дальше.

— К тому же, — сказал Зонне, — выражение «писать кипятком» имеет определенную экспрессивность.

— Тут ты прав, — признал Кругий. Он взглянул на ученика: Зонне шел шестнадцатый год, и у него практически не было никаких разъемов. — Нелегко, должно быть, отказываться от стандартных усовершенствований?

— Я хочу стать экзекуторомфециалом, — ответил Зонне. — И знаю, чего это требует. На следующий год мне назначена установка амниотики, тонкой гаптики и рецепторов ноосферы.

Крузий улыбнулся:

— Уже? Рудиментарность: как будто только вчера тебя прислали ко мне для специализации, еще немодифицированного мальчишку.

— Я разочаровал вас, сэр? — спросил Зонне.

— Господи, нет, — ответил Крузий. — Продолжай в том же духе еще лет шестьдесят-семьдесят — и я порекомендую тебя на полную биовязку на звание экзекутора.

Зонне выпучил глаза:

— Шестьдесят-семьдесят?..

— Что, — подмигнул Крузий, — уж и пошутить нельзя? Бинарный юмор так приелся.

Зонне рассмеялся.

— Итак, возвращаясь к нашему разговору: да, Макарот будет писать кипятком. Тут мы ничего не можем поделать.

— Потому что Орест — колония Механикус?

— Потому что Орест — колония Механикус и на нее напали. Так что

магистру войны придется смириться с этим.

— За шесть тысяч лет, — сказал Зонне, — легио редко ослушивался эдиктов Империума.

— Перечисли мне даты и обстоятельства.

— Декантация: война на Лохрисе, 412.М35. Магистр войны Галливан отправил Легио Инвикта на Шакропал, чтобы остановить роение летидов. Геархарт отказался, мотивируя это напрасной порчей махин. Через год звезда Шакропала взорвалась, и летидов выжгло без нашего вмешательства. Это последний случай.

Зонне выглядел весьма довольным собой.

— Хорошо, — сказал Кругий. — Но в действительности тридцать восемь лет назад Геархарт отменил приказ магистра войны Хенгиса на Тальфусе-Семь.

— Что, правда? Правда?

— Хенгис был абсолютным безумцем. Нас вынудили в конце концов его уничтожить.

— Я об этом не знал, — сказал Зонне.

— Мы об этом не распространяемся. В архивах эта информация секвестирована. Зонне, что ты делаешь?

— Я инкантирую данные себе в буфер памяти.

— Не надо. Возражающий тон: это секвестировано. Разве я не сказал тебе только что, что это секвестировано? Очисти немедленно свой буфер и декантируй мне запись об очистке памяти.

— Извините.

Кругий моргнул, получив запись в свое ноопространство.

— Так-то лучше. Кстати, когда ты говоришь о нем, можешь хотя бы называть его «лорд Геархарт».

— Извините, — повторил Зонне.

— Ничего. Зонне, наш легио функционирует почти двенадцать тысяч лет. Время от времени мы встречаемся с задачей, которая не оставляет нам выбора.

— Кроме как, например, заставить магистра войны Макарота «писать

кипятком»? — спросил Зонне.

— Именно кроме как, например, заставить магистра войны Макарота «писать кипятком», — согласился Кругзий.

>

Адепт Файст глотнул из прикрепленной к левому запястью трубки, идущей от пакета с питательной жидкостью, вздохнул и вернулся к работе. Пальцы его заплясали в теплом воздухе — тонкая гаптика, пронизывающая эпидермис, запускала и распределяла потоки данных в мире ноосферы у него перед глазами. Файст закрывал изображения, открывал другие, сканировал и складывал, увеличивал, сжимал и улучшал. Работа шла медленно: источники данных были сырыми, если не сказать сильнее.

<Сдвиг на двести восемьдесят, — шептал он ноосфере. — Стоп. Повернуть. Стоп. Увеличить до четырехсот. Стоп.

Детализировать. Еще. Стоп. Улучшить квадрат восемнадцать. Наложить распознавание символов. Запрос совпадений>.

«Совпадений в архивах Ореста не найдено», — ответила ноосфера мягким зеленым свечением бинарного шрифта.

Файст снова вздохнул. Откинулся на спинку кресла и потер глаза. Аналитика опять работала на полную: девятьсот адептов и логисов трудились за своими когитаторами, словно колония общественных насекомых. Днем и ночью на протяжении месяца, с тех пор как началась война, посменные группы просматривали и обрабатывали всевозможные данные, полученные из районов боевых действий, какого бы то ни было качества, охотясь за любым намеком, за любым тактическим преимуществом. Воздух пах холодным металлом, нагретыми катушками и потом — человеческим потом и чудной секрецией адептов, прошедших модификацию жидкостных систем.

В этот вечер их отделом руководил магос Иган. Он бродил между занятыми делом адептами, проверяя каждую находку и странность. Иган поставил их двадцатерых на работу по строчному разложению всех сохранившихся снимков махин Архиврага — в основном съемок с орудийных катер и данных ауспиков целеуказания. Материал был низкого качества, по большей части нечеткий и порой обрывался в самый неподходящий момент.

«Вот что видели люди за секунды до своей смерти, — думал Файст. — Как страшно умирать, глядя на такое».

Целый час он пытался различить внешние детали на пикт-ленте, показывающей голову вражеской махины, приближающейся сквозь клубы дыма.

Ничего не получалось.

<Крузий, экзекутор-фециал Инвикты, лично поручил нам это задание, — объявил Иган на собрании перед сменой. В красной мантии, с тревожно извивающимися механодендритами, он обвел взглядом

группу. Все они были избраны за свое великолепное мастерство обработки. — Мы ищем слабое место, братья и сестры, что-нибудь, что сможет помочь Инвикте, когда она начнет исполнение от нашего имени>.

<Что точно мы должны искать, магос?> — спросил молодой адепт рядом с Файстом.

<Идентификационные отметки. Эмблемы, особенно стертые или замазанные знаки, — прокантировал Иган. — Помните, эти подлые махины когда-то были нашими. Они потеряны для нас, но мы их создали, да простит нас Омниссия. Да, они подверглись изменениям и порче, это очевидно, но если мы сумеем хоть как-то идентифицировать или выделить исходную модель, систему или происхождение, то сможем поднять ранние спецификации, хранящиеся в архивах, и точно определить их характеристики или слабые места>.

<Вопрос: мы сохранили столь древние спецификации, магос?> — спросил Файст, подняв руку.

<Если их не сохранили мы, то можно запросить с Марса, адепт. Механикус никогда и ничего не удаляют>.

Все рассмеялись. На человеческом языке это звучало не очень смешно, но на бинарном канте фраза представляла собой тонкий цифровой каламбур, который поднял всем настроение. Иган старался заставить их оживиться и сосредоточиться.

<Вы устали, адепт>, — прокантировал Иган.

Файст поднял голову и обнаружил магоса за своим плечом.

<Я в порядке, магос, — возразил он. — Просто изучаю это изображение уже час...>

Иган улыбнулся ему:

<Рекомендация: не надорвитесь. Мне не нужно, чтобы вы истощили себя, Файст. Я вижу по вашим записям, что вы загружаетесь через высокоскоростной поток. Кора вашего мозга пострадает. Передохните несколько минут>.

<Я на самом деле в порядке, — повторил Файст. — Благодарю вас за

заботу. Хочу закончить с этим — ради Кузницы, ради всех нас. Просто этот пикт никак не хочет отдавать свои секреты».

Иган наклонился и заглянул через плечо файста так, чтобы принять видимую им часть ноосферы.

«Загружаю. Вы улучшали?»

«Да, магос. Я прогнал его через все самые мощные модификаторы. Это «Разбойник»».

«Да, никаких сомнений. Когда это снято?»

«Четыре дня назад в Гинексе. Данные с орудийной камеры «Стервятника». Видите вот здесь голову? Рядом с шейным сочленением? Здесь определенно были счищены какие-то метки».

«Да, вы правы. Есть что-нибудь в архивах?»

«Никаких совпадений».

Иган выпрямился и мягко похлопал файста по плечу манипулятором нижнего левого механодендрита.

«Ладно, файст. Вы сделали все, что могли. Беритесь за следующий. А то в самом деле прогуляйтесь и остудите

голову. Затем уже беритесь за следующий>.

Файст кивнул:

<Хотел бы я, чтобы данные, которые ты получаем, были почище, магос>.

<Я бы тоже этого хотел>, — согласился Иган.

Файст указал на застывшее изображение:

<Еще две секунды — и запись прерывается помехами. Можно услышать, как человек кричит, словно...>

<Прогуляйтесь. Затем беритесь за следующий>, — снова посоветовал Иган.

Файст остался на месте посмотреть на изображение еще немного. Почему же в архиве не найдено никаких совпадений?

«Механикус никогда и ничего не удаляют».

Кратко, емко. И точно.

Если только...

Файст встал.

— Магос? — позвал он.

Иган, занятый с другим адептом, поднял голову и вернулся.

--- Файст? Что такое?

--- Мы никогда и ничего не удаляем.

--- Да, это верно.

--- А сколько мы секвестируем? --- спросил Файст.

Вернувшись с долгой смены, он нашел ее в спальне, где она укладывала в сумку свои вещи. Несколько мгновений он не мог придумать ни единой причины, зачем это ей могло понадобиться. А затем увидел выражение глаз своей молодой жены.

— Нет, — прошептал он.

— Когда-нибудь это все равно должно было случиться.

— Не может быть.

— Когда-нибудь это все равно должно было случиться, Стеф, — повторила она.

— Когда? — спросил он.

— Сегодня ночью. В полночь. Уведомление на столе, — ответила она, продолжая собирать сумку с таким серьезным видом, будто это было самым главным в ее жизни.

— Не может быть, — повторил

Стефан Замстак.

Уведомление — пластинка с текстом в пакете из фольги — лежало на небольшом пластековом столике в общей комнате, рядом со стопкой немытых чашек и половинкой полбового батона, хранимой до ужина в вощеной бумаге.

Стефан взял уведомление и прочел.

— О Трон! — выдохнул он.

Двойная смена в доках его совершенно вымотала, и по пути домой он хотел только одного — чтобы хватило энергии подогреть немного воды для помывки. А хотеть, оказывается, надо было совсем другого.

Он поднял голову и нашел глазами небольшую вотивную аквилу, висящую в домашнем алтаре. В бутылочке для приношений стоял свежий букетик цветов. Чем бы голова у Калли ни была занята, но поменять их она не забыла. Как и положено. Стефан почувствовал, как же чудовищно его подвела та сила, которую воплощал маленький бронзовый символ.

Замстаки жили на Оресте

восемнадцать месяцев. Оба они выросли в провалах сублья на Кастрии, в пяти месяцах перелета отсюда. Саббатский крестовый поход — кампания, которая, казалось, длилась вечно, — высасывал ресурсы из Кастрии с чудовищной скоростью. Планета превратилась в истощенную клоаку всеобщей преступности, коррупции и мрачного будущего. Для Стефана Замстака оставалось лишь два наиболее вероятных пути в жизни: либо тупая, тяжелая работа в кастрийских арсеналах, производивших снаряды для военных нужд, либо — Гвардия. С тех пор как двадцать четыре года назад начались Войны Саббат, девять с половиной миллионов молодых мужчин и женщин Кастрии отправились на фронт со сборных пунктов Гвардии.

Вместо этого, Стефан в поте лица трудился за расписки товарной пристани, бесплатно надрываясь в кастрийских доках, чтобы получить от своего начальника бумаги. Сдав на шестой разряд, он сразу же подал заявление на

эмиграционный пропуск. Орест — процветающий мир-кузница ближе к системам Саббат — публично объявлял о том, что там требуются сертифицированные грузовые операторы для работы на отгрузке военного снаряжения. Обладателям соответствующих сертификатов Орест с готовностью предлагал подъемные и оплату переезда.

Орест обещал новую жизнь вдали от трущоб Кастрии. Со своими бумагами и стажем Стефан подходил автоматически. Ему нужно было лишь подать заявление на разрешение привезти с собой жену. На Калли, младшего клерка инфостанка, «бронь» от военной службы не распространялась, поэтому пришлось подчиниться нескольким условиям.

Серьезным из них было только одно. Калли Замстак была обязана проводить четыре недели в году на сборах резерва третьей очереди Сил планетарной обороны Ореста.

Некрупная и атлетичная Калли была добровольцем схольных кадетских сил на

Кастрии, так что сборы ничем таким особенно страшным не казались. Ей, в общем-то, нравилось на неделю окунаться в атмосферу товарищества и командной работы в резерве СПО, выполнять упражнения, ходить в автономные походы по Астроблеме, заниматься строевой подготовкой.

— Ты понимаешь, что меня могут призвать, да? — как-то спросила она.

Он пожал плечами:

— Конечно, но с каких это пор дела настолько плохи, что вызовут резерв третьей очереди? Честно?

Стефан бросил пластинку обратно на стол. Она пролетела мимо и упала на пол. Он даже не стал ее поднимать. А ведь это собственными стараниями он завел жену на опасную дорожку.

— Я пойду на работу, — сказал он.

— Что? — спросила она из спальни.

— Я пойду на работу, переговорю с Райнхартом. Может, он сможет помочь.

— Он ничего не сможет сделать.

— Он ведь начальник в порту.

Она высунула голову в дверь:

— Стеф, твой начальник для них никто. Не надо его просить, пожалуйста. Я подписала бумаги. Такие были условия, и я согласилась. Так что заткнись и сделай мужественное лицо.

Он помотал головой:

— Ты — резерв третьей очереди, Калли. Третьей. С каких это пор призывают третью очередь?

— Значит, все очень плохо, — ответила она из спальни.

Он опустился на вытертый диван у стола и пробормотал:

— Не может этого быть.

В крошечной спальне Калли Замстак на секунду перестала собирать сумку. Руки у нее тряслись. Она закрыла глаза и стиснула зубы. Она знала, что Стефан отреагирует таким образом. Калли его любила, но иногда Стефан был сущим ребенком. Не его ведь забирают на войну. Не его посылают черт знает куда. Так почему его руки не обнимают ее? Почему он не шепчет успокаивающе, что все будет

хорошо? Стефан был сильным. Физически. Она видела, как он поднимает ящики с грузом, словно пустые коробки, но там, где дело касалось их отношений, сильной половиной была она.

До прибытия на место сбора у нее оставалось меньше часа. И большую часть времени придется потратить на то, чтобы заставить мужа держать себя в руках.

— Стеф? Все будет хорошо, Стеф! — крикнула Калли.

Дрожь в руках никак не унималась.

Она села на сквозной маглев до Перпендикуляра и Конгресса, потом сделала пересадку на южный, который полз по низким, темным туннелям под Южным Принципалом, словно червяк, прогрызающий нору в земле.

Прощание вышло тяжелым. Стеф старался не плакать, но это у него не очень получалось. Мучительно больно говорить «прощай», если не знаешь, когда вернешься.

Их маленькая квартирка в провале Мейкполь, если честно, была немногим лучше того жилища, что они делили на Кастрии. Но это было только начало, и здесь у них хотя бы имелись перспективы на будущее. Начальник Стефа, Райнхарт, обещал ему повышение, которое принесет им место для жилья получше — в новом микрорайоне Лорик, даже, может быть, четырехкомнатную с разрешением на детей.

Калли бы этого очень хотелось. Может быть, это еще впереди. Будущее вдруг стало таким размытым и непредсказуемым.

Она сошла с маглева в Контрапункте и поднялась по длинной траморной лестнице на продуваемые ветрами наружные улицы. Она так никогда и не призналась Стефану, что ей не очень нравится на Оресте. Он не был похож на нормальный имперский мир. Механикус тут сновали повсюду, а это странный народ. Не из-за аугментики и бросающихся в глаза имплантатов — это все внешняя шелуха. Отношение — вот что.

Совершенно отдельный вид. Словно две расы, живущие под одной крышей — вместе, но порознь.

Подходя к месту сбора, она заметила Голлу Улдану, шагающую в ту же сторону с сумкой на плече.

— Голла! — окликнула ее Калли, догоняя.

— Калли-детка! Дела, мать их, да? — ответила Голла, здоровенная сорокапятилетняя акушерка из внутренних жилых районов Принципала, и пожаловалась: — Я записалась в резерв повеселиться да подцепить себе миленка, а вовсе не для этого!

— Миленка? — переспросила Калли.

Голла пожала плечами:

— А что, я сильно ошиблась?

Обе прыснули.

— А как там твой миленок? — спросила Голла.

— Писал кипятком.

— Мужчины, такие чуткие и внимательные...

— Стеф не такой уж плохой.

— Чем бы ты себя ни тешила, сестренка...

Некоторое время они шли молча.

— Там совсем плохо, да? — подала голос Калли.

— С чего ты взяла?

— Если призвали третью очередь...

Голла кивнула:

— Должно быть, настоящий кошмар. Тут все дело в стратегии.

— Да?

Голла закатила глаза:

— Калли, ну ты наивная! Это дерьмище вот-вот должно было выплеснуться. Кузница Ореста — один из главных миров, снабжающих весь долбаный крестовый поход! Да, мишень — мы! Только я думала, ну знаешь, что магистр войны в своей бесконечной мудрости, может быть, прикроет нас.

— А я слышала, что это махины, — сказала Калли.

— И все остальное, — добавила Голла. — Военная техника, все дела, но есть и хорошие новости.

— Хорошие?

Голла снова кивнула:

— У меня есть друг, у которого есть друг, который знает одного парня в протокольном отделе... В общем, прошел слух, что лорд-губернатор встречался сегодня днем с экзекутором из другого легио.

— Правда?

— Он сказал: Инвикта. Целый легион титанов идет, чтобы спасти наши жирные задницы. Здорово?

— Еще бы не здорово.

Голла улыбнулась:

— К тому же у меня особенно чешется на этих красавцев-модератиков.

— Ты ужасная личность, Голла, — констатировала Калли.

— Лови, — офицер бросил Калли Замстак лазвинтовку МК2-ск.

Она поймала.

— Изучай, привыкай, — сказал офицер.

Вот так все просто.

Четыре сотни резервистов собрали в обшарпанном муниципальном здании, реквизированном для сборов. Интендант

СПО выдавал обмундирование и боеприпасы. Обалдевшие, растерянные мужчины и женщины бродили вокруг с полными охапками снаряжения.

— Простите, — спросила Голла Улдана, — не знаете, надолго нас пошлют? А то я мясо на плите тушиться оставила.

— Пока все не закончится, — ответил офицер. — Они давят нас повсюду. Южные ульи горят. Мы потеряли восемь тысяч СПО за два дня. Как тебе, еще смешно?

— Уже нет.

— О Трон! — прошептала Калли Замстак.

>

Резиденция лорда-губернатора находилась на самой вершине Ореста Принципал, и закат всегда добирался сюда немного позже. Пока огромный улей внизу погружался в сумерки и ночь, солнечный свет все еще цеплялся за верхнюю башню.

Ожидая в вестибюле назначенной

встречи, Этта Северин наблюдала через затемненные окна-бойницы, идущие от пола до потолка, затянувшийся закат. Все было омыто тусклым сиянием табачного цвета. Словно солнце, признавая авторитет лорда-губернатора, задерживало свои лучи ради него как можно дольше.

Этта подошла к окну и прижалась лбом к стеклу, чтобы можно было глянуть вниз. Под ней, в собравшейся ночной тьме, которая еще не добралась сюда, колоссальный улей пропал, если не считать триллионов булавочек света, рассыпанных, словно звезды.

Этту Северин, консульского работника с двадцатилетним стажем, приписанного к Торговой службе Муниторума, было нелегко удивить, но зрелище было действительно впечатляющим. Она напомнила себе, как много времени в жизни потратила, сидя над бумагами и инфопланшетами, ведя светские разговоры с капитанами кораблей и торговыми представителями, обсуждая тарифы и остатки в комнатах

без окон, и как мало — глядя широко открытыми глазами на мир.

Она вздохнула. Не помогало. Принудительное восхищение видом из окна, специально вызванные мысли о том, что качество жизни можно и улучшить, если только немного отвлечься, — были лишь упражнением, некоей умственной игрой, предназначенной для того, чтобы при помощи ближайшего окружения снять стресс. Вид был великолепен, но расслабиться все равно не получилось.

Лорд-губернатор прислал приглашение. И теперь она ждала, когда он соизволит ее принять.

— Мамзель?

Северин не услышала, как вошел сервитор. Она отпрыгнула от окна, чувствуя себя глупо из-за того, что ее поймали с по-ребячески прижатым к стеклу лицом.

— Да?

— Лорд-губернатор ждет вас, — произнес сервитор голосом тихим, словно шорох горящей бумаги. Сделан он был искусно, кожух покрыт золотом, напоминая

пустое лицо ангела. — Лорд-губернатор приносит свои извинения за то, что заставил вас ждать.

Этта милостиво кивнула. Ее терзала страшная мысль, не осталось ли на лбу от прижимания к стеклу красного пятна.

— Сюда, пожалуйста, — произнес сервитор.

Он повел ее из вестибюля в застеленный ковровой дорожкой коридор, мимо нескольких групп губернаторских телохранителей в полной защитной экипировке, через два огромных и шумных зала, где с крайне деловым видом толклись референты и адепты. Работа здесь не утихала. В военное время ведомства лорда-губернатора трудились до поздней ночи, насколько поздно бы она тут ни приходила. Северин заметила среди сотрудников Муниторума, старших членов Экклезиархии и Телепатикус и местной знати несколько высоких чинов из СПО и как минимум трех генералов Имперской Гвардии — все из орестских частей. Они метались везде, просматривая

данные, делясь мудростью, требуя подтверждений и свежей информации. Референты и сервиторы сновали туда-сюда, разнося комлюнике, свежезагруженные планшеты, свернутые карты и подносы с кофеином. Царила атмосфера занятости, неотложности и серьезности. Прекрасные старинные бюсты и бесценные картины, украшающие эти грандиозные залы, глазели на толчею в молчаливом изумлении. Но никому до них не было никакого дела.

Сервитор привел Северин к двойным дверям из темной древесины нала. Створки были вдвое выше, чем следовало бы. У дверей на посту стояли два телохранителя. Она узнала обоих: майора Готча и майора Ташика, подчиняющихся только сеньору Френцу, главе губернаторских телохранителей. Она встречала их на всяких официальных церемониях, где они сопровождали лорда-губернатора. Их физическая мощь ее пугала. Два здоровяка, бывших штурмовика Гвардии, в безупречных малиновых мундирах, черных тиковых

брюках, серебряных кирасах и блестящих клювастых шлемах с кринетом из белых перьев. У Готча по правой щеке, рассекая губы, шел впечатляющий шрам в форме подковы. За плечами у обоих висели хромированные хеллганы. То, что лорд-губернатор поставил двух из своих самых лучших людей стеречь его двери, говорило о многом.

— Ее ждут, — произнес сервитор.

Готч шагнул вперед:

— Я знаю. Добрый вечер, мамзель Северин.

— Добрый вечер, майор. Надеюсь, у вас все хорошо?

— Сыт уже этим по горло. Прошу прощения, мамзель. Таков порядок.

Северин кивнула и протянула свою биометрику, позволив считывающему жезлу «обнюхать» ее.

— Не сделаете ли пируэт?

Она улыбнулась и медленно, робко повернулась кругом, пока Готч водил жезлом вверх-вниз по ее фигуре. По обеим сторонам от дверей на стенах висели тяжелые зеркала, и, поворачиваясь, она

тельком уловила свое отражение. На лбу, слава Трону, никаких красных пятен не было. Она увидела статную женщину сорока восьми лет, одетую в строгое платье и пелерину из серой шерсти, застенчиво поворачивающуюся, пока великан с белой кокардой водит датчиком вдоль ее тела. Рыжие волосы, коротко, по-деловому подстриженные, в зеркале смотрелись неплохо, а деньги, которые она заплатила за недавние омолаживающие процедуры, были потрачены не зря. Ни единого изъяна, ничего не провисает, полные губы, искусно выщипанные брови, глаза, за которые умрет любой мужчина.

Ну, не то чтобы кто-то уже умер, конечно.

— Все в порядке, — сказал Готч, отключив жезл и сунув его в кобуру.

— Вы ждали чего-то другого? — спросила она, отважно рассмеявшись.

Готч улыбнулся в ответ. Улыбка из-за шрама вышла несколько кривой.

— Таков порядок, мамзель. Лишняя осторожность не помешает. Сейчас любой может украсть чье-то лицо.

— Да, я слышала, — откликнулась она.

— За ваше им пришлось бы выложить немало, — добавил он.

Северин промолчала и залилась румянцем. Это флирт или упрек за дорогостоящее омоложение?

Пока она искала, что ответить, майор Ташик нажал кодовую кнопку на стене, и тяжелые двери открылись, гудя электромоторами.

Все еще улыбаясь своей рассеченной улыбкой, Готч с поклоном пригласил ее внутрь.

— Благодарю вас, майор, — ответила она.

Внутренним кабинетом лорду-губернатору служил огромный круглый зал со световыми люками наверху, через которые, словно мед, сочился свет заходящего солнца. У одного края зала, за гигантским столом из позолоченной бронзы, стоял обитый кожей трон с высокой спинкой. Позади него висел официальный портрет Франца Хомулка, первого губернатора Ореста. В углах потолка парили светосферы.

Гололитические стенные панели беззвучно прокручивали потоки данных и новостные выдержки со всех территорий.

Алеутона за столом не было. Он сидел посреди гнезда из кожаных диванов слева от нее, негромко переговариваясь с древним, трясущимся старцем в белоснежных одеждах. Северин узнала старика с первого взгляда: Каспар Луциул, прелат экуменик Министории Ореста. Экклезиархальные служки в длинных платьях предупредительно вытянулись за диванами; наверху парили страж-дроны. Рядом ждала великолепная шагающая карета из красного дерева, похожая на исповедальную будку на паучьих ногах.

— Мамзель Северин, — провозгласил сервитор.

Дроны взвились при звуке его голоса, активируя свое термобарическое оружие. Некоторые надули ангельские щечки и зашипели.

— Отставить, — произнес прелат с легким взмахом пурпурной перчатки.

Серафимы отлетели обратно.

Северин пришла в голову мысль, что колец на пальцах старика многовато.

— Этта, как хорошо, что ты пришла, — произнес, поднимаясь, губернатор Алеутон.

«Как будто у меня был выбор», — подумала она.

— Не смею вас больше задерживать, ваше высокопреосвященство, — обратился Алеутон к прелату. — Благодарю вас за уделенное время и внимание.

Луциул поднялся, его движения сопровождало жужжание скрытой аугментики.

— Всегда приятно поговорить откровенно, Поул, даже в такое время. Экклезиархия безоговорочно на твоей стороне. Я верю всем сердцем, что ты не оставишь Орест в этот трудный час.

Он протянул руку. Лорд-губернатор склонился и запечатлел поцелуй на золотом кольце Творца Варна.

— Император защитит, — произнес прелат.

— Я вверяю себя, как и всегда, Трону Терры, — откликнулся Алеутон.

При помощи служек Луциул с трудом забрался в свою шагающую карету. Серафимы с жужжанием вились сверху. Служка закрыл дверь, и машина пришла в движение, клацая по плиткам пола. Служки окружили карету, один из них принялся размахивать кадилом. Луциул неторопливо направился к выходу из зала, серафимы полетели следом восходящей вереницей, словно ноты на нотном стане. Проходя мимо Северин, прелат остановил карету.

— Мамзель, — произнес он, глядя через плетеную узлами ширму. Его морщинистое лицо напоминало грецкий орех. Этта ощутила сладкий запах елея.

— Ваше преосвященство, — ответила она с поклоном.

— Император с тобой, дитя мое. Я полагаю, у лорда-губернатора есть для тебя работа. Служи ему, как родному отцу.

— Я исполню свой долг, ваше преосвященство, — сказала она.

Ее отец, владелец внутрисистемного торгового флота, увлекался «веселыми

камнями» и не стеснялся пускать в ход кулаки. Так что Северин собиралась послужить лорду-губернатору гораздо лучше, чем своему старику.

За прелатом и его свитой закрылись наловые двери.

— Этта, — позвал лорд-губернатор.

— Милорд.

— Подойди, присядь.

Лорд-губернатор был облачен в тяжелые белые доспехи Гордой гвардии Ореста. Когда он сел, стало видно, как ему неудобно.

— Длинный был день, — признался он. — Я обычно одеваюсь так только для официальных случаев.

— Вы выглядите очень представительно, сэр, — сказала Северин, присаживаясь напротив.

— Спасибо. Правда выгляжу?

— Да, — ответила она. — Достойно и по-королевски.

— Что ж, слава Трону. Если Орест сгинет в огне, я по крайней мере смогу умереть, выглядя достойно и по-

королевски.

Алеутон несколько секунд рассматривал плитки пола, затем поднял взгляд на Северин.

— Прошу меня простить, Этта. Длинный был день. Как ты, наверное, знаешь, мы увязли в этом по самую шею.

— Я посвящена в некоторые детали, сэр, — сказала она. — И знаю, что ситуация в южных улья достигла критического уровня.

— Они громят нас, Этта, — вздохнул он. — На нас обрушилась война, а мы оказались неспособны с ней справиться. Три часа назад я подписал указ о призыве третьей очереди резерва СПО.

— Третьей? О боже!

Алеутон кивнул:

— Дошло уже до этого. Ох, бедняги! Среди них нет ни одного приличного вояки, но я должен исполнять свой долг.

— Как я поняла, Легио Темпестус вступил в бой с врагом, сэр.

Алеутон откинулся назад и вздохнул:

— Восемь дней назад. Их бьют по всем фронтам. Двадцать две махины — все,

что Макарот позволил нам держать для постоянной обороны. У врага сил как минимум всемеро больше. — Он дотянулся и взял стопку бумаг с черной каймой. — Видишь это? Извещения о смерти. Восемь штук. Восемь махин мертвы. О чем тебе это говорит?

— О том, что Механикус Ореста, должно быть, в трауре, — ответила Северин. — И что мы несем унизительные потери. И что магистр войны Макарот оставил нас практически беззащитными ради своей погони за славой.

Алеутон пожал плечами.

— Ты точно не военный советник, Этта? Потому что именно об этом твердят мне мои советники. Двадцать две махины. Этого явно недостаточно для охраны мира-кузницы. Макарот выжал нас до капли и бросил на съедение волкам.

Она улыбнулась и спросила:

— Зачем я здесь, сэр?

Алеутон отбросил бумаги на другой край дивана.

— Сегодня, благодаря Трону, мы заручились военной помощью другого легио

— Инвикты. Он был на пути к саббатскому фронту. У них сорок восемь махин. И они согласились изменить курс, чтобы поддержать наши усилия.

— Слава Трону, — произнесла Северин.

— Это сможет изменить ход войны, — продолжал Алеутон. — Будем надеяться, что сможет. Инвикта приземлится через два дня, если позволят условия.

— Вы не ответили на мой вопрос, сэр. Зачем я здесь?

— Кто самый важный человек на Оресте, Этта? — спросил он.

— Конечно вы, лорд-губернатор. Вы правите этой системой и всем, к ней прилегающим.

Алеутон улыбнулся.

— Хотел бы я, чтобы это было так. Орест — Кузница, Этта. Здесь правят Механикус. Мою власть, собственно — само имперское присутствие — здесь только терпят.

— Механикус служат Трону Терры, — непонимающе сказала Северин.

— Механикус — отдельная раса, — поправил Алеутон. — Они действуют по

собственному разумению, и счастье Империума, что их замыслы совпадают с нашими. С самого начала этой эры мы — два человеческих вида, идущие к общей цели.

Северин медленно прошептала:

— Я понимаю, что у нас есть отличия. Трон знает сколько я потратила времени, пытаясь обсуждать соглашения с магосами. Они очень замкнуты. Но по правде говоря, они так же верны Императору, как и мы. Ведь так, сэр?

Алеутон подал знак ожидающему приказов сервитору:

— Амасек, одну порцию. Этта?

— Спасибо, ничего не нужно, сэр.

Сервитор с важным видом отправился выполнять поручение.

Алеутон подался вперед:

— Марс — совершенно отдельная от Империума организация. Мы действуем сообща, мы зависим от их технологий, но они не имперские подданные. В критический момент... — Он умолк.

— Что, сэр? — спросила она.

Сервитор внес амасек на золотом

подносе. Алеутон пригубил напиток.

— У меня нет никаких сомнений, Этта, что Механикус порвут с нами, бросят нас в тот самый момент, как почувствуют, что идеалы Империума идут вразрез с традициями Марса.

Она откинулась назад. Сервитор нависал над спинкой дивана.

— Не найдется ли у вас немного крепленого вина? — попросила она. — Или сакры?

— У нас есть запасы танитской сакры, мамзель, — ответил сервитор. — Десяти- или двенадцатилетней?

— Двенадцати-, пожалуйста. — Северин смотрела на Алеутона, пока сервитор не ушел. — Все в самом деле так серьезно?

Алеутон кивнул:

— Все это быстро превращается в войну Механикус. Махины против махин. И хотя на кону наш мир и наши жизни, свое спасение мы вверяем в руки магосов. Я чувствую себя беспомощным. Я должен знать, что происходит. И хочу, чтобы ты стала моими глазами и ушами.

— Как? — спросила она.

— Инвикта прислала к нам своего представителя, экзекутора-фециала. Подробности о нем собраны здесь. — Алеутон перебросил Северин инфопластинку. — Крузий. Он вроде нормальный парень. Я хочу, чтобы ты вошла в его штат в качестве назначенного мною наблюдателя. Распоряжения я уже сделал.

Она удивленно распахнула глаза.

— Сэр, но военный советник явно подошел бы больше. Гвардей...

Он помотал головой.

— Я уже думал об этом. Генерал Паске изъявлял желание, но военного советника оттеснят в сторону и ни к чему не подпустят. Ты из Муниторума, торговый представитель. От тебя они ничего скрывать не будут. Ты будешь сопровождать экзекутора в поле и отчитываться напрямую мне. Имперской части Ореста нужно знать, что происходит.

Сервитор вернулся с вином. Северин залпом проглотила напиток и сказала:

— Я сделаю все, что в моих силах.

— Я так и думал. Мне очень жаль, что приходится просить об этом тебя.

— Я сделаю все, что в моих силах, — повторила она, поднимаясь с дивана.

Алеутон тоже встал.

— Спасибо, Этта.

— Император защитит, — ответила она.

— Конечно, но я все равно позаботился о твоей безопасности. Тебя будет сопровождать майор Готч.

— Готч? — переспросила она, улыбаясь. — Великолепно.

>

До рассвета еще оставался час или два, но Эрик Варко сомневался, что за это время появятся добрые вести. Его танки неслись по Проспекторскому шоссе на бешеной скорости, выбрасывая из-под гусениц фонтаны брызг. Они гнали без фар, только по ауспикам. Участки широкой

магистрали — главной связующей дороги между ульем Аргентум и Западной протекцией — были перепаханы бомбардировкой так сильно, что дивизиону иногда приходилось сворачивать на обочину и ехать параллельно дороге по склону насыпи и грязной придорожной канаве, чтобы не терять скорости.

Подпрыгивая на сиденье в турельной башенке, Варко одним глазом следил за детектором угроз, а другим — за тусклым зеленым указателем, мигающим в центре мутного экрана топографического считывателя. Это вместо того, чтобы воспользоваться локатором. Девять дней боев научили бойцов Орестской Гордой шестой бронетанковой не доверять воксу и поисковым сигналам. Враг слушал.

В темной кабине «Покорителя» было страшно жарко. Варко чувствовал запах собственного тела даже сквозь пары топлива и масла. Он не мылся неделю и носил тот же самый комплект обмундирования, что получил одиннадцать дней назад.

— Подъезжаем, шеф, — послышался из

темноты снизу голос водителя.

— Вижу, — откликнулся Варко. — Подать сигнал колонне, только прожектором. Затем останавливаемся. Мотор не глушить.

— Я надеялся отключить силовую установку, чтобы осмотреть ту заклинившую заслонку, — произнес Кодер, технопровидец танка.

— Отставить! — приказал Варко. — С этим придется подождать. Помнишь, что я говорил про ситуации с отключенной силовой установкой?

— Помню, капитан, — с сомнением ответил Кодер.

— Вот и хорошо, — сказал Варко.

Если они заглушат силовую установку «Покорителя», перезапуск может занять целую минуту, а то и больше, не считая задержки на перерисовку электронной карты и умилостивление машинных духов; и если запахнет жареным, этого времени у них не будет. Кодеру это известно. Долбаные Механикус, для них всегда главное — железки.

— Добавление: я беспокоюсь о минимально допустимом уровне топлива, — сказал Кодер.

— Знаю я, знаю, — резко ответил Варко.

— Если мы стоим с работающим двигателем, мы сжигаем топливо, — продолжал технопровидец.

— Сделай одолжение, — попросил Варко, — не разговаривай со мной какое-то время.

По колонне прошел ответный световой сигнал — от верхнего прожектора к верхнему прожектору, — и конвой начал замедляться, гусеницы вспенивали лужи, собравшиеся в разломах дорожного покрытия.

«Покоритель» Варко, «Главная стерва», с урчанием остановился на роккритовой обочине шоссе. Варко откинул верхний люк и выбрался в ночь, которая словно потела дождем.

Он коротко окинул взглядом вытянувшуюся сзади линию бронированных машин, подчиненных его командованию.

Влажный воздух прибивал нефтехимическую вонь выхлопов. Низкое небо было горячего, темно-коричневого цвета; янтарный туман укрывал разбитый ландшафт. Где-то там, в двадцати километрах позади, притаился невидимый улей Аргентум. Улей Аргентум. Город-губка. Кто-то придумал это прозвище несколько дней назад, и теперь все его так называли. Город-губка, потому что он впитал всю ту кару, что иначе обрушилась бы прямо на Орест Принципал. Южные ульи и пригороды лежали в руинах, и Аргентум остался единственной преградой между врагом и сердцем Ореста.

Варко соскользнул по мокрому металлу башни на спонсон и спрыгнул в грязь. Ноги едва держали. «Засиделся я, — подумал Варко. — Сколько часов, сколько дней назад последний раз ходил на своих двоих?»

Он размял ноги, чтобы избавиться от мурашек; обратившись к танку, почтительно осенил себя аквилой,

благодаря машинных духов за неусыпное покровительство, и коснулся небольшого медальона Отниссии, прицепленного к боковой броне на счастье, после чего потрусил по мокрому роккриту к кучке жилпалаток, разбитых у дороги. Рядом с палатками стояли машины: легкие бронетранспортеры, «Химера» и пара красных катков Механикус — высокобортных гусеничных машин с толстой броней.

Он глянул мельком на открытое шоссе. Широкое и пустое, оно было изрыто воронками. Раньше, в лучшие времена, Варко часто патрулировал тут. Привык видеть шоссе при дневном свете, забитое тяжелыми грузовиками, катящими из Проспекции с грузом минеральной руды. А сейчас оно выглядело отчаянно заброшенным.

Варко побежал к палаткам. На плечах ощущались теплые капли дождя, и до него дошло, что он так и остался раздетым по пояс: жетоны прыгают возле горла, а бежать мешают подбитые штаны, высокие шнурованные ботинки и

тяжелый пояс со снаряжением. Возвращаться за курткой и фуражкой уже было некогда.

Часовые в белых доспехах Гордой шагнули к нему, поднимая штыки.

— Варко, командир шестой ОГБ из Аргентума, — назвался он.

— Предъявите вашу биометрику, — потребовал один из часовых.

Варко ткнул пальцем в урчащий, взревывающий двигателем танк за спиной:

— Полагаю, это доказывает, что я тот, за кого себя выдаю, — произнес он.

— Да, сэр, — часовые шагнули в стороны.

Варко вошел в жилпалатку и возвестил:

— Капитан Варко!

— Полковник Габерс, — ответил плотный мужчина в белой полевой форме, тут же подойдя к нему.

Оба осенили себя аквилой и пожали друг другу руки.

— Тяжелый был переход? — спросил Габерс.

— Переход бывает тяжелым, если только позволить ему стать таковым, сэр, — ответил Варко.

Габерс провел его к портативному столику с картами, установленному в центре жилпалатки. С потолка на крюке свисала химлампа, освещая три фигуры, склонившиеся над картами.

— Вам не мешало бы побриться, солдат, — дружелюбно попенял Габерс.

Варко потер колючий подбородок.

— Не мешало бы, сэр. А еще душ, плотный обед, часов двенадцать сна, много амасека и разок живительного, раскованного общения с фигуристой девчонкой. Но думаю, вы не собираетесь мне помочь ни с одним из вышеперечисленного.

Габерс хмыкнул:

— К сожалению, капитан.

Он простер руку, представляя остальных.

— Яэль Хастрик из Тактики.

— Привет, Эрик. Как самочувствие?

— Неплохо, Яэль, — ответил с улыбкой Варко, пожимая руку тактику.

— фон Мас, мой адъютант.

— Капитан Варко, рад знакомству, — отчеканил молодой адъютант, отдавая честь.

— И магос-логис Стравин из Легио Темпестус.

Стравин была высокой, суровой женщиной в красном платье. Левую сторону ее лица закрывала маска гравированной черным бионики. Магос коротко поклонилась Варко и сложила пальцы в знак сцепленных шестерней Культа Омниссии.

— Капитан.

— Магос. Позвольте выразить восхищение тем, как прекрасно делает свою работу ваш легио в этот тяжелый час, — сказал Варко.

Стравин растерялась.

— Мы окружены, капитан, и наши махины несут ужасные потери. Я...

Габерс тревожно откашлялся. Его адъютант и Хастрик неловко зашаркали.

— Прошу прощения, — извинился Варко. — Это сарказм. Я думал, вы поняли.

— А! — сказала Стравин. —

Обрабатываю. Поняла. Сарказм — манера поведения немодифицированных, которую ты, Механикус, находит трудной для распознавания.

Варко пожал плечами:

— Надо вам почаще выходить на улицу.

— На улицу? — переспросила магос.

— Он опять шутит, — вмешался Габерс. — Давайте продолжим.

— Нет, — возразила Стравин. — Я желаю разобраться. Капитан, я распознала враждебность с вашей стороны. Критику Кузницы Механикус.

— Ну вот, — произнес Варко. — Не так уж это трудно, правда?

— Капитан Варко! — рявкнул Габерс. — Хотя я с готовностью принимаю в расчет тяжесть того, через что вам пришлось пройти, сейчас не время и не место для...

— Полагаю, как раз наоборот, полковник, — прервала его Стравин. — Если не сейчас, то когда? Капитан?

Она взглянула на Варко. В рифленой глазнице светился искусственный глаз.

Живой глаз просто не мигал.

— Выскажитесь открыто.

Варко уставился на нее в ответ.

— Я потерял пятнадцать экипажей. Мы идем вслепую, подпрыгивая от любой тени на аустике. Их машины давят нас повсюду. Танки против махин? Не соперники. Не поэтому ли мы полагаемся на Кузницу? Чтобы она защищала нас?

— Конечно, — ответила Стравин.

— Так где Легио Темпестус? Знаменитый, прославленный Легио Темпестус? Где долбаные титаны? Такое ощущение, что мы ведем эту войну одни.

— Теперь я поняла, — произнесла Стравин. — Вы считаете, что Механикус подвели вас?

— Это мягко говоря, — подтвердил Варко.

Стравин кивнула:

— Я разделяю ваш гнев. Механикус действительно подвели вас. Подвели тир-кузницу Орест. Наши ресурсы прискорбно скудны. Легио Темпестус укомплектован лишь символически. Он едва способен противостоять выпущенным против нас

силам противника. Постоянные требования магистра войны истощили наши ресурсы и силы. Кузница Ореста встретила врага ослабленной.

Варко моргнул. Он никогда не думал, что представитель замкнутых и осторожных Механикус будет говорить столь откровенно.

— Кого же тогда винить? — спросил он. — Макарота?

— Можно винить магистра войны за его требования, — ответила Стравин. — Можно винить адепта сеньорус за его решение отправить так много сил Кузницы с планеты. Но обвинять — это свойство немодифицированных, для нас оно — роскошь. Задерживаться на этом вопросе — напрасная трата времени. Мы на войне — и должны сосредоточиться на текущих делах.

— Отлично сказано! — с энтузиазмом воскликнул Габерс.

— Ваша критика отнюдь не неуместна, капитан, — продолжала Стравин. — Не могу сказать того же о вашем сарказме. Он чужд мне. Вы должны

знать, что Легио Темпестус, в неполном составе, как он есть, сражается на передовой с первого дня. Темпестус уже понес потери в пятьдесят три процента состава.

Варко вздохнул. У него было такое ощущение, словно ему на плечи медленно опускается весь вес «Главной стервы».

— Я приношу свои извинения, магос, — сказал он. — Я был бестактен, и мой сарказм непростителен.

— Человек, говорящий правду, не должен чувствовать необходимости просить прощения, — возразила Стравин. Живая часть ее лица вроде бы дружелюбно улыбалась, но нельзя было точно сказать, насколько улыбка искренняя. Гравированная половина никаких эмоций не выражала. — Я не имею права обсуждать подробности, — произнесла магос, — и полагаю, что все вы будете держать это при себе. Но я хочу, чтобы вы знали: скоро прибудет еще один легио — легио, готовый к войне.

Варко кивнул:

— Хвала Трону!

— Трон не имеет к этому никакого

отношения, — опять возразила Стравин.

— Не вернуться ли нам... э-э-э... к картам? — с надеждой поинтересовался Габерс.

— Это будет разумно, — на этот раз согласилась магос.

Они окружили подсвеченную снизу поверхность стола. Стравин протянула руку, указывая на какие-то подробности. Варко со скрытым отвращением заметил, что два пальца на ее руке заменены извивающимися серебряными механодендритами.

— Данные говорят о том, что махина двигается через руины Шалтарского перерабатывающего тут. Она уже уничтожила хранилища руды и жилища рабочих в Иеромихе. «Владыка войны» Легио Темпестус, «Аннигилюс Вентор», преследует ее вдоль этого вектора, надеясь внезапно перехватить тут и добыть чистую победу.

— Где вступаем мы? — спросил Варко.

— Вражеская махина идет быстро, — ответила Стравин. — И похоже, есть

реальная опасность, что она обгонит «Аннигилюс Вентор». Гордой шестой бронетанковой вменяется в задачу войти здесь, через реку, и групповым огнем заставить махину отвернуть. Повернув, она выйдет прямо на нашего «Владыку войны».

— Вы думаете, нам это удастся? — поинтересовался капитан.

— Я знаю, что вы сможете, — заверила магос. — Дополнение: Механикус будут благодарны за любые данные пикт-съемки, какие вы только сможете собрать.

— Зачем?

— Эти махины были когда-то нашими. До Грехопадения они принадлежали нам. Данные пикт-съемки могут помочь нам опознать их и найти слабые места.

Варко кивнул:

— Договорились, леди.

— Благодарю вас, капитан.

Варко вытащил из подсумка планшет и быстро сосканировал данные со стола.

— Император защитит, — произнесла

Стравин.

— Даю вам слово, — откликнулся Варко.

Он отдал честь Габерсу и пожал руки Хастрику и адъютанту. Затем повернулся к Стравин и неуклюже сложил пальцы в знак сцепленных шестерней.

— Правая сверху, — поправила она.

— Прошу прощения, — извинился Варко, меняя руки.

Стравин сотворила знамение с привычной легкостью.

— Сохраняйте жизненные показатели, капитан, — пожелала она.

— Постараюсь изо всех сил, магос, — ответил Варко.

Он выскочил обратно под дождь, взобрался на боковую броню «Главной стервы» и крикнул:

— Заводи!

Усевшись на свое железное сиденье, захлопнул люк и пристегнулся.

— Поехали! Дайте сигнал колонне: походный порядок, следовать за мной.

— Есть, сэр!

Двигатели «Покорителя» взревели, из выхлопных отверстий вылетели струи сизого дыма.

Варко воткнул планшет в бок аусника и переписал данные.

— Есть вектор цели, — сказал он, надевая наушники. — Зарядить фугасный, прицел свободный, ждать моей команды.

— Есть! — одновременно крикнули стрелок и заряжающий.

— Покатили! — скомандовал Варко.

«Покоритель» прыгнул вперед, резко забирая вправо. Колонна ожила и помчалась следом. Варко при помощи верхнего прожектора просигналил короткие инструкции и стал ждать подтверждений.

— Вы кажетесь... повеселевшим, — заметил Кодер.

— Я только что узнал, что мы победим.

— Победим? — переспросил технопровидец.

— Подожди — и увидишь, — ответил Варко.

По броду из секций рухнувшего роккритового моста танки перебрались на топкий противоположный берег реки. Сейчас можно было рискнуть воспользоваться воксом и выяснить, вся ли группа в порядке и на месте.

— Варко — всем единицам, — проговорил капитан в трубку вокса. — Полагаю, фугасные заряжены. Мы загонщики, ясно? Все, что мы должны сделать, — это спугнуть и оттеснить добычу назад. Никакого геройства. Я повторяю, никакого геройства. Только групповой огонь.

Один за другим экипажи передали по воксу подтверждения.

«Покорители» натужно взобрались по склону и перевалили через гребень.

Открывшаяся равнина была залита огнем. Пылали десятки прометиумных скважин, окруженные озерами из горящего топлива. Воздух, освещаемый пожарами и забитый продуктами горения, стал

желтым и практически непрозрачным. Среди огненных волн торчали скелеты разбитых буровых вышек. Ночное небо, полное летящих искр, приобрело цвет старой соломы.

— Держать курс, — приказал Варко.

— Пикт-съемка включена, — доложил Кодер. — Орудийные камеры работают.

— Где ты, скотина? — шептал Варко, глядя на дисплей детектора угроз. Тепловой след от пожаров вокруг сбивал с толку датчики движения. — Гордая шестая, рассредоточиться!

Танки вокруг «Главной стервы» разошлись веером — стволы задраны кверху, целеуказатели ищут добычу. С глухим рокотом машины сползли по склону очередного озерца пылающего топлива. Огонь расступился перед ними, словно театральный занавес.

— Трон Терры! — испуганно воскликнул Варко.

Прямо перед ними на спине лежал титан. Распростертая искалеченная гигантская конструкция горела, словно

покойник на погребальном костре. Из внутренних пустот рвалось бурное пламя. Титан был огромен. Казалось, они приближаются к телу павшего бога. Варко услышал треск и понял, что гусеницы «Главной стервы» давят куски брони, отколотые с корпуса чудовища.

— Он мертв, — раздался в воксе голос кого-то из танкистов.

— Кто-то нас опередил, — протрещал другой.

— Нет-нет, — пробормотал Варко, глядя на дисплей, — это наш. Это один из наших!

Система распознавания определила обломки как «Аннигилюс Вентор».

— Но, сэр... — начал кто-то из командиров танков.

— Тревога! Тревога! — крикнул Варко. — Глядеть в оптику, Трона ради!

Он почувствовал в желудке прилив кислоты. Оптимизм мгновенно угас. В разведданных магоса Стравин зияла серьезная дыра, и Гордая шестая бронетанковая только что заехала в очень плохое место.

Зазвенел детектор угроз.

— Контакт! — оповестил Кодер. — Нас только что подсветили в спектре прицельного луча.

— Откуда? — спросил Варко. Он крутанулся на сиденье и глянул в оптику.

— Аустик не может определить, — ответил Кодер. — Слишком сильный тепловой фон.

— Отлично! Где он? — настойчиво требовал Варко.

Идущий рядом танк, «Виктория», под командованием Гета Ларока, одного из самых давних друзей Варко, неожиданно разлетелся на куски. Варко отшатнулся от окуляров, ослепленный вспышкой. «Главную стерву» тряхнуло, по обшивке застучал град металлических обломков.

— Поворачивай! Поворачивай! — приказал Варко.

Еще один «Покоритель», «Опустошение», разорвало пополам пропоровшей его насквозь очередью турболазера. Кормовая часть танка взлетела в воздух, извергая обломки и части двигателя.

До Варко внезапно донесся отрывистый грохот танковых орудий. Три машины слева, задрав стволы, всаживали в ночь снаряд за снарядом.

— Траверс! Траверс! — заорал стрелок Варко. — Кажется, я его вижу!

— Как можно было не заметить такую долбаную громадину? — простонал заряжающий.

— Отметка восемьдесят один! — откликнулся стрелок. — Он прямо там!

Варко бросил взгляд на ауспик. Тот наконец-то нашел цель. Вражеская махина наступала сквозь огненную бурю, прикрытая тепловой завесой горящих скважин. Она шла, ведя огонь, — на дисплее наручные и бортовые места крепления ее орудий пылали засветкой.

Махина была у них за спиной.

Варко врубил поворотный механизм башни на полную, заставив моторы взвыть. «Главная стерва» развернулась башней назад.

— Огонь!

Главное орудие оглушительно рявкнуло.

— Давай еще!

Орудийный расчет перезарядил орудие. Грянул второй выстрел.

Впустую. Гигантская махина продолжала шагать, сокращая дистанцию. Огромная левая стопа смяла «Покоритель» и отшвырнула сплющенные обломки в сторону.

— Полный вперед! — заорал Варко. «Главная стерва» с грохотом ринулась вперед, и орудийный расчет выпустил третий снаряд. Варко увидел, как тот фейерверком разорвался на покрытой пятнами нагрудной плите наступающего чудовища. Турболазер полыхнул новым потоком света. «Покоритель» «Пыл битвы» взлетел на воздух: турболазер пропорол дорожку дыр в броне, подорвав боезапас. Корпус лопнул, башню сорвало и унесло в ночь, словно брошенную кем-то сковородку. С сокрушающей силой она ударила в бок «Главной стервы». Варко бросило в сторону. Заверещали сигналы тревоги.

— Еще раз! — приказал он.

Стрелок нажал на кнопку выстрела —

и задранный кверху ствол с грохотом выплюнул снаряд. Тот ударил наступающую махину в горло, заставив ее споткнуться и отступить на шаг.

— Еще! — взревел Варко.

Взорвался «Победный марш». Куски металла с визгом разлетелись во все стороны. Два из них ударили по башенным датчикам «Главной стервы», вырубив аусник. Третий, раскаленный добела, пробил броневой щит пушки, перерубил пучок кабелей и выпотрошил заряжающего. Тот с криком рухнул на дно башни, схватившись за развороченный живот. Варко сморгнул забрызгавшую глаза кровь. Всю башню, ее внутреннюю поверхность, залило красным.

Он отстегнул ремни и спрыгнул вниз.

— Кодер! Помоги ему! Я буду заряжать!

Он понимал, что это бесполезно. Заряжающего, корчащегося и вопящего от боли, было уже не спасти. Его внутренности разметало по полу, сквозь разорванный китель торчали обломки ребер.

«Как ты еще жив?» — мелькнула мысль. Варко выхватил новый снаряд из обоймы и вогнал его в казенник.

— Целься! — приказал он стрелку.

Облепленный ошметками плоти и промокший от крови заряжающего, тот замешкался.

— Целься! — заорал Варко.

Но было уже поздно. Махина добралась до них.

Когда пришло время пробудить его, он был уже мертв.

— Как это возможно? — спросил модерати Тарсес.

Всю свою жизнь Тарсес провел в окружении невозможного. Сами махины, сражения, которые они устраивали, ковчеги, что несли их, способ их выгрузки, песнь манифольда — все это величины, лежащие вне уютного мирка обычного человека. Для Тарсеса они были обычным делом. Но смерть — смерть казалась делом невозможным.

Они пришли пробудить его, сломать освященные печати гиберкойки и осторожно вывести его жизненные системы из анабиоза, но нашли его мертвым.

— Как это возможно? — спросил Тарсес. Он помнил четко и ясно, как задавал этот вопрос, — задавал спокойно, как модерати требует провести обычную проверку систем.

— Похоже, что, несмотря на наши усилия, он скончался от ран, — ответил магос органос. — Заявление: мы скорбим о его потере. Легио Инвикта будет скорбеть о его потере.

— Я не понимаю, — твердил Тарсес, — как это возможно? Этого не может быть! Вы держали его в анабиозе с полной реанимацией, под наблюдением и со всем необходимым оборудованием.

— С самым лучшим уходом и постоянным наблюдением на молекулярном уровне, — уточнил магос органос. — К сожалению, как бывает иногда в случае тяжелых травм, мы...

— Дайте мне взглянуть на него, — перебил Тарсес.

Тарсес глянул вниз. Восходящие потоки воздуха трепали полы мантии. В черной пропасти под ногами загорались и

гасли мерцающие огоньки. Одни — мигающие в ряд световые указатели, другие — ходовые огни небольших лоцманских судов, ведущих осторожно опускающийся посадочный модуль. В двух километрах ниже, неторопливо, словно лепестки гигантского цветка, в крыше цилиндрической башни раскрывались люки, выпуская золотистый свет. Будто смотришь в жерло медленно пробуждающегося вулкана.

Тарсес попытался вспомнить название. Антиум, вот как. Это место называется Антиум — огромная база фабрикаторов.

Внизу наступила ночь, и гигантский завод, величиной с приличный город, накрыла тьма. Но это была не настоящая ночь, это была огромная тень от садящегося модуля, который закрыл собой солнце Ореста.

Бури придут позже. Корабль таких размеров не может пройти сквозь атмосферу мира без последствий, неважно, насколько медленно и аккуратно он будет опускаться. Стоя на открытой сетчатой

платформе, закрепленной под брюхом левиафана, Тарсес ощущал запах озона и слышал хлопки и вой возмущений разрываемой атмосферы.

Далеко внизу включились сирены: выходили крановые суда, чтобы начать выгрузку.

Сирены выли тоненько и печально, словно оплакивали кого-то.

Они пришли пробудить его, а он был мертв.

— Как это возможно? — спросил Тарсес.

Гиберкойка была открыта, и оттуда шел сладковатый запах разложения. Сервиторы вычерпывали суспензионное желе, но магос органос приказал им остановиться, чтобы Тарсес мог подойти и заглянуть внутрь.

Тарсес вспомнил, как смотрел на зубы, оскаленные в застывшей гримасе, и глаза, крепко зажмуренные и залитые остатками желе.

— Начинайте экстренную реанимацию, — приказал он,

отворачиваясь.

— Слишком поздно, модерати, — возразил магос органос. Его звали Керхер.

— Начинайте...

— Слишком поздно, — настойчиво повторил магос. — Мы проводили экстренную реанимацию восемь раз и вдобавок подстегивали жизненно важные органы при помощи шунта, имитирующего БМУ. Больше мы сделать ничего не можем.

Керхер. Магоса органос звали Керхер. Тарсес не взял эти данные из ноосферы. Ни одного модерати не модифицировали под интерфейс ноосферы, чтобы не было конфликтов с непосредственным штекерным подключением к манифольду. Модерати входили в экипажи махин, а все члены экипажа подключаются штекерно.

Магос органос назвал свое имя, когда пришел к Тарсесу. Керхер. «Мое имя Керхер, — сказал он. — Я из гибернавтики. Мне нужно поговорить с вами. Я принес ужасную весть».

Выгрузка началась. Крановые суда,

словно летающие острова, словно каркас из металлических ферм, собрались вокруг огромных воющих энергоустановок модуля. Восходящий поток воздуха усилился настолько, что края одеяния захлопали и Тарсес покрепче ухватился за ограждение платформы.

Керхер. Магоса органос звали Керхер. Керхер пришел пробудить его — и обнаружил его мертвым.

— Как это возможно? — спросил модерати Тарсес.

— Резкое ухудшение состояния? — наступал он, сознавая, что повышает голос. — Отказ органов? Но органы ведь наверняка можно пересадить? Я не понимаю, что вы мне говорите! Механикус неподвластны обычной смерти! Как он может быть мертв?

— Он мертв, — настаивал магос органос Керхер.

— Но...

— Не из-за чего-то конкретного. Весь организм. Ранения, которые он получил на Таре, были критическими. Он...

Я был там — в самом пекле, ты, жалкий человечек. Я был рядом с ним, когда он получил эти ранения, выкрикивал приказы, глядел на счетчик заряжающего автомата, следил за аусником, рычал рулевому, чтобы лег на другой галс. Густые джунгли, вражеская махина, рванувшая прочь, словно белый призрак, сквозь туман, и вывернутые с корнем деревья. Как быстры эти эльдарские махины, как быстроноги и легки: словно насмешка над «Виктрикс», насмешка над ее непоколебимой поступью. Мы держались, наши пустотные щиты поглощали все, что танцующий враг извергал в нас. Они были быстрыми, но хрупкими, и нам был нужен всего один точный выстрел, один точный выстрел деструктора. Неотступная «Виктрикс» — медлительная, тяжелая, но могучая убийца по сравнению с эльдарской машиной. Один выстрел. Один точный выстрел.

Мы были в пикосекунде от поражения цели, когда щит лопнул. Сенсори Нарлер закричал со своего места:

— Щит сбит, щит сбит!

Я помню, как он кричал.

Эльдарский луч трепанировал «Виктрикс». Он вскрыл внешнюю обшивку, промежуточную, внутреннюю подкожную, разбрасывая во все стороны раскаленные добела осколки и крупные капли расплавленного металла. Верхние комплексы фронтальной оптики взорвались густым ливнем искр. Нарлер потерял левую руку до локтя. Гилока, фалулюса, разрезало надвое в поясе. Задние переборки кабины лопнули, когда луч прошел насквозь и убил техножреца Солиума в кормовом отсеке. А потом взорвались задние черепные генераторы.

Луч прошел мимо, но взрывом его достало. Осколки и куски металла из затылка хлестнули, словно бритвенно-острый ураган, разбив заднюю часть раки, срезав ведущие штекерные жгуты, центральную магистраль БМУ и выбросив фонтан амниотики.

Через связь с БМУ ударила боль. Настолько сильная, что мне пришлось выдернуть штекеры, чтобы она меня не

убила.

Я закричал:

— Принцепс! Мой принцепс!

— Я был там, — сказал Тарсес магосу органос. — Я был там, на Таре. Я знаю, какие ранения он получил.

— Тогда вы поймете, модерати, — произнес Керхер.

Керхер.

— Я не понимаю, — сказал Тарсес. — Он должен быть жив. Вы держали его в анабиозе с полной реанимацией, под наблюдением и со всем необходимым оборудованием. Долгого сна от Бельтрана должно было хватить.

— Мы думали так же, но ошиблись, — ответил магос органос. — Как будто там, в стазисе, он потерял желание жить. Ушел из жизни, не желая больше чувствовать боль смертного существования.

Магоса органос звали Керхер.

Крановые суда доставили «Доминатус

Виктрикс» в цилиндрическую фабрикационную башню. Клетка из лесов ждала, чтобы обнять и приковать его титаническую фигуру. Когда он опустился, пневматические амортизаторы натужно выдохнули, и сервиторы принялись карабкаться по его корпусу, отсоединяя грузовые тросы.

Тарсес покинул модуль на челноке один. Челнок пристроился за подмигивающим лоцманским катером и устремился вслед за его сигналом в черную бездну, мимо дорожек световых указателей, в недра Антиума.

С ним никто не разговаривал. Орестские магосы, доставявшие инструменты из тележек и вызывавшие ноосферные спецификации, чтобы приступить к ремонту, видели выражение его лица. Тарсес взбирался по лестницам, поднимался в клети вдоль лесов, слыша хлопки и шипение работающих механических инструментов, видя вспышки и призрачный свет уже начавшихся сварочных работ.

Добравшись до верха, он перешел по

выдвинутому переходу к заднему черепному люку.

На мостике было невообразимо холодно. Во время перехода «Виктрикс» путешествовала в пустотном трюме. На всех поверхностях таяла изморозь. Тарсес шагнул внутрь.

Весь его мир был сосредоточен в этом месте, избранном им и предназначенном для него: зал с разноуровневым полом, круговой проход, командные кресла — модерати, рулевого, сенсори, — установленные в подбородке, амниотическое гнездо для принцепса на возвышении позади. Оторванные и перебитые кабели свисали до самого пола. Жесткую обшивку усеивали пятна высохшей крови. На мостик заглядывало фальшивое ночное небо. Тарсес поднял голову. Разорванный металл, пропоротый до внутренней обшивки, отгибался наружу. Повсюду виднелись пробоины: в древней богатой красной кожаной обивке командных кресел, в палубе, в крыше, в пультах. Некоторые экраны расколоты, некоторые разбиты.

Он положил руку на спинку кресла. Оно было холодным на ощупь. Он провел правой рукой по спинке сзади. Все еще больно. Взрывом достало всех. Что его проткнул длинный осколок, Тарсес осознал тогда гораздо позже.

— Модерати, у тебя кровь, — сказал сенсори Нарлер. Это было смешно, потому что сам Нарлер к тому времени сам истекал кровью, прижимая к груди обрубок руки.

— О! — откликнулся модерати Тарсес.

Как вчера.

Холод. Холодный металл и холодная кожа. Холодные осколки стекла хрустят под ногами. Смертельный холод. Бодрствующая «Виктрикс» была такой живой. Сам металл был живым: живое существо, махина, титан.

Перед полетом БМУ перекрыли и погрузили в спячку. Его можно и нужно оживить, но боль останется.

На плитах палубы темнело пятно — здесь Гилок, фамулюс, умер так страшно и так внезапно. Тарсес вгляделся. Отметина была похожа на ржавчину.

Оба они.

Тарсес сел в свое кресло, чувствуя, как хрустят под ним кусочки бронестекла.

Керхер. Магоса органос звали Керхер. Они пришли пробудить его, а он был уже мертв.

— Зейн, — позвал Лау, — ты здесь?

Через задний люк на мостик «Виктрикс» взобрался глава скитариев Легио Инвикта. Разбитое стекло захрустело под тяжелыми сапогами.

— Я здесь, — ответил Тарсес, медленно поднимаясь с кресла. Он глянул через пространство мостика на Лау. — Значит, ты? Не Борман?

Лау кивнул. Массивное бронированное существо, облаченное в агрессивные цвета пехоты, предназначенные угрожать и ужасать. Оружейная рука спокойно опущена вниз.

— Зейн, мне очень жаль, — сказал Лау. Его голос грохотал из аугмиттеров, словно товарный поезд на спуске.

Тарсес вздохнул и поднялся к нему по

ступеням мостика.

— Мне тоже. Я сожалею о своих действиях, конечно. И понимаю, что за ними следует.

Тарсес опустился перед Лау на колени, хрустнув осколками стекла, и запрокинул голову.

— Об одном прошу, Лау: только чтобы быстро.

— Встань, — произнес Лау.

— Что?

— Встань, Зейн.

Тарсес поднялся и поднял глаза на чудовищного скитария.

— Стандартное наказание — смерть, Лау. Я понимаю это. И принимаю. Я надеялся, что Борман окажет любезность прикончить меня, но, видно, он не захотел марать руки. Давай покончим с этим побыстрее. Заряжай свою руку и стреляй.

— Зейн, Зейн, — покачал головой Лау, протянул левую руку — ту, что не была сращена с оружием, — и положил Тарсесу на плечо. — На этот раз ты натворил дел по-настоящему.

— Я знаю.

— Но ты нужен нам: «Виктрикс» должна пойти снова.

Тарсес фыркнул:

— Без принцепса или фамулюса, миропомазанного на его место?

— «Виктрикс» должна пойти снова.

Тарсес покачал головой.

— Скауген мертв, Трон помоги мне, и его ученик убит. Солиум тоже. Нет никого...

— Кузница Ореста обещала предоставить кандидатуру. Мы справимся.

— Значит... «Виктрикс» пойдет под началом другого. Хорошо. Я доволен. Она пойдет без меня.

— Геархарт приказал закрыть глаза на твое преступление, — произнес Лау.

— Что? — переспросил Тарсес.

Лау глянул на него сверху вниз:

— Приказал закрыть глаза. «Виктрикс» нужен ее модерати. Сейчас неподходящее время. Обвинения отложены.

— Я убил его, — сказал Тарсес.

— В момент сильного душевного волнения, — кивнул Лау. — Магос органос...

— Керхер, — подсказал Тарсес.

— Что?

— Магоса органос звали Керхер.

— Я этого не знал, — сказал Лау.

— Не желая? — переспросил Тарсес. — Вы считаете, что принцепс Скауген, мой принцепс, убежал от жизни, словно трус?

— Я этого не говорил, модерати, — ответил Керхер.

— Вы сказали, что в стазисе он потерял желание жить, что он ушел из жизни, не желая больше чувствовать боль смертного существования. Мой начальник Скауген не был трусом! Он бы не сдался вот так!

— Модерати! Я... — магос органос — Керхер, Керхер — подавился словами, когда Тарсес схватил его за горло.

— Ты оскорбил его имя, ты, жалкий ублюдок! — рычал Тарсес, усиливая давление.

— Это было убийство: преступление, караемое смертью, — сказал Лау. — Но обстоятельства позволяют дать

отсрочку, хоть и небольшую. Вот почему здесь я, а не Борман. Легио понимает, что ты потерял голову от горя. Это смягчает наказание.

— Я убил его.

— Да, убил, Зейн.

— Ну так казни меня. Я безжалостно прикончил магоса.

— Да, прикончил.

— Его звали Керхер.

Лау вздохнул.

— «Виктрикс» починят. Ей дадут нового принцепса и нового техножреца. Тебе придется войти в этот экипаж. Ты модерати. Мы не можем себе позволить потерять и тебя тоже. Ты знаешь махину, она знает тебя. Ты должен облегчить новому принцепсу слияние. Никто этого больше не сможет.

— Но я убил человека.

Лау пожал плечами.

— Когда эта война закончится, мы постараемся загладить вину. Наказание может подождать. Борман передал мне, что смертный приговор остается на усмотрение твоего нового принцепса.

— Я так устал, — произнес Тарсес.

— Конечно, устал, — согласился Лау. — Потеря принцепса никому не давалась легко. Он не должен был умереть во сне.

— Он вообще не должен был умереть, — поправил Тарсес.

Но он умер.

Они пришли пробудить его — и нашли его мертвым.

>

— Если мне дозволено будет сказать, тамзель!..

— Что?! — переспросила Северин, прикладывая ладонь к уху. Огромные церемониальные горны на вершинах улья и главного зиккурата Кузницы снова затрубили. Оглушительный рев покатился по улью, перекрывая слова Готча, как крупнотоннажный посадочный модуль над головой перекрывал солнечный свет.

— Если мне дозволено будет сказать, тамзель, зрелище еще то! — повторил

Готч.

— Это так, майор, — согласилась она.

С парапета Заветных садов, рядом с корпусами Муниторума, им были видны внутренние террасы середины улья, улицы и провалы, колокольни и пилоны, штабели и шпили, вся целиком площадь Киодра и Марсово поле, за которым темным утесом возвышался бастион Высокой Кузницы. Его детали скрадывало расстояние и бесцеремонно перекрытый свет. К западу от них вздымалась вершина Ореста Принципала — гора огней, откуда в кои-то веки лучи вечернего солнца ушли раньше.

Огромный посадочный модуль завис менее чем в километре над самыми высокими шпилями улья, вызывая жгучее недоверие своей массой и пренебрежением гравитацией. Из открытых в днище трюмов падали столбы неяркого света, мягкого, как отблеск луны. Крановые суда — огромные, как целые ульевые штабели, но крошечные на фоне корабля-матки — медленно сновали в воздухе, переправляя свой массивный груз на Марсово поле. Они двигались, словно улитки по стеклу

тягуче, будто прилипая к воздуху.

— Как он там висит? — вслух поинтересовался Готч.

— Я притворюсь, что это был риторический вопрос, майор, — откликнулась Северин.

Готч кивнул.

— Вот и хорошо, потому что я не смогла бы на него ответить.

По всему улью, на каждой башне и кампаниле, трезвонили колокола, но не зловеще, как перед войной. Это был ликующий благовест. Прибыл Легио Инвикта.

Казалось, все население огромного улья высыпало на улицы, чтобы увидеть и отпраздновать этот момент. Этта Северин отмечала, как растет толпа внизу, забивая провалы и авеню, террасы акведуков, каждый балкон и подходящее для наблюдения место, восторженно шумя, рукоплеща, размахивая флагами и знаменами: кто — самодельными, сшитыми ради такого случая, кто — почтительно развернутыми старинными

символами имперского и орестского величия.

Народные массы были усеяны вкраплениями красного. Служители Механикус появлялись из своих фабрикаториев в ошеломляющих количествах, смешиваясь с гражданским населением и приветствуя избавление.

— Вон еще один, — заметил Готч, указывая на восточную часть небосвода.

В дымчатой синеве вечернего неба, за границами улья, из-под края огромного посадочного модуля над головой, Северин увидела второй сверхтяжелый корабль в сорока километрах отсюда. Бледный призрак, похожий на вытянутую дневную луну, висел в ожидании своей очереди подойти к улью, как только уйдет первый модуль.

Горны зазвучали снова, вызвав очередной рев наблюдающей толпы, который покатился, меняя высоту звука, с улицы на улицу, через весь улей. Войсковые транспорты, крошечные по сравнению с крановыми судами-трудягами и их громоздким грузом, начали опускаться на

Марсово поле из трюмов модуля.

— Пехота, — произнес Готч.

— Скитарии, — поправила Северин.

— Они самые, — кивнул Готч. — Не похожи на Гвардию, я слыхал. Не простые солдаты. Все напичканы железом и бионикой.

— Ты сам никогда их не видел? — спросила Северин.

Готч пожал плечами.

— Видел пару раз, конечно. Если живешь тут, то поневоле увидишь. На парадах, на церемониях, всякое такое. Но ни послужить, ни повоевать вместе не доводилось.

— Здесь у них будет возможность показать, чего они стоят на самом деле, не так ли, майор? — спросил она.

Он засопел.

— Здесь у каждого будет возможность показать, чего он стоит на самом деле, тамзель.

Северин посмотрела на часы. Он опаздывал, но жаловаться ей было, в общем, не на что. Они договорились о встрече через курьеров, и он вроде бы

согласился безо всяких колебаний, что она приняла за добрый знак. Место встречи — Заветные сады — выбрал он. Она прекрасно понимала почему, и это не из-за зрелища. Экзекутор-фециал решил поиграть в игры с самого начала. Она прокляла про себя бессмертную душу губернатора Алеутона за то, что тот взвалил эту тягостную обязанность на ее плечи.

Северин набрала в грудь воздуха и испробовала один из своих мысленных приемов, чтобы успокоиться, — но безуспешно. Она чувствовала себя неготовой. Потратила два дня, изучая протоколы, архивы и выжимки отчетов, пытаясь добавить что-нибудь к тому, что уже знала о Механикус и их обычаях. Но поняла лишь, как мало знает Империум, если говорить честно. «Механикус — отдельная раса», — сказал Алеутон.

— Без шуток, — прошептала она.

— Мамзель? — спросил Готч.

— Ничего. Неважно. Я просто разговаривала сама с собой.

Все файлы, все данные доказывали, что есть не только те вещи, о которых

она не знала, но и те, о которых она не знала, что она не знала.

— Нет, мамзель, — подтолкнул ее Готч. — Я в смысле... он здесь.

Глотнув от неожиданности воздуха — вдох перешел в неловкий кашель, который с трудом удалось сдержать, — она обернулась.

Экзекутор-фециал приближался к ним через окутанные сумерками лужайки заветных садов. Он был поразительно высок и беспощадно красив, со скулами словно из-под резца скульптора и короткими серебряными волосами. Облаченный в мантию цвета сажи, он шел длинным элегантным шагом танцора, совсем не похожий на служителя. Механикус, совсем не похожий. Выдавал его только изумрудный отсвет в глазах.

Его сопровождал худощавый бритоголовый юноша с невыносимо умными голубыми глазами. Юноша, ростом значительно ниже экзекутора, был также одет в черное. «Его фамулюс. Это, скорее всего, его фамулюс, — подумала Северин. —

Зонне. Фамулюс — это ученик или адепт-стажер».

Экзекутор, заметив ее, улыбнулся. Теплая человеческая улыбка удивила Северин даже больше, чем все остальное.

— Как я выгляжу? — шепнула она уголком рта Готчу, разглаживая на боках свое простое серое платье.

— Как я выгляжу, мамзель? — задал встречный вопрос он.

Удивленная, она перевела взгляд на Готча. Ритуальным доспехам, в которых встретил ее двумя днями ранее, он предпочел боевое облачение. Массивную фигуру обтягивал матово-коричневый облегающий комбинезон с ремнями цвета хаки. Кожаные сапоги и краги туго зашнурованы. Формованный шлем, наподобие кадийского, застегнут под подбородком, в ручищах — матово-черный хеллган.

— Ты выглядишь... впечатляюще, — ответила она.

— Отлично. Вы выглядите еще более впечатляюще, чем я.

Северин опустила веки.

— Благодарю.

Готч кивнул и улыбнулся. Из-за шрама в форме подковы улыбка вышла немного кривой.

— Тогда мы вроде в порядке? — проговорил он.

Северин, вновь обретя уверенность, повернулась к приближающемуся экзекутору. И наскоро оживила в памяти все, что смогла о нем собрать.

Джаред Крузий. Экзекутор-фециал Легио Инвикта. По пути на Саббатский фронт с Бельтранской кампании. Сорок девять боевых махин плюс скитарии. Скитарии; не скатирии. Не забудь, как это произносится, Трона ради. Его фамулюса зовут Зонне. Инвикта — древний легио, весьма уважаемый. Обязанность Крузия — подготавливать почву. Он посол, устроитель. Специализируется на взаимодействии с имперцами. Принцепса максимус Легио Инвикта зовут Геархарт. Сорок девять махин. Произведены на мире-Кузнице Проксим, недалеко от центральных миров Империума. Инвикта —

-- древний легио, весьма уважаемый. Сорок девять махин. Его зовут Джаред Кругий...

-- Мамзель, меня зовут Джаред Кругий. Я приношу свои извинения за опоздание.

Его голос звучал гораздо мягче, чем она представляла.

Плотский голос. Они называют это «плотский голос».

-- Экзекутор, -- ответила Северин, склоняя голову, и уверенно сплела пальцы в знамение шестерни. Однако тут же обнаружила, что экзекутор приветствует ее знамением аквилы.

Улыбка Кругия стала шире.

-- Как в игре. Камень-ножницы-бумага.

Вспыхнув, Северин разняла руки.

-- Я не хотел проявить неуважение, -- извинился Кругий. -- По моему опыту, немногие имперцы могут сложить символ Механикус без вымученной неловкости. Вы, должно быть, практиковались.

-- Да, это так, -- кивнула она.

-- Позвольте выразить вам свою искреннюю благодарность. Мало кто

этим себя утруждает.

— Вам же нет необходимости извиняться за задержку, экзекутор. Я пока любовалась видом.

Кругий поднял взгляд на модуль, заслонивший небо, и проследил за неторопливым спуском последнего кранового судна. На мгновение в его глазах блеснула зелень.

— Могу понять почему. Именно поэтому я выбрал Заветные сады местом нашей встречи.

Она кивнула. Ну да, конечно.

И начала:

— Я Генриетта Северин, консульский работник первого класса, прикомандирована к Торговой службе Муниторума Ореста. Это мой телохранитель, майор...

— Замуаль Готч, Орестская Гордая, на текущий момент — лейб-гвардеец губернатора. — Кругий учтиво приблизился к майору и протянул руку. Готч в ответ пожал ее так осторожно, словно ему дали подержаться за что-то необыкновенное. — Восемь наград за

отвагу, включая Императорскую медаль, — продолжал Крузий. — Я должен как-нибудь услышать эту историю, майор, если вы не против.

— Да, сэр, в любое время, — ответил Готч, отступая на место.

— Это... — начал Крузий, поворачиваясь к своему спутнику.

— Ваш фамулюс, Зонне, — опередила его Северин.

Она кивнула юноше, который ответил полным достоинства поклоном.

— Что ж, — усмехнулся Крузий, — пожалуй, пора закончить игру «у кого больше информации». Потому что, уверяю вас, мамзель, победа будет за мной.

— В самом деле? — спросила Северин, натянуто улыбаясь.

— В самом деле, — кивнул Крузий. — Я должен обращаться к вам «консуляр Северин», но в неофициальной обстановке, если до этого дойдет, я буду называть вас Этта, так как это уменьшительное имя вы предпочитаете. Вы родились в субулье Антиум сорок восемь лет назад, но выглядите, могу вам сказать, максимум

на двадцать пять. Ваш отец был владельцем флота с хартией, действующей внутри окраинных регионов. В семье он проявлял насилие. Умер восемь лет назад от болезни, вызванной пагубным пристрастием. Ваша мать до сих пор живет в Антиуме. Хлорис Ровина Северин. Как ее бедро? Она страдает ревматизмом. Аугментика привела бы ее в порядок.

— Моя мать... чувствует себя хорошо, — произнесла Северин, поджав губы.

— Это прекрасно. Мы пришли к взаимопониманию?

Северин кивнула.

— Мне не очень нравятся ваши манеры, сэр.

Кругий нахмурился.

— Прошу меня простить. Это вышло ненамеренно. Я просто хотел показать широту своих информационных возможностей.

— Тут ты себя превзошел, — пробурчал Готч.

— Веди себя прилично! — прошипела ему Северин.

— Мой наставник бывает иногда слишком прямолинеен, леди, — вмешался Зонне. — Он никого не хотел оскорбить. Мы, Механикус, привыкли загружать персональные данные непосредственно. Вместо... ммм... как это слово, экзекутор?

— Светская беседа, — ответил Крузий.

— Ах да. Я инкантирую термин в свой словарный каталог. Мы непривычны к светской беседе, леди. Вы как-то подключены к ноосфере?

— Нет, — ответила Северин.

— Каким-то образом форматированы для загрузки данных?

— Нет, — ответила Северин более жестко.

Зонне посмотрел на своего учителя:

— Поправка: боюсь, мы с самого начала произвели неправильное впечатление.

Крузий кивнул и обернулся к Северин:

— Этта... могу я называть вас Этта?

— Нет, на хрен, не можешь! — зарычал Готч.

Крузий не обратил на него никакого

внимания.

— Я понимаю, для чего все это затеяно. Лорд-губернатор обеспокоен. Война Механикус, которую ведут Механикус на мире, которым должен править он. Поэтому он прислал вас ко мне наблюдателем от своего имени. Умный выбор: женщина, не из военных.

— Похоже, вы нас раскусили, сэр, — сказала Северин.

— Я одобряю ваше присутствие, — произнес Кругзий, отворачиваясь к крановым судам, ползущим по воздуху.

— Одобряете?

— Мы вместе в этом опасном предприятии: Империум и Механикус. Мы рождены вместе, росли вместе, и Империум — ничто, если мы не будем вместе теперь. Легио Инвикта не держит зла на лорда-губернатора за желание пошпионить за нами. Смотрите! Наблюдайте за нашей работой! Собственно, присылайте больше Этт Северин. Вы отправитесь со мной, и я покажу вам все, Этта. Все! Вы готовы?

Она кивнула.

— Я нахожу вашу позицию неожиданной, Джаред. Могу я называть вас Джаред? — добавила она ехидно.

— Конечно.

Она слегка склонила голову.

— Я знаю, почему вы решили встретиться со мной здесь.

— В самом деле? И почему?

— Заветные сады. Разбиты во втором столетии существования Ореста в память о негласном союзе Кузницы и Империума. Ваш намек понят.

— Мой намек? — переспросил Кругий. — И на что же я намекал?

— Вы хотели напомнить мне, что интересы Империума и Механикус всегда сходятся, особенно во время войны.

Кругий улыбнулся и покачал головой.

— Я просто предложил место с эффектным видом на происходящее. Никакой двусмысленности в выборе не было. Только вид, который оно открывает на улей. Махины так велики, когда смотришь на них вблизи. Я хотел, чтобы вы посмотрели на них с более подходящего расстояния.

— В самом деле?

— Более чем. Смотрите.

Северин повернулась. Вдали, за ульем, титаны становились в ряд на Марсовом поле, куда их спускали крановые суда. Восемь штук. Похоже на небольшой почетный караул, стоящий по стойке смирно, словно солдаты в шеренге, только размеры — не сравнить.

Но они не были людьми. Они были гигантскими конструктами, грубо напоминающими людей.

— Инвикта высаживается, — произнес Крузий. — Не хотите ли взглянуть на них поближе, Этта?

— Хочу, — ответила она.

— Я и не знала, что тебя зовут Замуаль, — шепнула она Готчу, идя к лестнице вслед за Крузием.

— Вы никогда и не спрашивали, — ответил он.

>

Что-то происходило. Снова звонили колокола. В Саду Достойных, под Канцелярией, модерати Цинк выпрямился, сидя на корточках, и бросил свое занятие. Небольшая корзина рядом с ним была полна выполотых с клумбы сорняков.

Сумерки наступили рано, и звонили колокола. На улицах за стенами сада Цинк слышал звуки движущейся толпы, радостные крики, гомон, песни. Горны улья ревели. Над краем стены проплывали развевающиеся флаги.

Сегодня что, праздник? Уже Сретение? Цинк не был уверен и не мог вспомнить. Может быть, кто-нибудь придет и скажет. Они часто так делают, когда у него начинает мутиться в голове.

Он поднялся, негнущийся и шаткий, и понес корзину с сорняками к мусоросжигателю за будкой. Ноги двигались с трудом, плечи мерно ходили из стороны в сторону, словно боевая махина неуклонно шагала к своей цели. Сумерки превратили сад в холодное и мрачное место. Куда делось солнце?

Цинк посмотрел вверх, пытаясь его

найти. Нечто заняло все небо — огромная тень с квадратными дырами, из которых падали столбы божественного света.

Горны улья заревели снова.

Цинк не мог подыскать названия для штуки, занявшей небо, но знал, что уже видел такую раньше. Она заставила его затрепетать, но не внушающим страх видом, а из-за осколков воспоминаний, которые породила в его поврежденной голове.

Из запавших глаз Цинка необъяснимо брызнули слезы. Узловатые руки помимо воли вспомнили старую привычку и сложились в знамение шестерни.

Толпы заполнили Перпендикуляр и прогулочные площади под Конгрессом. Вдоль Бастионов до самой площади Киодра выстроились ликующие миллионные колонны, восторженно провожая процессию прелата экуменика Министории Ореста. Процессия величественно шествовала от Базилики к Марсову полю, чтобы поприветствовать и благословить прибывающего принцепса

Легио Инвикта. Из шагающей кареты толпе помахивал прелат Гаспар Луциул. Его сопровождала свита из тысячи жрецов и двух тысяч экклезиархальных служителей — река из позолоченных ряс, пурпурного бархата, меховых оторочек и серебряных посохов со сверкающими белыми берегами из министерских копейщиков и алебардщиков. Плеяда охранных серафимов скользила над кавалькадой, по такому случаю неся в руках длинные, струящиеся флаги Экклезиархии.

Повсюду, развернутые с балконов жилых домов и вывешенные на фасадах государственных зданий, развевались и колыхались знамена и стяги: аквилы, шестерни, эмблемы Гвардии и Флота, аскетичные символы Муниторума, цветистые вымпелы торговых домов, публичные плакаты, гордо отмечающие различные службы и профессии улья, дворянские гербы, причудливые узоры ремесленных гильдий и торговых ассоциаций, напыщенные символы коллегий и академических сообществ и даже

трачные, вселяющие ужас штандарты ордосов Ореста.

На восемьдесят восьмом уровне коммерции, как в любой другой торговой точке улья сейчас, лавки остались открытыми и вечером, после обычного времени окончания торговли. Перекрестки и переулки, освещенные нафтовыми факелами, были битком набиты гуляками — уже пьяными и только еще жаждущими напиться, захлестнувшими таверны и столовые, покупающими сувениры, безделушки, талисманы, жетоны с религиозными высказываниями, кулоны с гербом Ореста, маленькие оловянные аквилы, значки орестских полков, обереги, подарки на память, камешки на счастье, амулеты на удачу. В «Анатомете» Манфред Цембер едва не хохотал во весь голос, продав двадцать девятого за день игрушечного титана. Он заказал мелкому механику с западного конца коммерции большую партию по своим чертежам: сто штук — рисковое вложение. Если бы игрушки не продались, он никогда бы не

смог расплатиться с механиком, а городские бейлифы забрали бы «Анатометру» и отправили его в долговую тюрьму.

Надо было заказать больше. Двадцать девять игрушек меньше чем за пять часов принесли ему больше, чем он обычно зарабатывал в квартал. Он уже смог полностью расплатиться с механиком, заказать еще пятьдесят игрушек, и в кубышке у него еще остались бы деньги.

— Они просто изумительны, — воскликнул очередной покупатель, прямо как лорд-губернатор деду Цембера шестьдесят лет назад. Как изменились времена. — Можно посмотреть, как он ходит? — попросил покупатель.

— Конечно, сэр, — ответил Цембер, взял «Владыку войны» и повернул ключ у него на спине.

Трррк! Трррк! Трррк!

Он пустил игрушку по прилавку.

Покупатель захлопал.

— Я беру два! — решил он. — Очень искусные штуковины! Вы, наверное, из

Кузницы, сэр?

Цембер поклонился.

— Я лишь скромный игрушечник, сэр, — ответил он. — Вы слишком великодушны, делая мне такой комплимент.

— Значит, два. По одному каждому сыну. Еще пара лет — и они станут достаточно взрослыми, чтобы записаться в резерв третьей очереди.

— Вы наверняка очень гордитесь ими, сэр? — произнес Цембер.

— Это точно. Значит, два. Я решил — два. Вон того синего «Разбойника» и темно-красного «Владыку войны», который вот ходит перед нами.

— Вам завернуть? — спросил Манфред Цембер.

Стефан Замстак закрыл дверь своей маленькой квартирки и запер замок. Слышать шум было невыносимо. Весь Мейкполь гудел от топота и голосов. Улей сошел с ума, и он знал, что галдеж продлится далеко за полночь.

Стефан отработал полторы смены.

Начальник приказал очистить грузовые палубы порта, чтобы освободить место для снаряжения, прибывающего с новым легио. Изматывающая работа: ни поболтать, ни передохнуть, таскайся с одного конца причала на другой, тягай туда-сюда рычаги сипящей гидравлики погрузчика, подбирая и перетаскивая ящики. Свободное пространство скоро будет в большой цене.

Большая часть его товарищей вместе с Гарнетом и Хомульком закончила смену и отправилась в бары и таверны праздновать. Райнхарт одарил каждого серебряным флорином и улыбкой.

— Отлично поработали сегодня! Выпейте за победу за мой счет, парни. Слыхал что-нибудь? — спросил он у Стефана.

— Ничего, — ответил Стефан.

Ничего.

В маленькой квартирке было холодно, но Стефан не хотел зажигать обогреватель. Жилище было таким маленьким, но без нее оно стало просто огромным. Уведомление — пластинка с

сообщением в пакете из фольги — опять находилось на пластековом столике в общей комнате, видимо походя поднятое и положенное на место Калли, рядом со стопкой немытых чашек и половинкой полбового батона, уже голубого от плесени.

Ничего. Она ушла уже несколько дней назад, а он даже не знал ни где она, никогда он увидит ее снова, ни жива ли она вообще. Стефан думал о ней: о ее улыбке, о звуке ее голоса, о переливе ее коротких светлых волос, о запахе ее тела, о вкусе ее губ, о спокойствии ее прикосновений, о маленьком золотом колесике.

Усталый и дрожащий, он опустился на колени перед домашним алтарем, осенил себя знамением двуглавого орла и с почтением поднял глаза на хрупкий бронзовый символ. Букетик цветов в бутылочке завял.

Стефан начал молиться Богу-Императору, прося о спасении, прося дать сил, прося за Калли, где бы она ни была.

Снаружи в коридоре гуляки принялись орать и петь, стучать в двери, мешая ему сосредоточиться на молитве.

Он в ярости вскочил и замолотил кулаками изнутри в запертую дверь:

— Заткнитесь! Заткнитесь, ублюдки! Оставьте меня в покое!

Но из-за громкого шума его никто не услышал.

В Аналитике было почти тихо, слышалось лишь гудение работающих систем и жужжание когитаторов. Несмотря на празднества снаружи и позволение магоса, большинство из девятисот адептов и логисов добровольно остались на своих рабочих местах.

Адепт Файст пометил последний из переданных ему в качестве образцов пикт-блоков как «не поддающийся расшифровке» и сбросил его. Голова гудела, полная картинок, за возможность забыть которые он отдал бы несколько своих высококлассных модификаций.

Манипулятор мягко коснулся его рукава. Файст поднял голову.

— Магос?

Иган улыбался ему, глядя сверху вниз.

— Порицание: что я вам сказал,

адепт? — доброжелательно поинтересовался он.

— Время от времени делать перерыв, магос?

Иган кивнул.

— Согласие. Ваш клубок ноосферы загружен под завязку. Я боюсь за кору вашего мозга, Файст. Прогуляйтесь, если не ради вашего, то хотя бы ради моего спасения. Предложение: почему бы вам не уступить и не позволить другому занять ваше место? Идите на улицу и полюбуйтесь церемонией. Или хотя бы посмотрите ее отсюда.

Файст кивнул.

— Вот и хорошо, — произнес Иган и повернулся, собираясь уйти.

— Магос? — окликнул его Файст.

— Да, Файст?

— Мое предложение рассмотрено, магос?

— Пока нет, Файст. Я выгрузил запрос напрямую адепту сеньорус и экзекутору-фециалу, попросив их дать свои комментарии. В ответ я пока ничего не получил. Вероятно, сейчас они очень

занаты.

Файст усмехнулся:

— Это логичное предположение, магос.

— Даже если они согласятся, адепт, процесс может потребовать времени. Нужно будет получить разрешения и кодовые права. Доступ к секвестированным материалам закрыт не без оснований.

— Конечно.

Иган кивнул, его механодендриты извивались, словно мантия из змей.

— Если мы получим разрешение, я назначу на это вас в качестве руководителя группы. Для вас это будет повышением, полагаю.

— Я рад, магос.

— Вы это заслужили. Шаг на пути к модификации магоса. Ваш усердный труд и проницательность должны быть вознаграждены. А теперь отдохните, пожалуйста. Хотя бы минуту.

Файст повернулся к своему гололиту. Его пальцы затанцевали, гаптически закрывая рабочие досье и сдвигая их на

боковые поля. Он подключился к прямой передаче государственного пикт-канала. На всю его ноосферу распустилось трехмерное изображение: Марсово поле в прямом эфире, возбужденные миллионы, поющие, ликующие. Смена точки обзора: знамена, развевающиеся над рядами имперских гвардейцев. Смена точки обзора: темная шеренга титанов — титанов Легио Инвикта, выстроившихся, словно бронированная стена, слишком высокая для восприятия через ограниченное поле зрения пикта — лишь ноги, похожие на стволы гигантских деревьев; с невидимых для камеры орудийных конечностей свисают военные флаги: обозначения типов, триумфальные знамена, вымпелы с числом побед. Смена точки обзора: прелат экумены — за своей возвышенной механической кафедрой, с распростертыми руками поющий псалом призыва; позади него — хор из тысячи клириков. Смена точки обзора: лорд-губернатор Алеутон, окруженный лейб-гвардейцами с высокими плюмажами, рядом с адептом сеньорус собирается

поприветствовать прибывших.

— Аудио, — произнес Файст.

Хлынули звуки. Оглушительный шум возбужденной толпы, рев горнов Кузницы, колокола, готовые лопнуть от звона, голоса, множество голосов, огромное множество нарастающих голосов.

— Приглушить звук, — произнес Файст и двинул пальцем. Смена точки обзора: ракурс, нацеленный на огромный модуль, затмивший небо. Десантный корабль, шипастый и бронированный, скользнул в фокус изображения на ослепительных струях обратной тяги. — Показать, — приказал Файст.

Корабль сел в центре открытого поля, подрагивая на гидравлических опорах. Церемониальный ковер сбило низовым потоком воздуха, и гвардейцы, пригнув головы, бросились расправлять его обратно. На борту массивного корабля красовалась эмблема Легио Инвикта. Ждущая толпа взорвалась восторженными криками и свистом.

Боковой люк десантного корабля с лязгом распахнулся. Лепестки цветов и

конфетти наполняли воздух, похожие на снежную метель или помехи на плохом пикт-канале.

Неторопливо и величественно, бок о бок, появились амниотические раки лорда Геархарта и первого принцепса Бормана в сопровождении десятков адептов и скитариев. Адепты Легио Инвикта в дамастовых мантиях вели вертикально стоящие раки при помощи механодендритов и жезлов-манипуляторов. Скитарии — напоминание о прошлых, более жестоких временах — угрожающие зверюги, исполосованные рубцами. Их доспехи были созданы ради неприкрытой угрозы. Их гены были селекционированы ради мышечной массы. Мускулистые руки блестели в неровном свете. Тяжелые сапоги глухо топали в унисон. Оружейные конечности одновременно взметнулись вверх, салютуя. Плюмажи из перьев, украшения из слоновой кости, накидки из леопардовых шкур, модифицированные клыки. Скитарии взревели, задрав головы к небу, словно стая хищников. Грозностью и зверским видом они бы могли поспорить

даже с Космическими Волками.

Файст передернул плечами. Скитарии грохнули кулаками в нагрудники и заревели снова. «Варвары, — подумал Файст. — Так непохожие на нас самих. Как мы могли родиться из одного материала? Они словно другой расы».

Очередной рев — настолько оглушительный, что аудио-регуляторы на канале Файста автоматически среагировали и убавили звук.

Файст переключил вид обратно на Геархарта и Бормана. Их амниотические раки скользили вперед на суспензорных опорах, ведомые стайкой адептов. Оба они были обнажены, являя сочетание великолепной плоти и бионики, величественно плывя в своих информационно-жидкостных мирах, словно два бога. Их предплечья и кисти, голени и ступни охватывало густое переплетение штекерных проводов, соединяющихся с внутренней поверхностью раки. Амниотическая жидкость была нежно-розовой от крови. Из глаз и кожи головы змеились магистральные кабели и

имплантаты, извиваясь и подрагивая в вязкой жидкости. Тело Геархарта было бионическим на шестьдесят процентов, Бормана — на сорок два. Файст залюбовался сложностью работы, мастерством, сделавшим из них монстров.

Ибо монстрами они, несомненно, и были.

Обе раки из бронестекла были усеяны амниотическими штекерами, готовыми к работе. Разъемы в головах могучих махин ждали их включения. Ждали мучительно, бездыханно.

Геархарт открыл рот.

— Аудио выше, — приказал Файст.

— Лорд-губернатор Империалис Поул Элик Алеутон, адепт сеньорус Механици Соломан Имануал! — Глубокий голос из аугмиттеров Геархарта напоминал плутонический рокот умирающего солнца. — Легио Инвикта приветствует вас!

Алеутон поклонился и сплел пальцы в знамение Механикус. Имануал также поклонился и осенил себя знамением

аквилы.

Геархарт издал одобрительное ворчание.

— Знайте же теперь, — пророкотал он, — что Легио Инвикта здесь! Знайте же теперь, что Легио Инвикта пойдет по Оресту!

>

На шоссе Фиделис, ведущее из сублья Гинекс на юго-запад, с ржавого неба тек дождь, похожий на слюну. Сублей за спиной походил на масляно-черный скелет из балок и дерриков, шпилей и штабелей. Они все еще шли через прилегающие к сублью районы перерабатывающих предприятий и вспомогательных хранилищ, что окружали Гинекс, запущенные дальние пригороды и заводы-спутники. Слева от шоссе горели обогатительные заводы, наполняя воздух горячим нефтехимическим смрадом, от которого резало глаза и першило в горле. Справа

гигантскими железными ведрами возвышались громоздкие плавильни и горнорудные фабрики. Огонь с очистительных заводов отражался в дождевой воде, заполнившей воронки и дыры в дорожном покрытии. Где-то на юге повалило ветряные дамбы, и из Астроблемы летел песок, засыпая дорогу и занося канавы словно цветным снегом.

Калли Замстак узнала песок, узнала его персиково-розовый оттенок. Ей нравились тренировки резерва СПО там, в Астроблеме. Все эти походы, карты, стрельбы, игры в поиск и обезвреживание. Для нее это было приключением в дикой пустыне разбитой планеты: ставить жилпалатки под огромным куполом ночного неба, учиться ориентироваться по незнакомым звездам, охотиться на песчаных кроликов на ужин, слушать простые истории простых жителей улья, как раз таких, как она сама. Однажды, во время последней вылазки, ее взвод встретил вассальное племя на марше, прямо за первой линией утесов, возникших в результате удара метеорита.

Мобильные проспекторы, ездовые краулеры и барханные тракторы, тянущие за собой прицепы-жилища на больших гусеницах. Следом брели на привязи длинные вереницы грязного домашнего скота. Самодельные знамена, выбеленные солнцем и пылью, выцветшие одежды, изношенные респираторы, превращенные в языческие маски-пугала. Дикари. Для Калли они были самыми чуждыми существами, каких она когда-либо встречала в этих персиково-розовых пустошах под потрясающе синим небом — в стране, которой сама не принадлежала.

Взвод держался настороженно. Мистер Сарош, их сержант-ветеран, объяснил, что это прекрасная возможность повторить на практике процедуры остановки и досмотра. Они приблизились и окликнули неторопливо идущий караван. Мужчины отозвались гортанными криками и попрыгали с остановившихся машин, размахивая лазутчиками и посохами. Мистер Сарош поговорил с их вождями. Напряженный момент ожидания,

затем — гостеприимное приветствие. Ритуальный обмен водой и алкоголем, тосты и рукопожатия — этикет суровой пустыни. Каждый был обязан отпить глоток жгучей самодельной выпивки и поделиться глотком амасека из пайка. Потом начался обмен: имперские монеты — на антрацитовые бусы и полированные ископаемые раковины; форменный противопесчаный платок — на пояс из выделанной кожи; таблетки для обеззараживания воды — на неограненные самоцветы и камни; комплект жилпалатки — на красивый молитвенный воздушный змей.

Они достатривали повозки, отсек за отсеком, стараясь быть вежливыми и ненавязчивыми. В отсеках было темно — экраны против солнца натянуты, занавеси против пыли опущены. В повозках пахло специями, жарой, разогретыми, пыльными телами, но не грязью или болезнями, как боялась Калли. Интерьеры жилищ, освещаемые подвесными промлампами, были изумительно декорированы бронзой, богатыми тканями и потрясающей

резьбой по дереву. Инкрустация и облицовка блестели старинным лаком. Серебряные чайники с длинными носиками в виде лебединых шей булькали на угольных печках, распространяя сладкий и густой аромат. Женщины в длинных одеяниях, укутанные в покрывала так, что видны были лишь глаза, прижимали к груди младенцев, настороженно глядя, как чистые, одетые в одинаковую форму резервисты СПО обходят повозки. С верхних полок и из кладовых под досками пола со смесью страха и любопытства выглядывали дети. «Это мы здесь чужие», – осознала Калли.

К ней подошла женщина, с головы до пять закутанная в пурпурный шелк, в прорезь которого смотрели темно-карие глаза, и заговорила тихим, но настойчивым голосом. Она показывала на серебряную аквилу, которую Калли носила на шее. Стеф купил для нее этот талисман в ночь перед тем, как они отправились с Кастрии на Орест.

Женщина показала Калли золотой

медальон — небольшое замысловатое колесико из темного золота на золотой же цепочке. Более прекрасной вещи Калли никогда не видела.

— Она хочет поменяться, Замстак, — подсказал мистер Сарош. — Всегда меняйся. Не зли их.

Калли замешкалась. Стеф подарил ей эту аквилу — талисман на счастье. Она была уверена, что он пойдет, но...

— В чем задержка, Замстак? — спросил мистер Сарош.

Калли объяснила свое нежелание меняться.

Мистер Сарош посмотрел на золотой медальон, который предлагала женщина.

— Это просто «на счастье» на другом языке, — сказал он Калли.

Она осторожно сняла серебряную аквилу и поменялась. Женщина поспешно, но благодарно обняла ее, а затем навсегда пропала в сумраке отсека.

С тех пор Калли носила на шее золотое колесико.

Когда она вернулась домой, обратно в маленькую квартирку в Мейкполе, Стеф

не возражал.

— Почти чистое золото. И стоит малость побольше, чем тот двуглавый орел, что я тебе подарил, — восхитился он.

Ее выкладка, скатка постели и ботинки были полны персиково-розового песка и его едкого графитового запаха — наследие Астроблемы, напоминание о ее приключениях.

И вот, идя по изрезанному шоссе, Калли снова встретила этот песок, уныло струящийся из окружающей тьмы. Она ощутила во влажном воздухе тот же едкий графитовый запах и почувствовала, как воспоминания о счастливых днях больно колотят изнутри, словно лазерные выстрелы. Все те приключения — те безобидные приключения тогда, в рядах резерва СПО, — означали веселье, учения, чувство товарищества и каждый раз — возвращение после недельного отсутствия домой, к Стефу, в маленькую квартирку в Мейкполе. Он тогда готовил ужин, медленно и устало — после смены. Обнял ее своими большими руками, поцеловал и

хрипло шепнул: «С возвращением».

— Чем это пахнет? — спросил он.

— Да просто пыль. Пропитала всю одежду. Везде пролезает.

— Хорошо пахнет. По-настоящему.

Приключения. Сейчас даже упоминание о них казалось смехотворным. Настоящее приключение было здесь, все остальное — лишь репетиция. Так она и сказала Голле. Та рассмеялась:

— Калли-детка, это и не было приключением. Просто учения резерва третьей очереди в Астроблеме.

— Но...

— Послушай Голлу, сестренка. Когда случаются приключения, настоящие приключения, это никогда не бывает весело.

Их отправили из Принципала в Гинекс — Мобилизованную двадцать шестую: четыре взвода под командованием мастер-сержанта по имени Чайн. Его Калли прежде не встречала. Мистера Сароша понизили до командира взвода. Легкая пехота — ни тяжелого вооружения, ни артиллерии, если не считать одной-

единственной автопушки, которую тащил расчет из третьего взвода. Знакомых лиц было немного: Голла, конечно; Биндерман, похожий на птицу учитель из схолы, — он был с ними, когда они встретили то племя; крутая баба из Лазаря по имени Рейсс; Иоган Фарик; франц Альфред Кох, косоглазый и упорно требующий, чтобы его нелепое имя всегда произносили полностью; Бон Иконис; Герхарт Пельцер; богатенькая девочка из Верхограда, чье имя Калли никак не могла вспомнить — Дженни, Джейни, что ли? — Кирил Антик, которому нравилось изображать из себя шута; Ларс Вульк, здоровенный бугай с Бастионов, который все пытался убедить остальных, что он — «дурная кувалда», хотя на самом деле был младшим работником в булочной; Кевн Шардин, портной; Озрик Малдин, идиот с Конгресса, который так катастрофически облажался с установкой жилпалатки на их первых учениях в Астроблеме, что стал всеобщим посмешищем, и несколько других.

Остальные были незнакомыми, но все

они оказались в этом вместе с ней.

— Привал окончен! — крикнул мастер-сержант Чайн. — Давайте, давайте! Подтягивайтесь!

Калли в это время незаметно ускользнула в дождевую канаву пописать. Она услышала крик мастер-сержанта, сидя на корточках со спущенными штанами на дне канавы, и изо всех сил постаралась быстрее опорожнить мочевой пузырь.

— Давайте! Давайте!

— Ты что там делаешь внизу? — позвала Голла. — Калли-детка?

— Писаю! — крикнула в ответ Калли. — Прикрой меня!

— Писаю! — захихикал Кирил Антик, словно услышал остроумную шутку.

— Равнение на середину, Двадцать шестая! — донесся крик мастер-сержанта Чайна.

Всё, всё. Калли натянула штаны, застегнула ремень и начала карабкаться по склону, тщетно пытаясь уцепиться за розовый песок. Так легко соскользнув в канаву, Калли и не представляла себе, как

трудно будет выбраться наверх. Начиная паниковать, она принялась трамбовать руками осыпающийся песок. В нос ударил едкий графитовый запах, песок забился под ногти.

Черт. О черт!

Метр по склону вверх — и обратно вниз. Снова метр вверх, и снова вниз.

О черт!

— Двадцать шестая, провести перекличку! — скомандовал Чайн.

Один за другим резервисты начали откликаться.

«Я застряла! Я застряла здесь, внизу! Помогите, я застряла в дождевой канаве!» — хотелось закричать Калли. Но как это будет выглядеть? И чем это закончится? Офицеры СПО обладали комиссарскими полномочиями. Чайн, убогая скотина, точно прострелит ей башку.

— Где Замстак? — крикнул Чайн. — Куда она делась?

Тишина. Калли снова попыталась выкарабкаться, но съехала обратно, туда, откуда начала.

Послышался отклик Голлы:

— Сэр, рядовая Замстак отошла облегчиться, сэр!

— Что? — донесся вопрос мастер-сержанта.

— Сэр, облегчиться, сэр!

— Отлить, что ли?

— Так точно, сэр!

Раздался смешок Антика.

— Хватить ржать, весельчак! — рявкнул мастер-сержант.

— Сэр, виноват, мастер-сержант, сэр!

Пауза.

— Мобилизованная двадцать шестая, вы просто кучка идиотов, — послышался недовольный голос Чайна. — Вы не имеете понятия даже о порядке, не говоря уж о правилах.

Тридцать девять голосов ответили:

— Виноват, мастер-сержант!

— Найти рядовую Замстак и привести ее ко мне, — приказал Чайн. — И меня не интересует, закончила она мочиться или нет! Привести ее ко мне немедленно! Я, на хрен, покажу вам, что значит дисциплина!

— Мастер-сержант, прошу вас, —

раздался голос.

Сарош. Это мистер Сарош.

— Что такое, Сарош?

— Это не опытные солдаты, мастер-сержант. Это резерв СПО третьей очереди. Они стараются, как могут. Дайте им немного времени научиться. Если молодой девушке, такой как Калли Замстак, нужно облегчиться, лучше ей это позволить, а не наказывать. Эти люди не жалеют своих жизней, чтобы защитить улей, но они не из Гвардии, как вы. Вы должны дать им некоторое время научиться.

Долгое молчание, прерываемое лишь шумом ветра и ревом далеких горнов Гинекса.

— Ты закончил, Сарош? — спросил Чайн.

— Так точно, мастер-сержант.

Раздался хлесткий звук удара — тозолистой ладонью по лицу.

— Какого хрена, Сарош, ты смеешь указывать мне, как руководить отрядом?

— Виноват, мастер-сержант.

Калли попыталась забраться наверх

ползком — так точно получится — но нет, не получилось.

— Я скажу вам, дебилы, что я собираюсь сделать, — начал Чайн. — Я собираюсь...

Раздался хлесткий звук удара — словно мозолистой ладонью по лицу. Только на этот удар не остановился. Он прошел сквозь жир, плоть, кости, зубы. Кто-то завопил.

Воздух над шоссе внезапно наполнился визгом лазерных выстрелов. Калли свалилась обратно в канаву и инстинктивно свернулась в клубок.

Она слышала, как выстрелы раз за разом пробивают кого-то насквозь, и каждый раз вздрагивала и скулила. Попадания лазера в тело издавали звуки, пугающе не похожие на попадания в асфальт или роккрит. Звуки влажных шлепков, звуки разлетающихся брызг, звуки шипящего мяса. Мобилизованная двадцать шестая орала. Одни вопили в панике, но большинство исходили криком боли. Боли и смерти.

Сжавшись на дне канавы, обхватив

головy рyками, Калли слышала и другие звyки: пневматический цокот бронированных ног и маниакальный треск бинарного кода из механических ртов — безyмный и частый, словно кyдахчyщий смех.

Небо над канавой вспыхнyло яростным лазерным огнем. Сверхy полетел песок, брызги и комья грязи. Рядом с ней в канавy сыпались тела — кто ползком, кто кyвырком. Некоторые падали прямо на нее. Калли yвидела Голлy Улданy, Биндермана, беспорядочно загребающего тощими ногами, крyтyю бабy из Лазаря по имени Рейсс.

Никакого порядка, только тельтешение трясyщихся конечностей и плачyщие вопли. Люди падали, натыкались дрyг на дрyга, пытаясь бежать в противоположные стороны. Биндерман едва поднялся на ноги, как сверхy скатился Ларс Вyльк и сбил его обратно на землю.

— Тyда! Бегом! Тyда! — yслышала Калли крик Сароша и yвидела, как тот съезжает к ним по склонy. Его лицо и

перед куртки были мокрыми от крови. Он показывал куда-то вдоль канавы. — Туда! На ноги — и бегом со всей мочи!

Сначала ползком, потом с трудом поднимаясь, потом бегом, пригнув головы, — они помчались туда, куда указал мистер Сарош, — куда бы ни вела эта канава, лишь бы подальше отсюда.

Калли Замстак бежала. К своему стыду, она бежала, словно испуганный ребенок. Розовый песок набился в глаза, в рот; на языке — едкий привкус.

Кто-то впереди нее, кто-то сзади — бежали все. Ни строя, ни дисциплины — только безумное бегство. Она потеряла из виду Голлу. Сзади продолжали стрелять; частые очереди лазерных установок врага — каждый выстрел словно щелчок кнута, и время от времени — ответный треск стрелкового оружия СПО.

Через полкилометра канава обмелела, и они рванули вразнобой по открытой пустоши, поросшей пучками террасника и соломянки, прочь от шоссе, к руинам взорванного обогатительного

комплекса. Пустошь была усыпана кусками металлического лома, и несколько человек упали, споткнувшись кто об отрезок разбитой трубы, кто о кусок покрытия, невидимый под стеблями соломянки.

Калли достигла крайних строений комплекса, похожих на лес из покореженных труб и обугленных остовов. Индустриальные скелеты, отмечающие, где находились отдельные здания и подстанции, — дома-призраки, строения-зомби. Металл тех каркасов, что еще стояли, побелел от сгоревших химикатов и теперь шелушился, словно перхоть. В воздухе висел странный, сухой запах, как будто кипятили отбеливатель.

Она заметила впереди толстую железную трубу, словно спиленное дерево, торчащую из подземного трубопровода, подбежала и спряталась за ней. Ноги дрожали; она была на грани гипервентиляции. Слышался стук барабана — оказалось, это стучит ее собственное сердце.

Стало очень тихо. Время от времени тишину нарушал кто-то бегущий мимо —

подальше в развалины. Калли подняла голову и открыла глаза.

В руках она все еще сжимала свое оружие — лазвинтовку МК2-ск: укороченная форма, булл-пап, батарея тип-3 позади рукоятки, интегральный прицел, крепления для штыка и гранатомета. «Вот так, правильно, сконцентрируйся на чем-нибудь знакомом». Очень медленно — руки тряслись неимоверно — она сунула палец за рукоятку и переключила оружие в боевой режим. На боковой накладке загорелся зеленый огонек.

Затем — и только затем — она огляделась.

Из ее укрытия было видно всю пустошь до самой дороги. Шоссе Фиделис уходило на северо-восток — широкое, покрытое выбоинами и пустое. Небо было похоже на горящие угли. Сквозь дымку и рваную пелену дождя вдали смутно вырисовывался субулей Гинекс.

Где-то в полукилометре от нее, на дороге, где отдыхала Мобилизованная двадцать шестая, и где Калли сошла с

шоссе в канаву, чтобы облегчиться, что-то горело: небольшие костры, разбросанные по дороге, яркое пламя и клубы черного дыма. Она подняла оружие, чтобы взглянуть через интегральный прицел. Руки все еще тряслись. Потребовалась минута, чтобы собраться.

Изображение поплыло, размытое, — затем четкое. Потрескивающее пламя. Калли двинула увеличение. Изображение поплыло — снова четкое. Кострами были горящие тела. Почерневшие, жутко скрюченные, пугающе уменьшившиеся, десятки человеческих трупов валялись на дороге и горели. Калли сдержала всхлип. Ни одного из них невозможно было узнать. Части экипировки, шлемы, выпавшее оружие, подсумки жалостливо раскиданы по простреленному роккриту.

Ни единого следа того, что перебило их, вообще ни единого следа того, что заставило ее бежать в ужасе, словно ребенка.

Она опустила прицел, но, заметив движение, тут же снова вскинула оружие. Изображение поплыло. Что она только что

видела? Что-то двигалось, что-то...

И тут появились убийцы. Их скрывал отвратительный дым горящих трупов. Убийцы снова двинулись, направляясь к ее позиции. Было это простым совпадением или их сенсоры засекли убегающие остатки Двадцать шестой?

Их было шестеро. Калли с трудом удерживала их в фокусе — и с таким же трудом удерживала себя от паники. Без сомнения, это были, как назвал их инструктор СПО на сборном пункте, «сервиторы, используемые в военных целях». «Похожи на тяжеловооруженных жуков», — невольно воскликнула тогда Голла. «Таракатанки!» — сострил Кирил Антик, работая на публику и надеясь прослыть взводным шутником. Никто не засмеялся.

Штуки в фокусе прицела Калли не слишком походили на гололитические образцы, которые показывал инструктор. Его пикты изображали результат соединения собранных данных и впечатлений Тактики в виде нелепых шагающих платформ, увенчанных

оружейными установками, которые, казалось, вот-вот перевесят тело. Легкая мишень для плоских шуток Антика.

А эти штуки были кошмарами. Массивные, обтекаемые, сидящие на четырех насекомьих ногах. Металлические конечности подпирали тяжелый, блестящий абдомен, одетый в панцирную броню. Вертикально расположенный торс нес по два спаренных орудийных контейнера вместо рук — отвратительная геометрия ишиопага. У них были лица — головы с лицами, поднятые высоко, гордо и вызывающе. Лица представляли собой злобные маски из золота и серебра — застывшие на них улыбки настолько пугали, что Калли бросило в дрожь. Куски рваных цепей и колючей проволоки украшали темно-красные обтекатели, словно триумфальные гирлянды. С шасси свисали ожерелья из белых и бежевых бусин. Калли приблизила изображение — и судорожно втянула воздух. Бусинами служили человеческие черепа и фрагменты костей. Когда боевые сервиторы — таракатанки! —

или, отвратительные подвески раскачивались. Насекомьи ноги высокомерно вышагивали по дороге, не обращая внимания на горящие трупы, иногда наступая на них или отшвыривая. Трупы откатывались, разбрасывая клубы искр.

На телах приближающихся таракатанков были какие-то знаки или инсигнии. Калли навела прицел на один из них и...

Ее вырвало сильно — струей. Безудержные рвотные спазмы и приступы не прекращались, пока она не упала на четвереньки, задыхаясь, с опустошенным желудком, горящей глоткой и мокрыми от слюны губами.

Калли Замстак издала стон. Сплюнула, вытерла рот, снова сплюнула и поднялась. Руки дрожали. Она едва держала оружие.

— Голла! — осторожно позвала она. — Голла!

Голла Улдана нашлась неподалеку, за лесом из шелушащихся труб. Рядом с ней

сжались Бон Иконис, Кирил Антик, Ларс Вульк — здоровенный бугай с Бастионов — и несколько остальных, все изумченные и потрясенные.

— Они мертвы. Они все мертвы! — скулил Антик.

Голла посмотрела на него с презрением и процедила:

— Заткнись, сучонок.

Она повернулась и увидела Калли, бредущую мимо зданий-зомби обогатительного завода к сжавшейся кучке уцелевших.

— Калли-детка! Ты в порядке?

Калли кивнула, прекрасно зная, что перед куртки у нее заляпан рвотой, а изо рта несет кислятиной.

— Нужно уходить, — сказала она Голле.

— Но они все мертвы! — запричитал Антик. — Мастер-сержант! Фарик! Долбаный косоглазый Кох! Пельцер! Шардин! Я видел, как он упал! У него голова прямо лопнула, Трон сохрани! Прямо лопнула! Идиот Малдин тоже! Бум! Вот так! Бум!

— Антик, прошу: заткнись, — сказала Калли.

У нее за спиной, почти заглушенные шумом ветра, заревели горны субульев Гинекс.

— Нам в самом деле нужно уходить, — сказала Калли. — За нами идут бое... таракатанки.

Антик против воли прыснул.

— Я иду с ней, — сказала крутая баба из Лазаря по имени Рейсс, вставая.

— Замстак знает, что делает, — подтвердил Биндерман, поднимаясь на ноги.

— Не знаю я, правда, — возразила Калли. — Я только знаю, что нам нужно уходить. Давайте вставайте. Уходим.

— Тебя кто главной назначил? — спросила богатенькая девочка из Верхограда.

— Никто, — ответила Калли. — Как тебя зовут?

Богатенькая девочка запнулась.

— Дженни Вирмак.

— Нужно уходить, Дженни, — терпеливо повторила ей Калли. — Здесь

оставаться нельзя. Таракатанки идут. Нам нужно найти укрытие.

Выжившие поднялись на ноги и потянулись вслед за Калли через обгорелые развалины завода.

— Кто-нибудь видел мистера Сароша? — окликнула она через плечо остальных.

— Ну я его видела. Обе его половины, — ответила Дженни Вирмак. — Могу я теперь пойти домой?

Поход начался. Исполнению К494103 дан старт. Модерати Тарсес смотрел новости через инфоканал Ореста Принципал. Сегодня все каналы транслировали одно и то же. В полдень третьего дня после выгрузки на поверхность Легио Инвикта официально запустил свои силовые установки.

На улицы высыпали огромные радостные толпы — поглядеть, как Геархарт, Борман и еще восемь прославленных принцепсов соединятся со своими махинами. Орудийных сервиторов уже установили на места и освятили одного за другим, вызывая перекаты изумленного говора среди собравшихся. В полдень инфоканал показал головокружительный сюжет о том, как опускают на место амниотические раки.

Техножрецы церемонно соединяли контакты БМУ, сервиторы накрепко завинчивали крепежные болты, а литургические хоры пели гимны возложения и благословения.

Когда раздался рокот первого запуска двигателей, толпа взревела в ответ. Из газообменников под лопатками гигантских махин хлынули струи выхлопных газов, похожие на удушливый токсичный выдох.

Геархарт Красная Фурия всегда был склонен к театральности. Тарсесу это в нем нравилось. «Владыка войны» Геархарта, «Инвиктус Антагонистес», двинулся первым. Едва он сделал шаг, людские массы снова взревели. Геархарт приказал рулевому «Инвиктуса» пройти пять шагов, затем остановиться и склонить голову махины в коротком неуклюжем поклоне.

Толпа взвыла от восторга.

Машина Бормана, «Дивинитус Монструм», шагнула вслед за «Инвиктусом». Затем остальные махины одна за другой покинули строй и тяжело

зашагали по Марсову полю. Молитвы — и голосовые, и цифровые — наполнили воздух. Инфоканал, который смотрел Тарсес, показывал их бегущим текстом.

Орудийные конечности пошли вверх и зафиксировались. Тарсес заметил под тяжелыми бровями махин мерцание и вспышки пробного включения лучей ауспика и целеуказателя. Титаны неторопливо зашагали строем к Великим Южным воротам.

Возглавляла процессию трехкилометровая колонна бронетанкового эскорта скитариев: танки, вооруженные вездеходы и передвижные орудийные платформы «Гидр». «Стервятники» и выше над ними — «Громы» проносились над колонной, словно плотные стаи перелетных птиц.

За Южными воротами, где толпы точно так же заполонили обе стороны шоссе, войска скитариев разделились, образовав в своих рядах проход. «Псы войны» — «Люпус Люкс» и «Предок Морбиуса» — скачками побежали впереди больших,

терно шагающих «Владык войны».

Тарсес просмотрел эту часть передачи несколько раз, перематывая и снова пуская пиктер. На заре своей карьеры, еще до произведения в модерати, он был рулевым «Пса войны» и до сих пор скучал по агрессивной скорости и проворности этих небольших разведывательных махин. Сгорбленные, с ногами, сгибающимися в обратную сторону, «Псы войны» бежали, похожие на бескрылых птиц или на хищных ящеров, вынюхивающих по земле кровавый след, двигаясь гораздо быстрее любых машин подобного размера и назначения.

Принцепсы, командующие обоими «Псами войны», были его близкими друзьями: Лейден Кругмал — командир «Люпус Люкс» и Макс Орфулс — принцепс «Предка Морбиуса». Они сидели, соединенные штекерами со своими креслами: только «Владыкам войны» требовалось полное амниотическое подключение — наследие темных времен. Тарсес завидовал друзьям — они уже ушли вперед стаи, уже отправились в места

охоты, благословленные даром скорости. Тарсес не забыл, каково это — сидеть в кокпите «Пса войны», глядя в манифольд, пока махина идет самым полным ходом. Тело отчетливо вспомнило те ощущения: стремительный, потрясающий «думп!» каждого шага, повторяющийся лязгающий «вш-ш-ш!» массивной гидравлики, быстрый бег сканирующего луча по дисплею аусника. Воспоминания прокатились волной, коснувшись всех чувств: быстрая, проворная, мускулистая махина.

Во время последней периодической инспекции Борман намекнул, что Тарсес будет назначен на принцептуру «Пса войны», как только появится вакансия.

— Благодарю вас, сэр, — сказал тогда Тарсес. — Я буду счастлив.

Теперь надеяться было особо не на что. Только не после Керхера. Не будет уже никогда «принцепса Тарсеса».

Облаченный в красную мантию, ушедший в себя Тарсес отдался рутинному биологическому обследованию в медицинском центре Антиума. И, проходя

проверки, раздетый догола, продолжал вполглаза следить за передачей по своему пиктеру.

— Что-то интересное, модерати? — спросил один из магосов, занимаясь его кровью.

— Инвикта идет, — ответил Тарсес.

— Хвала Омниссии!

Персонал органос относился к нему с опаской. Тарсес едва не забыл почему.

«Они знают, что я сделал, — напомнил он себе. — Они знают, что в гневе я задушил магоса органос. И боятся, что сорвусь и снова кого-нибудь убью».

— Я ничего плохого вам не сделаю, — сказал он. Вслух это прозвучало глупо.

— Конечно не сделаете, модерати, — согласился магос.

Тарсес поднял глаза от пиктера, и до него дошло, как много скитариев заняли дополнительные посты вокруг лаборатории. И все следили за ним, опустив оружие, но держа его наготове.

— Правда, не сделаю, — упрямо повторил он, натянуто рассмеявшись.

— Я знаю, — ответил магос. Он

промокнул клапаны канюлей на внутреннем сгибе локтя у Тарсеса и побрызгал антисептиком.

— Я не убийца, — сказал Тарсес.

Магос пожал плечами, готовя пузырьки с кровью для центрифуги.

— Вы ведь Зейн Тарсес?

— Да.

— Тогда вы убийца, сэр.

Тарсес моргнул:

— Нет. Вы...

Магос холодно уставился на него:

— Вы подключены к тому «Владыке войны»? Вы участвуете в боях? Да? Тогда это у вас в крови. Инстинкт, жажда. Да простит нас всех Омниссия, что приходится создавать таких людей, как вы.

— К этому нас вынуждает галактика, — парировал Тарсес.

— Тогда очень жаль, что мы должны жить в такой галактике, — произнес магос, отворачиваясь.

Вот такие расхождения во взглядах между военными штекерниками и мирными ноосферниками.

Мурлыкали машины. К Тарсесу опустился инъектор.

— Что там?

— Гликопротеиновый стимулятор, смешанный с дозой синтетических гормонов, — ответил один из магосов. — У вас низкий уровень дельта-клеток.

Иглы инъектора вошли в катетер на большой вене, и раствор заструился вниз.

— Вы, конечно, уже познакомились с Принцхорном? — заметил магос.

— Нет.

Магос протянул Тарсесу руку, помогая встать. Модерати поднялся с кушетки. Голова плыла от циркулирующих в крови микстур.

— Сюда, — произнес магос, провожая его.

И Тарсеса голым представили человеку, который должен был стать его новым принцепсом.

Гвидо Принцхорн плавал в амниотической раке и вроде бы спал. Все линейные титаны модели Проксима требовали амниотического соединения. Принцхорн выглядел молодо, гораздо

моложе Тарсеса, почти что мальчик. На мертвенно-бледном предплечье ярко и четко выделялась электротату Легио Темпестус Ореста.

Принцхорн открыл глаза.

— Вы Тарсес? — спросил он на бинарном канте. Сигнал исходил из аугмиттеров в основании раки.

— Я, принцепс.

— Тарсес-убийца?

— Я... — начал Тарсес и замолк. Затем склонил голову. — Это был несчастный случай.

— Вы убили магоса органос, — произнес Принцхорн резкой и элегантной инфоговоркой.

Тарсес кивнул:

— Да, в приступе гнева. Моего принцепса нашли мертвым — и я потерял самообладание.

Принцхорн, плавающий в густой, вязкой жидкости раки, кивнул.

— Поразмыслив, я все-таки решил, что буду работать с вами. Я буду оценивать вас, пока мы будем рядом. Исходя из накопленных данных, я считаю

вас достаточно компетентным.

— Буду стараться изо всех сил, сэр.

— Я предпочитаю бинарик, Тарсес.

<Извинения, — ответил Тарсес, переходя на бинарный кант. Ответ выходил из его аугмиттеров быстрыми импульсами. — Скауген всегда предпочитал голос>.

<Я не Скауген, — возразил Принцхорн. — Я чувствую вашу симпатию к умершему где-то на задворках вашего разума. Я — не Скауген. Надеюсь, мы сможем это преодолеть. «Доминатус Викторикс» должна пойти снова>.

<Должна>, — выразил согласие бинарным потоком Тарсес.

<Вопрос, модерати: как она?> — спросил Принцхорн. Сквозь амниотику поднимались пузырьки.

<Сэр?>

<«Доминатус Викторикс» — как она? Каковы ее качества как боевой махины?>

<Вы, конечно, инкантировали бортовой журнал БМУ, сэр?>

<Я постараюсь не считать себя оскорбленным этим вопросом, Тарсес.

Журнал транслирован в мои энграмтные буферы целиком и полностью. Меня интересует ваша личная оценка>.

Тарсес ощутил в словах принцепса выговор. Он подождал, пока два магоса подойдут и прикрепят металлопротеиназовые рецепторы и онкостатические стывные трубки к клапанам на боку раки Принцхорна. Когда они отошли, сверяясь с диагностическими инфопланшетами, у Тарсеса был готов ответ.

<«Виктрикс» — превосходная махина. Ее системы отзывчивы, и она хорошо развивает усилие на низких оборотах, гораздо быстрее, чем многие «Владыки» ее возраста или спецификации. Ее гироскопы особенно устойчивы для платформы таких размеров>.

<Вы делали сопоставления?>

<Я декантировал бортовые журналы БМУ с других «Владык» в целях самообучения. Некоторые «Владыки», по моему опыту, имеют тенденцию дрожать или колебаться, стреляя из корпусных орудий при повороте в поясе более чем на

пятнадцать градусов. «Виктрикс» остается точной до тридцати».

«Принято к сведению».

«Ее аустик предрасположен к появлению «призраков» при перегреве».

«Призраков?»

Тарсес кашлянул. Горло не привыкло к длительному кантированию.

«Я имел в виду, что иногда он показывает засветку или ложные изображения. Очень недолго, но...»

«Это необходимо починить», — произнес Принцхорн.

«Чинили. Аустик проверяли и ремонтировали несколько раз. Аберрация остается. Я полагаю, что это часть личности ее духа».

Принцхорн не ответил. Тарсес почувствовал, что должен объяснить свои слова.

«Прошу прощения, сэр. По моему мнению, каждая махина является уникальной личностью, имеющей свои недостатки и причуды. Двух похожих не найти, даже если они одной модели. Они, в конце концов, живые существа, милостью

Омниссии».

<Принято к сведению, — ответил Принцхорн. — «Виктрикс» ведь «Владыка войны» модели Проксима, не так ли?>

Тарсес кивнул.

<Легио Инвикта — легион с Проксима, сэр. Все наши махины модели Проксима. Проксим — наш родной мир, наша Кузница>.

<И уважаемый мир, модерати, — заметил Принцхорн, — старая и благородная Кузница. Мне выпала честь принять принцептуру в вашем легио, как и бремя адаптации нашей амниотики к вашей системе. Орест — более молодой мир, более молодая Кузница. Мы уважаем древность ваших традиций, но тем не менее я надеюсь, что однажды совершенство нашего производства сравняется или даже превзойдет ваше. Я человек Ореста, Тарсес. Вас, воина, прошедшего по многим мирам, не шокирует, что я никогда не покидал родного мира?>

<Я целиком и полностью верю в ваши способности, сэр. Вас бы не рекомендовали, если бы у вас было недостаточно

мастерства. Могу я спросить, сколько раз вы были в деле?>

<Двести тридцать пять, — выдал Принцхорн. — В некоторых — рулевым, в некоторых — модерати, в последних десяти — принцепсом>.

<Тогда я доволен>.

Принцхорн уставился на него сквозь жидкость и бронестекло.

<Степень вашего довольства мало для меня значит, модерати. Как и я, вы служите Омниссии. Лишь это имеет значение>.

Принцхорн закрыл глаза. Тарсес понял, что может идти.

>

Он отдался дальнейшим проверкам: плотность костной ткани, объем легких, зрительно-моторная координация, контроль типов бета-фазы интерлейкина и плазминогена, пробы на избыточность Коля-Борже, анализ допаминовых

рецепторов. Его кровь откачали, очистили и залили обратно. Штекеры продезинфицировали и промыли. Периферию стерли и переписали заново. И приказали явиться на следующий день для замены трех вживленных штекеров в верхней части позвоночника.

— Они уже изношены и шатаются, — пояснил ему магос, — и ткани вокруг некротизированы. Завтра ты вживим новые. Это займет всего восемь или девять часов. По окончании операции ты подтвердим вашу готовность к службе.

Тарсес покинул медицинский центр и отправился пешком по гулким коридорам Антиума к своему жилому блоку. Единственным признаком жизни, который он видел, были снующие субсервиторы. Тарсес ощущал онемелость и легкую дезориентацию — обычные последствия перезаписи периферии. Он понимал необходимость очистки старых данных, забивающих подкожные контуры, — офицер мостика должен иметь ясную голову и ясный взгляд, — но перезапись периферии

всегда оставляла ощущение удрученности и неуютности; пальцы рук и ног словно кололи иголками. Не успеет закончиться ночь, как он уже будет страдать от привычной мигрени.

Принцхорн. Что он за человек? У Тарсеса было гадкое предчувствие, что их отношения будут не из приятных. Один лишь этот факт уже не сулил «Виктрикс» ничего хорошего. Союз принцепса и модерати был предметом особым — важнейшим элементом способности махины функционировать в полную силу своих возможностей.

На секунду он вспомнил Скаугена. Из алюминиевых омывающих протоков, встроенных под глазами, выступила капля соленой воды.

Его поселили в двухкомнатном блоке под восьмым западным шлюзом. Когда-то здесь жил модерати из Темпестуса. Помещение было очищено от всех персональных принадлежностей, и Тарсес понятия не имел, что за личность был предыдущий жилец. Как его звали и на

какой махине он служил? Интересно, жив ли этот человек и сражается где-нибудь с Архивратом на одной из немногочисленных оставшихся на ходу махин Легио Темпестус, или он уже мертв и никогда не вернется, чтобы снова занять свое жилище?

В жилом блоке стояла койка, стул и небольшой стол; за спальным помещением располагалась душевая. Еще были настенные разъемы для прямого подключения к инфоканалам доводочной фабрики и ноосфере.

Тарсес долго принимал душ, периодически дотрагиваясь до болезненных шейных штекеров. Конечно, они уже изношены и шатаются.

Осколки и куски металла из задней части черепа хлестнули, словно бритвенно-острый ураган, разбив заднюю часть его раки, срезав ведущие штекерные жгуты, центральную магистраль БМУ и выбросив фонтан амниотики.

Через связь с БМУ ударила боль. Настолько сильная, что мне пришлось выдернуть штекеры, чтобы она меня не

убила.

Я закричал:

— Принцепс! Мой принцепс!

Когда Скауген умер, Тарсесу пришлось выдрать штекеры, чтобы спасти собственную жизнь. В него вливался обжигающий поток боли. Он схватился за пучок толстых кабелей и дернул. На секунду разум померк, отрезанный от восхитительных видений манифольда. Тарсес рухнул на палубу, извергая рвоту.

Скауген, мой принцепс...

Тарсес дал воздуходуям душевой обсушить себя, затем лег на койку, уставившись в пространство.

Он думал о магосе органос Керхере — и презирал себя.

Его икона Механикус висела на гвозде над койкой. Это был единственное, что он привнес личного в интерьер комнаты. Омниссия, Бог-Император стальной, присмотри за мной в этот час...

Тарсес сел и сунулся под кровать к вещевому мешку. Вытащил шлейф соединительных проводов и подключил себя

к настенным разъемам, воспользовавшись вспомогательными штекерными точками, встроенными в запястье левой руки. Штекеры на шее были еще слишком болезненны.

Он соединился и загрузил данные о состоянии «Доминатус Виктрикс». Четыре дня ремонта из проектных восьми, и Кузница Ореста еще предполагала не более двух дней до окончания. Омниссия, благослови их! «Виктрикс» пойдет снова, на два дня раньше, чем рассчитывалось.

— Принцхорн, — кантировал Тарсес.

Перед глазами засуетились данные. Что он хотел? Биографические данные? Медицинское заключение? Происхождение и подготовка? Сертификация?

— Собрать. Биография, основное, — приказал Тарсес.

Передача начала выгружаться, выдавая информационные окна одно поверх другого.

Гвидо Пернал Яксиул Принцхорн, родился 322.760.M41.

— Ему девятнадцать? — ахнул Тарсес.

Вопрос: вы желаете продолжить?

— Дальше.

«И все же: девятнадцать?!»

Двести тридцать пять боев.

— Все успешные?

Все успешные.

— Впечатляюще.

Все условные.

— Условные?

Принцепс Принцхорн не обладает опытом реальных сражений. Его исключительный счет основан на высоких результатах тестовой имитации.

— Он никогда не был в настоящем бою?

Нет, модерати Тарсес.

— Черт, Легио Темпестус вообще представляет себе, что делает?

Ввод: вопрос/неизвестно.

— Перефразировать. Легио... Ладно. Отмена.

Тарсес отсоединился и упал обратно на койку.

— Значит, наводите справки о биографии своего нового принцепса, так? — раздался голос от двери.

Тарсес сел.

Там, улыбаясь, стояла девушка. Высокая, стройная, с коротко стриженными каштановыми волосами и довольно крупным носом, который так не вязался с ее тонкими чертами. Она носила короткую красную мантию поверх коричневого облегающего комбинезона, и Тарсесу было видно, что ее штекирование находится на зачаточном уровне.

— Ты кто? — спросил он.

— Извиняюсь, модерати. Я Фейрика, фамулюс принцепса Принцхорна. Я не вовремя?

— Я не одет, — ответил Тарсес и потянулся за вещами. — Как ты вошла? Дверь была заперта.

Фейрика покачала висящим на шее кулоном-пропуском в виде шестеренки:

— Все двери в Антиуме для меня открыты, сэр.

— Повезло тебе, — сказал Тарсес, застегивая мантию. Затем посмотрел на нее: — Входи.

— Благодарю, модерати, — произнесла девушка и переступила порог. —

Итак, наводите справки о новом принцепсе? — спросила она нейтрально.

— Я предпочитаю знать, с кем мне предстоит воевать, — ответил Тарсес.

— Интересно. Размышление: вы воспринимаете Принцхорна как противника?

— Я этого не говорил. Принцхорн станет моим принцепсом. Этого достаточно.

— Но он вам не нравится?

— Это что? Допрос? Я считаю его тем, кем считаю.

Фейрика пожала плечами:

— Справедливо. Ему тоже не до вас.

— В самом деле?

— И мне тоже.

— Даже так?

— Ты слабак, Тарсес. Ты убил магоса. Никакого самоконтроля. Это — слабость.

— Ты так думаешь, фамулюс? — уточнил Тарсес.

Она помотала головой:

— Я это знаю.

Тарсес откинулся назад на койку.

— Я смотрю, фамулюс, ты не особенно

стремишься завоевать мое расположение.

Фейрика широко улыбнулась.

— Мне на него плевать, — ответила она. Посмотрела на икону Механикус, висящую на стене, и поклонилась.

— Император защитит, — пробормотал Тарсес.

— Император? — резко переспросила она.

— Конечно.

— Вы, очевидно, хотели сказать «Омниссия», модерати?

— Я хотел сказать то, что сказал. Они — одно, не так ли?

— Нет, — возразила она и уставилась на Тарсеса. Шутливая улыбка сползла у нее с лица. — Я разочарована, что вы из новых.

— Из кого?

— Новых. Это ваши личные взгляды или все служители Легио Инвикта верят, что Омниссия и Бог-Император — одно и то же?

— Конечно все, — ответил он.

— А, — сказала она.

— А ты нет? — спросил Тарсес.

Он устал и не имел никакого желания вступать в словесную перепалку со всякими спесивыми и самоуверенными фамулюсами. Идеологический раскол прятался под поверхностью верований Культа Механикус многие века. Те адепты, кто был особенно обеспокоен его последствиями, иногда называли его Схизмой. В узких кругах некоторых из главных Кузниц над этим вопросом ломали копья и головы советы магосов, но в повседневной, обычной жизни его чаще всего обходили стороной и считали делом личных убеждений. Общепринятым было считать, что Деус Механикус — Машинный Бог и Бог-Император Человечества — суть аспекты одной божественной сущности, от которой берут начало все машинные духи.

— Я — нет, — ответила Фейрика, словно наслаждаясь его раздражением. — Магосы Кузницы Ореста приучены относиться к ним как к отдельным сущностям.

Тарсес пожал плечами:

— Я слышал, что некоторые молодые

Кузницы придерживаются этой философии, но союз Механикус и Империума зиждется на слепой вере в Бога-Императора.

— Возможно, — сказала она, — но он не той бог.

Повисла долгая пауза.

— Что ж, благодарю, что поделилась своим мнением, фамулюс, — сказал Тарсес. — Вопрос: что-то еще?

Она кивнула:

— Последняя часть. Мне нужно ваше подтверждение вот на этом.

Она отцепила от пояса инфопланшет и передала Тарсесу.

— Что это?

— Заказ на переоборудование «Виктрикс» в дополнение к тем работам, что уже производятся. Как модерати, вы должны его заверить.

Тарсес изучил планшет.

— Это заказ на установку новой системы ауспика.

— Да.

— В этом нет необходимости. Я уже объяснил Принцхорну.

— Принцепс считает, что необходимость есть, и настаивает на замене.

— Черт побери, это растянет график ремонта!

— Всего на два дня.

— У нас нет двух дней, — произнес Тарсес. — Этот заказ — пустая трата времени.

— Вы так и скажете принцепсу? — спросила она. — Уверяю вас, пустой тратой времени будет только ваша задержка с подтверждением.

Тарсес нахмурился, затем выдвинул стило и расписался на планшете.

>

За Городом-губкой, за старым ульем Аргентум, на задымленной равнине обогатительного пояса, они обработали свои раны и попытались идти дальше. Пелена дыма от горящих скважин висела, словно жидкий туман, подсвеченный

болезненно-желтым светом, и ядовито вздыталась всякий раз, как усиливался дождь или поднимался ветер. Они держались обочины Проспекторского шоссе, высматривая признаки жизни.

Но в грязном воздухе эхом разносились звуки смерти: гром и удары тяжелых орудий, дребезжащий скрежет узлов махины, вспышки там и тут в маслянистом тумане. У них не было вокса, да они бы им и не воспользовались, даже если бы удалось вытащить его из горящих обломков «Главной стервы». Эфир трещал от зловещего мусорного кода врага.

Их осталось восемь: Варко, водитель-механик Саген и технопровидец — единственные, кто сумел выбраться из погребального костра «Главной стервы»; Грэм Гектон с «Беспощадного» и один из его стрелков; Водитель и один из заряжающих «Огнехода» и еще один технопровидец, чей разум был настолько травмирован, а одежда настолько обгорела, что они не смогли определить, из чьего он экипажа. Гектон считал, что это мог быть «Разоритель», но наверняка

сказать невозможно. Технопровидец — кожа на нем в разных местах обгорела и облезла, глаза пусты — отказывался отвечать на какие-либо вопросы, а Кодер не горел желанием попробовать подключиться к нему напрямую.

— Он сошел с ума, капитан, — сказал Кодер. — Посмотрите на него. Если я подключусь туда, то потеряю рассудок.

— Ты его знаешь? — спросил Варко.

Кодер помотал головой.

Потерянный технопровидец плелся вслед за маленьким отрядом, словно приблудная собака.

Варко не знал, уцелел ли кто-нибудь еще из Гордой шестой бронетанковой. Вполне возможно, что другие экипажи могли покинуть свои танки или сбежать во время боя, но прошло уже четыре дня, а они никого не встретили. Махина методично перебила колонну Варко, а затем исчезла среди дымных берегов, словно расстроившись, что веселое развлечение кончилось.

Первую ночь они провели, съежившись в дренажной трубе, а затем начали

пробираться на восток. Варко с Гектоном пришли к согласию, что стоит попытаться вернуться обратно в улей. Припасов оказалось негусто: четыре фляжки с водой, одна аптечка и никакой еды. Варко и Гектон сберегли свои пистолеты, а заряжающий «Огнехода» Казань умудрился выдернуть из стойки лазкарабин, когда выскакивал из танка.

За первый день они прошли хороший кусок, прячась каждый раз, как грозные звуки битвы подкатывали слишком близко. На второй день больше часа наблюдали, как имперское воздушное прикрытие долбило сектор к северо-востоку от них. На третий день, после двухчасового марш-броска сразу после рассвета, путь на восток оказался непроходимым. Начался артиллерийский обстрел, уничтожая районы, лежащие впереди. Из-за плохой погоды было невозможно не только понять, откуда и куда стреляют, но и даже какая из сторон конфликта ведет обстрел. Они ждали, пригнув головы; отзвуки взрывов прокатывались по ним горячими волнами. Сагену немого технопровидца в укрытие

пришлось затаскивать.

Обстрел начал смещаться.

— Здесь оставаться нельзя, — сказал Варко.

Они побежали обратно, двигаясь на юго-запад через руины плавилен и огромных фабрик. За спиной продолжала греметь канонада. В желудках урчало, последние капли воды во флягах плескались с таким же пустым звуком. На ночь остановились в разбитом цехе, где полуобгорелые полотнища свисали с кровельных балок и раскачивались, словно рваные паруса. Снаружи темноту пронизывали вспышки — обстрел продолжался.

Варко проснулся глубоко ночью от тишины. Обстрел прекратился, и тьму заполнила жуткая тишина. Окоченевший, он оставил других досыпать на полу среди пыли и принялся исследовать цех. Нашел водяную колонку, но со скрежетом открытый кран остался сух, а Варко порезал ладонь о ржавый металл. Со вздохом вытянул из набедренного кармана

грязный платок, чтобы протереть порез. Из кармана что-то выпало и тихо звякнуло об пол.

Варко нагнулся и понял, что это. В пыльном сумраке виднелся небольшой медальон Омниссии, который был прицеплен к боковой броне «Главной стервы». Ошибки тут быть не могло. Варко не имел понятия, как тот оказался у него в кармане. Присев в темноте, он в удивлении воззрился на медальон.

Кто-то прошел мимо, всего в нескольких метрах с обратной стороны разбитого пучка труб. Варко откинулся назад, спрятавшись совсем, и стал наблюдать. Из-за труб вышла фигура и двинулась по открытой полосе твердого грунта.

Солдат-скитарий темных Механикус, высокий ростом, но сгорбленный. Оружейная рука зубрилась кривыми лезвиями. Скитарий неспешно двинулся вперед, поворачивая голову из стороны в сторону, ища добычу. Он охотился.

Варко мельком увидел светящуюся

синь смотровых прорезей. Из горба на панцире, словно колючки, торчали неровные шипы. Варко ощутил запах крови и пластика, страд грязной плоти и выделенных испражнений. Услышал мусорный код, булькающий в аугмиттерах. Подивился, что скитарий не смог обнаружить его запах или тепло, и взмолился, чтобы чудо не кончалось.

Скитарий добрался до дальнего края полосы, полускрытого от глаз нависшими трубами. Остановился, осмотрелся по сторонам еще раз и выдал быструю череду кода, на которую неподалеку отозвался еще один солдат. Затем ушел в другой цех на противоположной стороне.

Варко выждал минуту — пульс на шее колотил, словно боксер по скоростной груше, — и поднялся на ноги. До него внезапно дошло, что, если бы он стоял во весь рост, когда появился скитарий, тварь бы тут же его заметила.

Но он не стоял во весь рост. Он присел, поднимая кое-что, чего у него и в кармане-то не должно было быть.

Варко проскользнул через развалины обратно в ту часть цеха, где спали остальные.

— Вставай, без шума, — шептал он каждому и тряс. — Без шума, если жизнь дорога.

Он выбрались из руин и побежали на запад, в туман ночи, пробравшись через ливневый водосток и под висячим трубопроводом. Путь вел их по изрытой воронками подъездной дороге, затем по поросшей травой насыпи и через блестящие россыпи рудного пласта. Даже немой технопровидец, похоже, осознал важность спешки и тишины.

Они набрели на квартал разбомбленных жилых блоков для рабочих на дальней стороне пласта и укрылись там. Через дыры окон вгляделись в руины, из которых только что сбежали. Там внутри метались лучи фонарей и фар. Слышен был стук и дребезжание неухоженных силовых установок — легкая бронетехника и транспорты натужно въезжали в руины. На востоке, за развалинами цехов, небо светилось от

огромных пожарищ на горизонте. На фоне пламени шагали три высоких силуэта: боевые махины — «Разбойники», судя по очертаниям, — передвигались в нескольких километрах от них.

— Мы убрались оттуда как раз вовремя, — сказал Гектон.

— Значит, надо идти на юг, — произнес Саген. — Попробовать обойти их.

— Думаю, это будет самоубийством, — возразил Варко.

Остальные принялись спорить о возможных вариантах, но все соглашались, что вскоре скитарии примутся обыскивать и эти жилые блоки тоже.

Варко попытался вспомнить, куда положил медальон. Сунул обе руки в карманы и нащупал его в левом.

— Запад, — сказал он. Медальон уже один раз спас его, и Варко ему поверил. Машинные духи хранили их.

— Запад? — переспросил Кодер.

— Мы идем на запад, — ответил Варко.

Они шли на запад, через пыль

четвертого дня, через исковерканные остатки промышленных пригородов, прислушиваясь, не идет ли кто за ними. Один раз, прямо перед полуднем, они услышали на северо-западе сильнейший взрыв, словно рванул чей-то боекомплект. Над горизонтом поднялся толстый столб черного дыма, похожий на восклицательный знак.

Улицы превратились в низкие жилые кварталы — ряды модульных жилых блоков, ржавых и крошащихся. Одни выгорели, другие сровняло с землей попаданиями снарядов, но остальные были чудесным образом целы и невредимы, словно война прошла мимо. Распахнутые двери и ставни раскачивал ветерок, пожитки — одежда, постельное белье, домашняя утварь — валялись брошенными в пыли. Электричества не было, водопровод не работал, но в одном пустом блоке они обнаружили таз, полный воды, и смогли наполнить три фляжки. В другом Леопальд, стрелок Гектона, нашел три муниторумские банки прессованного мяса. Варко обнаружил его, когда тот пытался

открыть банку стамеской.

— Не здесь, — сказал он. — Забирай их с собой.

— Очень хочется есть, сэр, — пожаловался Леопальд.

— Я знаю, но здесь опасно. Нужно идти дальше. Забирай их с собой.

Вскоре после этого, когда день стал клониться к вечеру, а солнечный свет побледнел, война догнала их снова.

Она пришла неожиданно, словно таилась в засаде. Они переходили улицу — низкую мощеную дорогу между жилым провалом и общественным зданием, когда стену жилого дома изрешетили огромные дыры, пробивая роккрит, словно мокрый картон. Варко услышал визг вращающихся стволов тяжелого орудия.

Они побежали. Варко тащил за руку немого технопровидца. То, что началось как ленивый град орудийного огня, превратилось в натуральный смертоносный ураган. Стены просто исчезали в фонтанах крошеного роккрита и свистящих кусков арматуры. Снаряды

пропороли мостовую, взметнув куски покрытия в воздух, словно сильный ветер — клочья бумаги. Грохот был невыносим и нескончаем: яростные, сыплющиеся горохом разрывы, брызги измельчаемого роккрита, скрежещущий визг скорострельных пушек. Пыль стояла столбом.

Сквозь дымящийся остов жилого штабеля прошли два танка, расталкивая корпусами остатки изрешеченных стен. Тяжелые гусеницы издавали пронзительный лязг. Корпус идущего следом третьего танка начал задираться носом кверху, когда тот зацепился за поперечную балку. Балка внезапно раздалась под его весом облаком каменной пыли, резко бросив машину вниз.

Выжившие из Гордой шестой бронетанковой добрались до слабого укрытия под дорогой рядом с общественным зданием и побежали вдоль него — болтерные снаряды с бешеной скоростью проносились над головой. Варко оглянулся. На секунду настроение у него приподнялось.

Танки были имперскими.

Тяжелые танки «Махарий» с модификацией «Вулкан», серебро и зелень Аргентумской третьей мобильной. Вместо длинных главный орудий их сдвинутые к корме башни несли толстые, тупые мегаболтеры «Вулкан», придавая танкам куцый вид бойцовых собак, которым словно вырвали клыки.

«Если бы они только перестали стрелять, — подумал Варко. — Я мог бы дать им знак и...»

Но они не собирались переставать стрелять. Массивные мегаболтеры озарялись цветками сгорающего газа, визжали, крутясь, и выплевывали потоки крупнокалиберных снарядов. Они словно старались сровнять с землей весь квартал целиком. Скорее всего, танки и понятия не имели, что своими чудовищными очередями гонят своих.

Варко и остальные бежали, бросаясь на землю каждый раз, как снаряды над головой начинали летать слишком низко. Верхнюю часть придорожной стенки разнесло на кирпичную крошку, а потом

часть северной стены общественного здания просто сложилась. Траска, водителя-механика «Огнехода», почти похоронило под лавиной, и Варко с Гектоном, бросившись к нему на помощь, сами едва не погибли, когда рухнула ослабевшая часть крыши здания.

Кашляя, полуослепшие от пыли, они добрались до конца дороги, где их подхватили остальные и перетащили через стену отстойника в сточную канаву. Они сжались в липкой грязи, чувствуя, как трясется земля и мир над головой разлетается на куски, пока до Варко окончательно не дошло, что им придется рискнуть и бежать дальше.

Он начал слышать врага. Скитарии и боевые сервиторы темных Механикус вливались через пригороды с севера навстречу «Махариям». Сердитый свет дня замигал стробоскопным огнем лазеров.

Восьмерка застряла в канаве прямо между противоборствующими силами.

Несмотря на защиту, которую давали стенки канавы, Варко понимал, что им лучше убраться отсюда. Если кто-

нибудь, особенно скитарии, увидит их, скажем с края канавы, это конец. Укрыться им будет негде.

Варко повел остальных по дну канавы на юг, ища подходящее место, чтобы вылезти и спрятаться. Серии жестоких, мощных взрывов раздавались сзади, осыпая их щебнем и металлическими фрагментами, толкая взрывной волной. Они продолжали идти. Рев «Вулканов» словно стал выше. Звуки эхом отражались со всех направлений. Невозможно было больше сказать, кто где.

Канаву пересекали несколько пешеходных мостов. Варко подумал, что под одним из них можно найти неплохое место, чтобы спрятаться. И услышал, как Гектон чертыхнулся.

На мосту впереди неожиданно появились три зверюги-скитария, всего в тридцати метрах от них. Отвратительные гибриды, киберорганические ублюдки, покрытые устрашающей раскраской и шипастой броней, сосредоточенно переходили мост,

чтобы встретить танки. У одного из них, самого крупного, было что-то вроде плазменного лучевика — противотанкового оружия, встроенного в массивный панцирь. Варко замер. Если хоть один из них глянет через перила, если хоть один повернет голову или почувствует что-нибудь...

Один скитарий повернул голову — и увидел обессиленных, беспомощных людей, застигнутых на дне канавы. Без лишних раздумий он развернулся и выставил свою оружейную руку. Лишенные всякого укрытия Варко и его люди нырнули в грязь и вжались в стенки канавы, словно надеясь, что те пустят их внутрь.

Все, кроме Казани.

Заряжающий «Огнехода», обезумев и выпучив глаза от испуга, вскинул лазкарабин и открыл огонь. Его бешеная пальба хлопала и долбила по железным перилам и стойкам моста, несколько снарядов отскочили от задних щитков самого крупного скитария.

Мгновение спустя после того, как Казань начал стрелять, скитарий,

который заметил их, открыл ответный огонь. Его оружейная рука выплюнула поток мощных лазерных лучей. Несколько выстрелов пришлось на дно канавы, выбрасывая резкие шипящие гейзеры выпаренной грязи. Два прошли четко сквозь Казань. Оружие скитария было некой разновидностью хеллгана, разработанной для пробивания брони. Казань не пошатнулся и не отлетел назад. Термические заряды не давали толчка. Они просто проделали две огромные, сразу запекшиеся дыры: одну — в груди, вторую — в голове. Казань вздрогнул и плашмя повалился вперед. Жутко завоняло горелой костью и жженой кровью.

Варко не сводил глаз со скитариев на мосту. Все трое повернулись к ним. Время превратилось в вязкую смолу. Варко ощутил в груди последний удар сердца. Он не видел ничего, кроме лицевых щитков с синими прорезями, увеличенных его страхом, пока захватчики делали микросекундные поправки прицелов, которые, казалось, длились вечность.

А потом скитарии исчезли.

Разлетелись металлическими клочьями, брызгами плоти, яростными фонтанами розового тумана. Мост исчез вместе с ними. Металлические перила отскакивали, сворачиваясь и извиваясь, словно веревки; настил моста и каркас стялись и посыпались справа налево, в мгновение ока превращенные в ошеломительное металлическое конфетти.

«Махарий», где-то справа от Варко, невидимый за зданиями, засек перегретый след хеллгана и не упустил своего шанса.

Варко попытался обрести дар речи.

— Бегом, — приказал он хриплым от пережитого шока голосом.

Все побежали, спотыкаясь в грязи. Варко направился было следом, но остановился и, вернувшись, выдернул карабин из мертвых рук Казани.

И побежал тоже.

Бушующий в оставшемся за спиной пригороде уличный бой затянулся далеко за полночь. Стрельба как тяжелого, так и легкого оружия гремела вдоль темных

улиц, перемежаясь время от времени визгом «Вулканов», грохотом падающей стены или стремительным взлетом к небу разбрасывающего искры огненного шара.

Они выбрались из канавы по решетке на северном конце, перебежали темный перекресток и перелезли через драный край проволочной изгороди. Перед ними лежала дикая местность — бугристые полосы заболоченной земли и кустарника, уходящие в ночь.

Не останавливаясь, они побежали дальше.

Почти в полночь, когда бег практически превратился в изнуренное ковыляние, они наткнулись на круглое строение.

Приземистый блокпост в форме барабана, построенный из обработанного роккрита, с прилегающей пристройкой.

— Пост СПО, — сказал Гектон.

Варко кивнул. Прилегающие к улью территории были утыканы наблюдательными постами и укрепленными пунктами, большая часть

которых была заперта и необитаема, пока не мобилизованы силы обороны.

Варко отдал карабин Леопальду, и они пошли к строению, готовые ко всему. Гектон и Варко двигались впереди с пистолетами наготове.

Признаков жизни в здании не наблюдалось, как и явных следов повреждений. Они подошли ближе. Из-за темноты первое впечатление оказалось неверным. Что-то здесь все-таки произошло. Передняя дверь была открыта.

— Стойте здесь, — приказал Варко.

— Эрик... — предупредил Гектон.

— Делай, как говорю.

Варко приблизился к главному входу. Свет внутри не горел, звуков не слышно, но и запаха смерти тоже нет.

Он потихоньку проник внутрь. Было холодно и темно хоть глаз коли. Варко, напрягая зрение, привыкшее к янтарному сумраку ночи, пытался что-нибудь разглядеть. Нащупал выключатель прямо за мощным косяком бронированной двери и повернул. Ничего не произошло.

По-прежнему ничего не видя, Варко споткнулся и ударился обо что-то. Пощупал. Стул, металлический стул. Обошел его и наткнулся еще на один.

Сзади что-то залопотало, заставив его подпрыгнуть от неожиданности. Он резко развернулся, наведя пистолет в темноту:

— Кто здесь? Я вооружен!

Очередное лопотание, бульканье — и включился свет. Варко моргнул. Слабый аварийный свет — тускло-зеленый. Лопотание шло из небольшого портативного генератора в углу. Варко разбудил его, повернув выключатель, но генератору потребовалось время, чтобы выйти на мощность.

Варко опустил пистолет. Он стоял в комнате, скромной и простой, с закрытыми амбразурами в округлой внешней стене. Вдоль внутренней стены, через которую две двери вели в другие помещения, стояли в ряд столы с металлическими рамами, привинченные к роккриту. На столах находились три модуля аппаратуры: вокс-передатчик,

тактический картопостроитель и ауспик. Все три, похоже, были выведены из строя ударами топора или саперной лопатки.

Зашли Гектон с Кодером.

— Ток, а? — произнес Гектон.

— Не слишком много, — ответил Варко.

Он кивнул технопровидцу, приглашая взглянуть на электрооборудование базы. Они обследовали прилегающие помещения вместе с Гектоном. Обнаружили караулку с шестью койками, полупустой водоочистной барабан, печку, химический туалет, три пустые оружейные стойки и запертую дверь, за которой явно был какой-то склад.

— Тут кодовый замок, — сказал Гектон.

— Код знаешь?

— Так сразу не скажу, — ответил Гектон. — Ты понимаешь, что там могут быть все здешние запасы еды, медикаментов, оружия и снаряжения?

Варко с понимающим видом кивнул. Они вернулись в помещение блокпоста, где Кодер в зеленом полумраке возился с

генератором.

— Что думаешь? — спросил Гектон.

Варко пожал плечами:

— Малый пункт наблюдения, вероятно, — со штатом из второго или даже третьего резерва СПО. Когда началась заваруха, они его бросили — или по приказу, или в панике.

Гектон кивнул:

— Пункт явно никто не захватывал. Почему ты решил, что второй или третий?

— Оглянись, — ответил Варко. — Фронтовики бы разнесли это место так, чтобы враг не смог им воспользоваться. Они бы сожгли караулку, заминировали склад и либо разбили, либо вынесли аппаратуру.

— Кто-то прошелся по ней топором, — сказал Кодер.

— Да, но спустя рукава, — ответил Варко, — как будто малость опасались, что их могут обвинить в порче собственности Мунитория. Что говорит мне о простом рабочем из блоков на временной службе, замуштрованном и

послушном, но не сделавшем дело как следует из-за страха наказания. К тому же когда это фронтовики стелили постели перед тем, как уйти?

Гектон осклабился. Койки в караулке были аккуратно застелены, словно руками салаг, которые все еще боятся гнева инструктора.

— Ты прав. И печка чистая.

— Капитан? — позвал Саген, входя в блокпост. — Извиняюсь, — добавил он, кивнув Гектону, — капитаны?

— Что такое? — спросил Варко.

— Идите взгляните.

Они шагнули в черную как смоль ночь и пошли за Сагеном вокруг блокгауза к пристройке. Леопальд и Траск ждали их там. Пристройка по существу была бронированным гаражом. В углу стоял большой генератор.

— Кто-то вывел его из строя, — сообщил Леопальд.

Варко не смотрел на генератор. Одна половина гаража была пуста, но другую занимал эспэошный «Кентавр» с

прицепленным сзади орудием — тяжелой четырехстволкой на тележке с железными колесами.

— Заправлен? — спросил Варко.

Траск помотал головой:

— Баки слиты.

— Заряды для четверняшки?

— На передке и в самой машине ничего, — ответил Леопальд.

— Какого-нибудь турельного оружия не видали? — спросил Гектон.

Турельное гнездо «Кентавра» пустовало.

— Нет, сэр, — ответил Траск.

— Значит, у нас есть все и ничего, — констатировал Варко.

Они собрались внутри блокпоста.

— Расскажу, что у нас есть, значит, — начал Варко. — У нас есть крыша над головой и место для сна. У нас есть вода, у нас есть три банки прессованного мяса, и у нас есть печка, чтобы не замерзнуть. На пока хватит. Завтра решим, что делать дальше.

Все кивнули. Они уже едва не

засыпали на ходу, но перспектива немного перекусить и утолить жажду гнала сон.

— Один остается на часах. По очереди. Я — первый. Шестеро спят, один бдит. По крайней мере так не придется спорить за койки.

— Нас всего шесть, капитан, — сказал Саген.

— Что?

— В панике мы где-то потеряли моего собрата, — пояснил Кодер.

Варко чертыхнулся. Бедняга, как бы его там ни звали, не заслужил, чтобы его бросили. Все были так напуганы, выбираясь из того пригорода, что потеряли головы.

Однако это никого не извиняло. Еще одна причина для сожалений на памяти Варко. Почему-то он ощущал утрату бедняги-технопровидца более остро, чем потерю всей своей колонны.

Они разожгли печку сухими ветками, которые смогли собрать в окружающих кустах. Ветки горели плохо, наполняя все помещение дымом, но зато это было

долгожданное тепло. Леопальд разделил две банки, и они механически поели найденных мясных субпродуктов — лучшей еды, которую когда-либо пробовали, — и попили воды с металлическим привкусом из водоочистного бака, которая показалась им слаще любого вина. Затем Саген, Траск, Леопальд и Гектон уснули — мгновенно и глубоко.

Варко остался на ногах, обходя территорию с карабином в руках. Кодер настоял, чтобы ему разрешили немного поработать над сломанной аппаратурой. Технопровидец никогда не показывал, что особенно нуждается в сне. Варко наблюдал, как Кодер высвободил из толстых предплечий механодендриты и принялся исследовать внутренности вокса и ауспика.

— Есть что-нибудь? — спросил Варко.

— Повреждения поверхностные, капитан, — ответил Кодер. — Полагаю, я смогу починить вокс и тактический картопостроитель. Но вот насчет ауспика не уверен.

— Ну что ж, для начала неплохо.

— Проблема в том, что у нас нет достаточной мощности, чтобы включить хотя бы один из них, — добавил Кодер. — Портативный генератор едва держит аварийные лампы.

— Но ты уже что-то придумал, — подсказал Варко.

Кодер поднял брови:

— Ваша вера в меня неоправданно высока, капитан.

— Я верю в Императора, Омниссию и дух машин, — ответил Варко. — Они не дали нам погибнуть до сих пор.

— Всего лишь некоторым из нас, — поправил Кодер. — Очень немногим. Взвесив все, я считаю, что они едва ли заслуживают восхвалений.

— Мы благодарим их за все, что бы ни получили.

— Да, капитан.

Варко помолчал.

— Кодер?

— Да, капитан?

— Ты случайно ничего не клал мне в карманы?

— Нет, капитан. Когда?

— Не знаю точно, — сказал Варко. — Той ночью. Это ведь ты вытащил меня из «Главной стервы»?

— Саген и я, вместе. Все остальные погибли, а вы были без сознания. Было невежливо оставлять вас там.

Варко засмеялся:

— Невежливо, да?

Кодер пожал плечами:

— Если бы мы оставили вас там, капитан, вы бы пропустили все веселье.

Варко фыркнул. Магосы редко выдавали шутки, понятные имперцам, но, если уж выдавали, те были острыми и ироничными.

— Так что, не клал?

— Что-то в ваши карманы? Нет, капитан. А какого рода это «что-то», могу я спросить?

Варко вынул из кармана медальон и поднял так, чтобы Кодеру было видно. Кодер моргнул. Его второе мигательное веко скользнуло вниз в удивлении, когда он просканировал и увеличил предмет.

— Это было в вашем кармане, капитан?

— Я обнаружил его там. Насколько это странно?

Кодер сцепил руки в символ Механикус и прошептал молитву на бинарике.

— Ага, я так и думал, — произнес Варко.

Он вышел на улицу. Далеко на востоке били тяжелые и полевые орудия, подсвечивая сырое небо тусклыми вспышками и взрывами. Варко понимал, что не больше чем через день охотничьи своры скитариев придут за ними. К этому моменту их тут быть не должно, но куда идти? Он со своей жалкой кучкой выживших получил отсрочку, но она не продлится долго.

Каждый раз закрывая глаза, он видел махину, пламя, бравые «Покорители» Гордой шестой бронетанковой, разлетающиеся гаснущими фонтанами обломков.

Они уже должны быть мертвы.

Во всех практических смыслах они и были мертвы.

Адепта Файста разбудила настойчивая пульсация биометрики. В келье было темно, и он прокантировал свет. Свет мягко зажегся.

Было рано, очень рано. Дисплей монитора биосостояния вспыхнул перед глазами, упрекая за сокращение периода отдыха и рассказывая про последующий за этим дефицит здоровья и подпитки. Файст мигнул, закрывая дисплей.

Это был не его обычный будильник. Что-то другое.

Файст двинул рукой, и гаптика вызвала новый ноосферный дисплей: ссылка на сообщение.

<[выгружено:] Иган, магос аналитикэ, Кузница Орест (110011001101, сжатие кода tze) [начал]

Файст!

Пожалуйста, встретьте меня у Высокой Кузницы как можно быстрее. Приношу свои извинения за то, что разбудил вас. Как можно быстрее, адепт>.

Файст лег спать, не снимая облегающего комбинезона, так как слишком устал после долгой смены в Аналитике. Поэтому он лишь вымыл в раковине лицо и руки и натянул свою темно-красную мантию.

Полы одеяния летели вслед за ним, пока он бежал по коридору, перепрыгивая через ранних сервиторов, скоблящих полы.

>

Файст сел на трясущийся пустой транзитник через Перпендикуляр к Сенешалю, затем проехал на маглеве весь путь до «Первого Перехода в Кузницу». Вылетающие из вершины могучего зиккурата языки пламени колыхали раннее небо. По траморному вестибюлю во все стороны сновали магосы, и Файст торопливо протолкался сквозь них.

— Смотри, куда прешь, юнец! — рявкнул рассерженный скитарий из Темпестуса.

<Извиняюсь>, — откантировал ему файст.

Он вошел в центральную зону и выбрал подъемную камеру.

<Изложите дело и объявите уровень>, — запросила ноосфера.

<К магосу Игану. Меня ждут>, — откантировал он, махнув биометрикой.

<Заявление подтверждено. Биоматрица магоса Игана локализована. Выбираю уровень, адепт>.

Подъемная камера выстрелила вверх, словно пуля. Файста держали инерциальные демпферы.

<Уровень 1700, Аудиенция>.

Дверь камеры открылась. Квартет по-разбойничьи выглядящих скитариев наблюдал, как он выходит из подъемника.

— Биометрику! — потребовал один.

Файст уже держал ее наготове в ноосфере.

— Проходи, — раздался из аугмиттеров голос чудовища.

Он вышел в открытый зал на верхних этажах огромной пирамиды. Скошенные светопанели наполняли помещение

дневным излучением. Темный мрамор брусчатки пола окаймляло золото. Гололитические дорожки инфосвета поднимались из напольных проекторов, словно дым от благовоний. Небольшие группы людей, кажущихся карликами в огромном помещении высотой с темплум, стояли и общались в ожидании.

<Файст!> — раздался отрывистый инфоканал.

— Магос?

Магос Иган подошел с улыбкой, хотя и выглядел напряженным.

— Ты пришел. Молодец, молодец. Ты пришел.

— Конечно, я пришел, магос. Вы меня вызвали. Это насчет...

— Да, Файст. Соберись. Адепт сеньорус прислал за нами.

— Омниссия! Я не готов к этому.

— Конечно готов, Файст. Конечно готов.

— Но, сэр...

— Ты был у меня самым умным и самым лучшим, Файст. И это все благодаря тебе. Не подведи меня. Не

подведи Аналитику.

Аналитика была управлением магоса Игана, и, хотя Иган был старшим магосом, ее часто обделяли вниманием. Файст понимал важность момента и что от него зависит.

<Кто остальные, магос?> — тихо прокантировал он.

<Посмотри сам, адепт>, — дергано откантировал Иган, выдавая свою нервозность.

<Прошу вас, сэр. Я не хочу, чтобы они знали, что я изучаю их через ноосферу>.

<Ладно, Файст. Это экзекутор-фециал Инвикты Крузий со своим фамулюсом. Вон там, тот зверюга — Лау, глава скитариев Инвикты. С ним разговаривает Энхорт, экзекутор-фециал нашего Темпестуса. Позади них собрались магосы архива во главе с магосом Толемеем и магосы производства во главе с магосом Кейто>.

<А что за женщина с Крузием? И имперский солдат рядом с ней?>

<А, какая-то сявка Алеутона со своим монтуном>.

<А в принцепской раке?>

<Это Принцхорн, мальчишка-принцепс, которого мы даем Инвикте, чтобы ввести в строй их оставшуюся махину. Тише, сейчас появится Имануал>.

Файст прежде никогда не был в Аудиенции. Он резко втянул воздух, когда на дальней стене огромный барельеф с символом Механикус повернулся с каменным скрежетом и стена разошлась в стороны, словно две подвижные скалы. Из открывшегося прохода выдвинулись и распахнулись, словно крылья гигантской металлической птицы, золоченые платформы хоров. Хористы выпевали сложные математические мелодии на тринадцатиголосом бинарном канте, и звуки, выходя из аугмиттеров, превращались в гололитические потоки данных, вьющиеся в воздухе, подобно развернутым знаменам.

В столбе золотого света между крыльями хоровых платформ на пол Аудиенции опустился трон адепта сеньорус.

Соломан Итануал был стар и почти целиком состоял из бионики. Он восседал, словно феодальный король на престоле, подключенный к матрице трона через запястье, сердце, хребет и подмышечную впадину. Резная статуя, пустившая в кресло корни.

Трон встал на платформу с мягким стуком. Итануал поднял руку и через ноосферу приказал хору замолчать.

<Благодарю, что посетили меня в столь ранний час>, — прокантировал он.

<Глубокоуважаемый владыка, — произнес в ответ Кругзий, — я прошу вашего позволения говорить голосом из уважения к моей гостье>.

Ноосфера внезапно потемнела. Итануал склонил голову и обратил взор на Этту Северин.

— Леди, — неразборчиво произнес он, — не вы ли избранный свидетель лорда-губернатора?

— Я, сэр, — ответила она.

Файст внутренне посочувствовал Северин: находиться в окружении столь большого числа модифицированных людей

для нее было малоприятно.

— Добро пожаловать, леди. Кузница приветствует вас. Где адепт Файст?

Файст внезапно ощутил внутри страх, от сочувствия к имперской женщине не осталось и следа.

Иган подтолкнул его. Файст выступил вперед.

— Файст — это я, владыка.

— Дай-ка мне взглянуть на тебя. Хмм. Недурно сконструирован, я считаю. Ты многих привел в замешательство своим предложением, адепт.

— Приношу свои извинения, милорд.

— Не думаю, что у него есть причины для извинений, адепт сеньорус, — вмешался Кругий.

— Пояснение: предложение адепта фактически подразумевает, что в наших методах архивного хранения присутствует изъян, — произнес магос Толемей.

— Не столько изъян, сколько пробел, Толемей, — поправил Кругий.

— Вы хотите сказать, — осторожно спросил Энхорт, — что Кузница Ореста

оказалась плохо подготовленной к войне?

Экзекутор-фециал Энхорт, как и Крузий, был сдержан и вежлив, но в голосе его сквозило раздражение.

Крузий покачал головой:

— Если Кузница Ореста и плохо подготовлена, то вина лежит не на этой планете. Я уверен, что все мы едины во мнении, чей это промах. Но сейчас это не тема для обсуждения. Орест в состоянии войны, и мы должны обратить в дело все доступные ресурсы, если хотим победить.

— Тут никаких возражений нет, экзекутор, — сказал Толемей, — и, как один из таких ресурсов, архив предоставляет всю возможную информацию.

— До определенных пределов, — возразил Крузий. — Магос Иган и его Аналитика обрабатывали оперативные данные с фронта с того момента, как началась война. По моему предложению они приступили к анализу особенностей вражеских махин. Все титаны когда-то были нашими, даже эти непотребства. Я полагал, что мы получим информацию огромного стратегического значения, если

сможем идентифицировать эти машины, изучить их историю и технические характеристики. Что приводит нас к пробелу, Адепт Файст? — Кругий посмотрел на Файста и ободряюще кивнул.

Файст прочистил горло:

— Как показал опыт, хотя на кадрах оперативной съемки можно различить многие опознавательные знаки и надписи, ни один из них не совпадает с хранящимися в наших архивах. Запросы сравнительной схематики неоднократно возвращались с пометкой «данные не найдены».

— Но вы считаете, что мы располагаем этими данными? — спросил адепт сеньорус.

— Я уверен в этом, — ответил Файст. — Их просто нет в свободном доступе. У нас есть эти данные, но мы не можем до них добраться. Машины, которые мы пытаемся исследовать, могут восходить к пластам архивов времен Хоруса, а все подобные материалы секвестированы.

— И по множеству существенных причин, — произнес адепт сеньорус. — Многие из них опасны и неточны. Многие из них затронуты Ересью. Однако, Файст, я внимательно рассмотрел ваше прошение и считаю, что Аналитике должен быть дан чрезвычайный доступ к секвестированным материалам.

— Это запретные катушки, адепт сеньорус, — напомнил магос Толемей. — Привилегии доступа должны быть получены с самого Марса.

— Я запрошу их лично, — заверил Соломан Имануал. — Работа должна идти без задержек. Объявляю благодарность магосу Игану и адепту Файсту за вынесение этой темы к нашему рассмотрению.

— Вы, кажется, озадачены, мамзель? — спросил Кузий у Этты Северин, когда они покинули Аудиенцию.

— Слегка, — ответила та. — Надо ли понимать так, что Кузница владеет значительной базой данных, содержащей информацию, которая может оказаться

жизненно важной для войны, но использует только ее часть?

— Можно сказать и так. Позвольте вас спросить, матзель, не происходило ли с вами когда-нибудь чего-либо настолько неприятного, что вам хотелось бы никогда об этом не вспоминать?

Северин пожала плечами. Ей было неудобно отвечать на столь личный вопрос в пределах слышимости майора Готча.

— Полагаю, что, наверное, подобное случалось, экзекутор.

— Данные, раскрыть которые мы только что получили разрешение, — именно такие воспоминания. Они относятся к ранней истории, к темным временам — к вещам, которые нам пришлось спрятать, чтобы о них не думать. — Он замолк и повернулся к ней. — Война растревожила старые раны, матзель. Она вынуждает нас копаться в том, что Механикус предпочли бы забыть.

>

Она чувствовала едкий графитовый запах Астроблемы и размышляла, сколько времени пройдет, прежде чем розовый песок заметет ее труп.

— Ты в порядке, Калли? — спросил Биндерман, высокий и тощий схольный учитель.

— Нормально. Просто думаю.

— Это то, чего я стараюсь не делать, — признался Биндерман.

— Чего они там застряли? — заныл Кирил Антик.

— Может, у них проблемы? — предположил Ларс Вульк. — Ты ведь знаешь, что такое проблема, да, Антик? Это когда ты не можешь закрыть рот и перестать ныть хотя бы на пять минут. Или когда нам приходится тебя терпеть.

— Довольно, Ларс, — миролюбиво произнес Биндерман.

Громила с Бастионов кисло посмотрел на схольного учителя, но замолчал. Вульк мог бы переломить Биндермана пополам, как прутик, но, похоже, с уважением относился к его выдержке.

— Кто-то идет! — прошипел Ласко, помощник ткача из Гинекса, сидевший возле узла разбитого трубопровода. В мгновение ока все вскинули карабины и прицелились.

Три фигуры мчались в их сторону по иссушенным развалинам очистительного завода.

— Уберите оружие! — прошипела Калли. — Это наши.

Голла Улдана, Бон Иконис и крутая баба из Лазаря по имени Рейсс покрыли последние метры и нырнули в укрытие к остальным. Все трое тяжело дышали.

— Ну? — накинулся на них Кирил Антик.

Голла метнула на него уничтожающий взгляд.

— Чисто примерно на километр, — сообщила она, отдуваясь. — Потом дорога — ответвление от шоссе, я думаю.

— Там довольно открытая местность, — добавил Иконис. — Укрытий почти вообще нет.

Иконис был приятным темноволосым мужчиной с умными глазами и

привлекательным ртом с опущенными вниз уголками губ. Насколько могла вспомнить Калли, в мирной жизни он был смотрителем гидропоники на фермерских галереях.

— Бон прав, — сказала Голла, — туда что-то совсем не тянет.

— Не стоит идти в ту сторону, — сказала Рейсс. Ее голос акцентом провалов был тонким и гнусавым. — Если кто-нибудь обнаружит нас на дороге, нам конец.

— Назад-то нам нельзя! — фыркнул Антик.

— Нельзя, — согласился Биндерман. — Сейчас бы самое время для этой, как ее... карты.

Он грустно обвел пальцами в воздухе квадрат.

Единственные карты, выданные Мобилизованной двадцать шестой, находились в ведении мастер-сержанта Чайна, Сароша и трех других командиров взводов, но ни один из них не ушел с шоссе Фиделис живым. Третьему резерву СПО, даже мобилизованному, никогда особо не

доверяли на предмет оперативно-тактических средств, данных и автономности.

— Послушайте, мне неудобно поднимать этот вопрос, — заговорила Калли, — но, прежде чем мы начнем беспокоиться о том, куда нам идти, не стоит ли подумать, что мы собираемся делать?

— Оставаться в живых, — ответил Ларс Вульк.

— Точняк, — пробормотал Антик.

— Конечно, — согласилась Калли, — выживание — наша первостепенная задача, но после? Найти убежище, закопаться и ждать конца войны? Попытаться вернуться обратно в улей? Или...

— Или, Калли-детка?.. — спросила Голла.

— Не знаю, Голла. Попытаться найти своих и присоединиться к ним. Попытаться остаться в строю.

— В смысле, продолжать сражаться, Калли? — уточнил Биндерман.

— А я и не знал, что мы уже начали, — вставил Антик.

— Я не знаю, что нам делать, — продолжала Калли, — но в этом районе наверняка хватает подходящих целей. Нас послали сюда воевать. Вероятно, этим и следует заняться.

— Вот уж хрен, — заявил Антик.

Остальные промолчали.

— Я думаю, нам надо идти домой, — сказала Дженни Вирмак. — Я... я думаю, нам надо идти домой.

— Я с ней согласен, — присоединился Ласко.

— Я думаю, надо найти своих, — сказал Иконис. — Кто-то должен быть тут рядом. Если мы отправимся к улью, это будет долгий и проклятый путь.

— Вон дело говорит, — поддержала Голла.

— Мы можем избрать главных, — предложила Рейсс. — Они примут решение за нас.

— У тебя есть кто-то на уме? — спросил Вульк.

Рейсс пожала плечами:

— Голла? Все ее любят. Биндерман? Замстак? Головы у них прикручены как

надо.

Раздался несогласный ропот.

— Я не хочу быть главным, — отказался Биндерман. — Правда, не хочу.

— Голосую за Замстак, — сказал Иконис.

— Никто ни за кого не голосует! — вмешалась Калли. — Мы просто не высовываемся, держимся вместе и ищем своих. Вот и все.

Все взгляды обратились к ней.

— Что? — спросила Калли.

— Похоже, нам больше не нужно голосовать, Калли-детка, — улыбнулась Голла.

— Точно, Замстак, — сказал Антик. — Чего делать-то?

>

Войдя полным ходом в рабочий поселок Иеромиха с востока, ища след в тумане и чувствуя, как барабанит по обшивке дождь, Макс Орфулс приказал

машине «стоп».

— Есть машине стоп! — эхом откликнулся его модерати Страхов.

Махина замедлилась и с содроганием встала. Снизу под ними раздалось шипение гидравлики, зверь осел на корточки, слегка качнув корпусом. Силовая установка в стальном коробе у них за спиной ворчала на холостом ходу, словно нетерпеливый огр. Какая-то деталь опорной рамы шасси скрипнула, принимая вес. Единственными звуками остались слабый стук дождя по бронеплите и окнам кокпита и периодический звон или писк с пультов управления.

Страхов повернулся на своем кресле в подбородке титана и посмотрел на Орфулса:

— Что-то не так, принцепс?

Задавать этот вопрос было для Страхова обязательным, даже когда он прекрасно знал, что все в порядке. Просто один из принятых боевых ритуалов Орфулса. Большинство принцепсов начинали вести бортжурнал исполнения с того момента, как подключались и

связывались с БМУ при запуске двигателя. Орфулс предпочитал дождаться, когда махина будет готова вступить в места охоты.

— Все отлично, Страх, — ответил Орфулс. — Дай мне секунду, если ты не против.

— Есть, сэр, — ответил Страхов и вернулся к своим обязанностям.

Они с Орфулсом служили вместе уже давно, их отношения были достаточно теплыми, чтобы называть их дружбой, но, когда Орфулс подключался, Страхов знал, что с этого момента относиться к принцепсу следует с почтительным вниманием. Когда Орфулс подключался, он переставал быть только Орфулсом.

Макс Орфулс посмотрел на свои руки на подлокотниках главного кресла. Кожаные рукава куртки лежали на потрескавшейся кожаной обивке. Бледные пальцы слегка подергивались в такт пульсу силовой установки.

Он закрыл глаза.

Левая рука стала мегаболтером

«Вулкан». Правая — плазменным бластганом. Рукава и кожаная куртка — плотной керамитовой броней двадцати сантиметров толщиной, по которой барабанил дождь. Ноги — обратно-вывернутыми, с огромными металлическими пальцами, широко расставленными в орестской трясине. Сердце — топкой, что недовольно пульсировала, словно плененное солнце. В голове еще один разум, агрессивный и чуждый, ощетинился и зарычал, будто охотничья собака, будто разъяренный, почти дикий цепной пес, который вот-вот порвет цепь и...

Уйдись!

Орфулс открыл глаза. Он снова сидел в небольшом, скошенном вперед кокпите, рулевой и модерати перед ним ждали приказаний в своих креслах в подбородке титана. Пахло нагретым пластеком, циркулирующей смазкой и конденсатом, притираниями и святым елеем, которыми техножрецы умиротворяли машинных духов при старте двигателя.

Дикая тварь в затылке снова

зарычала, словно хищник, притаившийся в самом дальнем углу темной пещеры.

Успокойся! Подожди еще немного!

На боевой махине не было тонкого гаптического оборудования, не было ноосферной связи. Подобные тонкости легко выходили из строя в сумятохе боя или столь же легко взламывались врагом. В боевой махине все подключалось и переключалось напрямую. Орфулс потянул латунную рукоять на пульте левого подлокотника.

<Активировано...>

— Максимиллиан Филиас Орфулс, Легио Инвикта. Подключен к блоку мыслеуправления «Пса войны» «Предок Морбиуса». Мои полномочия признаны?

<признаны...>

Орфулс чувствовал раздражение и неудобство. Он никак не мог ощутить ноги махины. Слишком отвыкшая от штекеров и БМУ голова болела после проникающего шока соединения. Принцепсы могучих «Владык войны» пребывали в амниотике постоянно, умиротворенные и изнеженные непрерывным удаленным контактом со

своими БМУ. Для командиров «Псов войны», подключающихся штекерами, подобная роскошь была недоступна. Вдали от передовой, во время перелетов их участью было отключение, и они сражались с шоком воздержания, судорогами и ночными кошмарами, в то же время страстно желая снова испытать радость подключения.

Но когда наступал момент подключения, радость не приходила. Угрюмые и сварливые после пробуждения, древние блоки мыслеуправления махин-ветеранов реагировали на приказы вызывающе. Всегда требовалось какое-то время, чтобы снова добиться доверия и установить взаимодействие. Все равно что каждый раз усмирять свирепую собаку или, садясь в седло, объезжать одного и того же непокорного скакуна.

«Предок Морбиуса» был созданием упрямым. Орфулс провел его БМУ через семнадцать кампаний, во время которых они уничтожили шестьсот восемь подтвержденных целей,

классифицированных как «тяжелая бронетехника (различная)» и выше. Но даже при всем при этом махина все еще боролась с ним. Все еще испытывала, несмотря на счет, которого они добились вместе, на лучшее в Инвикте соотношение в тоннах уничтоженной техники к массе самой махины. «Предок Морбиуса», как и все «Псы войны», был трудной принцептурой. Орфулс убеждал себя, что именно это делало «Предка Морбиуса» столь убийственно эффективным.

Он прочистил горло, и силовая установка автоматически рявкнула в унисон.

— Модерати?

— Принцепс?

— Манифольд у меня?

— Манифольд ваш, принцепс, — подтвердил Страхов.

Еще один ритуал — ради записи в бортжурнал. Орфулс владел манифольдом с момента запуска двигателя на Марсовом поле. Обмен словами обозначал лишь формальное признание факта.

Манифольд был штекерным

эквивалентом ноосферы — иммерсивное и интерактивное сенсорное пространство, с помощью которого принцепс воспринимал свою махину и окружающую среду. Орфулс уселся поудобнее и дал манифольду захлестнуть себя как следует впервые после подключения, пока не почувствовал, как тот затекает за глаза и просачивается в мозг. Недовольная агрессия «Предка Морбиуса» тут же схлынула, словно «Пес войны» понял, что кровавая игра наконец-то началась.

Орфулс дышал спокойно. Он видел и ощущал все кристально четко, до мельчайших деталей, практически галлюцинируя наяву: вес груды боеприпасов в автоматах заряжания, стук дождевых капель по корпусу, пульс модерати — спокойный и ровный — и рулевого — нетерпеливый и напряженный. Он чувствовал покорное, безмозглое бормотание двух орудийных сервиторов, подключенных проводами к его плечам, и непрерывное медитативное бдение техножреца, магоса Зетплина, в

бронированной кабинке технопровидца в задней части кокпита. Он чувствовал глухую пульсацию силовой установки у себя в животе, тупую боль в ноге — один поршень требовал регулировки — и неприятный жар резервуаров плазменного оружия.

Он чувствовал звериное желание «Предка Морбиуса» — боевого пса, — низкое, клокочущее урчание плотоядного хищника.

Хватит! Имей терпение!

— Спокойным шагом, вперед! — подал он сигнал.

Силовая установка чихнула. Земплин благословил бога-в-машине. Махина пошла, при каждом тяжелом шаге корпус вздрагивал.

— Зарядить главное левое! — приказал Орфулс.

— Есть зарядить главное левое! — в унисон ответили Страхов и левый орудийный сервитор.

Загремели автоматы заряжания, тегаболтер провернулся, изготовившись. Орфулс почувствовал, как в левом запястье нервным тиком дернулись

сухожилия.

— Зарядить главное правое!

— Есть зарядить главное правое! — хором ответили Страхов и правый сервитор.

Восходящий ток воздуха заструлся от теплообменника бластгана, уровень плазмы начал повышаться. Орфулс почувствовал, как правое запястье защипало от потницы и капелек испарины.

— Малый ход, вперед!

— Есть малый ход! — ответил Страхов.

«Пес войны» начал набирать скорость, кокпит затрясло чаще.

— Включить ауспик!

— Ауспик включен! — отозвался модерати.

В поле зрения манифольда Орфулса побежали схемы и графики. Данные, почти перегрузка данными, сыпались на него визуально и акустически. Воспользовавшись вспомогательным соединением, он интуитивно заглушил помехи и очистил канал ауспика до четырех необходимых в бою показателей

активности: тепла, движения, массы и передач кода.

След.

Поле манифольда резко прояснилось. Вереницы данных размылись и пропали. На месте остались лишь основные показатели, ярко сияя по центру поля зрения.

— Начать потоковую передачу! — приказал он.

Вспомогательный механизм застрекотал, и в нижней левой части периферии зрения Орфулса замелькали цветовые схемы. «Предок Морбиуса» начал непрерывную передачу данных в прямом эфире остальной стае, которая осталась в десяти километрах позади.

Затрещал вокс:

— «Предок», «Предок», это Борман. Принимаем ваш сигнал. Передача чистая. Что видно живым глазом?

— Довольно туманно, сэр. Иеромиха в разрухе.

— Это предполагалось. Разведайте район.

— Моя задача по жизни, сэр, —

ответил Орфулс. — Есть что-нибудь от «Люпус Люкс»?

— Пока ничего, Макс. Доброй охоты.

— И вам, сэр.

Вокс погас. Орфулс раздвинул поле зрения до кругового обзора, отметив монолитную громаду Ореста Принципал в ста пятидесяти шести целых тридцати пяти сотых километра сзади, изящный пик горы Сигилит в ста двадцати шести целых двадцати четырех сотых километра на юге и истекающий жаром улей Аргентум в восьмидесяти целых двадцати двух сотых километра впереди. Из Аргентума поднимались дымы множества пожаров. Гора Сигилит выглядела холодной и твердой как лед.

Орфулс переключился на тактическое распознавание. На пути к планете он десятки раз просматривал тактические данные о ее поверхности, с головой уходя в изучение топографии, но все-таки вызвал распознавание снова: план пригородов, план районов, план улиц, схематичное, детальное. Церомиха была

обширной загородной застройкой для рабочих, соединяющей границу улья Аргентум с окраиной Ореста Принципал. Типичное расползание населения, которое можно найти на многих мирах-ульях, где поселения простых рабочих растут, словно чумные гнойники или сорная трава, вокруг ключевых центров занятости. Население Иеромихи, которую в лучшем случае можно было назвать официально разрешенным лачужным городком, трудилось на огромных обогатительных заводах Шейкера и Гокса. Для перевозки рабочей силы до места и обратно проложили линии маглева. Построили теплуты, схолы, коммерции. В последующие века Иеромиха превратилась бы в улей и тогда соединила бы Орест Принципал с ульем Аргентум. И все три слились бы в один настоящий суперулей.

Если переживут эту войну...

Орфулс мог определить свое точное положение. Они двигались малым ходом по Максу Делитому — десятикилометровой авеню, проходящей через центр Иеромихи.

Жилой городок вымер. Многие улицы

и районы были разрушены до основания, некоторые горели. «Предку Морбиуса» приходилось шагать через обломки так же часто, как и по открытому рокрит у. Манифольд давал Орфулсу доступ к данным Мунитор ума, где перечислялось каждое жилище, каждая зарегистрированная личность, каждая семья, более не живущая в разрушенных домах.

Всюду, на что бы он ни глянул, Орфулс видел имена рабочих, их жен и детей, людей, что никогда не вернутся, семей, что не выжили, мертвых, пропавших без вести, неопознанных.

— Убрать сведения о жителях, — приказал он.

Обозначения с тягостным текстом пропали.

— Омниссия, даруй мне цель сегодня, — пробормотал Орфулс.

Тварь в голове согласно заворчала.

«Пес войны» бежал, похожий на бескилевую птицу. Массивную, сгорбленную, носом книзу, орудийные

конечности расставлены в стороны, словно культышки недоразвитых крыльев. Шаги, будто удары барабана, вытряхивали воду из воронок по дороге. Он бежал через развалины жилых районов, трущоб и мануфакторий, вдоль разрушенных улиц, по разбитым дорогам, под изрешеченными виадуками, останавливаясь, чтобы прислушаться и втянуть носом воздух.

Сидя в своем кресле в подбородке титана, Страхов коротко глянул на принцепса. Орфулс был насторожен, сконцентрирован и поглощен делом. Он сгорбился в кресле, неосознанно повторяя осанку «Пса войны». «Предок Морбиуса» сидел у него внутри, принюхиваясь и ворча.

Они миновали заросшие сорной травой участки земли и обугленные остовы некогда внушительных зданий. Через манифольд Орфулс осматривался по сторонам: спутанные кольца колючей проволоки, выгоревший корпус танка, ряд железных уличных фонарей, похожих на деревья после тайфуна, согнутых проходом чего-то очень тяжелого.

От сильного дождя манифольд

превратился в дымчатое стекло. Орфуло все время старгивал капли, которые на самом деле не висели у него на ресницах. Он ощущал запах мокрого роккрита, разлитого прометия и сырого кирпича.

Появились звуки.

Он услышал вдалеке навязчивый дикий визг и скрип сенсорных волн, чуждое уханье и вой электромагнитной активности. Звуки то появлялись, то исчезали, словно чьи-то страдальческие голоса то утолкали, то издавали короткий стон — то высокий и музыкальный, то низкий и горловой. Интерференция, ложные звуковые сигналы, биты испорченных данных и сенсорный шум носились по воздуху, словно потерянные души. Вместе с короткой раздражающей скороговоркой мусорного кода.

— Машине стоп!

— Есть машине стоп! — откликнулся Страхов.

«Предок Морбиуса» остановился в пустой коробке муниципального тетплума.

— Какие будут приказания, сэр?

— Ждать, — прошипел Орфулс.

Бледные, робкие лучи рассвета заглянули в пробоины от снарядов в высоком потолке. В пустом помещении кружило эхо. С разбитой крыши капал дождь. Обугливщиеся стены — втрое выше припавшего к земле «Пса войны» — нависали над ними.

— Что ты делаешь, принцепс? — спросил Страхов.

— Слушаю, — ответил Орфулс. — Ш-ш!

Услышав «ш-ш!», они заглушили главный двигатель и системы, почти удушив силовую установку. «Предок Морбиуса» работал сейчас на самом низком уровне, на холостом ходу, едва живой. Еще немного — и он уйдет в спячку, и придется его перезапускать. Снаружи было тихо, слышался лишь звук падающих капель.

— Я что-то чувствую, — пробормотал Орфулс.

Вода в лужах у ног «Пса войны» стала подергиваться рябью, словно поднялся

порывистый ветер. Послышалось отдаленное «бум!», затем тарахтение скорострельного оружия.

— Думаю, у нас появилась цель, — согласился Страхов.

Орфулс кивнул:

— Три с половиной километра к востоку, выстрелы тяжелого оружия.

Он прислушивался, наклонив голову вправо. Вокс-сигналы и короткие всплески тусорного кода то появлялись, то исчезали.

Он действительно чувствовал врага — что-то темное, что-то, сделанное из черного металла и ярости, что-то, пахнущее агрессией и грязным маслом.

— Какие будут приказания?

— Поднять ауспик! — распорядился Орфулс.

Резкое возвращение энергии. Ублюдок оказался большим. В трех тысячах шестистах метрах к востоку двигалась махина. Ее выдал тепловой след орудий и масса металла.

— «Разбойник», — сказал Страхов, взглянув на свой пульт. — Минитум

«Разбойник». Должен быть.

Орфулс кивнул.

— Снова стреляет. Трон, это залп из главных орудий!

Орфулс снова кивнул.

— Шагает, влево, влево, к краю здания. Я задам орудийным системам расчет поражения цели.

Выведенный обратно на полную мощность, «Предок Морбиуса» крадучись двинулся по разбомбленному тетплуту. Дождевая вода струилась по его тяжелому панцирю.

Орфулс откинулся в кресле, стараясь очистить разум. Во рту остался привкус — ядовитый привкус врага. Перед глазами стоял воющий черный металл, стальные зубы и языки пламени. Картинка обжигала разум. Орфулс понял, что собирает исходные ингредиенты для будущих кошмаров отключения.

По манифольду внезапно заметались вспышки вокса, тут и там, яркие и тревожные. Орфулс услышал переговоры бронетанковой артиллерийской роты, Гордой восемьдесят восьмой —

«Громовержцы», «Бомбарды» и «Мантикоры»; экипажи кричали друг другу, требуя направлений на цель, распоряжений, выхода из положения. Значки передач гасли шипящими вспышками белого шума — танки погибали один за другим.

Орфулс не стал выходить с ними на связь. Не было смысла выдавать свое присутствие и местоположение, а каждый предсмертный крик танка позволял ему все точнее определить относительное расположение цели.

— Они там умирают, принцепс, — сказал Страхов.

— Я знаю, Страх, я знаю, — ответил Орфулс, концентрируясь на своих сложных векторных расчетах.

— Мы должны вмешаться. Помочь им, — произнес рулевой.

Страхов треснул его изо всех сил и прошипел:

— Займись своим делом и закрой рот!

— Конечно, модерати, — ответил рулевой.

— Принцепс двинет нас, когда будет

нужно.

— Да, модерати.

«Двигай нас, Макс, двигай уже, — внушал про себя Страхов. — Они же умирают один за другим».

Внезапно запищал датчик целеуказателя, следящий за источниками тепла и излучения.

— Влево, влево, вперед, — приказал Орфулс.

— Она нас не заметила, — сказал Страхов.

— Она слишком занята убийствами, — ответил Орфулс. — Курс два-один.

Рулевой с готовностью подчинился.

— Вот так. Держи прямо, потихоньку, осторожно, осторожно.

Разбитая кирпичная кладка хрустела под ногами «Пса войны». Прямо перед ними оказалась восточная стена разрушенного темплума.

— Полный ход, вперед! — крикнул Орфулс.

— Перед нами стена! — испуганно отозвался Страхов.

— Когда это нас останавливало?

Полный ход! Полный ход!

«Пес войны» сорвался с места, перейдя на бег меньше чем за двадцать секунд. Опустив нос, он проломил стену, разметав кладку, словно осадный таран. В тот же момент вся стена рухнула, обвалив за собой остатки крыши.

Но «Предок Морбиуса» уже проскочил и теперь бежал — алчущий, злой. Позади него темплум оседал на землю лавиной кирпичей и черепицы. Плазменный бластган, пожалуй, будет наилучшим выбором. Орфулс направил результаты расчета поражения цели в правую руку.

<Цель зафиксирована>.

— Благодарю, — отозвался Орфулс.

«Пес войны» стремительно несся вперед, мимо горящих остовов «Адских гончих» и «Василисков».

Вражеская махина, дикий «Разбойник», стояла на перекрестке Пакса Делимого и Компромисса, осматривая пылающие руины, время от времени выдавая короткие очереди по отступающим через город частям артиллерийской роты. Уродливая тварь —

извращенная и обезображенная, почерневшая и ржавая. Из стыков капала смазка. Орфулсу показалось, что махина словно тяжело дышит.

Просто игра воображения.

«Разбойник» резко повернул голову, почувствовав стремительное приближение «Предка Морбиуса».

— Поднять щиты! — приказал Орфулс.

— Есть пустотные щиты! — отозвался Страхов.

Орфулс посмотрел на заранее зафиксированную цель. Трон, это было огромное, уродливое чудовище, вдвое превосходящее по высоте и массе «Предок Морбиуса». «Разбойник» развернулся к ним навстречу, орудийные конечности замерли, набирая мощность.

Орфулс чувствовал их растущий жар.

Он небрежно проломился сквозь несколько рядов жилых блоков, разнося стальными голенями в щепу стены и крыши.

— Держать цель! — крикнул Орфулс. — Главное правое — цельсь!

— Есть главное правое! —

откликнулся Страхов.

Окончательная схема прицеливания рывком наложилась на поле зрения манифольда Орфулса.

Вражеская махина выстрелила из турболазера. Разряды жесткого света разорвали воздух, пролетев мимо «Предка Морбиуса» не больше чем на метр. Враг выстрелил снова, зафиксировав аусник на атакующем «Псе войны».

— Попадание в щит! — завопил Страхов. — Щиты держатся!

<Огонь!> — приказал Орфулс «Предку Морбиуса».

Бластган рыгнул плазмой. Ослепительные сгустки один за другим били по «Разбойнику» Архиврага.

Тот зашатался. Дрогнул. Отступил на шаг или два, брызжа вонючей смазкой из разошедшихся швов.

— Еще раз! — заорал Орфулс. Его голос превратился в рык, в хищное урчание.

Бластган выстрелил снова. Они были в шестидесяти метрах от врага, и тот уже замахивался своим моргенштерном, чтобы встретить их врукопашную.

А потом умер.

Вражеский «Разбойник» получил катастрофический сбой щитов. Его разнесло от пояса и выше. Вспышка света на мгновение захлестнула манифольд.

— Полный назад! Отводи назад! — закричал Орфулс, моментально ослепший.

— Есть! — морщась, ответил Страхов.

Орфулс ощутил, как по коже барабанят осколки керамитовой обшивки. Пылающий «Разбойник» рухнул вперед, подняв бурю огня и искр. Падая, он похоронил под собой развалины мануфактории.

Орфулс, вдруг осознав, что сам рычит и завывает, подавил звериный разум, сидящий на краю сознания. Синтетические гормоны хлынули в кровь, стараясь как можно быстрее снизить зашкаливающий уровень тестостерона.

— Принцепс?

— Я в порядке. Это была чертовски превосходная победа. Экипаж, всем спасибо.

— Принцепс?

— Отправьте сигнал Борману, —

приказал Орфулс, тряся головой и пытаясь собраться с мыслями.

— Какой сигнал мне следует отправить, принцепс? — спросил Страхов.

— Получен сигнал от «Предка Морбиуса», принцепс! — провозгласил модерати Бормана.

Борман резко повернулся внутри амниотики:

— Немедленно переправьте его мне.

— Есть, сэр. Сигнал гласит: «Первая кровь, Инвикта!» — ответил модерати.

Борман довольно улыбнулся.

Этта Северин резко проснулась и не поняла, где находится.

Она лежала на кушетке в небольшой каюте. Сферы, утопленные в нишах, светили вполсилы.

— Эй? — позвала она озадаченно.

В дверях каюты тут же появился Готч с пистолетом в руке.

— Что такое?

Этта села на кушетке и выдохнула, вспоминая.

— Ничего, все нормально, — ответила она, чувствуя себя глупо. — Не могла... Просто потерялась на секунду.

Готч спрятал пистолет. Северин обратила внимание, что тот избегает смотреть прямо на нее. Даже полностью одетая и при всем подобающем виде, она все равно оставалась знатной дамой,

находящейся в постели, и Готч воспитанно отводил глаза. Его галантность была даже в чем-то приятна.

Этта встала и потянулась.

— Где мы?

— Входим в северный пояс рабочих поселений, — ответил Готч. — Минут десять назад экзекутор предупредил, что подходим к промежуточной точке.

— Почему ты меня не разбудил?

Он пожал плечами.

— Мне показалось, что вам необходим отдых.

Этта кивнула:

— Благодарю, майор. Нам лучше подняться наверх.

Свита экзекутора-фециала оставила западные ворота Ореста Принципал перед рассветом и двинулась на уровень субульев, вдогонку за колонной арьергарда, следующего за главным наступлением. Этта подумала было, не придется ли ей попросить официального места в свите, но Кружий посчитал само собой разумеющимся, если она составит им

компанию. Казалось, он всячески старался ей угодить.

Этта размышляла о своей роли. Инструкции лорда-губернатора Алеутона были просты, но, оглядываясь назад, она видела все его хитрости. Учитывая наличие орбиталок, антенн СПО и военных каналов передачи данных, у губернаторских сетей командного управления не было бы никаких проблем с постоянным отслеживанием хода боевых действий. Северин прислали сюда не собирать тактическую информацию, которая все равно была вне пределов ее компетенции. Алеутон отправил ее следить за политическими и стратегическими аспектами исполнения. Для этой роли она подходила более чем, но — было противно. Особенно Алеутон недооценил проницательность Кружия. Экзекутор-фециал раскусил скрытые мотивы Этты и знал, что она это поняла. Его обходительность и открытость делали ее роль еще более неприятной.

Транспортом экзекутору служил

гигантский бронированный краулер. Зонне, фамулюс, как-то упоминал модель и тип машины, но эти подробности вылетели у Этты из головы. Пять палуб и наблюдательный мостик сидели на трех парах тяжелых гусениц под защитой армированного керамитового корпуса и пустотных щитов. Шел краулер неторопливо и плавно — признаков того, что он движется, практически не было заметно.

Готч, стоя на почтительном расстоянии, подождал, пока Этта подготовит и отправит свежий отчет в офис лорда-губернатора. Затем вместе они прошли по осевому коридору машины и забрались по сквозной лестнице через палубы на мостик.

Экипаж наблюдательного мостика был укомплектован преимущественно сервиторами, каждый из которых нес эмблему и клеймо Легио Инвикта. Большинство были вставлены по пояс прямо в свои места. Этта засомневалась, есть ли у них ноги. Или, может, они отделялись от нижних конечностей,

чтобы вставиться на место, а ноги хранились где-нибудь, пока сервиторы находятся на боевом посту? Или они постоянно на посту?

В нишах по периметру мостика стояли на страже грозные воины-скитарии, числом восемь. Номинально на мостике командовал мужчина по фамилии Лысенко, одетый в форменные брюки и куртку моториста и носящий почетный титул модерати.

Кругзий и Зонне стояли у центрального штурманского стола, бегло просматривая информацию на гололите. Даже повернувшись к ним спиной, Кругзий, похоже, узнал об их присутствии в тот самый момент, как они появились на палубе. Он обернулся и улыбнулся.

— Мамзель, хорошо ли вы отдохнули?

— Да, прекрасно, — ответила Северин.

— Не присоединитесь ли к нам?

С Готчем за спиной она подошла к столу. От нее не укрылось, как Зонне быстро погасил и убрал какие-то файлы и заменил их скомпонованным изображением местности. Кругзий явно прочел это у нее

на лице.

— Мои извинения, Этта, — произнес он. — Мы просто просматривали первые данные, загруженные из секвестированных архивов. Материал щекотливый. Я уверен, вы поймете.

— Конечно. Нашли что-нибудь полезное?

— Пока ничего, мамзель, — ответил фамулюс. — Их все еще обрабатывает Аналитика.

— Мы в двух минутах от первой промежуточной точки, — сообщил Кругий. Он указал на изображение местности. Этте оно мало о чем говорило — меняющаяся, постоянно обновляемая трехмерная карта улиц и отметки строений. Она смутно узнавала планировку некоторых районов.

— Ноосфера передает адекватную картину, — сказал Кругий, — но это слабая замена собственным глазам.

Он повернулся и окликнул Лысенко:

— Модерати? Откройте заслонки, будьте добры.

— Слушаюсь, экзекутор, — отозвался

Лысенко со своего поста и отправил гаптическую команду в невидимую ноосферу.

Внешние заслонки немедленно убрались, словно веки с глазного яблока, и наблюдательный мостик целиком превратился в стеклянный купол. Этта прищурилась, когда мягкий полумрак сменился ярким светом дня.

Наблюдательный мостик оказался пузырем из бронированного стекла на носу крауле́ра. Он давал панорамный обзор окрестностей с десятиметровой высоты. Этта медленно повернулась, осматриваясь кругом. Они двигались по шоссе Принципал, вниз по склону Семпловых Высот — круто снижающемуся городку из штабелей жилых блоков и домов, образующему предгорье возвышающейся громады Принципала. Шоссе — широкая расщелина из роккрита и алюминиевых изгородей — сходило по склону холма серией глубоких вырезов. Строения здесь громоздились одно на другое, словно шаткие утесы жилищной архитектуры, ярусами цепляясь за крутой склон и

нависая над заглубленной дорогой.

Этта всегда любила Семпловы Высоты. В лучшие годы она часто приезжала сюда на маглеве из Конгресса, чтобы провести послеобеденное свободное время, бродя по маленьким базарам и лавкам безделушек, обходя торговцев книгами на аллее Критиканов и аукционы певчих птичек на Житье, прогуливаясь вверх и вниз по крутым публичным лестницам, таинственно оттененным приподнятыми зданиями, перекусывая в нависающих сверху кафе, где воздух полнился звуками мандолин и клюзовок. Это место всегда было для нее отдушиной, миром за пределами давящей всеобщности улья Принципал. Все здесь было охвачено духом бродяжничества и безудержной пищуры, ощущением полноты жизни. Она вспомнила кофейню на Соулпайке, где подавался лучший кафф, который она когда-либо пробовала.

Война еще не пришла на Семпловы Высоты, но высокие штабели и шаткие мостики уже опустели. Дома были

забраны ставнями, лавки закрыты. Война, конечно, еще не дошла, но долетел ее запах. Глядя из-под купола краулера, Этта почувствовала страх, тревогу, напряжение неминуемости. Жители попрятались или сбежали на окраины Принципала, деля комнаты с друзьями или родственниками.

Утро было ясным и невинно радостным. Этта могла видеть вдаль на десятки километров.

На востоке, позади нее, над нагромождением штабелей Семпла, виднелась огромная гора Ореста Принципал, заслонившего небо своей туманной голубой массой. Неважно, находилась ли она внутри улья или вне его, огромные размеры главного улья всегда ее потрясали. Он заслонял горизонт, и его вздувшаяся громада заставляла казаться маленькими сами небеса. Верхние шпили, в одном из которых она стояла всего несколько дней назад, доставали до самой крыши мира. Ничто столь огромное ведь не могло пасть? Ведь не могло?

Впереди, в нижних землях, обширные

застройки рабочих поселков спускались до далекой громады, которая была Аргентумом. По словам Готча, Аргентум называли теперь Городом-губкой. Готч не знал почему. Бледное небо над дальним ульем покрывали кровоподтеки дыма и копоти: линия фронта, поняла Этта.

Крауler экзекутора шел во главе пятидесяти таких же машин, по большей части перевозчиков боеприпасов и нескольких пехотных транспортов. Легкая бронетехника и открытые артиллерийские самоходки двигались по бокам, стаи «Стервятников» и «Валькирий» гудели над головой, обеспечивая непосредственное прикрытие. Один только транспорт Крузия нес восемь платформ «Гидра» и шесть скорострелок скитариев, управляемых изнутри; задранные стволы непрерывно крутились, отслеживая каждую потенциальную угрозу. Они поворачивались и наводились на цель, словно фототропные растения — на солнце. Колонна свиты сама по себе была небольшой армией.

Отряды скитариев шагали рядом с ними, шумные и пугающие. На взгляд Этты Северин, скитарии смотрелись полной противоположностью Гвардии или СПО. Цветистые, звероподобные, громкие и грубые, они рвались на войну, издавая леденящие душу групповые кличи наполненного тестостероном предвкушения. Среди них не было ни одного похожего на другого. Она никогда не видела такой мешанины перьев, мехов, встроенного оружия, когтей, аугментики, искусственных клыков, плюмажей, доспехов, украшений и драгоценных камней.

Она поняла, какое Готч испытывает замешательство. Он просто не знал, что и думать об этих варварах. Скитарии не были обыкновенными солдатами — солдатами того типа, с которым он привык иметь дело.

— Этта, не взглянете ли на запад? — предложил Кругий.

Она посмотрела. По рабочим поселкам под ярким светом дня между ней и далекой громадой Аргентума шагали

огромные фигуры. Она насчитала пятнадцать «Владык войны» Инвикты, двигающихся на запад к линии фронта. Громадины, неуместно торчащие над окрестностями.

— Так вот как выглядит война махин, — произнесла она.

— Вовсе нет, мамзель, — возразил Кругий. — Вот когда они начнут стрелять, тогда вы увидите, как выглядит война махин.

— Я нахожу их пугающими, экзекутор.

— В этом их смысл, Этта. Они и должны пугать любого, кто их видит.

Ее телохранитель пристально разглядывал далекие махины.

— Старые войны, — пробормотал он себе под нос.

— Майор Готч? — обратился к нему Кругий.

— Простите, просто мысли вслух, — отозвался Готч.

— О чем? — спросил экзекутор.

— О книгах и планшетах, которые читал в детстве, о документах и

трактатах, которые пришлось проходить в годы обучения: рассказы о старых войнах, легенды об эпических кампаниях ранних эпох. Никогда не думал, что нечто подобное случится на Оресте.

— Я и сам, конечно, был обязан изучать подобные материалы, — сказал Зонне. — Действительно, идущие махины — зрелище волнующее.

— Я не имел в виду волнение, — покачал головой Готч. — Хотя этого не отнять. Во времена старых войн разносили в клочья и превращали в пепел целые миры. Старые войны всегда обходились очень дорогой ценой.

Вдали, далеко к северо-западу, одна из тяжело шагающих фигур внезапно осветилась, вспыхивая искорками огня.

— Работа на сегодня началась, — произнес Крузий.

>

Первая серьезная для Инвикты

схватка вспыхнула на северной границе рабочих поселков, где ярусы штабелей Семпловых Высот начинали выравниваться, переходя в густонаселенные районы беззаконных улиц и провалов Старой Башни.

Выдающаяся в узкий илистый залив Семика Старая Башня была одной из самых жалких черных трущоб среди пригородов улья. Жилища здесь стояли на сваях, и самые высокие приливы переполняли каналы вокруг острова Святой Сатис, затекая в нижние улицы окраин. Это были районы бедняков, сточная яма для воров, должников, проституток и изгоев, куда даже Магистратум и общественные миссионеры Экклезиархии заходить не желали.

Хотя главный удар наступления Архиврага на восток был встречен у Аргентума и западных границ Иеромихи, тактики Геархарта предсказывали, что враг может попытаться подойти с фланга вдоль бассейна и болотистой поймы Семика. Несколько махин отправились

широкой цепью на север вместе с поддержкой из скитариев, чтобы следить за подступами оттуда.

«Владыка войны» «Сикариец Фаэро» под командованием Вансента Кунга шел первым. Свернув с главной магистрали, достаточно большой для прохода титанов, махины, такие как Кунгова, были вынуждены пойти напролом. «Фаэро» давно уже не ходил через город, и Кунг снизил скорость. Сопутствующего ущерба не избежать, но он не желал разрушать кусок пригорода того улья, который должен оберегать, только ради того, чтобы быстрее дойти до врага.

Даже идя малым ходом, «Фаэро» оставлял после себя кильватерный след разрушений. Его громада стесывала стены на узких улицах или проламывала панельные жилые блоки, если не находилось прохода.

В этом районе многие строения были ветхими и заброшенными. Каменная кладка и деревянные балки почернели от времени и грязи. Каркасы четырех- и

пятиэтажных зданий стояли без крыш, и «фаэро», цепляя выступающие свесы и гнилые опорные конструкции, с хрустом пробирался вперед, снося полумертвые трущобы, что простояли по шестьсот-семьсот лет. Он продвигался сквозь группки грязных улочек, словно передвижное землетрясение, сопровождаемый непрерывным грохотом и шелестом осыпающейся кладки, звоном разбитого стекла, треском падающей черепицы. Там, где он проходил, резкий дневной свет, смешанный с пылью, падал на вскрытые помещения и подземные туннели, которые находились в темноте многие века.

Кунга привело в уныние количество жизненных отметок, которые показывал ауспик. Обреченный, полуразвалившийся район Старой Башни не был оставлен жителями. В отличие от своих более зажиточных соседей в Семпловых Высотах и прилегающих городках, у которых нашлись средства и возможности эвакуироваться в главный улей,

несчастные отбросы Старой Башни остались в своих трущобах. Они прятались там, в сырых и подтопленных подвалах, в подземных криптах и удушливых погребах, ожидая и молясь, чтобы закончилась война, чтобы они смогли выйти и продолжить свою отвратительную жизнь. «Фаэро» шагал вперед, Кунг следил за аускиком. При каждом шаге, при каждом падении стены или крыши кучки жизненных отметок смещались, двигаясь волной впереди махины и рассыпаясь по окрестным улицам. Словно крысы, которых гонят из нор, жители Старой Башни бежали перед разрушительным продвижением махины, хотя и выжидали до самого последнего момента, когда на сулящую гибель поступь надвигающегося титана уже нельзя было не обращать внимания. Тогда их решимость сидеть тихо и прятаться побеждал страх смерти, и они бросались бежать, таща за собой детей, скот и пожитки, в примыкающие переулки и тупики, в то время как гибли их дома и убежища.

— Этот сектор стоило бы расчистить, — пробормотал Кунг.

— При всем уважении, принцепс, я сомневаюсь, что Кузница или губернатор обладают каким-то контролем над этими беднягами, — отозвался модерати. — Это черные трущобы. Здесь нет властей.

— Ну и кем мне прикажете себя считать? — спросил Кунг. — Отрядом по реконструкции города, что ли?

Модерати расхохотался.

Титан вышел из темной улочки во двор, граничащий с рядом гниющих скотобойных навесов. Бурая приливная вода поднималась в каналах, и каждый гигантский шаг вздымал по всему двору такие волны, что они грязным прибоем разбивались о фасады окружающих зданий.

Модерати Кунга издал возглас изумления. Кучки местных жителей собрались по краям двора, крича и глумясь над шагающей махиной. Некоторые появлялись в окнах и даже на просевших крышах. Они принялись забрасывать «Фаэро» камнями и обломками. Кунг почувствовал крошечные удары и стук

кусков черепицы и дорожной плитки, отскакивающих от его кожи.

— Вот тебе и благодарность.

Он включил могучий боевой ревун «Фаэро», и рассерженный упрек древней махины заставил толпы рассеяться в ужасе. Некоторые снова собрались позади титана, швыряя камни и бранясь, с намерением прогнать махину из своей жизни.

— Черт возьми, — произнес Модерати, — они что, не понимают, что ты пытаешься для них сделать?

Кунг не слушал. Что-то только что промелькнуло по манифольду, и он запустил систему ретрокогниции, чтобы воспроизвести снова и отследить, что же это было.

— Контакт! — взревел он, занимая соответствующее положение в амниотике и концентрируя сознание.

«Фаэро» внезапно очутился под совмещенным огнем с семи наземных позиций на улицах впереди. На броне расцвели взрывы от осколочных и прямых

попаданий.

— Щиты на полную!

Стаи ракет со свистом брызнули через крыши и вспухли пеленой огня поверх щитов. Интенсивный артиллерийский огонь разносил стены и деревянные балки, страстно желая добраться до махины.

Несколько плотно стоящих зданий впереди рассыпались под сокрушительным обстрелом.

Стремительное нападение превратило двор в хлещущий лес водяных столбов, потоков грязи и разлетающихся обломков. Те из жителей, у кого хватило мозгов бежать, ринулись в ближайшие переулки и проходы.

Спастись им не удалось. Враг усилил обстрел, стремясь поразить «Фаэро». Град дальнобойных снарядов модифицированных «Бомбард» и «Сотрясателей» осыпал двор и скотобойные навесы. Меткость врага оставляла желать лучшего. Падающие снаряды взрывались на окраинных улицах и в переулках за спиной титана, оставляя после себя глубокие воронки и развороченные зловонные подвалы. Вихри

огня вскипали в узких проходах и извергались из зданий. Разбегающиеся кучки людей сгорали в пламени разрывов, умирали в потоках кипящей воды. Непрерывная тряска от падающих снарядов была столь интенсивной, что «Фаэро» слегка шатало.

— Щиты держатся! — крикнул Модерати.

Кунг ответил энергично, атаковав турбоогнем с левой руки. Поворачивая корпус, он сровнял с землей целый ряд домов, захватив попутно одну из скрытых позиций противника. Он услышал мусорный код и шум двигателей. Засада пыталась перевести и перенацелить свои мобильные батареи.

Кунг вычислил источник шума и снова врубил турболазер. От ярости его убийственного излучения посыпалась черепица с крыш и полопались стекла в окнах. Аустик показал вспышку тепла — где-то поджарилась самоходка или орудийная установка. Явно уничтожение цели.

— Вперед, самый полный ход! —

приказал Кунг.

— Есть самый полный!

Сенсори Кунга высчитывал данные целеуказания по мере поступления информации. Любая горячая точка, появляющаяся среди холодного и темного камня в непосредственной близости, любой всплеск мусорного кода, выхваченный из эфира, становился устойчивым следом. Кунг чувствовал пульсацию вен предплечья, когда били «Вулканы», переключаясь с одних данных целеуказания на другие, как только сенсори их выдавал.

<Выгрузить данные о ситуации, «Фаэро»!> — потребовал по связи манифольда Борман.

Уже делая безо всякого труда двадцать дел одновременно, Кунг выплюнул данные оперативного изображения в ответ. Он был в курсе, что следом за ним идут силы скитариев, а с юга приближается «Венгесус Грессор».

Он не стал запрашивать помощи ни у кого из них.

Крузий внимательно следил за загружающейся передачей.

— Кунг, — пробормотал он.

— Что? — спросила Этта Северин. Гололитический дисплей менялся быстрее, чем она могла уследить, одни данные накладывались на другие слишком часто для немодифицированного смертного.

— Принцепс Кунг, — пояснил Зонне, — ведущий «Сикариец Фаэро» в район Старой Башни. Принцепс вступил в бой.

— Успешно?

— Бой еще не закончен, матзель, — ответил фамулюс. — «Сикариец Фаэро» на данный момент повреждений не имеет и уничтожил девять наземных целей.

— Десять, — поправил Крузий не глядя.

Связь ноосферы краулера оказалась слишком слабой, чтобы можно было эффективно следить за сражением. Экзекутор выпустил небольшой механодендрит из гнезда в запястье под

обшлагом рукава и вставил в пульт. Подключившись напрямую, хотя и с ограниченными возможностями, он соединился с манифольдом.

Этта наблюдала за ним. Экзекутор-фециал, казалось, смотрит в пустое пространство, хмуря брови. То и дело едва заметная реакция кривила его губы или прокладывала морщины на лбу.

— Похоже, что предположение лорда Геархарта было правильным, — сказал он. — Враг сделал попытку флангового обхода через Семик. На самом деле они продвинулись даже дальше, чем ожидалось. «Фаэро» столкнулся с наземными частями — легкими моторизованными орудийными платформами и крупными боевыми сервиторами.

Этта посмотрела на окна. Даже для открытой площадки наблюдательного мостика битва шла слишком далеко, чтобы можно было различить какие-то детали. В нескольких километрах к северу небо вспыхивало от орудийного огня, поднимался дым. Махина, которую они видели осветившейся выстрелами, пропала

из виду.

— Каковы силы противника? — спросила она.

— Принцепс Кунг на данный момент отслеживает сорок восемь источников огня артиллерии и тяжелого оружия.

— Сорок восемь? — переспросила Этта. — По нему стреляют из сорока восьми мест?

— Его щиты держатся, мамзель. Он устраняет цели с поразительной скоростью.

— Он? — эхом повторила она.

— Конечно, — сказал Кузий. — Он и есть «Сикариец фаэро».

>

«Владыка войны» Кунга пробился через старую Паперть в конце Палатной дороги, уничтожив за несколько секунд достопримечательность Старой Башни, что тысячи лет являла свои осыпающиеся, потемневшие от мха черты небу Ореста.

Гранитные колонны, оплетенные плющом, валились, словно деревья, позади махины; западная стена Паперти неторопливо вспучилась и рухнула, будто падающая волна. Грохот всеобщего разрушения потонул в визге турболазеров и испепеляющих плевках плазменных орудий.

Пробираясь сквозь каменные обломки, «Фаэро» вышел на Птичий рынок — широкий проход, идущий от старых пристаней Самика на юг к коммерции Гокса. Около дюжины крупных боевых сервиторов накидывались на «Фаэро» сзади, словно питбули, хватающие за пятки свирепого урсида.

Они бросались вперед, быстро семеня многочисленными ногами, и выпускали с близкого расстояния импульсы из своих плазменных установок, предназначенных для убийства махин, а затем отступали.

Кунгу надоели их забавы. Дюжина этих зверюг уже лежала разбитыми и горящими позади «Фаэро». Он опустил турболазер и перепахал дорожное покрытие вокруг ног титана, вращая корпус махины, чтобы увеличить конус

огня. Надоедливые сервиторы поплатились за свою дерзость. Двое испарились. Еще трое получили столь серьезные повреждения, что их шасси разлетелись на куски. Покинув Паперть, Кунг перешел на полный ход и раздавил еще двоих. «Фаэро» дрогнул, когда под ногами воспламенились резервуары с плазмой. Вдобавок Кунг превратил один могучий шаг в неуклюжий пинок, метко ударив одного из сервиторов, отчего тот улетел и, подпрыгивая, покатился по улице.

Уцелевшие сервиторы отстали и, отстреливаясь развернутыми назад орудиями, разбежались с изрытой воронками дороги. Впереди, у Птичьего рынка, танки и самоходные орудия Архиврага, что обстреливали «Фаэро» у скотобойных навесов, заметили надвигающегося титана и с ревом начали торопливо отступать. Кунг прицелился из орудия «Дрожь земли» и турболазера и принялся отстреливать их с ходу. Они понадеялись, что их массированная огневая мощь прикончит «Фаэро» прежде, чем тот выйдет на открытое шоссе. Надежда

оказалась опрометчивой и глупой.

Танки начали взрываться. Башни отрывало и кувырком вскидывало в воздух. Боеукладки детонировали с силой грома. Целые орудийные платформы разрывало пополам и опрокидывало набок. Те, кто уцелел при первых залпах, увеличили скорость, некоторые задним ходом съезжали с шоссе, пробивая стены, пытаясь уйти от прямого столкновения.

— Держать скорость! — приказал Кунг.

Даже отступая с открытой дороги в плотную застройку трущоб, проламывая своими отбойниками дыры в зданиях, вражеские танки оставались видимыми для него. Сенсори Кунга продолжал терпеливо фиксировать каждый след, что регистрировал аусник: мусорный код, шум двигателей, тепло выхлопов, вибрацию движения. Он даже указывал векторы целей по следам рушащейся кладки. Сознание Кунга, полное звериной ярости БМУ, переключалось между наборами вооружения, выполняя несколько задач

сразу, быстро подбирая тип боеприпасов, подходящий для конкретной цели. Разбитые строения рабочего поселка не спасали врага — каменные и роккритовые стены не могли ни спрятать его от взгляда «Фаэро», ни защитить от выстрелов.

Бой длился девять минут. За это время «Сикариец Фаэро» сровнял с землей пять кварталов Старой Башни и уничтожил тридцать четыре цели. Кунга в амниотической раке омывал восторг битвы. Голова откинута, рот распахнут в рыке, пальцы хищно скрючены. Он отдался «Фаэро», позволив машинному духу поднять его способности до интуитивного, инстинктивного уровня.

Даросс, модерати, не сводил глаз с монитора жизненных показателей. Были известны случаи, когда на пике сражения принцепсы отключались, испытывая большой эпилептический припадок или полностью теряя рассудок и пропадая в ревущем водовороте БМУ. Через манифольд, через щекочущие всплески

штекерного подключения Даросс ощущал то, что переживал Кунг, — через вторые руки, но все равно ярко: перегрузку сенсорных изображений и вычисления целей, мощь конечностей, ревущую ярость орудийных сервиторов, бешено колотящийся реактор, треск щитов, машинный код, расплавленным свинцом бегущий по спинному мозгу, стальную крепость духа, радость...

Внезапно прозвучал сигнал попадания во вражеский прицел. Предупреждающая отметка, словно кровавая ссадина, вспыхнула в манифольде.

<Махина! Махина!> — прокантировал сенсори.

Бой вот-вот грозил перейти на более высокий уровень.

Она пробивалась к ним сквозь пыльные амбары за Птичьим рынком, целеустремленно перешагивая через каналы и мостки, что крест-накрест пересекали задние поля. Она пинками рушила стены и расталкивала плечами башни и карнизы крыш в агрессивной

жажде добраться до имперского титана. Она прошла сквозь верховой переходный мост, который перегородил ей дорогу на уровне груди, выгнув и порвав металлическую ферму, как спринтер-победитель рвет финишную ленточку. Обломки моста, высекая искры, посыпались на улицу внизу.

Ее звали «Некромант Инвидиоза». Она и не пыталась скрыть свое имя, даже наоборот, громко транслировала его завывающим мусорным кодом через аугментторы, крича на всех частотах, словно слова могли быть неким оружием. Их отравляющий скрежет заставлял манифольд дрожать и дергаться по краям. Кунг зарычал и приглушил аудиорецепторы, отключив десятки незначимых каналов, чтобы убить шум.

Злобный вой не прекращался. Слова «Некромант Инвидиоза!» — эхом метались по манифольду, БМУ, мысленному представлению, словно выжженные раскаленным добела железом. Имя стердело. Оно воняло смертью и убийством. Оно имело привкус какого-то

нечистого, неосвещенного места за пределами известных звезд; его фонетическая структура состояла из недочеловеческих, отвратительных звуков.

Уродливая вражеская махина щетинилась шипами. Она была черной, словно сгоревшая плоть, но нельзя было сказать, специально она покрашена в такой цвет или покрылась копотью в результате предыдущих боев. Ржавчина проела броню, отметив тело махины язвами. Кроваво-красный свет сиял из окон кокпита. Уже наведясь, она выстрелила первой. Нечто вроде турболазера изрыгнуло копье света в «Фаэро»; вспышка была столь яркой, что оставила синеватый отпечаток на сетчатке глаз.

Кунг сморщился, когда выстрел ударил по щитам на уровне брюшных мышц, вспыхнув фонтаном рассеивающейся энергии. Пустотные щиты выстояли, но на мышцах пресса самого Кунга остался болезненный психостигматический рубец. Вражеская махина выстрелила во второй

раз, но выстрел по касательной отскочил от пустотного щита на плече. Кунг услышал злой животный хохот из аугментеров врага.

Обезображенный вражеский «Владыка войны» выстрелил снова, и «Фаэро» получил второе попадание в брюшные мышцы. Кунг задохнулся от боли; зазвучал сигнал, предупреждающий о состоянии щитов.

— Повреждение щита, участок восемьсот восемьдесят три, — передал Дароссс.

Коварный и предусмотрительный «Некромант Инвидиоза» специально целился в первую рану, пытаясь разорвать щиты. Он издал первобытный хохот — хриплое автохтонное бульканье: частью ликующий смех, частью испорченный код.

Кунг двинул правым плечом, правая корпусная установка — кубическое пусковое устройство, которое «Фаэро» носил на широком правом плече, словно ящик, — проснулась и активировалась. Боезапас ее составлял пять управляемых ракет.

Створки установки и крышки пусковых труб распахнулись.

<Курс два-десять>, — прокантировал Кунг.

— Есть два-десять, — ответил рулевой.

<Подготовить расчет поражения цели>.

— Есть подготовить расчет, — отозвался сенсори.

<Самый полный ход>.

— Есть самый полный, — откликнулся Дароссс.

«Фаэро» вышел из сектора огня вражеской махины и повернул на курс атаки. «Некромант Инвидиоза» не снижал хода. На его оружейных конечностях развевались вымпелы убийств. Грязные, испятнанные кровью полотнища захлопали на жарком ветру, когда махина начала поворачивать корпус для нового выстрела. Кунг трижды выстрелил навскидку из турболазера, двумя выстрелами по касательной поразив затрещавшие щиты махины, а третьим обезглавив фабричную трубу в ста пятидесяти метрах за спиной

врага. Ужаленный попаданиями, «Некромант Инвидиоза» сделал шаг назад и начал выполнять полный поворот, чтобы встретить врага лицом к лицу.

Кунг выпустил первую ракету. На конусе сгорающих газов она со свистом покинула контейнер и ударила вражескую махину в лоб.

Детонация была изрядной. Электромагнитный импульс-шок на секунду сбил манифольд. Вновь обретя соединение, Кунг увидел, как вражеский «Владыка войны» отшатнулся, споткнувшись. Он все еще был цел, но его передние щиты волновались и трещали от перегрузки. Сплетения искр и электрических разрядов плясали в воздухе вокруг.

Кунг выпустил еще одну ракету.

Он услышал вой мусорного кода и на секунду решил, что свалил врага. Но чудовищная тварь осталась на ногах, шатаясь, озаренная переливами энергии.

Махина развернулась и зашагала прочь.

— Она убегает! — одобрительно

крикнул Даросс.

<Этого мы не позволим>.

Модерати обернулся, глянул на амниотическую раку и ухмыльнулся.

— Полный ход! — крикнул он.

«Фаэро» бросился в погоню.

Вражеская махина разогналась до максимальной скорости, прихрамывая, словно раненая. Она шла обратно по своему следу, отступая через борозду разрушений, которую пробила сквозь амбары. «Фаэро» покинул Птичий рынок и вклинился в чащу старых зданий и гниющих сараев, прокладывая свой собственный путь через черные трущобы. Старые стены и крыши разлетались перед ним на куски, целые ряды домов складывались, словно костяшки домино. Двигаясь параллельным курсом, Кунг вытянул все, что мог, из реактора и, сокращая дистанцию, стрелял из «Вулканов» и турболазера.

Пути двух шагающих махин медленно сходились. «Фаэро» начал выравниваться, отделенный от врага меньше чем двумя кварталами провалов.

Враг был виден над линией крыш, шагающий через трущобы, словно по пояс в воде.

Все еще идя полным ходом, «Некромант Инвидиоза» развернул торс вправо и начал долбить из турболазера на ходу. Идя сбоку, «Фаэро» повернул корпус влево и открыл ответный огонь. Бок о бок, две махины пробивали и протаптывали себе дорогу сквозь трущобы, щедро паля друг в друга. Бешеный перекрестный огонь взрывал и испарял верхние части зданий между ними, поднимая в воздух фонтаны черепицы, кирпичей и известки. Три длинных дымных следа вздымались за ними: по одному за каждым титаном и один от попутных разрушений между ними.

Перед ними вырос старый темплум Святой Лаэры на Севере. Он был выше обеих махин. Они стали обходить его с боков. Ни один не прекратил огня. Темплум пропороло от края до края, вся его конструкция сотрясалась и сыпала клочьями, словно ураган опавших листьев. Древний шпиль провалился внутрь в облаке

белой пыли, как будто его поглотила сама земля.

Они миновали храм, не переставая палить друг в друга. Впереди лежала широкая серая лента реки, окаймленная кучками жилищ на сваях, складами, портовыми кранами и влажно блестящими безмятежными ложами северных резервуаров.

— Его щиты падают! — закричал Даросс, перекрывая бешеный рокот заряжающих автоматов. — Регистрирую тридцатишестипроцентную потерю цельности правых щитов!

Кунг переключился на ракеты и выпустил третью. Она ударила «Некромант Инвидиоза» прямо под правую корпусную установку, и огромный огненный шар внезапно взметнулся и забурлил, словно пойманный встречным тайфуном.

Кунг знал, что это значит. Щиты вражеской махины лопнули, лопнули резко, и всплеск давления разорвал пелену огня, словно обратная тяга.

Вражеский «Владыка войны» сбился с

шага, выправился со скрежетом гиростабилизаторов и сбился опять. Правая часть его корпуса была разбита, куски брони болтались на нитях усиливающей арматуры. Жалкие выпепелы побед горели. Вторичные взрывы, небольшие, но смертоносные, полыхнули по правому боку, выбрасывая куски раскаленной докрасна брони и фрагменты подкожной обшивки.

Шатаясь, напрягая гироскопы сверх допустимого, вражеский «Владыка войны» достиг роккритовой платформы рядом с основным резервуаром, сбил портовый кран и порвал линию электропередач — провода лопнули и брызнули фонтанами искр. Платформа пристани затрещала под весом махины. «Некромант Инвидиоза» повернулся к противнику лицом, перекосившись вправо. Дым рвался из его торса, окутывая кокпит.

<Машине стоп!> — приказал Кунг.

Две махины на секунду встали лицом к лицу: «Фаэро» — несгибаемо, крепко и решительно, с поднятыми орудийными

руками и сгорбив спину, «Некромант» — вяло и пошатываясь, словно нокаутированный боксер.

Пыль и дым могучего состязания вздымались над разрушенными улицами.

<«Некромант Инвидиоза!»> — непокорно взвыли аугмиттеры махины.

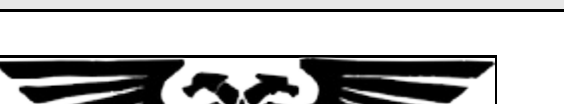
— Ты это уже говорил, — сказал Кунг и выстрелил из «Дрожи земли» — единственный выстрел, в голову.

Кокпит вражеского «Владыки войны» взорвался; верхнюю и заднюю части бронированной черепной коробки вбило в нависающий сверху корпус. Силовые линии на плечах и локтях вспыхнули. Он отшатнулся, все увеличивая наклон, уже дойдя до точки невозвращения.

«Некромант Инвидиоза» медленно опрокинулся на спину, объятый пламенем, и рухнул на дно резервуара, утянув за собой ряд кранов и лебедок. Удар взметнул высоко в небо фонтан грязной воды, словно взорвался заряд подводной лодки, и мгновенное наводнение затопило пристань, всосавшись назад так же быстро, как и пришло. Огромный приливный вал

прокатился по резервуару и яростно перехлестнул через дамбы и фильтрационные барьеры у границы реки. Подсистемы махины продолжали взрываться, по мере того как та погружалась, и бурлящие гейзеры поднимались над взволнованной поверхностью воды, выбрасывая пар.

— Орудия в безопасный режим и перезарядить, — произнес Кунг. — Пошли поищем следующего.



Варко попытался сориентироваться. От поста СПО он ушел недалеко, не больше чем на полкилометра, но с рассветом опустился густой туман, и кругом стало мало что видно.

Туман был ненастоящий — удушливые пары сгоревшего метательного вещества и частицы дыма, медленно плывущего из главной зоны к болотистым низинам. Белый, похожий на пар туман превращал воздух в мягкую бледную стену, просвеченную солнцем, — светлое дымчатое ничто, как детское представление о загробной жизни.

Варко и Саген ушли рано утром, чтобы разведать местность. Было пугающе тихо, туман одновременно заглушал и усиливал даже небольшой шум — звуки дыхания, например, шорох одежды

или стук вылетающих из-под ног камешков.

Недалеко от поста они наткнулись на роккритовый ров. На самом деле едва не свалились в него в мягком тумане. Ров был частью старой системы дренирования болот — древней сети, которой давным-давно никто не пользовался. Роккрит стенок покрыли трещины и пятна; на вязком, едва подсохшем дне росли пучки узловатой травы.

— Пройдешь немного в эту сторону, — сказал Варко. — Я пойду в ту. От края не отходи, не то заблудишься. Посмотрим, что удастся найти. Через пять минут поворачиваем обратно и встречаемся здесь.

Саген кивнул и постепенно пропал в тумане.

Варко захрустел вдоль разбитого края канавы. Миновал группу заросших травой отводов, откуда в главный канал когда-то втекало с северо-запада другое ответвление русла.

Варко нервничал и поэтому руку с кобуры не снимал. Странная тишина

места, сверхъестественность освещения и отсутствие расстояний вызывали гнетущее ощущение. Варко почувствовал, как колотится сердце.

Послышался крик. Варко вздрогнул. Приглушенный светлым маревом, крик походил на резкий вопль речной птицы и, казалось, шел отовсюду и ниоткуда.

Варко вытащил пистолет и взвел курок.

Крик донесся снова. На этот раз Варко его разобрал — Саген звал его по имени.

Он развернулся и поспешил обратно, держась края. Под ногами захрустели камни, несколько штук улетели в ров, подскакивая по роккриту с таким звуком, будто кто-то ломал птичьи косточки.

Он опять услышал крик Сагена. Крик как будто раздавался сзади, но Варко понимал, что это невозможно. Он поспешил дальше.

Из тумана проявлялись силуэты. Варко притормозил и пошел, подняв пистолет. На краю рва, накренившись на сломанных осях, стоял выгоревший

грузовик СПО. За лобовым стеклом сидела черная как смоль, оскаленная фигура, руками, усохшими до состояния палок, вцепившись в покореженный от жара руль. Сгоревшие останки других вплавились в кузов и усеивали землю. Огонь превратил тела в почерневшие от копоти кости, одетые в клочья плоти и обмундирования. Высохшие жуткие фигуры, съежившиеся от огня.

— Капитан! Капитан Варко!

Варко обогнул мертвый грузовик. Кормой на краю и мордой во рву лежал эспэошный «Кентавр», зарывшись носом в дно. Бульдозерный нож задрался кверху, словно жутко вывихнутая челюсть. Он явно выехал за край и клюнул носом в крутую четырехметровую канаву.

— Саген?

— Сэр, я внизу!

Варко заглянул в ров. Саген как-то сумел спуститься и осматривал разбитый, но не загоревшийся «Кентавр». Четырехстволку, которую тот тянул за собой, тоже стащило вниз, развернув при

падении. Вес орудия вырвал сцепку, и оно валялось на боку возле тягача. Вокруг грузового отсека «Кентавра» были раскиданы снарядные ящики.

— Ты как туда слез?

Саген поднял голову и указал на узловатые кусты, свешивающиеся через край рва:

— Мой вес выдержали.

Варко засунул пистолет в кобуру и осторожно выбрался на стенку рва. Деревянистые отростки кустов трещали и расползались под его весом, царапая руки. На последнем метре Варко спрыгнул.

— Пример хренового вождения, — съязвил Саген, кивком указывая на «Кентавр».

— Или паники, — откликнулся Варко. — Попали под обстрел, крутанули со страху руль и — бац!

— Бедняга, — произнес Саген.

Варко увидел на земле рядом с расплющенным носом «Кентавра» тело: при падении водителя выбросило из машины.

Трудно было сказать, как давно он

погиб. Варко прикинул, что не больше чем день-два, но суровый климат уже принялся за работу. Худенький водитель был еще мальчишкой. Эспэошная форма, покоробившаяся от грязи, присохла к сморщенным конечностям, и казалось, что она на несколько размеров ему велика.

— Думаете, это те салаги с поста? — спросил Саген.

Варко пожал плечами:

— Надеюсь, что нет.

В его представлении мальчишки с поста упаковались и сбежали в безопасное место. Эта идея выглядела более утешительной. Мысль о том, что они прошли всего полкилометра и погибли здесь, казалась горькой несправедливостью.

«Кентавр» уже не спасти. Вытащить его из рва не было абсолютно никакой возможности, разве что «Атласом». Но даже если бы они смогли каким-то волшебным заклинанием вызвать бээрэмку, все равно коробка передач у «Кентавра» расколота, левая гусеница слетела и теперь лежала на дне, словно брошенный пояс какого-то великана. Варко

с прискорбием заметил, что нырок вниз погнул и ствол турельного оружия «Кентавра» — тяжелого стаббера. В кабине, в металлической сетке, осталось несколько тяжелых обойм. Он шмыгнул носом. Боеприпасы есть, но стрелять ими не из чего.

Саген постучал по боку «Кентавра». Звук был глухим.

— В баках не меньше половины. Если бы мы смогли хоть сколько-то слить...

— И притащить к посту.

— И притащить к посту, — согласился Саген.

— Нужен бачок.

— Водоочиститель? — предложил Саген.

— Он нужен для воды.

Саген вздохнул:

— В гараже каких-нибудь канистр не было?

— Не помню, — ответил Варко.

Он проверил снарядные ящики. Их было шесть, в каждом лежало по четыре массивных минометных снаряда для

четырехстволки. Если действовать вместе, прикинул Варко, они с Сагеном смогут поднять и унести один. Вытащить его из рва и дотащить до поста будет отдельной проблемой.

Они скрутили из своих курток импровизированную перевязь и потратили двадцать минут, втаскивая поштучно четыре снаряда по стенке канавы. Варко тянул сверху, перегнувшись через край, Саген толкал снизу. Это было медленное и неудобное занятие, прерванное один раз моментом, от которого у них замерли сердца, — Саген поскользнулся, снаряд вывалился из перевязи и ударился в дно рва. Как только все четыре снаряда были подняты, Саген забросил к Варко пустой ящик и вылез сам.

Они сложили снаряды в ящик, закрыли крышку и понесли его к посту, держа по бокам за ручки. Кругом висел туман. Они передвигались короткими, мелкими шажками, каждую пару минут ставя ящик на землю, чтобы передохнуть.

Путь, казалось, занял вечность.

К тому времени, когда впереди обрисовался смутный силуэт поста, они уже тяжело дышали, руки горели.

В тридцати метрах от поста они снова опустили ящик на землю.

— Слушай, — сказал Варко.

— Я ничего... — начал Саген.

— Вот именно. Генератор не работает. Сиди здесь и не высовывайся.

Саген присел возле снарядного ящика. Варко вытащил пистолет и осторожно потрусил к посту. Тот был зловеще безмолвен. Предыдущей ночью он казался надежным и безопасным местом, чтобы передохнуть, хотя Варко прекрасно понимал, что все это временно. В туманном свете дня иллюзия рассеялась. Это было отнюдь не безопасное место. Несчастные мальчишки из СПО, занимавшие пост, тоже это поняли. Чем скорее Варко и его люди смогут убраться отсюда, тем лучше. Если только уже не слишком поздно.

Варко сунул руку в карман и сжал натертой ладонью медальон.

Он обогнул пост мимо полупустого

гаража, где в тени низкой бронированной крыши стоял «Кентавр». Из главного блокгауза по-прежнему не было слышно ни звука.

Варко двинулся дальше. От напряжения в глотке пересохло. Кустистая ровная земля позади поста терялась за белым непроницаемым занавесом всепоглощающего тумана, который теперь выглядел угрожающим, способным спрятать что угодно и кого угодно.

Варко обошел роккритовый бок поста и в упор столкнулся с нацеленным лазпистолетом.

— Черт! — выдохнул он.

Гектон опустил пистолет и приложил палец к губам. Затем взмахом призвал Варко следовать за собой.

Они вошли в сумрак поста. У двери торчал Леопальд с карабином в руках. Он выглядел встревоженным.

Внутри помещения блокпоста сидел Траск и наблюдал за Кодером. Технопровидец замер перед ауспиком. Машина была включена, хотя генератор

не работал.

— Что происходит? — прошептал Варко.

— Снаружи что-то есть, — тоже шепотом ответил Гектон и кивнул на Кодера. — Он запустил аусник.

Варко пробрался к технопровидцу и вгляделся в небольшой, прикрытый сверху козырьком экранчик.

— Два или три контакта, к востоку от нас, — тихо сообщил Кодер. — Погодные условия и качество работы аппарата снижают достоверность возвращаемого сигнала.

— Прошлой ночью у тебя были сомнения насчет аусника.

— Мой диагноз оказался преждевременным. Выяснилось, что вокс ремонту не подлежит. Основной и вспомогательный усилители умышленно расплавлены, возможно — паяльной лампой. Ввиду того что вокс превратился в хлам, я снял с него детали для починки аусника. Его производительность слаба, но это хоть что-то.

— От чего ты его запитал? —

прошептал Варко.

— От своего внутреннего источника, — ответил Кодер. Обе его руки находились во внутренностях аупика, механодендриты выдвинуты и соединены с электрическими цепями.

— Ты так долго не продержишься, — сказал Варко. — Расход энергии...

— Я буду старательно следить за уровнем своей энергии, — ответил технопровидец.

— Кодер засек первый контакт где-то полчаса назад, — сказал Гектон. — Практически сразу же, как запустил для проверки аупик. Мы выключили генератор, чтобы не было шума.

— Видели что-нибудь? — спросил Варко.

— Нет, — ответил Гектон.

— Однако я засек короткие фрагменты мусорного кода, — сказал Кодер. — Что бы там ни было снаружи, оно не наше.

— Здесь оставаться нельзя.

— Это верно, — заметил Кодер.

Варко повернулся к Траску:

— Саген ждет снаружи с ящиком минометных снарядов, которые мы нашли. Иди помоги ему донести, только тихо.

Траск кивнул и выскользнул за дверь.

— Следи за туманом, — приказал Варко Леопальду. Стрелок кивнул. Варко повернулся обратно к Гектону и технопровидцу. — Где-то в полукилометре к западу от нас в канаве лежит разбитый «Кентавр». Там есть стабберные патроны, еще ящики с минометными снарядами и топливо в баках. Есть в пристройке какие-нибудь канистры или бачки?

Гектон пожал плечами.

Они отправились на поиски, оставив Кодера у аспика. У самой двери Леопальд задержал их, выставив руку:

— Стойте.

Они остановились.

— Кажется, я что-то слышал, — произнес он.

Варко обернулся к технопровидцу:

— Есть что-нибудь?

— Вроде поблизости ничего не двигалось, капитан, — ответил технопровидец.

Варко и Гектон покинули помещение блокпоста и поспешили к гаражу. За левым спонсоном «Кентавра» нашлись две привязанные канистры средних размеров. Под одним из задних верстаков, в сундуке, Варко обнаружил кусок грязного пластекового шланга, который, судя по запаху, явно использовали для слива топлива. Гектон нашарил в инструментальном ящике «Кентавра» пару универсальных инструментов и подобрал в углу гаража среди кучи принадлежностей для окапывания длинный отрезок металлической трубы от забора.

— Если полные канистры окажутся слишком тяжелыми, сделаем из него коромысло.

Варко кивнул.

— Веревка какая-нибудь есть? Вытаскивать оттуда груз — не на пикник сходить.

Гектон обыскал кучу.

— Нет. — Потом встал и оглядел внутренности гаража. — Как насчет этого?

К одной из балок крыши был притотан блок с цепью и ворот: простое устройство для подъема частей двигателя. Они снова забрались на корму «Кентавра» и аккуратно вытянули из блока хорошо смазанную цепь.

— Эта пойдет, — сказал Варко. Он кинул последний взгляд в инструментальный ящик «Кентавра». Ничего, чем бы можно было открыть склад, там не нашлось. — Пошли.

К тому времени, как они вернулись в помещение блокпоста, Саген с Траском уже вынесли из тумана ящик с боеприпасами и поставили в угол.

— Мы собираемся слить топливо из той развалюхи, — сказал всем Варко. — Работа будет небыстрой и займет несколько ходок.

— А почему бы не сходить один раз, — предложил Саген, — потом завести «Кентавр», доехать до рва и привезти остальное? Получится гораздо проще, чем таскаться туда-сюда с канистрами.

Гектон пототал головой:

— Как только заведем двигатель, нас услышат. Нужно все сделать тихо.

— В точности мои мысли, — добавил Варко. — Когда запустим «Кентавр», нам лучше быть готовыми выехать и больше не останавливаться.

Гектон с Леопальдом отправились в поход за топливом первыми, чтобы дать Варко и Сагену передохнуть. Траск с карабином занял пост у двери.

— Собери все вместе, — тихо сказал Варко Сагену. — Все, что может нам пригодиться, и наполни фляги.

Саген кивнул и принялся за работу.

— Есть что-нибудь новое? — спросил Варко у Кодера.

— Не сомневайтесь, я вам обязательно сообщу, капитан, — ответил тот.

Варко улыбнулся и глянул на ящик со снарядами в углу.

Гектону с Леопальдом понадобилось пятьдесят минут, чтобы обернуться. Они появились, сгибаясь под тяжестью двух канистр, болтающихся на шесте между ними. Оба устали и вымазались в грязи. Гектон еще распихал по карманам

магазины к стабберу.

— На случай, если найдем оружие, — пояснил он.

Канистры перелили в баки «Кентавра». В них оказалось мультитопливо — едкая смесь из переработанных химикатов и масел, которой питались всеядные двигатели тягачей. Восьмивулканерная силовая установка «Кентавра» могла работать практически на всем. Чистое, качественное топливо для СПО не полагалось.

Вторыми пошли Траск и Сагем. Варко с Гектоном проверили весь «Кентавр», сложили на борт магазины стаббера и спальные скатки из поста. Варко решил было отцепить четырехстволку — лишний груз, да и снарядов у них всего четыре. Сходить и притащить еще, скорее всего, напрасный труд.

Он снова подумал о ящике со снарядами.

Фантомы на аустике ближе не

двигались, но яркий белый туман вроде бы — на взгляд Варко, по крайней мере — уже начал рассеиваться.

Оставив Гектона готовить «Кентавр» к отъезду, он вернулся в помещение блокпоста, вытащил из ящика один снаряд и задумчиво перевернул. Затем вынул заднюю чеку и аккуратно открутил стабилизаторы.

— Пара слов о личной безопасности, — глядя на его манипуляции, произнес Кодер. — Не могли бы вы делать это где-нибудь в другом месте или не делать вообще?

— Расслабься, — ответил Варко, — я знаю, что делаю.

— Если честно, вы не похожи на того, кто знает, — прошептал Леопальд от дверей. — Снаряд, конечно, довольно инертный, но если вы его уроните не тем концом вниз...

— По соседству с ящиком снарядов, — добавил Кодер.

Варко остановился и вытер пот с лица.

— Ты разбираешься в этой хрени

лучше меня, — сказал он Леопальду. — Давай ты.

Стрелок «Беспощадного» прислонил карабин к двери и подошел ближе. На его лице читалось сомнение.

— Что конкретно вы пытаетесь сделать?

— Вынуть основной заряд, — ответил Варко.

— Я понимаю, тупой вопрос, — сказал Леопальд, — но...

— Зачем? Хочу попробовать взорвать дверь склада.

Леопальд присвистнул:

— Ишь чего.

— Сможем это провернуть?

— Попробовать можно, — ответил Леопальд. — Давайте его сюда.

Стрелок забрал у Варко снаряд и уселся с ним на пол, обращаясь как с младенцем.

— Если не сработает, я тебя винить не буду, — сказал Варко.

— Учитывая разнообразие вариантов несрабатывания, сэр, у вас может и не оказаться такой возможности.

К тому времени, как Траск и Саген вернулись со второй партией топлива, Леопальд разобрал снаряд и возился у двери склада.

— В тягаче еще осталось немного, — сообщил Саген, переливая топливо из канистр в бак. — Одна ходка, и она, пожалуй, ваша.

Гектон и Траск отправились за остатками топлива. С помощью Сагена Варко оттащил ящик с тремя оставшимися снарядами к пристройке и поставил на землю у входа в гараж.

— У вас есть план, я так понимаю? — спросил Саген.

Варко кивнул:

— Когда зальем последнюю часть топлива, выйдем из поста и взорвем склад.

— Если сможем.

— Если сможем. Потом заберем все, что найдем, как можно быстрее погрузимся в «Кентавр» и помчимся во весь опор.

— Хотите, чтобы я отцепил четырехстволку?

Варко помотал головой:

— Нет, мы отцепим ее, когда вытащим из гаража.

— Зачем? — спросил Саген.

Варко посмотрел на восток, в светлеющий туман. Под солнцем, достигшим зенита, тот начал довольно быстро рассеиваться, становясь латунно-желтым и испаряясь. Варко уже видел в просветах ярко-голубое небо; обзор увеличился до нескольких сотен метров. Безжизненный кустарник вокруг был по-прежнему пуст.

— Она может нам понадобиться.

Он оставил Сагена в пристройке ждать Гектона и Траска, а сам вернулся в помещение блокпоста. Сердце заколотилось как бешеное, во рту появился кислый металлический привкус. Времени оставалось так мало. До сих пор удача им не изменяла, но надолго ее не хватит.

Скоро им понадобится жуткое ее количество в очень короткий промежуток времени.

Появился Леопальд, вытирая руки тряпкой.

— Ну? — спросил Варко.

— Это не самая аккуратная работа, какую я делал, но... — пожал тот плечами.

— Как мы его взорвем?

— Я думал над этим. Детоленты у нас нет.

— И?

— Я пристроил основной заряд к двери и вынул ударник, чтобы сделать детонатор. Не хватает только источника тока и чего-нибудь для безопасного расстояния. Поэтому нужен провод и генератор.

— Может Леопальд воспользоваться проводами от вокса? — спросил Варко Кодера.

— Да, сэр.

— Давай, — сказал Варко.

Леопальд залез под вокс-передатчик и начал бесцеремонно выдирать шлейфы электропроводов. Он разложил их по комнате и принялся расковыривать и резать на куски карманным инструментом.

— Сэр, — тихо позвал Кодер.

Пятно на экранчике аусника начало

двигаться в их сторону с востока.

— Далеко?

— Три километра максимум.

За первым контактом появился второй.

— Они движутся не прямо к нам, — сказал Кодер. — Полагаю, это или патруль, или поисковая группа, идущая примерно в нашем направлении.

— Быстрее, Леопальд, — приказал Варко.

— Точно, это та самая работа, где всегда лучше поторопиться, — проворчал Леопальд в ответ.

Варко подобрал карабин и вышел наружу. Хотя туман продолжал расходиться, превращая день в яркий и сияющий, визуально врага по-прежнему не наблюдалось.

Гектон с Траском вернулись с последними полутора канистрами топлива. Саген перелил его в баки «Кентавра».

— Ладно, мы сделали почти все, что хотели, — сказал Варко и велел Сагену

занять место водителя. — Будь готов дать газ по моему сигналу.

Остальные поспешили в помещение блокпоста. На полпути Гектон остановился.

— Что? — спросил Варко.

— Вспышка. Блик от металла в тумане.

— Уверен?

— Не хотелось бы.

Леопальд вытравливал скрученный из кусков длинный электрический провод из комнаты, примыкающей к помещению блокпоста. Затем взял свободный конец и подсоединил к генератору.

— Если взрываем, — сказал Варко, — то взрываем сейчас.

— Один из контактов определенно повернул в нашу сторону, — сообщил Кодер.

— Отключайся и выходи, — приказал Варко.

Кодер осторожно вытащил механодендриты из аустика. Экранчик померк. Технопровидец выглядел усталым, его пошатывало.

— С тобой все нормально? — спросил

Варко.

— Я истощен, — ответил Кодер. — Немного движения и солнечного света усилят мою биоэлектрическую отдачу.

— Пошли! — донесся крик Гектона.

— Скажи Сагену, чтобы заводил и выкатывался из пристройки! — крикнул в ответ Варко. — Все остальные — наружу. Он посмотрел на Леопальда. — Как это работает?

— Кто-то должен сунуться в дверь и повернуть выключатель света, — ответил Леопальд. — Потом быстро оттуда убраться. Я могу, если хотите.

Варко помотал головой:

— Это была моя дурная затея.

Остальные вышли из помещения блокпоста на солнце. Варко заметил, что Траску пришлось поддерживать Кодера.

Варко встал у массивного роккритового косяка, дотянулся и нащупал выключатель.

— Готовы? — прошипел он.

— «Кентавр» не заводится, — ответил Гектон.

— Что?

— Погоди минутку.

Варко стал ждать, обливаясь потом. Остальные отошли от блокгауза и залегли на землю. Только Гектон остался стоять на углу поста, глядя в сторону гаража.

— Давай! — поторопил Варко.

— Не крутит! — крикнул Гектон.

— Да давай уже!

Послышался запинающийся рокот — двигатели «Кентавра» завелись и тут же заглохли. Еще один выхлоп — и двигатели снова заглохли.

— Я не шучу! — заорал Варко.

Из-за поста наконец-то раздалось урчание заработавшего «Кентавра». Хриплый взрев турбины, затем лязг передачи и торопливый цокот гусениц.

— Вышел! Вышел! — заорал Гектон.

— Включаю! — крикнул Варко, повернул выключатель и убрал руку.

— Ничего не произошло.

— Я же говорил, результат не гарантирован... — начал Леопальд.

— Подожди, — сказал Варко. Когда они пришли сюда прошлой ночью, генератору

понадобилось время на разогрев. Варко услышал свист и фырканье...

Жуткий глухой удар потряс землю. Из амбразур и двери вытянулись струи пыли и дыма. Запертая в бронированной роккритовой оболочке поста взрывная волна нашла все выходы, какие смогла. Варко сбило с ног.

Он поднялся, в ушах звенело. Все заскочили внутрь поста, в клубящийся дым, пробираясь через обломки в заднюю комнату. Было трудно что-то разглядеть, еще труднее — дышать.

Дверь склада была покрыта копотью. Койки в примыкающей караулке сгорели.

— Она все равно закрыта! — крикнул, кашляя, Траск.

Варко и Гектон потянули дверь. Она была закрыта просто потому, что ее вбило в дверную коробку взрывом. Замок срезало начисто.

Дверь открылась. Задыхаясь, полуослепшие, они ввалились в небольшую комнату. Варко попытался оценить добычу. За свои старания они получили не слишком много. Два ящика минометных

снарядов у стены, рядом какие-то детали корпуса, запчасти и комплекты для чистки.

— Детолента, — с сарказмом заметил Леопальд.

— Брось, — сказал Варко.

Упаковки пайка, две небольшие банки масла для жарки, два полевых медкомплекта, дюжина дыхательных масок, шесть саперных лопаток и аккуратно свернутый флаг СПО были опрятно разложены по полкам у другой стены. Под полками находилась пустая стойка для ручного оружия, шесть барабанов стабберных патронов и длинный ящик, покрытый пылью.

— Забирайте еду, медкомплекты и тащите в машину, — прокашлял Варко.

— Можно залить масло в баки, — предложил Гектон. — Мультитопливо?

— Забудь. Нет времени. Кто-нибудь, возьмите патроны!

Варко смел пыль с ящика и открыл крышку. Длинный, массивный силуэт тяжелого стаббера виднелся внутри, вместе со сложенной подпоркой.

— Помоги! — крикнул Варко Гектону. — Забудь про ящик, хватай оружие.

Они подняли стаббер с обоих концов.

— Вот так. Пошли!

Снаружи солнечный свет казался особенно ярким и ослепительным. Они вышли на улицу, откашливаясь и сплевывая черную мокроту. Слышался рокот «Кентавра».

— Вон они! — завопил Гектон.

Варко обернулся через плечо. В редеющем тумане, едва ли в полукилометре от них, блестели сталью приближающиеся силуэты. Варко показалось, что он различил пару боевых сервиторов, энергично перебирающих ногами. Солнечный свет вспыхивал на быстро движущихся конечностях.

— Они ведут поиск целеуказателями, — сказал Кодер, ощутив что-то.

Волоча снаряжение, все рванули к «Кентавру». Гектон и Варко бежали последними, таща между собой тяжелое оружие.

Сагеп вывел «Кентавр» из гаража, затем соскочил, чтобы отцепить четырехстволку. Остальные побросали снаряжение в «Кентавр», затем стали помогать Сагену вытянуть люнеты станин четырехстволки из буксирного кольца. Чтобы повернуть тяжелое орудие стволом на восток, понадобились усилия всех шестерых.

— Давайте снаряды! — заорал Варко, после того как установили станины и толкнули лафет назад, чтобы сошники вошли в землю.

— Это пустая трата времени! — крикнул Гектон.

Они услышали треск. Толстые полосы лазерных выстрелов с воем ударили в стену поста, выбивая град осколков.

— Все еще так думаешь? — спросил Варко. — Заряжайте один ствол! Только один!

Траск с Леопальдом вложили снаряд в зарядник одного из четырех стволов и рычагом загнали его в казенник. Когда казенник с лязгом закрылся, вложили в зарядник второй снаряд.

— Нет времени на третий, — сказал Леопальд. Он завертел ручку вертикальной наводки и снизил угол стрельбы. — Низенько-низенько, ага?

— Я бы так и сделал, — подтвердил Варко.

Плотный лазерный огонь заколошматил по передней стене поста. Они слышали тяжелый стук и цокот наступающих сервиторов. Несколько лазерных выстрелов с треском пролетели над головой.

— Хорош! — крикнул Варко. — Все на борт!

Леопальд держал спусковой шнур.

— На борт, немедленно, — приказал Варко.

Леопальд передал ему шнур и побежал к рокочущему «Кентавру».

Варко выглянул над правым колесом четырехстволки. Вражеские машины частично скрывал пост, но линия выстрела до них прослеживалась. Сервиторы палили не целясь. Выстрелы вздымали густые клубы желтой пыли.

Варко не мог себе позволить роскоши прицелиться. Он открыл рот, закрыл глаза и дернул шнур.

Четырехстволка грохнула и подпрыгнула. Варко ощутил, как внутренности тряхнуло ударной волной. Он временно оглох. Снаряд ударился в нескольких десятках метров позади наступающих сервиторов и выбросил фонтан земли. Казенник автоматически забрал второй снаряд из зарядника и задвинул его внутрь. Варко слегка подправил наводку, затем снова дернул шнур.

Второй снаряд, гулко ударив по кишкам, улетел и взорвался между сервиторами, осыпав их землей и щебнем и заставив слегка сбиться с шага.

— Уходим! — заорал Гектон с «Кентавра». Варко слышал его словно через вату: он все еще был полуоглушен отдачей миномета.

Он как раз собирался развернуться и бежать, когда появился третий сервитор. Его приближение скрывал пост, и сервитор оказался гораздо ближе, чем первые два. Он

с цокотом появился из-за стены блокгауза, всего метрах в тридцати.

Сервитор вышел и остановился, чистя мандибулы. Его орудийные установки были подняты и искали жертву.

Варко матерно завопил. Ему кричали, звали с кормы «Кентавра».

— Уезжайте! — заорал он. — Уезжайте!

Варко нырнул к снарядному ящику и сцепился с ним, вытаскивая последний снаряд. «Кентавр» ехал прочь, то останавливаясь, то двигаясь дальше, словно и отчаянно желая уйти, и не желая его оставлять. До Варко донеслись обрывки спора на повышенных тонах.

Бросившись обратно к орудию, он закинул тяжелый снаряд в зарядник и дернул рычаг. Металл был все еще горячим. Снаряд заклинило, и Варко пришлось лупить по нему руками, чтобы тот вошел на место. Казенник с лязгом закрылся.

Сервитор, перебирая ногами, заторопился к нему — масса уродливой шипастой брони и нацеленных лазерных

установок. До Варко долетал пронзительный вой мусорного кода. Шквал лазерного огня пронесся мимо, один выстрел расщепил железный обод правого колеса. Варко бешено завертел колесо наводки, опуская стволы, пока те не легли горизонтально.

Полевой минотет был сконструирован немного для другого, но Варко это уже не волновало. Сервитор находился прямо перед ним.

Он дернул шнур в последний раз.

Свистнувший снаряд не попал в корпус сервитора. Он ударился в одну из лазерных установок, но этого оказалось достаточно для детонации.

Взрыв тряхнул Варко, удар бросил на землю. Обломки, камни, осколки брони, куски трубок и брызги смазки осыпали его градом.

Гектон схватил его и вздернул на ноги.

— Давай, ты, придурок! — заорал он оглохшему Варко прямо в лицо и потащил его к «Кентавру».

Протянутые руки втащили их в

кормовой отсек. Саген поддал газу, и могучий тягач резко дернулся, сначала задрав нос, потом корму, когда закрутились гусеницы. Затем он двинулся и, оставляя за собой хвост пыли, покатил настолько быстро, насколько позволяла мощь силовой установки.

>

План у Калли Замстак был так себе, но она все равно его придерживалась.

Она вела группу уцелевших из Мобилизованной двадцать шестой на юг, прочь от шоссе Фиделис, прочь от районов самых, как ей казалось, тяжелых боев. При этом стараясь не зацикливаться на факте, что именно она кого-то ведет. Калли не была до конца уверена, как такое происходит с ней.

Но какая-то тайная часть ее души радовалась, что они оставили все решать ей. Она главная, у нее свобода действий. И это давало некое ощущение близости к

Стефу. Было приятно представлять, что в любой момент можно просто принять решение развернуться и вернуться домой, к нему.

Гораздо меньше ей нравилась ответственность.

Калли приняла решение отправиться южным путем. Логика тут была простой. Без карты выбор основывался на самых простых доводах. С востока, севера и запада их окружали районы непосредственных боев и черные от дыма небеса. Дальнобойная артиллерия устраивала дуэли, потрясая горизонт, и время от времени до них доносился далекий рев орудий боевых махин. Не нужно быть гением, чтобы понять, что на востоке, севере и западе кучку неопытной и плохо экипированной пехоты, такой как Мобилизованная двадцать шестая, просто сотрут в порошок.

На юге лежала надежда и перспектива выжить. Неясный розовый силуэт Астроблемы одиноко возвышался над безмолвным краем заброшенных рудных отвалов, поселений-спутников и лачужных

городков для субульевиков и обслуживающих бригад. Юг обещал более безопасные земли. При наличии таких заманчивых целей, как доводочные башни Гинекса, обогатительные заводы Лексала и площадки на Горе, понятно, что ни одна вражеская махина не пойдет бороздить южный пояс, чтобы только записать на свой счет победу над доисторическими рудодробилками, установками для переработки отходов или свалками мусора.

Может быть, на юге они найдут дружественный отряд или исправный вокс.

Калли попыталась вызвать в памяти названия небольших вассальных поселков, заполнивших безводную южную равнину на подходах к Астроблеме и слившихся в единую ржавую массу. Она вспомнила карты, которые их заставляли изучать перед каждым походом в Астроблему тогда, в старые дни. Поселки назывались вроде бы Длинный Перегон, Святой Витал, Уступки и Дальбург. Названия смешили Стефа. По большей части все они были неофициальными. Вассальные городки не

подчинялись Механикус; так же как печально знаменитые черные трущобы на северной окраине рабочих поселений Принципала, они не были, строго говоря, и целиком имперскими. Они просто были. Кормились с дороги, проходящей мимо, — металлолом, пищевые отходы и изделия черного рынка текли сюда из ульев, а собранные или добытые полезные ископаемые утекали в обратную сторону. Характерная граница между ульем и дикой местностью, где у людей было всего два выбора: влачить тяжелую, беззаконную жизнь или умереть.

Дороги здесь представляли собой смесь утоптанной земли и истертого роккрита. Кузница добыла из южного пояса все, что хотела, еще века назад, но после нее еще остались следы промышленности. То, что считалось городами, состояло из рассыпающихся модулей, самодельных хижин и старых каменных и роккритовых зданий, переоборудованных под жилье. Пустые улицы были усыпаны мусором, лаяли бродячие собаки. Калли видела

дворы за заборами и открытые сараи, доверху набитые, как ей показалось, обломками. Хотя складывали их там намеренно. В вассальных городах все имело свою ценность и применение.

Быстрая смена местности действовала отрезвляюще. Они ушли от шоссе Фиделис и обширных прибыльных полей обогатительных и перерабатывающих заводов всего на пять-шесть километров. И через час ходьбы вступили в отхожее царство провинциальной бедности и паразитического существования.

Вокруг не было ни души. Интересно, жители хибар сбежали или спрятались? Калли больше понравилось бы второе.

Мобилизованная двадцать шестая остановилась на перекрестке и устроила пятиминутный привал — только попить и передохнуть. Они пришли в поселение, которое, как утверждал шелушащийся знак, называлось Горловина Пласта. Несколько человек разошлись по ближайшим жилищам в поисках воды и связи. Где-то на задворках жалобно гавкали

собаки. Розовый песок кружил в легком ветерке и пах графитом.

Горловина Пласта состояла из нескольких пересекающихся лачужных улиц, скучившихся вокруг трех больших десятинных домов, принадлежавших когда-то Механикус, — пятиэтажных громадин, которые торчали среди крытых жестью построек, словно монументы. Окна в них были закрыты щитами и забиты досками, от крыш давным-давно остались рыбьи скелеты стропил. Столетия, проведенные под ветром и песком, сточили резьбу и барельефы на величественных фасадах до слабых, неясных пятен. Отошедшая облицовка, превратившаяся в металлолом, болталась на ветру. Позади десятинных домов располагалась шеренга рудных бункеров. Постройки подобных размеров намекали, что Горловина Пласта когда-то была процветающим и важным поселением. Огромные металлические цилиндры бункеров, возвышающихся даже над могучими десятинными домами, проржавели насквозь уже много лет назад.

Коррозия окрасила их в темно-коричневый цвет — цвет гнилого мяса, если не считать пятен яри-медянки на округлых боках. Вокруг ржавых свесов крыш вспархивали и стремительно носились плотные стайки крошечных зефирид. Протяжные звуки горнов Гинекса слышались отсюда словно в чьем-то сне.

Позади бункеров Калли разглядела далекий розовый горизонт Астроблемы и ощутила запах розового песка, задувающего через заброшенные ветряные щиты.

Она коснулась золотого медальона на шее.

— Это означает «звездная рана», — произнес Биндерман.

— Простите? — спросила Калли, вдруг осознав, что тот стоит рядом.

- - - Астроблема. Это означает «звездная рана», — повторил он.

— Да, я знаю, мистер Биндерман.

— Конечно, знаешь, такая образованная девочка. Наверное, мне следует обращаться к тебе «мэм».

— Я не хочу быть главной, — сказала

Калли.

— Думаю, что тебе это нужно. Что им это нужно, — тихо ответил он.

Калли закинула карабин за спину, вытерла губы и хлебнула из фляжки тепловатой воды. Позади них остатки Двадцать шестой расселась прямо на земле или приткнулась в тени. Слышно было, как Ларс Вульк пререкается с Антиком.

— Его надо приструнить, — произнес Биндерман.

— Которого?

Биндерман улыбнулся. Калли посмотрела на остальных. Дженни Вирмак, богатенькая девочка из Верхограда, стояла в стороне от остальной группы, глядя на север, в сторону дома. Из Горловины Пласта Орест Принципал казался неясным голубым бугорком на горизонте. Дженни Вирмак ни с кем не разговаривала уже несколько часов.

Ласко, тощий помощник ткача из Гинекса, перешнуровывал ботинки. Ранаг Зелутин, шлиховальщик руды из Гинекса,

потерял два пальца при нападении на шоссе, и Рейсс делала ему перевязку. Калли всегда знала Зелумина как веселого и приветливого человека. После ранения он стал поникшим и задумчивым. Калли полагала, что скорее от шока, чем от кровопотери. Еще один, о ком надо будет беспокоиться.

Калли попыталась вспомнить имена новых для нее людей. Внушительный бородатый мужчина в темных очках, куривший лхо-сигарету так, словно она была для него последней, — Жакарнов, как-то так. Он много не разговаривал. Калли слышала, что Жакарнов работал оператором ткацкого станка в рабочем поселке Кейптон и относился к службе в СПО всерьез. И несомненно, был ветераном третьего резерва. Интересно, почему он так и не получил звания? Из-за физической формы, вероятно. Мужчину средних лет неподалеку звали Бранифф. Он все время говорил о своих детях и показывал всем их пикты. Калли была бы не против, если бы он перестал, потому что это сводило всех с ума. Просто Бранифф умудрялся таким

образом напоминать остальным, что у всех остались любимые и близкие, кроме, наверное, Рейсс.

Рыжеволосая веснушчатая женщина, по имени Саша, ссутулилась на противоположной стороне улицы. Калли так и не уловила ее фамилию. Саша разговаривала с темнокожим прислужником Механикус по имени Робор, для которого служба в третьем резерве была частью кузнечного ученичества. Кузница требовала от большинства низших работников отслужить срок или два в СПО. Предполагалось, что это сближает имперскую и механиковскую половины Ореста, но все понимали, что половины всегда будут раздельными, так же как все знали, что половины никогда и не были половинами.

Дальше от Саши и Робора стоял мелкий отвратный крысеныш по имени Фирстин, у которого были самые плохие зубы, которые Калли когда-либо видела. Фирстин курил вонючие черные чируты, которые и объясняли состояние его зубов. Голла сказала, что Фирстин находился в

третьем резерве по приговору Магистратума за торговлю запрещенными товарами. Рядом с ним, пробуя одну из его гадких чирут, стоял горилла по имени Вольпер — толстошеий тупица, который работал грузчиком в Аргентуме.

Еще были двое, чьих имен она вспомнить не могла. Это сколько получалось? Восемнадцать, включая ее? Мобилизованная двадцать шестая уменьшилась до восемнадцати человек. Тем не менее ответственность была большая.

Подошли Голла с Иконисом.

— Калли-детка, мы с Боном тут осмотрелись, — сообщила она. — Не нашли ни вокса, ни еды, ни колонок, ни проточной воды. Мы с Боном искали очень тщательно.

— В поселении таких размеров должна быть вода, — сказала Калли.

Бон Иконис помотал головой:

— Мы искали. Тут нет водоснабжения, нет труб, нет стоков. Ит

приходилось беречь и охранять воду наравне с остальными ценностями. Они унесли ее с собой.

— Унесли с собой? — переспросил Биндерман.

— Здесь никого не осталось, — пояснил Иконис.

— Тогда почему у меня ощущение, что за мной следят? — спросил Биндерман, бросая взгляды по сторонам.

Калли тоже огляделась. В ярком свете дня щебечущие стайки зефирид лавировали между верхушками бункеров. Дженни Вирмак по-прежнему пялилась в никуда.

— Калли-детка? — позвала Голла.

— Мы идем дальше, — сказала Калли решительно. — Отыщем воду и найдем укрытие на ночь. Третье желание — вокс. Бон, мистер Биндерман, будьте добры, поторопите остальных, чтобы были готовы к выступлению.

Она пошла прочь, Голла догнала ее.

— Ты куда направилась, сестренка?

— Нужно поговорить с Дженни, — тихо ответила Калли. — Она уже на

грани.

— Угу, — согласилась Голла.

— Так что, это Бон Иконис?

— Что?

— Мы с Боном то, мы с Боном се...

— Замолчи!

— Он тебе нравится. Хочешь, чтобы он стал твоим особым другом.

— Замолчи сейчас же! — прошипела Голла, сдавленно фыркая.

Калли остановилась и с улыбкой повернулась к подруге.

— Только попробуй сказать, что нет, — прошептала она.

— Нет!

— Врунья.

Голла Улдана залилась краской.

— О, да ты втюрилась не на шутку! — сказала Калли. — Настерть просто.

— Так очевидно, да?

— Так же, как очевидно, что он обалденный.

— Ты же замужем, Замстак!

— Если я не хожу в магазин за плойнами, еще не значит, что не сумею разглядеть тот, что посочнее.

Голла хихикнула:

— Он обалденный, да! А что, правда, так заметно?

Калли покачала головой:

— Да, так заметно.

— Замолчи!

— Иди поднимай остальных. Можешь построить глазки своему обалденному Бону.

Голла поджала губы и спросила:

— Я как, нормально выгляжу?

— Ты в центре зоны боевых действий, Улдана. Хватит уже!

Голла прыснула и побежала обратно.

Калли подошла к Дженни Вирмак.

— Твоя подруга, — произнесла Дженни, не глядя на Калли, — хороший человек.

— Моя подруга?

— Большая женщина. Из низов, я полагаю, но очень сердечная.

— Голла очень добрая, — сказала Калли. — Ты как?

— Я хочу... Я хочу домой, — ответила Дженни Вирмак.

— Мы работаем над этим, —

заверила ее Калли.

— Я хочу в улей, где безопасно. Я хочу внутрь. Папа хочет, чтобы я пришла домой.

— Твой папа?

Дженни кивнула. Калли увидела, что у той набегают слезы.

— Папа велел мне вступить в третий резерв. Он сказал, что для меня это будет жизненный опыт, и оплатил учения. Он сказал, что это поможет мне познакомиться с людьми и изучить все слои улья. Он никогда не думал, что я окажусь на войне. Он, должно быть, в ужасе. Он, наверное, сейчас отправляет своих людей искать меня, но они меня не найдут, потому что я не там, где должна быть.

«Если бы ты была там, где должна быть, Дженни Вирмак, ты была бы мертва», — подумала Калли, но удержалась и не произнесла этого вслух.

Дженни отвела взгляд от далекого силуэта Ореста Принципал и в первый раз посмотрела на Калли:

— Можно, я пойду домой? Пожалуйста. Мне здесь плохо. У меня так

бьется сердце, что кажется — земля вздрагивает.

Хлынули слезы. Калли обняла ее. Дженни Вирмак была гораздо выше Калли, но приняла ее объятия, словно материнские, положив щеку на правое плечо Калли и крепко сцепив руки у нее за спиной.

— Все хорошо, — утешала Калли.

Она почувствовала, как в груди девочки бешено колотится сердце. Дженни права, бедняжка: словно земля вздрагивает при каждом ударе.

Калли взглянула поверх плеча Дженни. Увидела ржавые макушки бункеров на фоне горячего синего неба. Ощутила тяжелый толчок. Увидела, как с крыш бункеров сорвались и заметались в ужасе стайки зефирид.

— Дженни.

— Что?

— Беги.

Калли оторвалась от девочки и сняла с плеча карабин.

— Беги! — крикнула она, не отрывая глаз от бункеров. Повернулась назад и

завопила остальным на перекрестке: — Бегите! В укрытие!

Все озадаченно посмотрели в ее сторону.

— Бегом! — заорала Калли.

Она почувствовала, как под ногами подпрыгнула земля, на этот раз не от сердцебиения. И еще раз.

Остальные по-прежнему стояли на месте, недоумевая.

Из-за шеренги бункеров появилась боевая махина.

Калли забыла сглотнуть, хотя ей очень, очень это было нужно.

Махина казалась бесконечно огромной. Почему-то под резким, суровым светом солнца она выглядела больше, чем вообще возможно. Махина сделала еще один потрясший Вселенную шаг и повернулась к Калли. Между ними не было ничего, кроме длинной и прямой пыльной дороги, шедшей через полуразрушенный центр Горловины Пласта.

Калли обнаружила, что не может двинуться. В двухстах метрах от нее

махина сделала еще один шаг. «Владыка войны». Это «Владыка войны». Она узнала базовую конструкцию. Стефа восхищали легионы титанов, и, как только они перебрались на Орест, он несколько раз водил ее посмотреть публичные парады на Марсовом поле, где Легио Темпестус выставлял свои грандиозные махины. Калли узнала модель, очертания и цветовую схему — Легио Темпестус, легион Ореста.

Махина сделала еще один тяжелый шаг. Наконец-то поняв, что она видит, Мобилизованная двадцать шестая рассыпалась в ужасе, разбегаясь в разные стороны. Бросая снаряжение и оружие, они бежали, заскакивали в дома и прятались в сумраке.

Калли не двигалась с места.

Реактор махины рокотал. Послышался скрежет металла по металлу, когда она сделала еще один шаг. Калли, оставшаяся на улице в одиночестве, отступила на шаг назад, не отрывая глаз от махины.

Махина, похоже, была ранена. Она

выглядела ссутулившейся и изможденной. На левом боку зияли обожженные дыры, из теплообменников струился прозрачный сизый дым. Она остановилась и медленно выпрямилась, голова поднялась из ссутуленных плеч. Махина осторожно повернула корпус влево, вправо. Орудийные конечности и корпусные установки были открыты и готовы. Калли услышала лязг хорошо смазанных механизмов и благородный гул внутренних моторов.

Калли отступила еще на шаг.

Она почувствовала, как задрожали барабанные перепонки и завибрировали глазные яблоки. «Владыка войны» обшаривал аусником улицу. Он охотился за чем-то. А Калли была лишь частью местности. Хоть и было похоже, будто махина шла и остановилась перед ней, Калли понимала, что та ее вообще не заметила.

Но Калли все равно подняла руку:

— Прошу вас...

И не сказала больше ничего. Фасад одного из монументальных десятинных домов взорвался — сквозь него прошла

вторая махина, разбрасывая штукатурку и кирпичи. Она двигалась быстро, выгнутые назад ноги размашисто и напористо несли ее вперед. «Владыка войны» начал поворачиваться к ней, но меньшая машина — «Пес войны», если Стеф научил Калли чему-нибудь, — уже обошла его с фланга, стреляя с орудийных конечностей.

Калли дрогнула от грохота орудий. Она ощутила запах озона — высокомощный лазер молотил по вздрагивающим пустотным щитам. «Пес войны», быстрый и настырный, казался уродливым мелким зверьком, если нечто, возвышающееся над крышами, можно назвать мелким. Сгорбленный и боевитый, он отважно наскакивал на огромного «Владыку войны», похожий на разозленную пританцовывающую ворону, которая пытается отпугнуть орла.

«Владыка войны», высоченный и массивный по сравнению с «Псом войны», продолжал поворот. «Пес войны» метнулся назад, затем отскочил в сторону, проломившись сквозь хибары в стремлении не попасть в зону обстрела «Владыки

войны». Он был разталеван грязно-черным, золотым и темно-красным; крокодилий корпус усеивали редкие заклепки, словно стежки на плохо сшитой коже. Грубые эмблемы на броне вызвали у Калли тошноту. Двигаясь скачущими, цепкими шагами, он стрелял снова и снова, настойчиво избивая великана в спину.

«Владыке войны», похоже, надоел этот мелкий и дерзкий противник. Он развернулся с поразительной силой и накинулся на меньшую махину. Без предупреждения его главные орудия извергли стремительный шквал огня.

Гигантский удар тряхнул Калли. Она закрыла лицо руками, закрываясь от ослепительных вспышек. Ряд жилых домов исчез в туче разлетающихся обломков.

«Пес войны», принимая попадания на щиты, ринулся прочь от преследующего его разрушения и скачками бросился к гигантским бункерам, топча несчастные жилища Горловины Пласта. «Владыка войны» зашагал следом. Выстрелив вдогонку, он почти одновременно разнес два бункера, разворотив хрупкие ржавые

цилиндры, словно те были сделаны из сахарной ваты. Бункеры сложились и обрушились внутрь себя со скрежетом рвущегося и лопающегося металла.

«Пес войны» развернулся среди клубов оранжевой пыли, взлетевшей на месте сложившихся бункеров, и двинулся обратно, прямо на своего огромного соперника. Его орудийные установки осветились яркими дульными вспышками. Несколько выстрелов расплескались о щиты «Владыки войны», остальные пролетели мимо, уносясь над головой Калли в поселение, словно блуждающие кометы. Выстрел турболазера пробил насквозь ребра «Владыки войны», выбросив из выходного отверстия на спине облако атомизированной брони и испарившейся смазки. В ответ «Владыка войны» просто выстрелил из пушки «Вулкан».

Казалось, вспышка расколола небеса, словно удар молнии. Взрыв отбросил наглую махину в сторону, щиты ее зашипели и замерцали, пытаясь зарастить пробой.

«Пес войны» попытался восстановить равновесие, но великан уже оказался рядом. Пустотные щиты махин застонали и затрещали, соприкасаясь друг с другом.

У Калли заныли зубы. В носу свербело, словно сейчас хлынет кровь. «Владыка войны» спокойно выдвинул кистень и хлестнул по корпусу «Пса войны», словно человек, наказывающий упрямую собаку. «Пес войны» взвыл, блея сиренами. И торопливо зашагал назад. Ревуны «Владыки войны» рявкнули в ответ, и он дернул кистень обратно, пропахав им по ощеренной морде «Пса войны».

Полный контакт. Земля вздрогнула. Одна из когтистых лап «Пса войны» скользнула по щебню, когда тот попытался выправиться. Он продолжал отступать. Кистень, со стоном рассекая воздух, пронесся снова и ударил вопящего «Пса войны», отбросив назад, в один из древних ржавых бункеров. Бункер с грохотом осел.

Тишина. Пыль. Висящий в воздухе запах озона.

«Владыка войны» остановился,

вглядываясь в расходящуюся пыль. Затем развернулся, втягивая оружие ближнего боя. Протрубили ревуны. Махина медленно захромала в сторону Калли.

— Калли! Калли-детка!

Голла выскочила из укрытия и бросилась туда, где стояла посреди солнцепека Калли Замстак. Схватила ее и попыталась оттащить назад.

— Нет! Я должна!.. — рявкнула Калли.

— Давай в укрытие, ненормальная! — завопила Голла.

Пока она тянула Калли за собой, обе почувствовали, как запульсировала внутриглазная жидкость. «Владыка войны» снова искал добычу.

— Пусти! — крикнула Калли.

Слева, неподалеку от них, высоко в воздух взметнулись обломки жестяных крыш и навесов из дранки.

Второй «Пес войны» обнаружил себя. Он все это время был прямо здесь, пока они хлебали воду и курили вонючие чируты. Таился в засаде прямо рядом с ними, среди низких лачуг и жилищ, не далее чем в пятидесяти метрах от перекрестка. Он

встал, мускулистые гидравлические конечности заскрипели, поднимая его во весь рост.

Осколки черепицы и кирпича градом хлынули вниз. Куски жестяной кровли, гремя, полетели на землю. Голла завизжала, не оставляя попыток утянуть Калли в укрытие. Большой кусок стропил и кровли, падая, разминулся с ними на волосок.

Их накрыла тень второго «Пса войны». Калли уставилась на него снизу вверх, сопротивляясь отчаянным усилиям Голлы. Она никогда не была так близко от махины. Та стояла к ней боком, смело встретив «Владыку войны» лицом к лицу. Калли могла заглянуть под его отставленные орудийные конечности, в тень щелей между толстыми плитами брони, видела нижнюю сторону короткого сегментированного хвоста, выставленного назад как противовес. Махина, казалось, стояла совсем рядом.

«Пес войны» был окрашен в темно-красный, черный и золото, как и его

близнец. Слышался скрежет и шипение гидравлики, похожий на грязный треск мусорного кода, вой внутренних моторов, набирающих мощность. Калли уловила запах высохшей крови и гниющего мяса. Жуткие вымпелы побед свисали с запястий махины и хлопали на сухом ветру. Хвост с лязгом ходил из стороны в сторону.

«Владыка войны», наступая, загудел ревунами. «Пес войны» поднял морду и дерзко продребезжал в ответ какое-то оскорбление на машинном коде.

Голла влепила Калли пощечину:

— Пошла, долбанутая сука! Здесь нам не место! Шевелись!

Калли сморгнула. Все вокруг внезапно стало очень реальным, особенно страх. Она вдруг поняла, что вид титанов просто приковал ее к месту своей смертоносной притягательностью, словно взгляд хищника — жертву.

— О Боже-Император! — прошептала она и побежала за Голлой так быстро, как только могла, через улицу и прочь от чудовища, от чудовищ. Обе женщины вломились в дверь грязного жилища;

спотыкаясь, пробрались сквозь ветхое помещение и выскочили на узкую заднюю улочку, огороженную гниющими стенами сборных домов.

— Ложись! — крикнула Голла.

— Беги! — заорала в ответ Калли.

Зашипев поршнями, «Пес войны» двинулся вперед, пропахивая бронированными ногами борозду сквозь дома. Его чудовищные победные выпелы волочились следом по крышам и карнизам.

Он принялся жалить выстрелами «Владыку войны». Сокрушительная взрывная волна тряхнула узкую улочку, отбросив Голлу и Калли на дощатый забор.

Второй «Пес войны», наступая, приветствовал противника непрерывным огнем. На поверхности трещащих пустотных щитов «Владыки войны» распускались раскаленные добела цветки отраженной энергии. Он стоически шагал навстречу наглой атаке.

Затем открыл ответный огонь.

Целый квартал вокруг небольшого перекрестка разлетелся в щепки под

ураганом выстрелов и взрывов. Дома, дворы и переулки, где укрылась Мобилизованная двадцать шестая, стяло и разбросало, когда орудия «Владыки войны» принялись их крушить.

Калли и Голлу взрывная волна сбила с ног. Доски забора вокруг них разнесло в щепки. Что-то ударило Калли сбоку по голове, и все вокруг стало темно-красным.

Калли моргнула и очнулась. Она, похоже, вырубилась на пару секунд и теперь лежала на боку посреди улочки, полузасыпанная дымящимися обломками. Дом у нее за спиной был разрушен. Дом впереди вообще исчез.

Калли выбралась из-под обломков и с трудом поднялась на ноги. Голла сидела неподалеку, закрыв голову руками. Калли схватила ее за руку и попыталась поднять:

— Давай!

Голла, тупо моргая, посмотрела на нее. Она была слишком оглушена, чтобы ответить, и едва узнавала свою добрую подругу Калли. Повсюду вокруг лежали развалины северной части Горловины

пласта. Немногие здания еще стояли прямо, но ни одного целого не осталось. Обилие разбросанного щебня и горящих обломков не позволяло определить, как раньше располагались разрушенные дома и даже куда вели переулки.

Грохот выстрелов не ослабевал. Пригнув голову и размахивая задранным хвостом, «Пес войны» угрожал грандиозному «Владыке войны». Шквал лазерного огня метался туда-сюда между ними, орудийный огонь полосовал воздух, словно светящийся град. Пустотные щиты вокруг махин покрывались пятнами и шли волнами. Густой столб орудийного дыма и марево от разрядов вздымались над местом дуэли.

Затем дуэль перешла в свалку. Первый «Пес войны» выдрался из-под разрушенного бункера и начал подбираться сзади к занятому боем «Владыке войны». Одна из его орудийных конечностей была искалечена и безвольно болталась, как переломленное крыло, но другая начала поливать яркими, словно неоновыми, лазерными импульсами задние щиты

махины.

«Псы войны», лая и тявкая, словно собаки, наскакивали на великана с обеих сторон. «Владыка войны» оглушительно и вызывающе трубил ревунами, однако уже получив серьезные повреждения. Куски брони откалывались от обшивки панциря, на бронеплитах корпуса начали появляться щербины и пробоины. Что-то порвалось под его левой орудийной конечностью, выбросив фонтан искр. То, что осталось от щитов, приобрело нездоровый цвет.

«Владыка войны» дрогнул и начал поворачиваться. Он попытался выйти из боя и оторваться от врага, но ликующие «Псы войны» не собирались его отпускать. Они подобрались еще ближе, в бешеном наслаждении опустошая в него магазины и энергетические резервуары.

«Владыка войны» сделал последнее усилие, чтобы уйти. На спине из-под обшивки рвался дым. Наскакивающие «Псы войны» не отставали. Гигант решил пробиваться в единственно возможном направлении.

Калли подхватила Голлу под мышки

и вздернула на ноги. «Владыка войны», пошатываясь, шел прямо на них, неуклюже проламывая себе дорогу сквозь хрупкие заграждения и хлипкие жилища, словно спотыкающийся пьяница.

— Голла! Пошли! Пошли!

Голла безвольно обмякла, ноги волочились по земле. Калли потащила ее, пятясь через обломки, ругаясь и выбиваясь из сил. Земля неистово тряслась. Великан навис над ними, такой близкий, а злобные смертоносные убийцы следовали за ним по пятам.

Тащить Голлу у Калли не осталось никаких сил. Она всхлипнула и закричала от страха и отчаяния, опустившись на землю рядом с Голлой. Обвила руками безвольную голову подруги и прижала к груди. Их последней и единственной надеждой оставалось то, что огромные махины пройдут над ними, не заподозрив об их существования.

На середине шага нависшего сверху «Владыку войны» тряхнуло — внутри него прокатилась волна взрывов. Ярко-желтые огненные шары вскипели на груди и горле.

Калли услышала первобытную речь: частью стон, частью вздох. Конечности махины заклинило, превратив ее в неподвижную горящую металлическую статую.

Тявкающие «Псы войны» остановились и восторженно осыпали величественную развалину огнем. Тысячи выстрелов вонзались и пробивали громадину насквозь, превращая ее внешнюю обшивку в решето. Махина дрожала и раскачивалась, избиваемая выстрелами и истекающая дымом. Выстрел из турболазера отбросил голову «Владыки войны» влево. Пробитые артериальные трубы, расположенные на горле, потекли.

С протяжным стонущим скрежетом «Владыка войны» повалился на землю.

Калли видела, как он падает. Плашмя, лицом вперед, словно убитый человек.

— О, нет, нет, нет! — завопила она.

Титан падал на них с Голлой; его огромный корпус устремился вниз, грозя раздавить их.

Калли обняла Голлу покрепче.

«Владыка войны» лежал там, где упал, ничком, среди размолоченных останков Горловины Пласта.

«Псы войны» Архиврага обменялись дребезжащим кодом и триумфально заревели сиренами. Ликующе покачались туда-сюда на ногах, беспорядочно расстреливая огромный дымящийся труп у ног.

Затем вместе развернулись и плечом к плечу поскакали прочь, по направлению к ульям.

>

Файсту адепт Калиен не особенно понравилась. Она была из архивов, одна из младших сотрудников Толемея. Куда бы Калиен ни шла, ее ноосфера непрерывно трезвонила о сестре-близнеце Фейрике, которая только что добилась места фамулюса на «Владыке войны». Сам магос Толемей был против, чтобы Аналитика

получала доступ к секвестированным катушкам, но даже магосы архивов не могли противиться адепту сеньорус. «Знание — сила», — утверждала одна из самых древних поговорок Механикус, и магосы архивов ревностно оберегали эту силу.

Толемей прислал из архивов тридцать адептов, чтобы помочь Аналитике с работой, предполагая, что это будет выглядеть великодушным жестом, демонстрацией того, как подразделения Кузницы сплачиваются во время кризиса. Но Файст знал, что таких адептов, как Калиен, обычно присылают для слежки.

— Вы уже получили транслитерал для досье шестьсот восемнадцать? — спросила она.

— Еще нет, — ответил Файст.

Калиен улыбнулась:

— Могу я поинтересоваться, адепт, почему это занимает столько времени?

Файст взглянул на девушку. Во внешних отделах Аналитики было жарко

и душно. Команды сервиторов присоединили десять помещений вокруг Аналитики, вставив новые двери и соединив комнаты новыми дорожками, чтобы расширить территорию и обеспечить место для резко увеличившегося персонала. Отделы учета десятины, которые прежде занимали эти места, убрали, а пространство перестроили под нужды Аналитики. В нескольких из новых комнат поставили длинные ряды стальных столов и разложили на них досье, трактаты, распечатки, манускрипты, лотки архивных планшетов и пластин, доставленные из архивов для обработки. Файста тревожило число данных в неинкантируемом виде и количество настолько испорченного и устаревшего материала, что его придется распечатывать на бумаге — на бумаге! — только чтобы можно было прочесть.

Файсту пришлось переместиться в одно из внешних помещений, в отдельную комнату с отдельным столом, где он мог просматривать кучи файлов. Воздух был

спертым, поскольку команды сервиторов все еще подсоединяли системы циркуляции.

А теперь еще Калиен нашла его со своими выпендрежными вопросами.

— Что? — переспросил он.

— Транслитерал.

— Эта пачка материалов закодирована чем-то вроде ухудшенного идиолекта множественной когнаты, который системы отказываются читать. Я попросил произвести поблочное перекодирование через трансферкод. Операция займет еще полчаса.

Калиен опять улыбнулась:

— Понятно. Трансферкод. Находчиво. А я все думала, почему Иган выбрал главой секции вас.

— Магос Иган верит в мои способности.

— И как глава секции как вы собираетесь вести эту операцию?

Файст посмотрел на нее. Ноша, которую Иган взвалил на него и за которую Файст все-таки был ему благодарен, была нелегка.

— Я намерен вести ее твердо, адепт Калиен. Я намерен вести ее эффективно. Твои настойчивые вопросы мешают этой эффективности.

Калиен нахмурилась. Она отправила ноосферное пожатие плечами Файсту, который небрежно отфутболил его с простым, но оскорбительным упреком.

— Я, пожалуй, расскажу Толемею об этом оскорблении, — произнесла она.

— Делай что хочешь. Ничего такого я не подразумевал. Я занят.

— Предполагалось, что мы будем работать в гармонии.

— Калиен... — начал он. Потом перешел на бинарик. Двухсекундная инфоговорка содержала все, что он хотел сказать: Слушайся меня, ты, тупая корова. Проявляй уважение, шестерни ради. Идет война. Мы пытаемся победить. Толемей — старый пердун. Орест Принципал умирает, и мы должны найти способ остановить это. Старые данные обрабатываются медленно, нельзя ждать чуда. Спроси своего магоса, откуда мы это выкопали. Я не могу транслитерировать и

половины. Я действую вслепую — данные слишком древние. Люди умирают там, снаружи, махины тоже. Это — чертова зона боевых действий. Мы стоим на краю пропасти. Не разговаривай со мной. Ты, глупая сука. Не разговаривай со мной. Кого волнует, что твоя сестра-близнец стала фамулюсом на действующей махине. Ешкырындык! Она может поцеловать меня в модифицированную задницу! Возвращайся к работе, ты, напыщенная дыротерка, и дай мне результаты! Сейчас же! Сейчас же! Сейчас же!

— Ну ладно, — ответила Калиен. — Если вы так близко принимаете это к сердцу, я вернусь к своему пульту.

Она развернулась и вышла из комнаты.

Так много работы, думал Файст, глядя на древние досье. А еще меньше способных обработчиков. Магос Иган знал, что делает, когда передал эту работу ему, хитрый дьявол. Ответственность. Задание Файсту Иган откровенно сбагрил.

Они работали все дни напролет и

пока ни на что не наткнулись. Большая часть секвестированных материалов была столь устаревшей, столь вырванной из контекста, что было трудно их просто понять, не то что вычленить данные для сравнительного анализа.

Дверь снова открылась, вошел молодой человек. Его сопровождал изящный языковой сервитор женского пола, модифицированный под ноосферу.

— Привет! Агент Файст? — спросил юноша.

— Что еще? — начал Файст, затем встал. Он узнал юнца. Фамулюс экзекутора Крузия. — Прошу прощения. Вы Зонне.

Фамулюс кивнул и сложил руки в символ Механикус.

— Прошу прощения за беспокойство. Я вижу, вы заняты. Экзекутор-фециал послал меня, чтобы...

— Узнать, как идут дела?

— Я не собирался выражаться подобными словами, — сказал Зонне. — Так экзекутор выглядит нетерпеливым.

— Это война, фамулюс Зонне.

Полагаю, экзекутор имеет полное право быть нетерпеливым. Как и лорд Геархарт. Но, как я понимаю, экзекутор-фециал отбыл в рабочие пригороды. Прошу вас, только не говорите мне, что он отправил вас назад лишь ради того, чтобы проверить мою работу.

Зонне улыбнулся и помотал головой:

— Нет. Есть ряд вопросов, с которыми экзекутор хотел, чтобы я разобрался в улье вместо него. Я возвращаюсь к нему завтра.

— Тогда, пожалуйста, передайте ему мои извинения, — произнес Файст. — Несмотря на всю тщательность наших действий, пока не удалось вычленить ни единого хоть сколь-нибудь стоящего фрагмента.

Зонне помолчал, разглядывая досье, рассыпанные по столу Файста.

— Я полагал, что ваша дерзкая идея вскрыть секвестированные катушки могла дать хоть что-то, — заметил он.

Файст ответил:

— Там просто невообразимое болото фактически перемешанного материала. Я

понятия не имею, насколько искажены старые документы и какова их древность. Мне словно дали небольшой невод и попросили просеять целый океан, чтобы найти одну-единственную жемчужину, которой там может и не быть.

— Размышление: любое задание можно в конце концов выполнить, если к нему приложить достаточно мозгов и времени.

Файст улыбнулся:

— Не желая опровергать почитаемую мудрость Механикус, фамулюс, я тем не менее боюсь, что ко времени, когда мы найдем хоть что-то, война уже закончится — так или иначе.

Зонне вежливо попрощался с изможденным адептом и отправился через переполненные отделы Аналитики обратно, к наружному выходу. По пути приказал сопровождавшему его сервитору открыть кантовый канал с экзекутором:

— Облигана? Соедини меня с Крузием.

— Слушаюсь, фамулюс. Канал открыт.

— Спасибо. Сообщение начинается.

<[выгружено:] Зонне, фамулюс, Легио Инвикта (11110001101, код сжатия te)

[начал]

Сэр, я явился в Аналитику, как было приказано, и с прискорбием сообщаю, что никаких данных до настоящего момента не идентифицировано. Придерживаюсь мнения, что Легио Инвикта должна действовать, предполагая, что никакого тактического преимущества из архивов Кузницы получено не будет>.

Зонне добрался до выхода и как раз собирался приступить ко второму пункту доклада, когда услышал крик из центральных рабочих станций за спиной. Он обернулся. Персонал спешил к одному из пультов, за которым взволнованно каптировал молодой адепт. Зонне отправился назад посмотреть.

Адепт, молодой младший сотрудник по имени Синан, взволнованно сообщал о совпадении кодов. Пока собиралась толпа адептов, на верхнем переходе появились Иган и несколько старших магосов —

выяснить, что за шум. Файст поспешно протолкался к адепту.

— Показывай, Синан.

— Сравнительное совпадение, — доложил адепт, вызывая две графические панели одну рядом с другой, затем наложил их. — Остатки серийного номера и клейма, идентифицированные на панцире вражеской махины, записанные орудийной камерой вчера в рабочем поселении Иеромиха. Я обнаружил соответствующий код, извлеченный из секвестированного архива.

Файст посмотрел данные.

— У вражеской машины было имя?

— Во время боя она назвала себя «Данс Макабр», тип «Владыка войны». Махина уничтожила колонну скитариев и отступила.

— А соответствие?

Синан увеличил панель.

— Это, по всей видимости, декларация на махины, отправленные с Марса, от Механикус, я полагаю, на Терру за восемнадцать лет до Великой войны. Десять махин, представленных как дань

уважения Господу-Императору.

Файст вгляделся в изображение на панели.

— Тождественность кодов?

— Серийный номер и клейто носил «Фобос Кастигатус», адепт.

— Что там есть еще?

— Я едва начал просматривать блоки досье, в которых содержалась эта декларация. Поиск сравнительных совпадений идентифицировал ее автоматически при первом же проходе.

— Перебрось это прямо на мою основную станцию, — приказал Файст. — <Все остальные, обратно за работу! — торопливо прокантировал он. — Я собираюсь поделить этот блок досье и раздать его десятерым из вас. Пройдитесь по своей части, элемент за элементом, и сделайте перекрестную сверку с базой данных фециала. Ищите любые совпадения. Добавление: каталогизируйте любую дополнительную информацию, идентифицируйте все коды расшифровки и метки файлов, чтобы мы могли найти другие досье, созданные тем же

оператором или полученные из той же исходной станции. Я хочу, чтобы все это было проделано до конца смены>.

Адепты и магосы едва ли не бегом отправились за свои станции и кодиферы. Слышалось гудение возбужденных ноосфериков и жаркий феромонный приток ускоряющихся жидкостных систем.

Файст кивнул Синану:

— Поздравляю! Возможно, ты отыскал ключ. По крайней мере лазейку.

Он зашагал к своей главной станции и увидел неподалеку фамулюса.

— Любое задание можно в конце концов выполнить, если к нему приложить достаточно мозгов и времени, — повторил Зонне.

— Будем надеяться, фамулюс, — ответил адепт Файст.

Подбитый, оставляя за собой дымный след, он шел домой. Резервы энергии были на исходе, боеприпасы почти исчерпаны. Он находился в походе уже восемь дней с момента последней перезарядки, переходя от стычки к стычке и выдержав две долгие дуэли с махинами, в которых серьезно пострадал, хотя и вышел победителем из обеих.

Плавая в застоявшейся жидкости своей раки, Вален Лустиг дергал исхудавшими ногами в такт тяжелым шагам величественной махины. Принцепс делил с ней усталость и тупую боль крайнего переутомления, что сочилась в ее системы из подключенного штекерами экипажа. Ни один из них не спал с последней остановки на перезарядку в Гинексе восемь дней назад. Их тела, как и

амниотическая жидкость в его раке и кровоток, утопали в токсинах и побочных продуктах стимуляторов, ободрителей и укрепляющих препаратов против усталости, которые приходилось глотать из медицинского биообеспечения махины или выделять из желез собственных модифицированных тел.

Устали все: рулевой, сенсори, модерати, сервиторы. Они были отравлены химией, залиты под завязку концентрациями синтетических гормонов. Рефлексы притупились, внимание и восприятие стали опасно рассеянными из-за чересчур долгого отсутствия сна. Лустиг знал, что у техножреца гипнагогические галлюцинации, и сам продолжал страдать от снотворных конвульсий, балансируя на грани вынужденного полусна. Его тело покрывали психостигматические язвы. Его подташнивало, он чувствовал себя отупевшим — мыслительные процессы растянулись до жуткого состояния сознания, где ничто больше не воспринималось как реальное. Он так

устал, что даже перестал вести бортовой журнал.

Горящие пространства Шалтарских очистительных — юг Аргентума — стелились вокруг, словно сон. Он вел «Никомах Игникс», могучего «Владыку войны» Легио Темпестус, по восточному маршруту в Гокс, надеясь до ночи успеть к сборочным площадкам горы Сигилит. Каждый шаг давался с трудом. Мерные движения ног перемешивали темные хлопья биологических отходов, скопившихся на дне раки. Пальцы подергивались и дрожали.

Все каналы связи с ульем и легио были отрезаны несколько дней назад. Опасный, развращающий, всепроникающий мусорный код Архиврага начинал засорять каналы, и Лустигу пришлось деактивировать вокс, пикт-поток и все остальные устройства приемопередачи. Он подумывал, не остался ли «Никомах Игникс» последней действующей махиной Темпестус? Без доказательств обратного это казалось вполне вероятным. Лустиг

оставил «Доминус Аякс» опрокинутым на спину и горящим во дворе обогатительного завода неподалеку от мануфактума Аргентума. Оставил «Аквилус Аггрессор» с простреленным торсом и зверски ослепленного, привалившегося спиной к высокой стене водовода, с раскинутыми ногами, словно умирающий пехотинец у стенки окопа. Из шеи и пробитой грудины «Аггрессора» валил тошнотворный дым. Он видел доблестного «Разбойника» «Амфитон» лежащего лицом вниз в высохшем речном русле, выгоревшего и почерневшего, словно тот прошел сквозь солнце. Он видел грозного «Пса войны» «Канариус» взорванного и лежащего на боку за траморным фасадом храма рабочего поселения без ног и одной орудийной конечности, отгрызенных, словно кто-то рвал его на куски и пожирал в каком-то жутком голодном неистовстве. Он видел сожженный торс «Разбойника», безымянного и неузнаваемого, на вершине огромной кучи щебня, а потом, полукилометром дальше, на разрушенной улице рабочего поселка, — его оторванную

голову, слепо уставившуюся в небо. По голове он с горечью узнал «Дилигенс Эродитус» — принцептуру своего давнего друга и партнера по регициду Доркаса Вейтула.

Он видел слишком много. Если он сумеет вернуться живым, то наверняка встретит гневное осуждение повелителей Кузницы. Как он мог оставить столь многих умирать? Как можно было потерять столь многих? Как посмел он остаться в живых, когда остальные погибли?

Последние несколько часов до него доходили низкие животные стенания, эхом отражающиеся по БМУ. «Никомах Игникс» ощущал боль и тоже скорбел. Он видел безнадежные потери и перечень павших и стенал в отчаянии. Лустиг чувствовал его мысли. Они дергали его разум, прерывистые и полные страдания. «Никомах Игникс» страстно желал вернуться и беспощадно отомстить за потери, хотя и понимал, что работает на пределе возможностей.

«Заправится, перезарядится, —

пообещал Лустиг махине, стараясь утешить ее страдания. — Заправимся, перезарядимся — и тогда мы придем за расплатой к бездушным врагам».

Перед амниотической ракой, в кресле в подбородке титана, Дольф Гентриан, модерати «Никомах Игникс», боролся с обволакивающим оцепенением, которое почти завладело им, и пытался сосредоточиться на текущей работе. Он следил за жизненно важными системами махины, особенно за теми, чьи показатели опустились ниже рекомендуемых порогов. Давление гидравлики падало, и ему постоянно приходилось убирать тревожные уведомления. Реактор работал неровно, словно аритмичное сердце, и, похоже, отупевший техножрец мало что мог сделать, чтобы успокоить его рваный пульс. В биообеспечении махины не осталось ничего стимулирующего, никаких гормональных усилителей и глюкозоадреналиновых инъекций, хотя никто из экипажа больше не выдержал бы добавочной стимуляции, даже если бы что-

то и осталось. Гентриан чувствовал голодные спазмы пустых магазинов и орудийных зарядников.

Но в первую очередь он следил, не покажет ли манифольд опознание кодов или засветку цели.

Гентриан развел руки и пошевелил шеей. По расчетам манифольда, при текущей скорости через 5,3 часа «Никомах Игникс» достигнет внешних защитных батарей Горы, где, как все надеялись, они смогут расслабиться.

Он позволил манифольду развернуть поле зрения на триста шестьдесят градусов. По левому борту на несколько десятков километров тянулся обогатительный комплекс, разбитый и смятый продолжительным дневным обстрелом. Кое-где били огромные, рвущиеся в небо султаны горящего газа и прометия из разбитых трубопроводов и хранилищ. Углеводородный смог омывал еле шагающую махину.

Массивные ангары и фабричные комплексы, отмечавшие окраины рабочего

поселения Гокс — широкий пояс промышленных анклавов субулья, — лежали по правому борту. Махина шла через пограничный район под названием Подгоксовый Край. Здания, многие из которых были повреждены и покрыты шрамами, представляли собой массивные строения из серого оуслита и траморая: механические мастерские, заводские депо, фабричные станы, склады, конвейерные цеха. Высокие каменные дымовые трубы торчали кверху, словно гигантские пальцы. Махина шагала по относительно чистому проходу на широкой магистрали, рокритовую поверхность которой покрывал блестящий слой битого стекла и силикатных осколков. На одной стороне магистрали, в глубокой воронке, словно в чашке, лежал перевернутый остов лихтера «Арвус» с раскоряченными крыльями, похожий на жука, пришпиленного в круглой рамке булавкой. Чуть дальше, словно специально припаркованные, стояли в ряд три «Завоевателя» без башен и гусениц, с покрытыми копотью корпусами. В фасаде

фабричного стана торчало крыло и часть хвостового оперения «Грома».

Манифольд засек далекое побоище. В десяти километрах к северо-западу небо сошло с ума от обширного непрерывного заградительного огня и трассирующих снарядов — наземные батареи начали обстрел какой-то невидимой цели. Извивающиеся, похожие на червей, слепящие полосы выстрелов терзали и хлестали непроглядный дым моросящим дождем, прекратившись так же быстро, как и начались. Двадцать секунд спустя они принялись неистовствовать снова.

Гентриан посмотрел в другую сторону. Далеко позади облака осветились снизу вспышками мощных разрывов. Он отследил девяносто шесть самолетов по левому борту, низко и на большой скорости идущих в сторону запада.

Внезапно зазвучала палубная сирена, следом за ней два сигнала сближения, за которыми, в свою очередь, донеслись снизу глухие удары и дробь осколков, отскакивающих от корпуса.

Лустиг прокантировал машине стоп

и задний шаг.

<Что это?> — спросил он инфоговоркой.

Гентриан глянул в оптику ближнего обзора.

— Мины, принцепс. Мы только что вступили на минное поле. Сдетонировали пружинные мины под ногами.

<Повреждения?>

— Минимальные. Щербины на нескольких плитах брони. Мины противопехотные.

Гентриан увеличил разрешение ауспика. За полем разбросанных в беспорядке полузарывшихся боеприпасов располагался длинный ряд более мощных противотанковых мин, установленных на шестах в трех метрах над землей. Мины и толстые шесты опутывала колючая проволока.

Лустиг прочитал результаты сканирования.

<С этими рисковать не будем. Только не в нашем теперешнем состоянии. Тягу на реверс. Задний шаг по очереди, поворот на юг. Сенсори, проложите мне курс

обхода>.

— Есть двигатели на полный реверс. Задний шаг, поворачивает на юг.

Гентриан ожидал выговора. Он понимал, что должен был увидеть прыгающие мины задолго до приближения. Но он отвлекся и проглядел сигналы: ошибка для новичков, заслуживающая порицания. Тут ему пришло в голову, что принцепс слишком изможден, чтобы повышать голос для сердитой речи.

Манифольд вспыхнул — мощный энергетический разряд с визгом взорвал фасад здания в двадцати метрах по левому борту. Затем прилетело еще два разряда, из другого места, выев глубокие воронки в дорожном покрытии по правому борту.

— Щиты на полную! — завопил Гентриан.

Их держали на низком уровне, сберегая энергию. Пустотные щиты забились и заискрили, пытаясь восстановиться и слиться на полную мощность.

— Давай. Давай! — поторопил модерати.

Из бронированной кабины позади кокпита техножрец сердито прокантировал, что он пытается. Гентриан слышал, как тот старается умиротворить машинных духов и уговорить их сотрудничать.

Посыпались новые снаряды, постепенно пристреливаясь. Взрыв лизнул пятки махины и разметал по магистрали обломки роккрита. Гентриан оценил энергетический профиль: лазер с высоким усилением, тяжелый, явно из платформенных установок или орудий махины.

«Никомах Игникс» резво повернул на юг, преследуемый раздирающими дорогу выстрелами. Он вклинился в устье узкой подъездной дороги между двумя каменными фабричными зданиями, которые были почти одной высоты с махиной, и Гентриан почувствовал, как принцепс слегка повернул гиростабилизаторы на одну сторону, так что «Никомах Игникс» сильно навалился на левое строение. Стена

фабрики затрещала под весом махины и рухнула каменным потоком. «Игникс» сделал подъездную дорогу пошире, расчистив себе путь.

Щиты все никак не могли включиться как следует. Гентриан дал сигнал стохастическому моделированию манифольда оценить и спрогнозировать характер вражеского огня. Два источника, оба с расстояния как минимум два километра. Похоже, «Игникс» брала в вилку дальнобойного обстрела пара вражеских махин.

Сейчас «Игникс» защищала лишь броня корпуса; он шел напролом, следуя к пространству за высокими фабриками и используя здания как частичное прикрытие. Массированные лазерные залпы разносили строения, пробивая гигантские дыры в стенах и просаживая крыши. Сенсори зафиксировал один из источников обстрела на экране.

<Махина, махина, 2,7 километра, азимут 1106 каппа-девять>.

— Данные целеуказания получены! — крикнул Гентриан. — Разрешите открыть

ответный огонь?

<Отставить. У нас не хватит энергии, чтобы добить туда>, — ответил инфоговоркой Лустиг через аугмиттеры раки.

Пробившись на бункерную площадку за фабриками — огонь махин продолжал карать древние здания у них за спиной, — они попали правой передней частью под вторую линию огня. Это была смесь выстрелов полевой артиллерии, реактивных боеприпасов и лазеров средней мощности, и она врезала им сильно.

Гентриан торопливо подправил оптику и обнаружил массу противников. Боевые сервиторы, вооруженные вездеходы и орудийные лафеты вражеских скитариев приближались справа, через окраинные улицы Подгоксового Края, на ходу выпуская снаряды и плюясь лазерами. Манифольд шипел их мусорным кодом.

Лустиг повернул на восток, пытаясь увести «Игникс» с бункерной площадки. Внутренние моторы и силовые приводы титана протестующе завыли. На дисплее

манифольда начал расти столбик пылающих красным отметок о повреждениях. О проклятых щитах по-прежнему не было и речи.

— Стоп машина! — крикнул Гентриан. За бункерной площадкой проход блокировал еще один ряд мин на шестах.

«Сменить курс! Поворот на юго-восток! Вступить в бой!» — командный кант Лустига звучал мощно и уверенно, но Гентриан понимал, что они оказались в плохом месте. На них вели охоту, методично и со знанием дела, как на дикого зверя. Далекие махины толкнули их в ловушку, где «Игникс» могли зажать скитарии. У них оставалось примерно на десять секунд непрерывного огня в мегаболтере, энергии на пару слабеньких выстрелов из деструктора и остатки полуслившихся щитов.

«Никомах Игникс» пробился сквозь ряд складских ангаров, разметав в стороны их железные балки, и попытался вырваться из затягивающейся петли. Скитарии хлынули с окраинных улиц, словно стая насекомых. Уродливые, покрытые шипами

воины неслись к ним, таща орудийные установки и стреляя из встроенного оружия. Самоходные орудия с грохотом выкатывались на бункерную площадку, задирая стволы. Тяжелые боевые сервиторы семенили вперед, их орудийные контейнеры ходили при стрельбе туда-сюда, словно клапаны. Войско скитариев представляло собой дикую орду, разряженную в отслаивающиеся шипастые доспехи, дикарские ожерелья и отвратительные трофеи. Гентриан побледнел при виде рогатых панцирей, безобразных знамен, клыкастых морд и скалящихся черепов.

<Тревога!> — прокантировал сенсори.

Новые сервиторы и скитарии хлынули из окружающих зданий и высыпали на плоские крыши складских ангаров и фабрик. Гибкие, тощие скитарии перепрыгивали с крыши на крышу, не отставая от пытающейся вырваться махины Механикус, их ожерелья, цепи и драные накидки развевались. Выпущенные ракеты, снаряды и гранаты били по корпусу махины.

Гентриан увидел всплески дыма выстреливаемых абордажных тросов.

— Они пытаются связать нас! — крикнул он.

Боевые сервиторы бросались на лодыжки «Игникса». Они тоже выстреливали лини, пытаясь сковать ноги махины крепкими тросами. С рыком, от которого с губ по амниотической суспензии побежали пузырьки, Лустиг бросил «Игникс» вперед, таща за собой сервиторов, пытавшихся поймать его в силки. Натягивая крепкие лини, сервиторы царапали металлическими когтями землю, стараясь зарыться и удержать огромную махину. Лустиг неожиданно включил полный реверс, стоптав скользящие за ним по земле машины. На их место бросились новые, выпуская новый шквал увенчанных крючьями тросов.

— Их слишком много! — крикнул сенсори.

С окружающих крыш к ним тянулось больше десятка тросов, толстые стальные канаты оплетали ноги.

— Разрешите открыть огонь! — потребовал Гентриан.

<Разрешаю. Болтер, две секунды огня>.

Гентриан прицелился и активировал тегаболтер, перепахивая крыши по левому борту. Очередь была короткой, но разрушения — серьезными. Сервиторы, скитарии и куски крыш исчезли в опустошительной веренице разрывов.

Не желая больше тратить скудный боеприпас, Лустиг атаковал оружием ближнего боя — силовым кулаком с тремя длинными изогнутыми когтями, установленным на правую орудийную конечность. Он крутанул «Игникс» и вонзил когти в верхнюю часть фабрики справа. Кладку здания пересекла прореха десяти сантиметров глубиной. Потрясающий удар снес верхние этажи и крышу. Каменная пыль взмыла в воздух, когда те обрушились вниз, и Гентриан увидел, как лопаются и отлетают назад обрезанные тросы, опутывая вопящих скитариев, прицепленных к ним.

Они освободились на краткий миг. Таща за собой свисающие тросы и нескольких сервиторов, которые по-прежнему цеплялись линями к броне голеней, махина зашагала вперед. Взрывы и удары продолжали осыпать корпус. «Игникс» пробивался к другой бункерной площадке, но путь впереди был блокирован. По одну сторону от них находилась массивная доводочная платформа — продолговатое строение с плоским верхом размером с крупную фабрику, на два этажа выше них; по другую располагалась циклопическая плавильня и пристроенная к ней дымовая труба. Лустиг слегка разогнался по площадке и попытался протаранить плавильню, чтобы пробиться насквозь, но сумел нанести лишь поверхностные повреждения, несмотря на силовой кулак и громадную массу «Игникса». Он отступил на три шага, давя скученные ряды наземных сил скитариев, которые устремились следом.

<Направить оставшиеся орудийные резервы в деструктор>

— Слушаюсь! — отозвался Гентриан. —

Принцепс, у вас есть два выстрела на шестидесяти процентах мощности.

<Больше ничего?>

— Иначе придется подвергнуть опасности основные двигательные и системные нужды. Реактор не справится.

<Приготовиться к открытию огня!>

Деструктор взревел дважды, его испепеляющие разряды ударили в плавильню, разрывая мощную кладку. «Игникс» врубил двигатель и шагнул в пробоину. Еще полдесятка тросов прицепились к его спине и ногам, и он потащил присоединенных к ним сервиторов за собой, словно поезд.

В манифольде вспыхнул предупреждающий значок. Гентриан идентифицировал сейсмический профиль — серии тяжелых, потрясающих землю ударов.

— След. Шаги махины. Приближается махина, на полном ходу!

<Произвести триангуляцию!>

Вражеский «Пес войны», кроваво-красный, с гримасничающей золотой мордой, бросился к ним по краю доводочной

платформы. Он скачками несся по ее поверхности, ломая стрелы подъемных кранов и металлические ограждения, затем побежал вдоль края, чтобы увидеть их сверху.

<Разворот!> — скомандовал Лустиг.

«Игникс» резко развернулся. «Пес войны», издавая скрежет вызова на тусорном коде, спрыгнул с края платформы и приземлился на площадке. От удара по земле побежали трещины. Он выправился, снова заскрежетал и двинулся к зажатому в углу «Владыке войны», быстро и агрессивно — каждый шаг гулко топал по роккриту. Ряды скитариев бросались перед ним врассыпную, приветствуя его появление многоголосым ревом. «Пес войны» передавил многих из них, равнодушный к их участи, и активировал оружие ближнего боя — зловещий двузубец из грязной стали, вышедший из правой конечности и зафиксировавшийся.

<Разрешаю открыть огонь из болтера>, — выдал инфоговоркой Лустиг.

— Принцепс, у нас осталось

боеприпасов на восемь секунд. Сколько я должен...

<Сколько потребуется>.

Гентриан открыл огонь. Мегаболтер заревел, бомбардируя потоком сверхскоростных снарядов приближающуюся махину. Тысячи небольших отдельных разрывов осыпали морду и корпус «Пса войны». Тот споткнулся, шатаясь под непрерывным обстрелом. Щиты его, похоже, разорвало в клочья, осколки ободрали окрашенную в красное броню, оставляя блестящие серебряные царапины обнажившегося металла.

Пять секунд осталось, четыре, три, две, одна...

Заряжающие автоматы закончили отсчет. Болтер смолк.

— Счетчик на нуле. Боеприпасы закончились, — объявил Гентриан.

Площадку затянуло сизым фуцелиновым дымом от выстрелов мегаболтера. Восстанавливая равновесие, с дымящейся ободранной окраской, с

текущим, словно кровь, из сотен пробоин на корпусе маслом, «Пес войны» издал горловое шипение и возобновил атаку.

— Приготовиться! — крикнул Гентриан.

Сдвоенные острия уродливого двузубца с хрустом пробили брюшную стенку «Владыки войны». «Никомах Игникс» содрогнулся, завизжали предупреждающие сирены. Пустиг внутри раки вскрикнул и схватился за живот.

«Пес войны» выдернул двузубец и тут же ударил снова, целясь выше — в грудь большей махины. Второй удар скрежетнул по броне, оставляя длинные рифленые отметины когтей на керамитовой поверхности.

«Игникс» отступил на шаг и блокировал третий удар силовым кулаком, отбив двузубец в сторону с громким металлическим лязгом. Всюду вокруг, на площадке и на крышах, завопили и залаяли скитарии, подбадривая дуэлянтов.

«Поединок, — подумал Гентриан. — Словно бойцы на ринге или гладиаторы на арене цирка».

«Пес войны» скакал из стороны в сторону перед израненным «Владыкой войны», скрежеща и тыкая в него своим оружием, словно острой палкой в быка. Кровь из глубоких психостигматов на животе Лустига окрасила воду, из полуоткрытого рта тянулась расплывающаяся розовая струйка. Он внезапно выбросил правую руку, едва не ударив по стенке раки, и «Игникс» нанес неожиданный удар «Псу войны». Тот взвизгнул и попытался отскочить назад, но движение было слишком быстрым. Когти «Игникса» вонзились в панцирь «Пса войны».

Лустиг вырвал их обратно, приблизился на шаг и ударил снова, отражая тычок двузубца левой орудийной рукой. Тяжело и устало передвигая ноги, «Владыка войны» протащил гарцующую теньшую махину перед собой по площадке. Его когти сорвали кусок брони золотого с медным цвета с челюсти «Пса войны», разрубив глумливую ухмылку пополам. «Пес войны» нырнул вперед и вонзил одно

острие двузубца в левое бедро «Владыки войны».

Внутренние системы извергли пламя, моторные цепи порвало. Гентриан ощутил эту боль, так же как от раны в груди. Он не чувствовал так остро, как принцепс, но бедро все равно словно обожгло огнем.

«Пес войны» выдернул двузубец и взмахнул им снова. Подволакивая поврежденную ногу, «Игникс» отбросил оружие в сторону когтями, а затем достал «Пса войны» мощным обратным ударом по морде с таким грохотом, будто два «Гибельных клинка» на полном ходу столкнулись лоб в лоб.

«Пес войны» отшатнулся и едва не упал. Он изо всех сил, словно пьяный, пытался снова утвердиться на ногах, пар и дым хлестали из уплотнителей суставов и разорванной гидравлики. Пока он пытался отойти назад, Лустиг опустил когтистый силовой кулак ему на спину.

Все три лезвия пробили панцирь. «Пес войны» содрогнулся и издал вопль на

мусорном коде. Он извивался и брыкался, стараясь вырваться, но когти заклинило. Пустиг и сам не мог их вытащить из прогнувшейся бронеплиты. Две сцепившиеся махины принялись бороться друг с другом, пытаясь высвободиться.

И тут «Пес войны» бросился вперед, прямо в объятия «Игникса». С застрявшими в толстой броне спины противника когтями «Игникс» не мог ни орудовать ими, ни ударить меньшую махину правой конечностью. Пронзительно воя, «Пес войны» подлез под вынужденно отставленную конечность и погрузил двузубец в грудь «Владыки войны».

Кокпит тряхнуло. Несколько пультов взорвалось всплесками огня и фонтанами приборного стекла. Начался отказ основных систем, но экипаж был слишком оглушен эмпатической болью, чтобы реагировать. Все еще насаженный на когти, «Пес войны» выдернул двузубец и вонзил его снова. Он повторил направленный вверх удар еще раз шесть: двузубец ходил туда-сюда, словно свайный молот, пока не раздробил на куски броню

на груди «Игникса» и не выворотил реберные опоры.

Из «Владыки войны» хлынула прорвавшаяся смазка, будто его выпотрошили. Жизненно важные системы охватил пожар. Пустига внутри раки бил жестокий припадок, его конечности и голова колотились о стекло.

«Пес войны», ухая сиренами, нанес последний удар. Одно острие двузубца обломилось и застряло в тазовом агрегате «Игникса». «Пес войны» наконец-то вырвался из-под склоненного, угасающего «Владыки войны», оставив часть панциря на его когтях.

Обездвиженный «Игникс» качнулся.

«Пес войны» самодовольно отступил от противника задним ходом и опустился на корточки в центре площадки, уставившись на «Игникс».

Из множественных боевых ран у «Пса войны» обильно словно кровь, текло масло, марая красный покров и золоченую полуухмылку. Скитарии испустили громовой вопль одобрения, потрясая оружием и стуча клинками и древками по

щитам и доспехам. «Пес войны» поднял орудийные конечности и склонил морду, отвешивая насмешливый поклон своему древнему врагу. Из его глотки раздалось кашляющее, словно туберкулезное, клокотание испорченного кода.

Ухая и радостно воя, войско скитариев хлынуло вперед, окружая обреченного «Владыку войны», захлестывая его линями и увенчанными крючьями тросами. Кучки сервиторов натягивали толстые якорные канаты, удерживая горящую махину, в то время как воины-скитарии начали карабкаться вверх по веревкам и абордажным линям.

Гентриан отстегнул ремни и сдвинул кресло по направляющим назад. Кокпит был полон дыма. Гентриан потряс за плечо сенсори:

— Очнись! Включай пожаротушение!

Он поморщился, вытягивая штекеры. Послышался неприятный скрип — и манифольд пропал. Все болело. Модерати взобрался по накренившейся палубе

кокпита к шкафчику с оружием, крича остальным, чтобы приготовились.

Лустиг дрейфовал в амниотической раке, безвольный и дряблый. Жидкость внутри стала темно-красной.

Гентриан инициировал биометрический ключ шкафчика и принялся доставать ручное оружие: короткие лазкарабины и помповые дробовики, специально предназначенные для узких проходов титана. Они будут забираться в люки, по каркасу ног и через шахты доступа. Он слышал, как они долбят и стучат по внешнему корпусу.

— Давайте! — крикнул Гентриан остальным. — Отключайтесь и вставайте. Они уже идут. Заряжайте и готовьтесь защищать принцепса, сколько хватит сил!

— Шансов нет, — прошептал рулевой, глядя в оптику. — Нам с ними не тягаться.

Гентриан сунул дробовик ему в грудь и заставил взять оружие.

— Будем удерживать их, сколько сможем. Это понятно?

— Да, модерати.

Новые удары, новый грохот снаружи. «Никомах Игникс» слегка покачивало рывками тросов и карабкающихся по нему врагов.

Гентриан почувствовал, как дрогнула накренившаяся палуба кокпита, — где-то внизу взорвали люк. Донеслись звуки настешливого мусорного кода и стук взбирающихся ног.

— Они внутри, — произнес Гентриан, передернул цевье дробовика и подошел к люку у верхнего края позвоночной шахты. Снизу, из глубины, били прыгающие лучи фонарей, отбрасывая разрозненные тени от перекладин лестницы.

— Деус Механикус, храни всех нас, — прошептал он.

— Черт, это что еще? — крикнул сенсори.

Гентриан обернулся:

— Что?

Сенсори уставился на сетку аускика. Та внезапно вспыхнула широкими колонками красного бинарного кода, торопливо бегущего по дисплею.

— Код! — воскликнул сенсори. — Масса

выгруженного кода.

Сенсори еще не вынул свои штекеры. За темными линзами защитных очков его модифицированные глаза вглядывались в манифольд — область, невидимую для Гентриана.

— Вижу также засветку щитов. О пресвятая Кузница!

Лустиг шевельнулся в запачканной кровью раке и произнес через аугмиттеры единственное слово:

— Инвикта.

Снаружи «Владыки войны» поднялся страшный шум — словно грянул внезапный шторм. Земля вздрогнула, и торжествующий лай вражеских скитариев потонул в могучем реве боевых горнов. До Гентриана донеслись звуки выстрелов — массированные беглые залпы множества разного оружия. Он пробрался к окнам кокпита и выглянул наружу.

Скитарии Легио Инвикта хлынули на площадку, словно внезапное наводнение. Первыми безрассудно неслись вперед пестрые гиганты в увенчанных

плюмажами и усыпанных драгоценностями доспехах, вздымая секиры и паля из встроенного оружия. Плотные шеренги атакующих гипаспистов следовали за воющей элитой, приткнув клинки и опустив древки в единую линию ощетинившихся веером копий. Над ними вились яркие знамена — флаги из ткани и гололитические эмблемы, проецируемые излучателями на шестах. Среди напирающих шеренг Гентриан углядел четырех- и шестиногие сконструированные тела боевых сервиторов, движущихся полным ходом. Их выстрелы начали тревожить и задевать израненного «Пса войны», искалечившего «Никомах Игникс», и тот отступил в глубь площадки.

Сокрушающая волна техногвардии Механикус столкнулась с ордой вражеских скитариев у ног «Никомах Игникс». Потрясающий удар смял первые ряды воинов противника и покатился в скученные задние порядки. Трибуны и преторианцы Механикус прорубали себе дорогу сквозь вопящее, откатывающееся назад воинство Архиврага, заваливая

землю разрубленными телами. Сервиторы взрывались, их разбивали на куски. Боеприпасы разлетались в воздухе, словно картечь, и падали среди врагов, распространяя волны разрывов. Бункерная площадка превратилась в целое море бьющихся и сталкивающихся тел.

Отделенный от всего этого, словно стоя на вершине вертикального острова, Гентриан глазел на безбрежную рукопашную схватку. Без манифольда он мог лишь приблизительно оценить число сражающихся: две тысячи с каждой стороны, три? Вражеские скитарии развернулись навстречу бригадам Механикус, бросив повисшие лини, которыми цеплялись к «Игниксу».

Искалеченный «Владыка войны» сотрясался в гуще жестокой битвы. Гентриану как-то рассказывали, что ни один пехотный бой, даже Гвардии и хваленых Астартес, не может сравниться неистовством и яростью с битвой скитариев против скитариев. Биони чески усиленный, аугментически ускоренный,

исступленный и беспощадный натиск с обеих сторон. Словно древние войны темной эпохи на Старой Терре — то, о чем он читал в альмагестах и трактатах в молодости. Он представил себе, что это слепок тех эпических противоборств на полях Марса — не на церемониальном Марсовом поле там, в улье, а на полях самого Марса, десять тысяч лет назад, когда схизма Великой и Ужасной Ереси расколола Механикум на священной Красной планете.

Клинки сверкали и вонзались в плоть. Лазерное оружие рявкало и плевалось огнем. Лопался поликарбон и керамит, разлетаясь осколками. Биоэлектрические системы взрывались и горели. Шрапнель летела, сдирая плоть и пробивая насквозь тех, кто попадался на пути. Счетверенные лазеры сервиторных установок пульсировали и ухали, прожигая прогалины в тесной массе сражающихся. Падали тела — мертвые, умирающие, рассеченные — и громоздились кучами на окровавленном роккрите.

Гентриана готовили для войны махин. Он был рожден для этого. Он был модифицирован и загружен данными для участия в расчетливой дистанционной войне махин. Кровавый физический спектакль внизу представлял собой битву совершенно иного рода.

А вот Лау пребывал в своей стихии. Для него истинной войной была война врукопашную.

Глава скитариев Инвикты находился в самой гуще сражения, окруженный по бокам боевым отрядом из восьми хускерлов-преторианцев. Он не уклонялся от личного участия в боях и, несмотря на замечания принцепса максимус, часто отправлялся на передовую. Он говорил Геархарту, что это помогает ему быть ближе к земле и не дает стать безразличным к судьбе скитариев, которые выполняют его команды.

Лично Геархарт считал, что Лау просто пристрастился к адреналиновому опьянению ближнего боя. В конце концов, он, как и каждый скитарий, был создан по генным программам, которые специально

развивали агрессию и силу.

Встроенное в руку Лау оружие полыхнуло, сжигая кинувшихся к нему тертволицых врагов. Секира в левой руке вертелась, срубая головы и конечности. Он был забрызган кровью и содержимым жидкостных систем. Там, где не справлялись свистящий топор и жалящий лазган, Лау использовал свои хирургически вживленные клыки и модифицированные челюсти, разрывая врагам глотки. Хускерлы тоже не отставали. Они научились своему ремеслу от Лау.

<Вперед, за Омниссию!> — инфоговоркой кричал он. Выделяемые железами гормоны погрузили его в распаленное стимуляторами неистовство, но стратегический центр в его мозгу, искусно модифицированный так, чтобы оставаться абсолютно спокойным и сосредоточенным даже на пике сражения, непрерывно оценивал поле битвы.

Бой шел на равных. Несмотря на внезапную атаку, предпринятую Механикус, скитарии противника держались, и сражались безжалостно.

Подключившись к ноосфере, Лау насчитал четыре тысячи вражеских единиц против трех с половиной тысяч своих. Он рассчитывал на численное превосходство своих сервиторов — опору мощи его армии — и уверенно предвкушал победу, которая, однако, обещала быть кровавой.

Хускерл слева опрокинулся назад, его голова оплавилась и горела. Лау рассек врагу широким, замысловато украшенным лезвием локоть и рукоять топора и сжег двух вражеских скитариев короткими выстрелами аугментического оружия. Остальные отпрянули, избегая его ярости.

Внешний облик Лау был создан для устрашения, так же как его физические данные — для убийства. Он был великолепен в своих хищных, грозных доспехах, за спиной вздувалась отороченная перьями мантия. Эмблема Механикус на кроваво-золотом нагруднике окаймлена по обеим сторонам шевронами цвета слоновой кости. Пестрая леопардовая шкура покрывала массивные плечи поверх украшенной перьями накидки, клыки-шипы

выступали из крыльев багровой стальной полумаски, окружающей гололитические желтые прорези глаз. Он раздул переливающийся веер кожистых перьев на затылке, усиливая свой грозный вид. Персональный нательный пустотный щит трещал и кипел от бьющих в него выстрелов и ударов.

<Тесните этот шунтированный металлолом!>

Враг был еще далеко не сломлен, но его теснил напор атаки Механикус. Пытаясь перегруппироваться и сконцентрироваться, вражеские воины рассыпались по усеянным щебнем подъездным дорогам, ведущим с бункерной площадки на магистраль Подгоксового Края.

Катафрактарии Лау поджидали их с тремя дюжинами разумных орудийных платформ, двадцатью мобильными батареями и восемнадцатью модифицированными танками «Малькадор» — все одетые в цвета Легио Инвикта и все нацеленные на заранее пристрелянную магистраль. Когда

появились вражеские скитарии, Дорентина, магос артиллерии, послала Лаю сжатым кодом запрос на открытие огня.

Лаю внимательно взвесил данные ноосферы, продолжая при этом прорубать себе путь через бункерную площадку.

<Жди, — подсказал он Дорентине, — жди... жди... мой магистр орудий, можешь стрелять, как будешь готова>.

Катафрактарии Дорентины открыли огонь и превратили отрезок магистрали в первобытный хаос пепла, огня, земли и сверхдавления. Обстрел накрыл и разметал в клочья вражеское войско, выходящее с подъездных дорог. Грохочущие взрывы и интенсивный лазерный огонь выгрызали огромные дыры в дорожном покрытии, выбрасывая в воздух куски роккрита и тел. Меньше чем за сотню секунд погибли сотни.

Словно откатывающаяся в дельту реки волна, вражеская пехота хлынула обратно на подъездные дороги и во дворы, убегая от страшной смерти, которую им

несла бомбардировка катафрактариев, но скитарии Лау намертво блокировали фабричные площадки. Второй раунд столкновения схлестнувшейся пехоты развернулся в узких горловинах подъездных и боковых дорог. Вражеские силы, которым некуда было бежать и которым не оставалось другого выбора, кроме как сражаться, сошлись с наземными войсками Лау с возобновленной отчаянной мощью. Беспощадные рукопашные схватки закипели на узких улочках, над которыми, словно стены черных каньонов, нависали огромные серо-коричневые фабрики.

Затем появились махины. «Дивинитус Монструм», махина Бормана, пришел, шагая через руины плавильни, разбитой «Игниксом». «Разбойник» «Филопос Маникс», под командованием Стента Расина, приближался с юга. «Инвиктус Антагонистес», махина Красной Фурии, шагал во фланге «Маникса».

Геархарт дал сигнал главе скитариев оттянуть войска. По команде Лау скитарии Инвикты вышли из боя, ведя

сильный огонь на подавление и отступая с площадок.

Наступила тишина, нарушаемая лишь рокотом трех титанических реакторов. Попрятавшиеся в заброшенных фабриках и на подъездных дорогах вражеские воины поняли, что им пришел конец. Некоторые попытались бежать. Другие опустились на колени и подняли руки к возвышающимся махинам, словно каясь или вымаливая отпущение грехов у этих настоящих богов-машин.

Три великана не собирались прощать. «Инвиктус Антагонистес» издал глубокий рев боевого горна, который подхватили «Дивинитус Монструм» и «Филопос Маникс». Оглушительный хор спровоцировал приступ слепого ужаса среди сбившегося в стадо вражеского войска. Они бросились бежать, устраивая давку и сражаясь друг с другом за путь к бегству.

Избиение оказалось внезапным и всеобъемлющим. Воины Лау отпрянули и прикрыли глаза, когда три титана

выпустили конусы бьющего огня, копья обжигающих лазеров и ураган снарядов. Загнанные в ловушку захватчики перестали существовать, и обломки фабричных зданий, служивших им укрытием, засыпали их горящие трупы.

Покрытый копотью «Пес войны» со сломанным двузубцем выскочил из укрытия на дальней стороне доводочной платформы и попытался удрать. Залп «Инвиктус Антагонистес» покалечил его и отбросил к стене. Он с трудом выпрямился, выбрасывая языки пламени из днища, и сделал еще несколько запинающихся шагов. «Дивинитус Монструм» и «Филопос Маникс» зажали его с двух сторон и изрешетили плотными залпами пушек.

Череп «Пса войны» с оположиненной ухмылкой сорвало, когда сокрушительный перекрестный огонь дезинтегрировал его шасси, и он с грохотом покатился по площадке.

«Дивинитус Монструм» и «Филопос Маникс» отвернулись от пылающего разрушения, которое сами же и устроили,

и отправились в погоню за немногочисленными группами выживших, которые разбегались по окраинным улицам Подгоксового Края.

— Сигнал от лорда Геархарта, модерати, — сообщил сенсори Гентриану, подняв руку к штекерам. — Он вызывает «Никомах Игникс»!

Гентриан бросил взгляд на амниотическую раку. Принцепс Лустиг плавал лицом вниз в побуревшей от крови воде. Гентриан скользнул по круто наклонившейся палубе к пультам в подбородке титана и подобрал болтающуюся связку своих штекеров.

— Дай мне секунду, потом переведи вызов на меня, сенсори.

Гентриан подключился. Ощущение — словно втыкаешь тупой штык через позвоночный столб в основание черепа. Вернулось единое всезнание манифольда, заставив разделить мучительную агонию умирающего титана и его смертельно раненного принцепса.

Гентриана передернуло, по пищеводу в

рот поднялась кислота. Он неуверенно пошатнулся, копируя мертвый поскрипывающий титан, и ощутил фантомные дорожки крови-масла, стекающей по разбитой груди и животу. Сердце на секунду замерло. Боль была давящей и всеохватывающей.

<Повторяю, вы меня слышите, «Никомах Игникс»? Это «Инвиктус Антагонистес». Мы здесь, «Игникс», и мы защитим вас. Пожалуйста, ответьте>.

— Слы... шу вас, — ответил Гентриан, кашлянув: появилась кровь.

<Инфоговоркой, сэр!> — поторопил сенсори.

Гентриан кивнул.

<Милорд Геархарт, это «Никомах Игникс»>.

<Я говорю с принцепсом Лустигом?>

<Нет, милорд. Принцепс Лустиг в настоящий момент не совсем здоров. Это модерати Гентриан. Милорд, мы валимся с ног. Мы благодарны Инвикте за блестящую победу, но наш поход окончен>.

<Надейся на сборочные заводы и ремонтные площадки, модерати! —

ответил Геархарт. — Вы не мертвы, пока я не скажу. Могучий «Никомах Игникс» пойдет снова, и снова пойдет принцепс Лустиг!>

Гентриан улыбнулся:

<Высокочтимый лорд, мы благодарны вам за поддержку, но мы травмированы и горим. Я думаю, что мой принцепс... мертв. Благословите нас умерщвлением наших врагов>.

Послышался короткий обмен кодовыми последовательностями.

<«Никомах Игникс», это «Инвиктус Антагонистес». Мы умертвим врага, но вы не должны, не должны сдаваться! Позаботьтесь о системах махины и поддерживайте жизнь в них, насколько сможете. Спасательные команды уже выдвигаются в вашу сторону>.

<Мы будем ждать их, милорд>, — ответил Гентриан. Он повернулся к остальным членам экипажа мостика. — Приготовьтесь к...

Голова сенсори взорвалась, заляпав лампы кокпита кровью и мозговым

веществом. Сенсори рухнул на главный пульт. Гентриан обернулся и увидел ощетинившегося звероподобного скитария, вылезающего из люка на вершине позвоночной шахты.

С воплем ужаса рулевой поднял карабин, но так и не успел выстрелить. Первый скитарий, появившийся из люка, застрелил его так же походя, как застрелил сенсори. Металлический осколок-снаряд вырвал рулевому кусок бедра, второй разворотил горло. Рулевой упал боком на переборку и обмяк с широко раскрытыми глазами, пытаясь что-то сказать; из разорванной шеи хлестала кровь.

Гентриан выстрелил в скитария. Дробовик был заряжен пыжом из тончайшей проволочной нити и керамитовой дробью — выстрел размазал скитария по задней переборке кокпита. Гентриан передернул цевье дробовика и выстрелил снова. Второго скитария разнесло выше пояса фонтаном мяса, костей и металла.

Третий скитарий, высунувшись над

манжетой люка позвоночной шахты, выстрелил из встроенного лазера. Первый выстрел пробил Гентриану торс и вышел из спины, прижигая рану изнутри. Второй разряд перебил штекеры на шее.

Гентриан выключился. Внезапная травма жесткого отключения заглушила даже боль от раны. Он провалился во тьму, погружаясь в непроглядную ночь какого-то неизведанного озера. Откуда-то свысока на него падал мигающий свет. Он был похож на столбцы бинарного кода, но слишком быстро таял, чтобы его загрузить.

Тело Гентриана рухнуло спиной на дисплеи кокпита. Дробовик со стуком выпал из рук. Гентриан закрыл свои модифицированные глаза и перестал чувствовать что-либо, кроме небытия...

Энхорт, экзекутор-фециал Легио Темпестус, вступил в приглушенный синий полумрак жилища. Адепт сеньорус Соломан Итануал обитал в самом сердце Кузницы — в спокойных, хотя и стесненных условиях. Помещение освещалось словно звездным светом в сумерках, и воздух был прохладен.

Ноосфера автоматически доложила о прибытии Энхорта, едва он вошел. Это был импозантный мужчина задумчивого вида, облаченный в красное с черной каймой одеяние; его глаза были сильно модифицированы для приема данных.

Адепты, прислуживавшие Итануалу, быстро и плавно покинули помещение при его приближении, тихо жужжа, словно механические привидения.

Адепт сеньорус сидел за проволочной

кафедрой и читал с большого, обернутого в кожу предмета, полного бумажных листов.

<Энхорт!> — адепт сеньорус поприветствовал гостя, не глядя на него.

— Достопочтенный владыка Кузницы, я... — Энхорт осекся. — Это что, книга?

Соломан Итануал вздохнул и повернулся к экзекутору. Он использовал мягкое манипуляционное поле своих свернутых кольцами механодендритов, чтобы переворачивать хрупкие листы, не дотрагиваясь до них.

— Да, это книга, — ответил Итануал.

— Я полагал, что все наши данные хранятся в цифровом виде. Книги — это же такой анахронизм.

Итануал закрыл при помощи поля древний том и похлопал по обложке рукой.

— Мы перестали вспоминать, — сказал он.

— Милорд?

Адепт сеньорус кивнул морщинистой головой на книгу, лежащую на кафедре:

— Она была в архивах. Один из множества артефактов, которые хранятся в секвестрационных хранилищах.

Мне ее принес Иган. Многое из данных в старых книгохранилищах содержится в старинных формах, как, к своему разочарованию, узнала Аналитика. Книги, распечатки, рукописи...

— Рукописи?

— Рукописные документы. Они из другой эпохи, Энхорт. Механикус когда-то больше заботились о знании, чем о способах его передачи. Когда мы пришли на Орест, то принесли с собой сокровища: палимпсесты, древние списки, манускрипты, голосовые записи — предметы, которые, как считали наши предки, могли оказаться полезными. Мы убрали их под замок в стерильные хранилища. Когда эта война закончится, экзекутор, я прослежу, чтобы все неоцифрованные архивы были снабжены комментариями и переведены в современный формат для открытого пользования. Знание — сила, Энхорт. Как часто мы это повторяем? Как часто мы также забываем, что мы уже знали?

— Милорд, могу я спросить, что вы узнали из этой старой... книги?

Адепт сеньорус вздохнул.

— То, что за десять тысяч лет мы забыли больше, чем можем вспомнить. Что знание может быть силой, но догматичная вера в общепринятые данные есть форма невежества. Всегда есть что-то новое, что можно узнать. Невежество не знает пределов, память просеивается через фильтры времени, забывание — грех. Знание — единственное, что всегда имеет определимые границы. Я тебя шокировал?

Энхорт пожал плечами.

— Если и да, то я не заметил, — ответил он улыбаясь.

— Ты ловко парировал мой вопрос, Энхорт, и не теряешь легкости бытия. Это мне нравится. Посиди я над этой книгой подольше, стал бы совсем прачным. Мы столь уверены в себе, так ведь? Знания Механикус стоят выше знаний всех остальных рас и вероисповеданий. Даже, наверное, выше непостижимых эльдар. Мы можем проникать в самые крошечные частицы космоса: атомы и клетки, электроны и молекулы — и манипулировать ими. Деус Механикус

даровал нам власть понимать эти механизмы жизни. Гордые своим искусством, мы стали самодовольными. Мы перестали вспоминать. Я считаю, что всегда можно узнать больше, чем уже узнано.

Он поднялся, и Энхорт шагнул ближе, чтобы принять его руку и помочь встать.

— К дивану, пожалуйста, — попросил Итануал.

Экзекутор-фециал Темпестуса отвел старика к ближайшей кушетке. Механодендриты Итануала устало колыхались в полутраке в такт шагам. Полостные камеры его пластекового сердца бились медленно, дыхание было поверхностным.

— Полагаю, ты пришел поведать мне о войне? — заметил адепт сеньорус, опускаясь на кушетку и устраиваясь поудобнее. — Снова дурные вести?

Отношения между Итануалом и Энхортом были давними и теплыми. Несколько десятилетий назад Энхорт был

фамулюсом Итануала. Ему было уготовано высокое место в Кузнице, но Итануал разглядел таланты Энхорта и рекомендовал его на службу в легионе махин. Как и Крузий, Энхорт подвергся скрытой модификации, а также был одним из немногих магосов, которых Итануал удостаивал чести слышать свой плотский голос.

— Нет, на этот раз вести не дурные, Итануал, — мягко ответил Энхорт, вынимая инфопланшет. Открыл его, и адепт сеньорус загрузил содержимое, выплеснувшееся в воздух гололитическими фантомами.

— Это произошло в Подгоксовом Крае?

— Сегодня днем. Сжатие данных неважного качества, но они ведут передачу из полосы военных действий, кишащей случайным мусорным кодом.

— Но его источник надежен?

— Я говорил с лордом Геархартом. Более четырех тысяч единиц вражеской пехоты уничтожено, плюс махина, и «Никомах Игникс» едва успели спасти от

разрушения.

— Бедный «Игникс». Один из моих любимцев. Вопрос: Пустиг?

— Нет информации, владыка.

Итануал кивнул.

— Это вдохновляющие вести и своевременные. Улей должен знать.

— Я уже подумал об этом, милорд, и приготовил информационное сообщение.

— Погоди, погоди, — произнес адепт сеньорус, делая останавливающий жест манипулятором. Он открыл ноосферный канал связи и дождался соединения.

Среди зеленого полога ноосферы материализовалось лицо лорда-губернатора Алеутона. Изображение передавало пикт-устройство со стола в его кабинете.

— Милорд адепт?

— Милорд губернатор. Я принес радостные известия. Данные сейчас передаются вам по шифрованному каналу.

— Вижу, — подтвердил Алеутон.

— Я подумал, что вы должны узнать об этом первым, — продолжил адепт

сеньорус. — Сегодня днем Легио Инвикта одержал сокрушительную победу над агрессорами в Подгоксовом Крае. Четыре тысячи убитых. Мы сделали большой шаг к общепланетной победе.

— Это и правда достойные вести, мой дорогой друг, — ответил Алеутон. — Хвала Омниссии.

— И свят будь Бог-Император. Я считаю, что ради подъема морального духа свидетельства победы должны быть немедленно распространены по всему улью. Сообщения у меня приготовлены.

— Публикуйте их, адепт. Я подкреплю сообщения своими комментариями. Считаю, что это перелом в войне.

Адепт сеньорус улыбнулся.

— Согласен, лорд-губернатор. Обязательно упомяните, что уцелел «Никомах Игникс». Он в одиночку держал оборону, пока Инвикта не пришла на помощь. «Игникс» — очень популярная в народе махина. Новости о его героизме и выживании поднимут настроение.

— Обязательно упомяну, — ответил Алеутон. Его изображение на зеленом

пологе поля подергивалось квадратиками. —
— Спасибо, что лично донесли до меня эти новости.

Итануал кивнул, изображение свернулось и пропало.

— Какая щедрость, — произнес Энхорт.

— Делаю, что могу. Мы живем в равновесии с внебрачными отпрысками Императора здесь, на Оресте. Они увязли в этой войне так же, как и мы, и полагаются на нас. Отправляйся и выпускай свои сообщения, Энхорт.

Экзекутор поднялся и поклонился. Едва он повернулся, чтобы уйти, манипулятор Итануала тронул его за плечо. Энхорт обернулся.

— Сегодня хороший день, ведь так, Энхорт? — спросил Итануал.

— Радостный день, владыка, весьма радостный. Победа за нами.

Адепт сеньорус кивнул и убрал манипулятор.

— Тогда действуй. Марш отсюда!

Как только Энхорт покинул

помещение, адепт сеньорус вызвал сервитора.

<Вон та книга на подставке>.

<Да, милорд>.

<Унеси>.

<Что я должен с ней сделать, милорд?>

<Сожги>.

Сервитор поспешил к проволочной кафедре и подобрал том.

«Молю всех цифровых богов, чтобы у нее не было оцифрованной копии», — думал адепт сеньорус, пока сервитор уносил древнюю книгу.

В своей резиденции на вершине Ореста Принципал Поул Элик Алеутон закрыл канал связи с адептом сеньорус и откинулся на спинку кресла. Затем перевел взгляд на другой пикт-монитор, стоявший на столе.

— Прости, Этта. Я не мог не ответить. Так что ты говорила?

Экран с лицом Этты Северин покрывали пятна из-за ухудшения передачи.

— Адепт сеньорус подтвердил то, что я сообщила, сэр: сокрушительная победа в Подгоксовом Крае. Кругий говорит о почти пяти тысячах убитых вражеских воинов.

— И экзекутор Кругий?

— Скупая скотина, когда речь идет о фактах, — ответила Этта. Ее голос срезался плохим сигналом. — Он преувеличивает для большего эффекта, но все равно следует опубликовать эти данные.

— Договорились, Этта, — сказал Алеутон. — Что там с этой отважной махиной — «Игниксом»?

— С «Никомах Игникс»? Осталась развалина, когда мы добрались до нее. Спекся, и весь экипаж до единого мертв. Итануал тоже преувеличивает для большего эффекта, сэр.

— Адепт сеньорус Итануал льет воду на мельницу пропаганды, моя дорогая. И кто я такой, чтобы спорить с ним?

— Я понимаю, сэр, но вы тоже должны понять, что эта война не закончена еще даже наполовину. Уничтожение врага — это хорошо, но победа в Подгоксовом Крае —

– лишь один шаг на долгом пути. Врагов тут еще полно. Последнее, что нам нужно, — это самоуверенность.

— Это мнение Крузия?

— Это мое пояснение для вас, сэр. Экзекутор, скорее, больше обеспокоен репутацией своего легио.

— Я понимаю, Этта. Держи меня в курсе.

Пикт-поток мигнул и погас. Алеутон поднял взгляд на ждущего помощника:

— Подготовьте генераторы улья для включения оборонительных щитов.

>

С приходом ночи Орест Принципал охватило маниакальное ликование, граничащее с беспорядками. Публичные экраны по всему улью показывали сообщения, чтобы все видели. Грандиозная победа в Подгоксовом Крае. Тысячи невежественных врагов повержены. Инвикта вступила в бой. Надежды на

будущее крепнут. «Никомах Игникс» спасен в последний момент. Непреклонное мужество «Никомах Игникс».

Необъятные толпы собрались на площади Киодра и Марсовом поле, на Перпендикуляре и Конгрессе, на площади Франца Хомулка и на Тропе Титанов. Сменившиеся рабочие собирались в огромные, шумные массы вокруг публичных экранов Свинцового рынка и Распорки, заполняли таверны и столовые в Бастионах и Молотилке. Под светом нафтовых уличных ламп благочестивые смешались с благодарными и образовали длинные процессии, змеящиеся по нижним улицам Контрапункта и Тангенса к величественным храмам улья, чтобы отслужить благодарственные молебны. Одни несли эмблемы и вотивные иконы Бога-Императора Неумирающего, другие — символические изображения Омниссии. Били барабаны, и гудели горны. Над Марсовым полем взлетали салюты. Население Ореста Принципал не выходило на подобные публичные демонстрации с той самой ночи, как прибыла Инвикта.

В нескольких кварталах — в дешевых жилых глубинах Мирянского Угла в основном — публичные сборища превратились в торжество беспорядков и беззакония. Магистратум отправил патрули для восстановления порядка и подавления уличного пьянства, драк и грабежей. Вообще, в эту ночь Магистратуму пришлось поднапрячь силы, чтобы обеспечить контроль над толпой практически на каждом уровне улья.

Алеутон держал руку на пульсе анализа движущей силы людских масс. Это было облегчение, понял он, выражение облегчения после многих недель напряжения и страха. Гражданам Ореста Принципал нужна была отдушина, ради которой он и разрешил опубликовать новости из Подгоксового Края. Ему нужен был довольный город, верящий, что все изменится к лучшему. Хотя мнения всех его стратегических аналитиков, офицеров СПО и Орестских полков сошлись с оценкой Этты Северин.

Война была еще далека от победы. Она еще даже не пришла к равновесию. Оресту предстояла долгая и темная ночь, перед тем как наступит рассвет и избавление. Хотя и отброшенные в этот раз, силы врага уже подошли к Гоксу. Теперь их отделяло от Великих Южных ворот менее десяти часов.

Версия событий в Подгоксовом Крае, подготовленная для широких масс, была дополнена архивными съемками «Никомах Игникс» на обычных маневрах в Восточных провинциях вместе с часто повторяющимися изображениями махин Инвикты в разгрузочных лесах. Каждый раз, как проигрывались моменты с «Игниксом», над переполненными общественными центрами улья взлетал эпический гул одобрительных возгласов.

В пыльной задней комнате «Анатометы» на восемьдесят восьмом уровне коммерции Манфред Цембер тихо посмеивался, откупоривая отверткой крышку новой банки геральдической охры. На небольшом очаге в задней комнате

начал посвистывать чайник. Цембер отнес банку на верстак, потом подошел и снял чайник с огня сложенной тряпкой. Дорогой импортный листовой чай «Хулан». Цембер не мог себе позволить подобной роскоши уже много лет.

На рабочем верстаке стоял небольшой пикт-проигрыватель. Проекция была выставлена на паузу. Цембер записал эпизоды из публичных передач и теперь останавливал разные кадры, копируя расцветку и детали знаменитых махин. Он глотнул чаю, поставил чашку, взял тонкую кисточку и осторожно и старательно принялся наносить индивидуальные знаки отличия на последнюю партию заводных игрушек.

Они стояли перед ним на верстаке. Когда этим утром игрушки прибыли от механика в переложенных соломой ящиках, они были лишь голым железом. Он потратил целый день между визитами клиентов, напыляя на них слои лака и грунтовки, а затем нанося основные цвета: темно-красный и латунный — для отважной Инвикты, синий и серебряный —

для доблестного Темпестуса.

Сейчас он готовил десять копий «Дивинитус Монструм» — махины Бормана, десять «Разбойников», которые все станут «Филопос Маникс» — принцептурой лихого красавца Стента Расина, дюжину копий «Инвиктус Антагонистес» — печально известной махины Красной Фурии и двадцать гордых миниатюр «Никомах Игникс» — героя Подгоксового Края. Цембер вполне резонно предполагал, что последние будут продаваться лучше всего.

Он нанес кисточкой дорогое сусальное золото на прокрашенные когти «Никомах Игникс», просто чтобы сделать их безупречными. Тут важны детали.

Когда он откроет утром лавку, явятся толпы клиентов. А пока весь вечер раздавался стук в дверь. Он брал ключ и открывал магазин: «Только для вас, вы же понимаете, в порядке исключения».

— Гигант! Гигант! — хихикал Цембер, заведя недокрашенный «Никомах Игникс» и пустив его по верстаку.

Поблекшие куклы глазели на него с

полок, забытые, пустоглазые и безразличные.

>

В Саду Достойных под Канцелярией бывший модерати Цинк поглядел на бледно-серое небо. Стаи щебечущих зефирид исчезли в сумерках. Где-то глубоко внутри иссохшего тела Цинк ощущал тревогу. Еще одна ночь шума в огромном улье? Опять Сретение? Сколько раз Сретение наступало в этом году? Он не мог вспомнить. Может, это был День Кузницы или Фестиваль сбора минералов. Независимо от причины, улицы района внизу были полны блеющих дураков. Музыка, ликование и фейерверки. Цинк морщился каждый раз, как взлетал фейерверк и взрывался громким хлопком, распускаясь, словно разноцветный цветок. Они напоминали ему... они напоминали ему о... Чем-то, что ранило его, очень давно.

Он не мог вспомнить — что.

Прямо над краем западной стены сада Цинку была видна верхняя часть светящегося публичного экрана на Постном Ряду. Экран вспыхивал и светился, прокручивая строчки текста. Цинк вытер губы. Он принял решение.

Калека добрался до будки самым полным ходом, на какой были способны его старые ноги. Вытащил потрепанную лестницу, которой пользовался, когда подрезал сучья на плойновых деревьях, и вернулся с ней к западной стене. Исполнение заняло больше получаса, и Цинку приходилось останавливаться и переводить дух дважды. Больше чем единожды он забывал, что собирался сделать, и порывался нести лестницу обратно к будке. Добравшись до стены, он переложил курс — два румба, малый ход, поворот на запад — и втащил лестницу на влажную клумбу. Приставил лестницу к стене и отклонился назад, воззрившись на нее.

Лестница: у нее должна быть цель. Он посмотрел вокруг на пустой сад, на

длинные тени, смешивающиеся с темнотой. Вокруг никого, кто мог бы сказать ему, что делать, — ни раки, ни принцепса, ни гудящего манифольда.

Цинк вспомнил свою цель. Ухватился за стойки лестницы дрожащими руками, вдавливая ее в мягкую землю, и начал взбираться наверх.

«Вперед, модерати! Самый полный шаг!»

Команда озадачила его. Цинк помедлил, остановившись на второй ступеньке. Кто такой «модерати»? Что такое «самый полный шаг»?

Он лез наверх, пока не выглянул за край старой стены. Моргнул. Теперь он видел публичный экран полностью. Яркие колонки слов скользили по нему, янтарные и светящиеся. Цинк не мог их прочесть. Восемьдесят лет назад он потерял способность что-либо читать, каптировать или загружать.

Но был еще и голос — грохочущий голос диктора. И картинки. Картинки...

Цинк вгляделся. Тонкие губы беззвучно шевельнулись.

«Никомах Игникс» шагает на войну! Не бойся, народ Принципала: махины, такие как «Игникс», помогут нам! Полный ход, вот так! С такой броней, что ведет нас к славе, пожалеем несчастных, что восстали против нас! Покорение Архиврага — это обыденная работа для таких, как «Никомах Игникс»!

— Цинк? Служитель Цинк?

Цинк глянул вниз. Надзиратель Плетил с Канцелярского Уступа спешил к нему по садовой дорожке. Плетил кутался в свои красные одежды, ограждая себя от вечерней прохлады.

— Я принес тебе ужин, Цинк. Там, в будке. Становится холодно. Суп, Цинк. Суп. Ты помнишь суп?

Цинк на мгновение глянул на него сверху, затем повернулся обратно к экрану.

— Ради Деуса, Цинк, слезай оттуда! — позвал Плетил. — Ты упадешь и поранишься! А там суп. Ммм, теплый суп.

Он изобразил потягивание из ложки и погладил ладонью живот.

Цинк, не обращая на него никакого

внимания, произнес одно слово. Три слога.

— Что? Цинк? Что ты сказал?

Цинк пристально вглядывался в картинки на публичном экране. Медленно и очень тщательно он повторил то, что сказал.

Три слога.

— Ма-хи-на.

>

Стефан Замстак прикончил то, что оставалось в стакане, и припечатал его к барной стойке.

— Хорош. Спокойной ночи, парни.

— Стой! — раздался товарищеский хор.

Стефан помотал головой:

— Я всё.

Он выпил первый атасек, потому что его угостил Райнхарт, и Райнхарт был единственной причиной, почему Стеф вообще сюда пришел. «Помоги себе

отвлечься, Стеф, — сказал Райнхарт. — Пойдем, забудешь про свои проблемы».

Второй и третий амасек пошел легче. После этого он сбился со счета.

— Увидимся на работе, — произнес Стефан и слез с барного табурета. Райнхарт поднялся и подошел к нему.

— Оставайся с нами, — сказал он, положив руку на плечо Стефу. — Мне сказали, что флот Инвикты завтра отправляет вниз следующую партию снаряжения. Пополняют запасы. Будем таскать грузы много часов. Я рассчитываю на доплату за переработку и опасность.

— Значит, надо поспать.

— Стеф, сегодня особенный день. Мы раздавили их в Подгоксовом Крае. Все празднуют.

— Я особого праздника не чувствую. Но чувствую, что напился, — возразил Стеф Замстак.

Райнхарт вытер губы тыльной стороной ладони и прикурил лхо-сигарету.

— Как друг другу: есть что-нибудь от

нее?

— Нет.

— Бедная девочка. Плохо дело. Но с ней все будет в порядке. Третья очередь — им всегда достается всякая хренотень, если позволишь так выразиться. У меня кузен служил в третьем резерве девятнадцать лет, с младых ногтей. Они занимались погрузкой-разгрузкой, клеили квитанции на посылки, сортировали снаряжение, если повезет, — всякое такое. Поверь мне, ее даже близко нет от передовой.

— Наверное.

— Именно так. Еще амасек сюда для моего друга!

Стефан рассеянно улыбнулся:

— Ладно, еще одну на посошок.

— Вот это молодец! Парни все за тебя, ты знаешь? У Липпа племянник в третьем.

— Правда?

— СПО, все дела, — осклабился Райнхарт, зажав лхо-сигарету в зубах и расплачиваясь за выпивку.

— СПО — фесовые дилетанты, —

раздался голос от барной стойки за спиной у Стефа.

Стеф обернулся.

— Брось, Стеф, — буркнул Райнхарт, забирая сдачу.

Человек был эмигрантом с Танит — звероподобный здоровяк, покрытый фиолетовыми татуировками. Тяжелые руки бугрились мышцами. Он носил кольцо лицензированного грузчика. Танит сгорела дотла много лет назад, и это был один из последних представителей мертвого мира. Он потягивал выпивку.

— Что ты сказал? — спросил Стефан.

— Стеф, брось, — вмешался Райнхарт.

— Я сказал, — невнятно произнес танитец, глядя в дно стакана, — что СПО на Оресте были фесовым посмешищем. Если бы они сделали свое дело как следует, мы бы не сидели тут по уши в дерьме. Силы планетарной обороны — вот что значит СПО. Оборонили они нас? Нет, фес возьми, не оборонили. Из-за них мы в дерьме? Да, фес возьми, из-за них.

Волнует меня — живы они или нет? Нет, фес возьми, не волнует.

— Моя жена в СПО, — сказал Стефан.

— Стеф, успокойся, — встрял Райнхарт.

— Значит, в этом есть и ее вина, так? — выдвинул мысль танитский грузчик, поднимая глаза на Стефа. — фесовые неумехи.

Парни из дока вытащили его на улицу. Его руки были скользкими от крови. Стеф зло потребовал, чтобы его отпустили.

— Ты убил его. По-моему, ты его убил! — вопил Бенкис.

— Ты тупой ублюдок, Стеф, — бормотал Райнхарт, пока они тащили его до канавы.

— Стаканом. Прямо в рожу! — восклицал Бенкис.

— Кто-нибудь, заткните Бенкиса, — произнес Райнхарт. — Стеф? Стеф?

Он ударил Стефана Замстака по щеке.

— Что?

— Стеф, ты поступил плохо. Думаю, я смогу тебя прикрыть, но магистраты все равно явятся. Не ходи завтра на работу.

— Ладно. Ммф... Почему?

— Иди домой. До дома добраться сумеешь?

— Угу.

— Иди домой, Стеф, вымойся. Мы с парнями тебя не видели. Это был какой-то левый ублюдок.

Они взгромоздили Стефа на ноги. Он хмуро оглядел их:

— Я его убил?

Райнхарт кивнул:

— В общем, да. Иди домой.

— Ладно. Спасибо.

Стефан развернулся и с трудом потащился к ближайшей станции маглева — «Случайному Холму»: вторая остановка по кольцу от Перпендикуляра. Рубашка и штаны спереди коробились от крови.

— Калли, — бормотал он, хромая по дороге и ощущая тяжесть жетона на маглев, который вручил ему Райнхарт.

Калли...

Рассвет над Антиумом. Тарсес перепоясался ремнем, накинул кожаный плащ и застегнулся. Осмотрел себя в грязном зеркале.

Модерати. Все еще похож. Он поправил значок Инвикты на лацкане. Сможет ли он справляться с работой по-прежнему? В этом-то и вопрос.

Раздался двойной стук в дверь.

Он открыл. За дверью стояла Фейрика по стойке смирно, одетая в тугой комплект обмундирования из черной кожи.

— Готов? — спросила она.

— Ты идешь с нами? — поинтересовался Тарсес.

— Конечно. Я его фамулюс.

— Я обсужу это с Принцхорном.

— Нечего тут обсуждать с принцепсом Принцхорном или кем-то еще, — заявила она.

— Ой, заткнись, — бросил Тарсес.

Он прошел по мостику, соединяющему

башню с восстановленной «Доминатус Викторикс», пожимая руки и перекидываясь приветствиями с новым экипажем: Анилом — рулевым и Кальдером — сенсорщиком. Оба были из флотского резерва Инвикты. Нарлера, несмотря на аугментический трансплантат вместо недостающей руки, признали негодным для данного исполнения. Тарсесу будет его не хватать, хотя Кальдер выглядел подающим надежды и прибыл с высокими рекомендациями. Он был из резервного списка для махины Бормана.

— Мы готовы пойти, модерати, — сказал Кальдер.

— Хорошо, хорошо. Благодарю вас. Принцепс на месте?

— Его рака была установлена час назад, сэр, — ответил Анил. — Все соединения и вспомогательные каналы подогнаны и подключены.

Тарсес кивнул.

— Идите, занимайте свои места.

Оба сложили руки в знамении шестерни и развернулись.

— Еще одно, — добавил Тарсес.

— Да, модерати? — хором ответили оба.

— Вы оба знаете, что я сделал? О том случае?

Кальдер и Анил неловко переглянулись.

— Мы знаем, модерати, — ответил Анил.

— Это был ужасный поступок. Не могу выразить, как я о нем жалею. Мне нужно только знать, что он не повлияет на нашу совместную работу. Если есть хоть какая-то вероятность, что повлияет, скажите сейчас, и я запрошу самоотвод.

Горячий ветер, дующий снизу из внутренностей башни, трепал длинные полы их плащей.

— Для меня это не проблема, модерати, — сказал Анил.

— Разрешите говорить начистоту? — спросил Кальдер.

Тарсес кивнул.

— Это было простительное преступление, — произнес Кальдер. — Поступок, спровоцированный вспышкой

генева, который показал бесконечную преданность принцепсу Скаугену, и я принимаю это как знак честного и верного штекерника. Для меня это также не проблема.

— Вы нужны «Виктрикс», модерати, — сказал Анил. — Вы знаете ее лучше, чем любой из нас.

— Спасибо вам обоим за прямоту и поддержку. Занимайте свои места. Я вскоре присоединюсь к вам.

Рулевой и сенсори отошли и забрались на борт. Стоя в одиночестве на высоком мосту, Тарсес пристально осматривал могучую громаду «Доминатус Виктрикс», отремонтированную и переделанную, с корпусом, заново окрашенным в красный и золото. Он наслаждался внушительной толщей фронтальной брони, угрожающей тяжестью панциря и встроенных орудий, обтекаемыми линиями невообразимо огромного деструктора. Далеко внизу, у основания башни, сервиторы отсоединяли якорные тросы и захваты, отключали

подачу смазки и кабели телеметрии. Небольшие группы деловито отцепляли и сворачивали шнуры, которые удерживали огромные триумфальные знамена и вымпелы с числом побед, свисающие с конечностей «Виктрикс». Древние пестрые полотнища раздулись и заколыхались на ветру.

Огромные ворота башни стояли открытыми, и выход на обширный подсвеченный пандус был свободен. За пандусом, в сумерках рассвета, лежал длинный путь мимо доводочных башен к вратам Антиума, а за ними — в царство войны.

Массивная сине-серебряная фигура «Тантамаунт Страйдекс» стояла в соседней башне. «Владыка войны» Темпестуса, который пойдет с ними этим утром. Автоматические леса и опорные фермы убирались от верхней части его корпуса. «Тантамаунт» пришел живым из рабочих поселений три дня назад — одна из немногих махин Темпестуса, сумевших вернуться на перезаправку и перезарядку

после первой фазы войны.

Позади него, в другой гигантской роккритовой яме, воздух сверкал и трещал от сварочных лучей и резаков. Бригады Кузницы приступили к ремонту «Никомах Игникс», чей разбитый труп принесли прошлой ночью тяжелые лифтеры.

— Немало времени пройдет, прежде чем «Игникс» пойдет снова, — раздался голос у него за спиной.

Тарсес обернулся и оказался лицом к лицу с высоким мужчиной в кожаной форме модерати Темпестуса.

— Брейдел, модерати, «Тантамаунт Страйдекс», — представился мужчина, протягивая руку. — Я подумал, что нам стоит познакомиться.

Тарсес пожал его ладонь.

— Зейн Тарсес. Я жду не дождусь выхода, Брейдел. Надеюсь, мы сможем причинить немного добра.

— Два «Владыки войны»? Мы потрясем до основания самый ад, дай нам полшанса. Я только надеюсь, что вы за нами поспеете.

Тарсес улыбнулся:

— Мы справимся. У Инвикты есть некоторый опыт.

Брейдел улыбнулся в ответ:

— У Инвикты? С Принцхорном в гнезде раки вы теперь, в общем-то, почетный Темпестус.

Тарсес дернул плечами:

— Возможно. Так вы вернулись целыми? Весь экипаж?

— Мой принцепс Терон привел нас домой невредимыми. Нам повезло. Мы одержали несколько достойных побед, а потом вернулись на перезарядку.

— Как там снаружи?

Брейдел пожал плечами:

— Печально, а сейчас еще хуже, могу себе представить. Я загружал боевые съемки. Дорога из огня на всем пути от Гинекса до Старой Башни.

— Заваруха, согласен, но мне не терпится выбраться туда. Мы должны покончить с этим и сделать Орест безопасным местом.

— Согласен, без вопросов, — ответил Брейдел. — Омниссия будет приглядывать

за нами.

— Император защитит, — машинально откликнулся Тарсес.

Брейдел снова пожал плечами:

— Ну да, и он тоже.

Предрассветный ветер трепал одежду. Они смотрели на «Никомах Игникс», закрепленный в стапелях башни; белое сияние сварки пульсировало огромными тенями на влажной стене.

— Все были мертвы, знаешь? — сказал Брейдел. — Все были мертвы, когда они добрались до него. Все, кроме модерати. Он сейчас в критическом состоянии в медике-один. Говорят, что рассудок к нему не вернется никогда.

— Поврежден мозг?

— Ублюдки отстрелили ему штекеры с головы.

Тарсес невольно ощутил болезненность вокруг новых разъемов на затылке. Они еще не зажили, несмотря на трансплантацию быстроприживающихся тканей и синтетические покровные трубки.

Он повернулся к Брейделу:

— Полагаю, пора начинать, как ты считаешь? И спасибо за приложенные усилия для знакомства. Я оценил жест.

Брейдел кивнул:

— Модерати — это человеческое связующее звено. Если мы не будем прилагать усилия, тогда кто?

Они еще раз пожали руки и сотворили знамение символа Механикус.

— Доброй охоты, модерати, — пожелал Брейдел.

— И тебе, модерати, — откликнулся Тарсес.

Брейдел ушел по мосту, а Тарсес повернулся к «Доминатус Виктрикс». Он вдохнул напоследок полную грудь свежего воздуха и отправился к люку.

— Закручивайте болты и убирайте мост, — приказал он ожидающим бригадам сервиторов.

— Сию же секунду. Доброго пути, модерати, — ответил бригадир.

Пригнув голову, Тарсес взобрался в кокпит. Помещение очистили и отремонтировали. Пульты и настенные

панели сияли активностью систем — ярко и живо. Анил и Кальдер сидели пристегнутыми в своих креслах, занимаясь предвыходными проверками по списку. В похожем на камеру кормовом отсеке, прилегающем к кокпиту, Тимон, их новый техножрец, проводил последние ритуалы умиротворения и принуждения. В воздухе пахло святым елеем и ладаном. Тарсес отметил свежезатененную систему аспика, блестящую и чистую по сравнению с потертыми деталями инструментария мостика.

Амниотическая рака Принцхорна была установлена в центре кокпита, и молодой принцепс перестатривал и перепроверял загрузки данных, плавая в своем крошечном океане питательной жидкости. Фейрика, трачная и торжественная, стояла рядом с ракой, сцепив руки за спиной.

<Вы наконец-то удостоили нас своим присутствием, Тарсес>, — протранслировал Принцхорн через аугмиттеры раки.

— Модерати всегда последним

занимает свое место, принцепс, — ответил Тарсес, не клюнув на приманку. — Модерати производит последние проверки, последний осмотр собственными глазами.

<Вы удовлетворены?>

— Целиком и полностью, сэр.

<Тогда займите свое место>.

Тарсес забрался в кресло в подбородке титана. И обнаружил, что нет нужды подгонять его под себя. Настройки были сохранены такими, какими он их оставил. Он сдвинул кресло вперед до щелчка и пристегнул ремни. Слышно было, как вокруг заднего люка завинчивают последние болты. Работы закончились, и кокпит вздрогнул, когда отошел мост.

Тарсес взял шлейф штекеров и вставил на место.

Сияние и данные захлестнули разум. Он почувствовал себя снова цельным. Он даже не осознавал, каким неполным был без подключения. БМУ зашептал где-то на задворках разума, казалось приветствуя его.

— Я установлен и подключен, —

проинформировал Тарсес. Перед ним вспыхнул манифольд, лениво оценивая и проводя тестовое прицеливание на устье и стены башни. — Связь с манифольдом установлена. Рулевой со мной?

— На месте, модерати, — откликнулся Анил.

— Сенсори?

— На месте, модерати, — отозвался Кальдер.

— Реактор и системы?

<На месте!> — одновременно прокантировали техножрец позади него и технопровидец из чрева махины.

— Орудийные сервиторы?

Сервиторы прострекотали бинарный отклик.

— Принцепс, «Доминатус Викторикс» готова и рвется в бой. Ваше слово.

<Начать журнал исполнениям>.

<Активизировано...>

<Гвидо Пернал Яксиул Принцхорн, принцепс, Легио Темпестус>.

— Инвикта, — поправил Тарсес.

<Виноват. Инвикта, конечно. Я подключен к блоку мыслеуправления

«Владыки войны» «Доминатус Викрикс». Мои полномочия признаны?>

<Признаны...>

Тарсес вручную вбил дату, время и место, нажимая клавиши вместо принцепса:

— Мы приступаем к исполнению К494103. Начать запись бортжурнала.

<Запись...>

Тарсес ждал. Через штекеры он чувствовал разум Принцхорна, приноравливающийся к току данных, к внезапной и невероятной тяжести бытия титаном «Владыка войны». Тарсес ощущал его страх и удивление, смешанные в равных пропорциях. Он чувствовал тревогу и беспокойство Принцхорна за порученное бремя.

<Модерати?>

— Принцепс?

<Манифольд у меня?>

— Манифольд ваш, принцепс, — подтвердил Тарсес.

<Благодарю. Раскрыть и убрать по порядку упряжь и стыковочные силовые

кабели с конечностей. Включить моторные передачи. Есть «зеленый»?>

— Вижу «зеленый», принцепс, — ответил Тарсес. Его руки летали над ручками настроек пульта. Он по-прежнему не мог заставить себя обращаться к Принцхорну «мой принцепс».

<Инициировать пусковую последовательность главного реактора. Запустить двигатель>.

— Есть запустить двигатель. Через три, два, один...

Раздался оглушительный вулканический рокот высвобожденной мощи. Корпус завибрировал.

— Запуск двигателя, запуск двигателя, — объявил Тарсес.

— Мощность на всех ходовых системах, — доложил Анил.

— Полное усиление на всех элементах обнаружения, — отметил Кальдер.

— Главная тяга достигнута на текущий момент, — произнес Тарсес, щелкая переключателями. — Принцепс, ваше слово.

В раке позади него Принцхорн уперся

ладонями в стекло и устремил взгляд вперед.

«Пошел!»

Она пришла в себя в кромешной тьме, резко села — и стукнулась головой; раздался глухой звон.

Спертый воздух пах гарью. Ничего не видя, она пошарила вокруг и нащупала лист железа, навалившийся сверху. Под ним оставалось совсем мало места, поэтому она и ударилась, попытавшись сесть.

Запаниковав и от клаустрофобии, и от страха оказаться в ловушке и сгореть, она надавила руками изо всех сил и спихнула железный лист.

Тот с грохотом соскользнул — и на нее хлынул мутный дневной свет. В воздухе плавал дым.

Она вытянула себя из дыры, выкапываясь из-под горы перекрученного металла и каких-то машинных деталей.

Пошатываясь, встала на ноги и потащилась, спотыкаясь, через разбросанные обломки. Центр Горловины Пласта был полностью раздавлен падающим великаном. Дымящиеся останки махины, даже лежащей лицом вниз, возвышались над ней горой. Из помятых теплообменников с задней стороны корпуса лениво тянулись вверх столбы грязно-черного дыма.

Кашляя, Калли вернулась по своим следам и принялась обыскивать место, где ее едва не засыпало. Под сломанной пресс-плитой нашлась скрючившаяся на обожженной земле Голла Улдана, с испачканным кровью лицом. Когда Калли убрала обломки, она заморгала на бледном свету и прошептала:

— Ты меня спасла.

Калли помотала головой:

— Нет. Я не знаю, как эта штука нас миновала.

Она помогла Голле подняться.

— Ты голову рассадила, — сказала Голла.

— Ты тоже.

Голла попыталась дотронуться до головы Калли.

— Оставь. Не трогай.

— Выглядит ужасно.

— Меня что-то ударило. Оставь.

— Только мы остались? — спросила Голла.

— Думаю, да.

— Надо посмотреть.

Калли кивнула.

Они некоторое время пробирались через дымящиеся руины, сдвигая куски спекшихся обломков и надеясь, что ничего под ними не найдут, однако — нашли.

Они нашли Ранага Зелумина — или по крайней мере верхнюю его половину. Что-то раскаленное, тяжелое и железное перерубило его пониже грудины. Долго на него смотреть они не смогли.

— О Деус! — пробормотала Голла.

— Голла! Сюда!

Голла пробралась к Калли. У подножия разрушенной стены свернулась клубком Дженни Вирмак. Она оказалась чудесным образом невредимой.

— Дженни?

— Все кончилось? — спросила Дженни Вирмак.

— Пока да, — ответила Калли.

— Замстак? Замстак? Это ты? — Голоса отдавались эхом в задымленном воздухе.

Голла и Калли подняли головы и увидели пробирающиеся к ним по полю обломков фигуры.

Рейсс уцелела. Иконис тоже.

— А мистер Биндерман? — спросила Калли.

Бон Иконис помотал головой.

Появился Ласко — со сломанным носом и выбитыми зубами, со ртом, сочащимся кровью. Жакарнов выбрался в поле зрения, затягиваясь лхо-сигаретой. За ним вылезли Ларс Вульк и Антик.

— Что это, фриг возьми, было? — спросил Антик.

— О, заткнись! — простонал Вульк.

Бранифф, как стало ясно, погиб, сгинув под рухнувшей крышей вместе со своими пиктами. Вольпера размазало падающей махиной. Еще Вульк видел

смерть рыжей Саши — она практически испарилась под лазерным обстрелом. Робор и Фирстин выжили. Два члена Мобилизованной двадцать шестой, чьих имен Калли не знала, тоже мертвы. Она еще сильнее ощутила угрызения совести из-за того, что так и не узнала, как их звали.

— Пусть будет кто-нибудь другой, — произнесла она.

— Что? — спросил Иконис.

— Я не командир. Тупость какая-то. Пусть будет кто-нибудь другой.

Фирстин кивнул:

— Своевременная мысль, Замстак.

— Это еще что? — поинтересовался Иконис.

Фирстин обнажил в неприязненной ухмылке свои жуткие зубы:

— Замстак завела нас сюда. Это была ее блестящая идея. Я говорю, что это ее ошибка. Никто не смог бы подвести нас под монастырь лучше.

— Закрой свой рот! — вступилась Голла.

— Я говорю, что думаю, миссис, —

ответил Фирстин, прикуривая чируту.

— Это сделала не Замстак, — произнес Ларс Вульк. — Это — не ее вина. Она всего лишь старалась нас уберечь.

— Я больше не хочу быть командиром, — сказала всем Калли.

— Кто-то же должен, — ответила Рейсс.

— Калли что надо. Я думаю, что она что надо. Так ведь? — спросил Антик.

— Как мне кажется, — начал Жакарнов, прочистив горло, — мы должны назначить более опытный командующий состав...

— Ты имеешь в виду себя? За тобой никто не пойдет, — возразила Рейсс.

— О, и почему же? — спросил мужчина. — Как раз сейчас кто-то...

— Командование должен принять Механикус, — произнес Робор.

Наступила тишина.

— Я согласен, — сказал Фирстин.

— Нет, мы... — начала Голла.

— Это война Механикус, и я — Механикус, — перебил Робор. — Будет правильно, если обязанности командира

возьму на себя я. Лучше было сделать так с самого начала, а не взваливать их на Калли.

— Ага, — согласился Фирстин. — Могу поспорить, ты не притащил бы нас на погибель в эту дыру.

— Фирстин, ты мелкий кусок дерь... — начала Рейсс.

— Пожалуйста! Нам нужен какой-то порядок! — повысил голос Иконис.

— Калли?

Калли обернулась. Дженни Вирмак стояла в нескольких метрах в стороне, осматривая поле обломков. И манила ее к себе.

Калли Замстак перебралась через руины.

— Что такое, Дженни?

— Он мертв, как ты думаешь? — спросила Дженни Вирмак.

— О Трон! — прошептала Калли Замстак.

С обратной стороны толстенной обшивки панциря махины, словно труп казненного преступника, свисало тело. Оно,

похоже, запуталось в кабелях и трубах, что вывалились, словно кишки, из разодранного корпуса.

Тело безвольно покачивалось на ветру.

Это не был кто-то из Мобилизованной двадцать шестой. Поначалу Калли решила, что это один из местных, но, подойдя ближе, изменила свое мнение.

Его кожа была разбухшей и сморщенной, словно он слишком долго принимал ванну. Обрывки электронных дредов тянулись из его головы — одни обрезанные, другие туго натянутые — и уходили в недра нависшего сверху корпуса. Из предплечий и позвоночника вырастали другие аугментические имплантаты. Его голова безвольно свисала, и, кроме разодранного облегающего комбинезона, другой одежды на человеке не было. До Калли дошло, что он висит на проводах и трубках собственных имплантатов. Некоторые из них вышли, другие расползлись, третьи рвали кожу и плоть, медленно расцепляясь под весом тела.

— Он мертв, — произнес Фирстин.

Калли потянулась вверх. Встав на цыпочки, она смогла лишь дотронуться до горла человека. Его кожа на ощупь походила на скользкий пластик.

— Нет, он не мертв, — воскликнула она. — Надо снять его оттуда.

Голла, Рейсс и Иконис поспешили к ней на помощь.

— Ларс, помоги нам! — крикнула Калли. — Давай придержи его, пока мы будем отцеплять!

Здоровенный рабочий с Бастионов подошел и взял человека за ноги, слегка его приподняв.

— Он весь мокрый, — пожаловался он.

— Тут так много кабелей, — сказала Голла. — Мы их просто отсоединим или...

— Стойте! Прекратите!

Робор, прислужник Механикус, протолкался вперед и уставился на тело с изумлением и тревогой.

— Идиоты! Ничего не отсоединяйте! — воскликнул он.

— Мы же не можем его просто так тут оставить, — сказал Иконис.

— Это принцепс, — пояснил Робор. — Вы что, не понимаете? Этот человек — принцепс махины!

Калли глянула на него:

— Да я, в общем-то, и сама догадалась. Кем бы он ни был, надо его оттуда снять и положить поудобнее.

— Он все еще подключен, — продолжал Робор. — Его амниотическая рака разбилась, но он все еще подключен. Отсоединение — крайне сложный ритуал. Принцепс может получить серьезнейшую травму, если ритуал будет проводиться неправильно.

— Ты знаешь, как это делается? — спросила Калли.

— Конечно нет! Я самый младший прислужник. Я едва начал модификацию. Я...

— Что ж, — сказала Калли, — полагаю, что благородный принцепс уже получил гораздо больше, чем серьезнейшую травму. Отцепляем провода.

Иконис, Рейсс и Голла взялись за дело вместе с Калли. Робор отвернулся, отказываясь смотреть.

Как только вышел последний из перепутанных кабелей, Вульк и Иконис приняли тело и уложили на землю.

— Кто-нибудь, дайте мне медкомплект, — попросила Голла.

— Э-э, а он вообще-то не дышит, — заметила Рейсс.

Голла попыталась прочистить человеку дыхательные пути. Изо рта у него фонтаном хлынула вонючая амниотическая жидкость.

— Он, скорее всего, находился в амниотике годами, — пояснил Робор. — Он модифицирован, чтобы дышать жидкостью.

— Он захлебывается, — сказала Рейсс.

Голла помотала головой:

— Он рождается.

Она сильно надавливала на грудную клетку человека, заставляя амниотическую жидкость выходить из легких. Жидкости было невероятно много. Калли помогала ее вытирать и очищать рот человека. Голла ухмыльнулась:

— Обычно хорошего шлепка по заднице хватает.

Она наклонилась, приложилась ртом к губам человека и принялась вдувать воздух, периодически прерываясь, чтобы надавить на грудную клетку.

— Давай же, — сказала Калли.

Голла вытерла рот:

— Детки обычно понимают быстрее.

Она попробовала еще раз. Еще через пять минут села на корточки и помотала головой:

— Думаю, не получится.

Калли тронула ее за руку и показала. Грудная клетка человека едва заметно поднималась и опускалась.

— А я всегда говорила, что я мастер целоваться, Калли-детка, — произнесла Голла.

Они сделали временные носилки из найденных среди обломков палок. Иконис и Робор забрались внутрь останков махины, чтобы поискать других выживших, но выбрались оттуда с мрачными лицами.

— Там пожар был, — сказал Иконис и больше не добавил ни слова.

В последние часы дня они покинули руины Горловины Пласта. Они снова шли на юг. Калли этого не приказывала, но никто ничего другого не предложил. Даже Фирстин шел вместе со всеми и не жаловался.

Они потеряли многое из снаряжения, но кое-что удалось добыть из останков махины. Продвижение было медленным — мешали носилки, но их несли по очереди.

Они брели через безлюдные вассальные берги и пустые лачужные деревушки. Вечернее небо окрасилось в темно-розовый цвет, и видимость упала. Калли уже ощущала в воздухе запах песка: в пустошах Астроблемы поднимался штормовой ветер.

Это означает «звездная рана».

Она оглянулась в надежде увидеть рядом Биндермана, но понимая, что его там не будет.

К тому времени, как они добрались до скопления заброшенных хижин и сараев под названием Торный След, пыль в воздухе стала такой плотной, что пришлось

опустить очки и завязать шейными платками лица.

Густые волны розовой пыли катились по земле, словно пенные буруны. Вокруг носились обрывки мусора и пластека; старый знак, возвещающий равнодушному миру о Торном Следе, скрипел на ветру ржавыми креплениями.

Небо над головой стало тревожно-синим, по нему веером разносились огромные мерцающие перья ржавой пыли.

— Нам нужно укрытие! — крикнул Иконис Калли, прижимая к лицу платок.

— Спору нет, — откликнулась она.

Они занесли носилки под навес — хоть какое-то укрытие. Потом Калли выбрала Икониса, Ласко и Антика, чтобы обыскать городские строения. К ним присоединился непрошеный Жакарнов, но Калли не стала его прогонять.

Именно Жакарнов нашел самое лучшее место — трехкомнатное модульное жилье рядом с сараем из жердей и жести. Модульный дом был старым, материал стен местами прогнил, но,

похоже, ничего безопаснее тут не найти. Они вышибли дверь и привели остальных.

Внутри модульного дома было грязно и темно. Пахло гнилью, тухлой водой и плесенью. Усиливающаяся буря сотрясала строение до основания, а ветер издавал причудливые бульканья и стоны, пробиваясь сквозь трещины, щели и дыры.

Дом был обставлен плохо, но кто бы тут ни жил, он являлся заядлым собирателем хлама. Повсюду громоздились полки и ящики, забитые железным ломом, однако пригодных инструментов было мало. Ласко нашел лоток с тонкими свечами, а Рейсс — пару работающих старинных плавких фонарей. Она развесила их на стропилах.

Песок яростно хлестал по стенам и покрытым слоем грязи окнам, словно ливень, а ветер грубо колотил в дверь, словно требуя впустить. Калли придавила дверь ящиком с железным ломом, чтобы не открылась.

— Всем отдыхать, — приказала она. — Мы здесь пробудем какое-то время, так что пользуйтесь моментом.

Сама она прошла в дальний конец модульного дома — в комнату, где они поставили носилки. Казалось, дом прошел долгую и нелегкую службу, прежде чем его списали на слом. Кто-то забрал его со свалки и поставил в Торном Следе. Большинство внутренних дверей тоже были со свалки, так что ни одна плотно не закрывалась.

Голла сидела рядом с принцепсом. Робор стоял рядом. Принцепс не приходил в себя, даже не двигался, только слабо вздымающаяся и опускающаяся грудная клетка говорила о том, что он еще жив.

— У него давление низкое, — сообщила Голла. — Пульс нитевидный.

— Если от его разума что-то осталось, — произнес прислужник, — то он испытывает жуткие страдания. Говорят, что боль изъятия от резкого разрыва — адская.

— Из-за того, что мы его отключили? — уточнила Калли.

Робор пожал плечами:

— До этого. Он, скорее всего, ощущал, как умер его БМУ.

— В смысле?

— Он сопереживал смерть своей тахины.

— Мы что-нибудь можем сделать? — спросила Голла.

Робор не ответил. Ветер бился о крышу.

— А ты можешь что-нибудь сделать? — спросила его Калли.

— Я всего лишь прислужник, — ответил Робор. Затем посмотрел на нее. — Необходимо доставить его обратно в Кузницу.

Женщины расхохотались.

— Я серьезно. Принцепс — это бесценный товар: его навыки, его знания, его опыт. Если есть хоть какая-то возможность спасти этого человека, наш долг — добраться до Кузницы и...

— Я поняла, — сказала Калли, — но мы никуда не пойдем, пока все не кончится.

— Но...

— Робор, напряги мозги. Мы ничего сделать не можем.

Прислужник шмыгнул носом. Подкрутил что-то на правом запястье, и

появился небольшой тонкий инфодрит. Калли и Голла взглянули на него с легкой опаской. Впервые Робор воспользовался своими модификациями в открытую.

— Я прошел совсем небольшую аугментическую обработку, — сказал он. — Я все еще жду разрешения на генеральную модификацию. У меня есть лишь простой инфоштекер и загрузочный порт. Возможно, с вашего разрешения, я...

Он прервался и посмотрел на них.

— Мне ведь не нужно вашего разрешения, да?

Калли помотала головой.

Робор подтянул табурет и уселся рядом с носилками. Внимательно осмотрел тело, методично изучая все штекеры: верхние шейные, черепные, лицевые.

— Такая разруха, — прошептал он. Многие из штекеров были повреждены или вырваны, многие потускнели от крови и выступившей амниотической жидкости. Наконец он выбрал один на левом плече принцепса.

Робор повернулся и обратился к

женщинам:

— Прошу вас, что бы ни случилось, не разъединяйте нас. В противном случае для нас обоих это, скорее всего, закончится смертью.

— А что, если... — начала Голла.

— Не надо.

Робор вставил инфодрит в наплечный штекер. Вроде бы ничего не произошло. Калли и Голла в ожидании какой-то реакции уставились на лежащего словно при смерти принцепса.

— О черт! — воскликнула Голла.

До Калли дошло, что смотреть надо было на Робора, а не на тело на носилках. Голова Робора свесилась, глаза плотно зажмурены, кулаки крепко сжаты, а рот широко разинут в безмолвном крике.

— Вытаскивай, — заторопила Голла.

— Нет! Нет, ты же слышала, что он сказал!

— Посмотри на его лицо, Калли-детка. Он в агонии!

— Оставь штекер в покое!

Голла уставилась на нее:

— Ладно. Но если он явится ко мне и

спросит, почему ты позволили ему умереть, я все свалю на тебя, Замстак.

Они принялись ждать. Робор не шевелился. Он сидел, словно статуя какого-то истязаемого святого, — сгорбленный, с перекошенным лицом. Вся его поза выражала страдание.

Шли минуты. Время текло невыносимо медленно. Калли подумала: как можно сидеть с разинутым ртом так долго? Буря сотрясала дом и колотилась в ставни. Может быть, он уже умер? Не станет ли это еще одним запоминающимся моментом в списке решений Калли Замстак как командира?

— Я его отключаю, — заявила Голла.

Калли схватила ее и потащила назад:

— Нет!

— Калли, пожалуйста!

Они нелепо боролись какое-то время, и Голла призвала все свои обширные запасы противопехотных оскорблений, которыми вооружили ее годы службы в переполненных общих палатах принципальского лазарета.

У них за спиной в комнату ворвалась

Рейсс и разняла их с неожиданной легкостью.

— Она... — начала Голла. — Трон, Рейсс, ну ты сильная!

— Я не дам ей отсоединить Робора, — сказала Калли. — Пусти меня, пожалуйста.

Рейсс отпустила обеих, подошла к сидящему прислужнику и осмотрела его с легким ужасом.

— Чего он сделал? Вы дали ему воткнуться в мертвяка?

— Он не мертвый, — сказала Голла.

— Это была идея Робора. Он думал, что сможет помочь, — объяснила Калли.

Рейсс присела и заглянула в застывшее в гримасе лицо Робора. К нему она не прикасалась.

— Робор? Робор? Это Лив Рейсс. Ты там, мистер? — Затем поднялась и посмотрела на Калли: — Я думаю, Улдана права. Я думаю, надо его отсоединить.

— Робор попросил нас только об одном: чтобы мы не отсоединяли его, что бы ни случилось.

— Интересно, он этого ожидал? — с сомнением спросила Рейсс.

— Не знаю, но Робор понимает в этих штуках больше нашего, — ответила Калли.

Рейсс кивнула:

— Если ты так считаешь, он останется подключенным. — Она посмотрела на Голлу, затем на Калли: — Дайте нам знать, если что-нибудь произойдет, — и вышла из комнаты.

Ветер завывал над домом, свечи мерцали.

— Снаружи становится гадко, — пробормотала Голла.

Калли кивнула.

— И здесь тоже, — добавила Голла. — Прости.

— И ты меня прости.

— Да ладно.

Они постояли молча.

— Пойду проверю остальных, — произнесла Калли.

Несмотря на тот факт, что модульный дом трясло и бросало, словно корабль в море, большинство остальных спали. Дженни Вирмак одиноко сидела в углу. Она вертела на пальце маленький

серебряный перстень и, похоже, молилась. Калли решила ее не тревожить.

— Калли? Глянь сюда, — позвала Рейсс. — Бон нашел.

На одной из полок среди хлама стоял потрепанный полевой вокс-передатчик эспэошного образца.

— Работает? — спросила Калли.

Рейсс пожала плечами:

— Поди узнай? Батареи-то сдохли.

— А запасных нет?

— И каким, по-твоему, будет ответ? — спросила Рейсс с жесткой усешкой.

— Можно его ширнуть, — раздался сзади голос.

Они оглянулись. На них смотрел Фирстин. Он сидел, опершись на край просевшего матраса, и вертел в руках чируту, которую демонстративно не прикурил, изображая любезность к остальным.

— Что ты сказал? — спросила Калли.

— Можно ширнуть, — повторил Фирстин, ухмыляясь и демонстрируя полумесяц крайне запущенных зубов. — Мы иногда так делали, когда не могли

позволить новые батареи.

— Кто это «мы»? — спросила Рейсс.

— Деловые партнеры, — ответил Фирстин, — там, в улье, в старые деньки. При моем роде занятий ресурсы ограничены. Иногда вдруг нужен вокс или что-то такое, а новых батарей нет. Поэтому иногда мы ширяли несколько штук.

— В смысле?

— Берешь дохлую батарею и соединяешь с энергоячейкой из оружия. Лучше всего из лазпистолета. Ненадолго, потому как батареи взорвутся, если дать слишком большой заряд. Взорвутся прямо в твое милое личико. И в твое, Рейсс.

Рейсс пропустила скрытое оскорбление мимо ушей:

— Сколько раз так можно сделать?

Фирстин пожал плечами:

— А, это дело на раз. Такой обмен энергией практически превращает батареи в дерьмо, но тока хватает как раз на одну-две короткие передачи. Могу показать, если хотите.

— А «ширнутая» батарея держит

заряд? — спросила Калли.

Фирстин помотал головой.

— Тогда покажешь, когда буря утихнет. Сейчас нет смысла пытаться что-нибудь послать в этой каше.

Фирстин кивнул:

— Разумно мыслишь, Замстак.

Он откинулся обратно на матрас.

— Мистер Фирстин?

— Да, Замстак?

— Спасибо.

Калли повернулась, чтобы пойти обратно к Голле.

— Вы с Улданой там как — разобрались? — спросила Рейсс.

— Да. Это была минутная вспышка. Я решила оставить ее одну ненадолго. Показать, что доверяю.

Рейсс кивнула.

Снаружи ветер стал таким сильным, что начал визжать, словно животное. Калли чувствовала, как тонкие свирепые струйки холодного воздуха пронзают модульный дом сквозь щели и просветы дверных и оконных рам. Воздух резко пах

графитом — запахом песка из Астроблемы.

Это означает «звездная рана».

Она подумала о Биндермане и о других, погибших в Горловине Пласта. Она подумала о мистере Сароше и тех, кого они оставили на шоссе Фиделис.

Она подумала о Стефане, и слезы набежали на глаза. Она вытерла их изнанкой пыльной манжеты и коснулась золотого медальона на шее.

«Это просто "на счастье" на другом языке», — сказал ей тогда мистер Сарош у прицепа-жилища. Если это талисман, приносящий удачу, то пока особой удачи от него не было.

«А вдруг — была? — подумала она. — Вдруг это был наилучший вариант развития событий?»

Она вернулась к Голле. Подруга по-прежнему пристально следила за Робором, дергаясь каждый раз, как порыв ветра хлопал ставнями или бросал кусок пустынного мусора в наружную стену.

— Иди поспи немного, — предложила Калли.

Голла помотала головой:

— Я еще продержусь чуток.

Робор открыл глаза.

Калли вздрогнула, а Голла отпрыгнула так резко, что едва не свалилась с табурета.

— Робор, ты меня слышишь? — спросила Калли.

Жуткий разззявленный рот Робора медленно закрылся.

Взгляд невидящих глаз был отсутствующим, словно после сильного удара. Кулаки по-прежнему были крепко сжаты.

— Робор?

Он тихонько раскачивался и дрожал, словно стоя на сильном ветру посреди голой пустыни.

— Робор?

— Открытый артериальный проток, — прошептал он.

— Что? — Они нагнулись ближе, пытаясь расслышать.

— Открытый артериальный проток, — повторил он голосом шелестящим и

легким, словно песок, несомый ветром из Астроблемы.

— О чем он? — спросила Калли.

— Я слышала, как гинеки говорили об этом, — сказала Голла. — Это дырка. Дырка в сердце младенца.

— Это небольшое отверстие в стенке между верхними желудочками сердца, — произнес Робор. — В утробе открытый артериальный проток — естественный короткий путь, который позволяет крови развивающегося ребенка циркулировать мимо легких, которые пока еще схлопнуты и заполнены амниотической жидкостью. Эта внутриутробная сердечная функция искусственно восстанавливается у всех принцепсов, проходящих модификацию для работы в раке.

— Поэтому у него давление такое низкое? — спросила Голла.

— Да. Часть крови по-прежнему проходит мимо легких, — ответил Робор. — Проток закрывается, но, пока он не закрыт окончательно, кровяное давление будет оставаться низким.

— Робор, откуда ты это знаешь? —

спросила Калли. Робор моргнул, но глаза его по-прежнему отказывались фокусироваться на ней.

— Он мне сказал.

— Принцепс сказал тебе?

— Принцепс мне сказал.

— Робор, что ты еще можешь сказать? Можешь сказать еще что-нибудь? Как он там?

Робор нервно сглотнул и произнес:

— Больно.

По ноосфере разнесся мягкий звон, и волна радости и одобрения всколыхнула Аналитику. Еще одно имя официально установлено и внесено в список.

Файст назвал список «Вражеским каталогом»; тот теперь постоянно висел на гололитическом дисплее над центральной консолью в зале. На текущий момент в нем значилось двадцать два имени: каждое помечено алым шрифтом и каждое снабжено блоком кода, содержащим ссылки, дополнения и добавочные данные.

Двадцать два имени. Адепт Лолиск только что добавил двадцать второе, и Файст выгрузил послание с искренними поздравлениями. Дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Имена появлялись все чаще, заставляя команды информатиков Файста работать

усерднее.

На взгляд Файста, это было все равно что распускать огромный гобелен. Сначала надо потратить немало времени, чтобы найти конец нужной нитки, но как только ты его нашел и потянул...

Находка адепта Синана несколько часов назад оказалась той самой нитью. Она позволила командам Файста сосредоточиться на определенных зрах обширных архивов и находить общие связи, указывая типы кода, операции, происхождение и даты. Найдя одну декларацию Механикум, они уже знали, что нужно искать. Определенный код малоизвестного языка, проходящий через пласты архивов, словно след драгоценного металла в породе, привел к настоящей золотой жиле. Они начали находить и научились распознавать данные, касающиеся махин, которые увязывались внутри информационного массива в единое целое. Одна находка зачастую вела к следующей.

Сейчас у них во «Вражеском каталоге» содержались имена двадцати

двух, в основном доересевых, махин, сравнительные совпадения которых с махинами Архиврага, замеченными на Оресте, были подтверждены. Это не просто сопоставление имен. Для всех двадцати двух Аналитика смогла предоставить подробные регистры Механикум, касающиеся изначальных спецификаций, сборки и рабочих характеристик, — записи, которые пылились десять тысяч лет. У Файста еще был на очереди список из пяти махин, которые не попали во «Вражеский каталог» лишь потому, что их спецификации пока не вычленены из архивов.

У него было шестнадцать самых лучших адептов-кодолингвистов, мастерящих прямо на месте новые, сокращенные версии кода для ускорения транслитерации особо малопонятных или архаичных форм данных. У него было двадцать восемь адептов, перерабатывающих блоки переведенной информации в сжатые инфоговорные

пакеты, чтобы любой принцепс на поле боя мог загрузить и получить данные о цели как можно быстрее. У него было сорок многоруких адептов, переброшенных из фабрикаториев Кузницы, каждый — искусный мастер с крайне высоким навыком мультимоторных функций. Файст определил их на скоростную сортировку материальных данных — манускриптов и свитков, к примеру. Все цифровое переводилось и сопоставлялось. Все напечатанное распознавалось, конвертировалось и переформатировалось.

Наконец-то Файст ощущал чувство удовлетворения. У него болела голова, но это пройдет.

У его консоли стояла адепт Лунос.

— Это может подождать?

— Я хочу вам кое-что показать, адепт, — сказала она.

Лунос была невзрачной девушкой с хорошей квалификацией, но ей недоставало уверенности в себе, поэтому она часто обращалась к Файсту за советом.

— Я сейчас по уши в работе, Лунос. Не

могла бы ты обратиться к одному из контролеров в зале и...

— Я прошу вас. Я думаю, что именно вы должны на это взглянуть, — настаивала она. У нее было странное выражение лица.

Файст остановил и сохранил свой рабочий стол, затем поднялся на ноги.

— Тогда подожди минуту, — произнес он.

— Благодарю вас, адепт.

Пока они шли сквозь толкотню Аналитики, раздался новый звон и новый одобрительный говор. Двадцать третье имя только что добавилось во «Вражеский каталог». Файст мигнул ноосфере и увидел, что выгрузка пришла от адепта Зириса, доведя счет его подтверждениям уже до трех.

<Отличная работа, Зирис>.

<Спасибо, адепт>.

<Все подтверждено?>

<Я даже нашел отчет о первом испытании орудий и имена начального экипажа при приемке>.

<Выкладывай все>.

Лунос работала в одной из внешних комнат. У границы главного зала Аналитики откуда-то появилась адепт Калиен и увязалась за ними.

— Думаю, что мы продвинулись с «Летописями Хриза», — довольно заявила она.

— Это хорошо, Калиен, — похвалил Файст.

— Я надеялась услышать ваше мнение по некоторым расхождениям в структурировании.

«Нет, — подумал Файст, — ты хотела узнать, чем я занят».

— С удовольствием взгляну через секунду, Калиен, — сказал он. — Но сначала мне нужно кое в чем помочь адепту Лунос.

Калиен шла за ними, пока они не миновали главный зал и не прошли через новые комнаты, где адепты из фабрикаториев занимались скоростной сортировкой материальных и некантируемых данных.

— Я вот думала, — заметила Калиен на ходу, — почему адепты из

фабрикаториев? Почему не специалисты по обработке данных?

— Тут дело в выборе наиболее значимой совокупности способностей. Эти адепты, может быть, не самые продуктивные обработчики данных, как большинство новобранцев Аналитики, но они в высшей степени квалифицированы в скоростной манипуляции физическими объектами. Вопрос: ты можешь распечатать манускрипт, провести им по пластинам оптического просмотра, отправить данные в хранилище памяти и запечатать исходный манускрипт так же быстро?

— Нет, адепт.

— И не повредив при этом оригинал?

— Нет, адепт.

— Вот поэтому этим заняты они, а не ты.

— Ясно.

— Пожалуй, тебе стоит вернуться к работе, Калиен. Я скоро подойду и посмотрю твои расхождения в структурировании.

— Благодарю вас, адепт, — сказала

Калиен, развернулась и двинулась обратно.

Файст и Лунос добрались до рабочего места девушки. Лунос гаптически разблокировала станцию и вызвала из памяти рабочий стол.

«Она его заблокировала, прежде чем уйти, — подумал Файст. — Что за странный бзик в таком защищенном подразделении, как наше? С другой стороны, Лунос всегда была невротичкой. Наверное, просто чересчур осторожничает».

Легким поклоном Лунос предложила ему сесть за свою консоль. Файст сел и подключился.

<На что мне смотреть?> — прокантировал он, начиная просматривать и прокручивать данные.

Это был самый старый и самый поврежденный файл, какой он когда-либо видел. Испорченные коричневые данные на покрытом пятнами желтоватом поле.

<Это было отсканировано с манускрипта?> — добавил Файст.

<Нет, адепт, — торопливо ответила

Лунос, — это транслитерировано с инфопластины. В заголовке сказано, что это цифровая копия реальной древней книги, но книги, похоже, больше не существует. Хотя архивная декларация утверждает, что книга должна быть в той же коробке>.

Файст продолжил просмотр.

<Я, правда, ничего тут не могу разобрать. Ты сказала, что это имеет отношение к махинам?>

— Нет, — ответила Лунос.

Файст глянул на нее:

— О, Лунос! Книга наверняка очень старая и интересная, но у нас нет времени на...

— Прошу вас. Я выделила нужный фрагмент.

Он снова погрузился в данные.

<Ничего не понимаю. Это настолько примитивно. Это субкогнатикс?>

<Ранняя форма. Я предлагаю вам использовать цифровые улучшения типа 1101001>.

<Применяю... Да, вот так лучше. А, ты еще и сумела приглушить часть

магнитной грязи. Гораздо лучше».

Он начал читать, сначала быстро, проскакивая глазами по старому коду. Затем замедлился и перечитал заново.

Затем отмотал и медленно прочитал еще раз.

Лунос стояла рядом все десять минут в молчании, пока он читал.

Файст поднял на нее глаза. Его лицо было бледным.

— Сколько здесь еще такого?

— Много.

— Лунос, это же... — Дар речи покинул его на какое-то время.

— Вот поэтому я пошла за вами, — ответила она.

>

За несколько столетий мастерского использования приемов ведения войны он получил прозвище Красная Фурия. Он был одним из самых уважаемых принцепсов максимус в воинстве Механикус и всегда

сам внушал страх. Но сейчас он боялся.

Когда величественные сборочные площадки горы Сигилит подверглись мощной атаке, сразу как пробили куранты улья, лорд Геархарт размышлял о смерти.

Крутой западный склон могучего сооружения — фабрики-крепости размером с сублей, встроенной в самое сердце скального массива, — штурмовали уже третий день. Прорвавшись на восток через Шалтарские очистительные, огромное количество наземных сил и артиллерии Архиврага собралось здесь ради бомбардировки западного бастиона горы Сигилит.

Геархарт размышлял. Архивраг, по его долгому опыту, зачастую не обращал внимания на логичную тактику и стратегическое преимущество, но тут было странное решение даже по извращенным меркам Архиврага. Было общеизвестно, что западный бастион — самый надежный и крепкий участок обороны Сборочной Площадки, обильно усеянный тяжелыми батареями, лазерными барьерами и пустотными

щитами. Скала представляла собой куртину девяностометровой толщины, а внешняя сторона утеса была практически неприступной для карабкающихся войск. И все же враг упорствовал, несмотря на несколько ударов штурмовой авиации улья.

«Что они знают? — спрашивал он себя. — Какие мысли скрывают за слепой агрессией?»

Игнорировать дальше их было уже нельзя, и Геархарт послал туда Бормана, командующего «Дивинитус Монструм», во главе отряда из четырех махин. Прямо перед боем ульевых курантов Борман отрапортовал, что отряд идет полным ходом в менее чем тридцати минутах от столкновения с врагом у западного бастиона. Борман с удовольствием предвкушал повторение сокрушительной битвы махин против наземных войск, как в Подгоксовом Крае.

Затем начался мощный штурм. К северным воротам сборочных площадок, к месту, известному как Ступени Титанов, бок о бок явились три вражеских

«Разбойника».

Ночь выдалась ясной и холодной. Махины вышли атакующим шагом из рабочего поселения Гокс и разогнали тьму. «Разбойники» целеустремленно направлялись к северным воротам, непрерывно выпуская из гигантских ракетных коробов на жучьих спинах свистящие потоки ракет.

Глядя в манифольд из своей раки, Геархарт наконец-то понял тактический замысел Архиврага. Массированная атака на западный бастион служила для отвлечения внимания, чтобы постараться оттянуть силы от гораздо более уязвимых Ступеней Титанов.

Грубая и неуклюжая попытка сбить с толку. Детская уловка. Это было именно то, что, после тщательного обдумывания атаки на западный бастион, Геархарт и предвидел. И почему, в свою очередь, «Инвиктус Антагонистес» ждал встречи с ними у Ступеней Титанов.

Ступени Титанов были, по существу, огромной вереницей широких ступенчатых платформ, высеченных в склоне горы

Сигилит. Платформы шли от подъема северных ворот в стене утеса вниз, к широкой сквозной магистрали, уходящей на запад к Аргентуму. Ступени были сделаны специально, чтобы махины могли спускаться своим ходом, с платформы на платформу, со сборочных площадок, как люди спускаются по широкой лестнице. Через каждые несколько сотен метров узкие лестницы человеческих размеров сбегали между гигантскими ступенями. Ступени Титанов были одной из самых впечатляющих и знаменитых достопримечательностей Ореста, уступая лишь Марсову полю. Во время праздников здесь собирались огромные толпы, чтобы посмотреть, как новые или восстановленные махины торжественно сходят с величественных площадок. Такие события передавались на всех публичных экранах в прямом эфире.

В свете позднего дня «Инвиктус Антагонистес» тяжело взошел по первым нескольким ступеням, затем сдал задним ходом к нависающему скальному выступу сбоку от огромной ступенчатой арены,

словно часовой, вставший спиной к стене.

Геархарт отдал приказ отключения систем на пятнадцать минут.

— Попить и поесть, — передал он своему модерати Берналу через аугмиттеры. — Всем отстегнуться и размяться. Лично проверить автоматы заряжания, модерати.

— Есть, мой принцепс.

Пьетор Геархарт по любым человеческим меркам был существом древним. Его тело на шестьдесят восемь процентов состояло из бионики, а оставшаяся плоть была много раз пересажена. С блоком мыслеуправления «Инвиктус Антагонистес» он был связан триста тридцать сидерических лет, а принцепсом максимус легио пробыл двести восемьдесят три. До принцептуры восемнадцать лет служил модерати на «Августус Терминатус» под началом Люциуса Каринга, до этого — шесть лет фамулюсом у придирчивого капитана махины Эрвина Гекаты на борту неукротимого «Империус Диктацио».

Это была долгая жизнь — и полная событий. Единственное, чего боялся Геархарт, — это окончательного исчезновения своей человеческой сути.

Постепенную потерю и замену физического тела он мог перенести. Не считая обычных обновлений, медицинских осмотров и время от времени лечения от ран, он находился в амниотической раке более трехсот лет. В подобных условиях плоть и кости слабели и разрушались, невзирая на всю тщательность биологического ремонта.

Медленное разложение было вполне ожидаемым, и мало кто из принцепсов его страшился. Что сожалеть о потере моторных функций или твердости мускулов на руках и ногах, когда ты можешь потрясать шагами землю, видеть на тысячи километров и разрушать целые города небрежным движением мысли?

Нет, если чего и страшился Геархарт, так это потери своей личности. Он знал, что в конце концов это случится. Как атрофируется тело, так и разум все больше и больше уходит в

плотную матрицу БМУ, а личность — деградирует.

Геархарт начал бороться с неумолимым сползанием во тьму, стараясь сохранить ощущение себя. Он пытался установить человеческие отношения с экипажем и друзьями принцепсами, обращаясь к ним по имени и уделяя особое внимание признанию их физических нужд и ограничений. Он стал разговаривать с ними напрямую, когда возможно, и старался использовать аугмиттеры вместо скоростного канта. Он изо всех сил пытался общаться с ними как человек, а не командующая машина. Он боролся за то, чтобы оставаться человеком, несмотря на тот факт, что от него самого сохранился практически лишь могучий мозг, поддерживаемый в беспомощном замедлении жизненных функций, — все, что осталось в нем действующего.

В последние годы внешние границы разума начала поглощать глухая тьма, словно отмирали внешние, человеческие слои Пьетора Геархарта — отмирали или

становились ненужными.

Геархарт ненавидел признаки подступающей тьмы. Не хотел теряться в ней. Он не хотел умереть или, по крайней мере, перестать быть Пьетором Геархартом.

Он знал, что это такое. Он видел старого Каринга в конце этого процесса, видел, как тот бредил в своем резервуаре, прежде чем им пришлось отсоединить его.

Солнце опускалось все ниже; они ждали, стоя на Ступенях Титанов. Бернал и остальной свободный экипаж болтались по мостику, посасывая питательную жидкость, разминая ноги и проверяя аппаратуру. Венк, техножрец, вышел из своей каморки провести службу о ниспослании благодати.

Через манифольд Геархарт наблюдал, как небеса наливаются розовым и солнце медленно тонет, превращаясь в апельсиновые корки света на горизонте. Неожиданно осознав, что на него тоже на секунду опустился внутренний закат, Геархарт был вынужден заставить себя

очнуться при помощи оживленной беседы.

— Похоже, будет холодная ночь, модерати, — произнес он через аугмиттеры.

Бернал замялся, не зная, что ответить. В последнее время принцепс начинал удивлять его попытками простого общения. Как разговаривать с принцепсом о том, какая будет погода? Конечно, Геархарт знал все заранее. На обшивке корпуса — температурные мониторы, сенсоры давления воздуха окружающей среды, ветряные флюгеры плюс предсказывающая метеорологическая диаграмма в манифольде. Геархарт не был, собственно говоря, человеком — тем человеком, который бы праздно трепался с ним о погоде, словно с другом или товарищем.

— В самом деле, мой принцепс? — сумел лишь выдавить модерати.

— О да, Бернал. Грядет буря с юга, из Астроблемы, — ответил Геархарт.

— На самом деле климатические данные из Принципала не сообщают о буре,

той принцепс, — сказал Бернал.

— Помни мои слова. Песчаная взвесь в воздухе. Розовый песок. Пахнет графитом. Я считываю это очень четко на данный момент.

— Признаю свою ошибку, мой принцепс.

— Грядет большая буря.

Когда грянула буря, она не имела ничего общего с Астроблемой и песком, но была тем не менее сильной.

— Системы к бою, щиты поднять! — крикнул Геархарт.

— Есть системы к бою, щиты поднять! — отозвался Бернал.

Послышался нарастающий гул энергии и щелчки зубчатых передач, встающих в рабочее положение.

— Щиты включены, — доложил сенсори. — Множественный встречный ракетный огонь, разброс широкий. Значительные повреждения Ступеней Титанов. Значительные повреждения северных ворот и сборочных площадок. Батареи северных ворот ведут ответный огонь.

Геархарт и сам это видел. В прозрачных, как стекло, сумерках стремительно проносились и вонзались в древние стены северных ворот полосы множества ракет. В ответ батареи «Гидр» и башни турболазеров, встроенных в стену, выпускали плотные стаи крошечных комет под гору, в черно-синие просторы Гокса.

— Мы выступаем, принцепс? — спросил рулевой.

— Отставить, отставить, рулевой Зофал. Мы же не хотим испортить весь сюрприз, а?

Экипаж мостика рассмеялся, но Геархарт чувствовал их напряжение. Неудивительно, ведь они были частями одного большого неврального гештальта.

— Зарядить все элементы вооружения, — отдал он указания.

— Все орудия к бою! — приказал Бернал.

«Опять принцепс использует для приказов по кокпиту голосовые аугментеры вместо кантирования, —

подумал Бернал. — Откуда эта новая привычка?»

Геархарт ощутил успокаивающий лязг массивных автоматов заряжания, растущее давление сверхперегретой плазмы и тепло излучения лазерной энергетики. Он вздохнул, когда ракетная платформа открыла шторки, словно веки. На заднем плане он чувствовал беспокойство Бернала. Возможно, когда закончится бой, ему следует снять с себя эту ношу и поведать Берналу о своих страхах. Поймет ли модерати или это послужит лишь усилению его беспокойства? Смогут они поговорить как человек с человеком, как друг с другом или это будет разговор человека с атрофированным существом в раке?

— Бернал, цели, будьте добры.

— Засечены следы двух целей, мой принцепс, — доложил сенсори. — «Владыки войны»!

Геархарт поцокал языком:

— Проверьте след еще раз, сенсори Беккерс. Ночь холодная, и силуэты пустотных щитов сливаются в больший

отклик, чем обычно. Сделайте поправку на переданное искажение.

— Виноваты, мой принцепс, — сказал Бернал. — Теперь видны три меньшие цели. «Разбойники», направление сто один, идут полным ходом.

Геархарт улыбнулся. Этому его научил Каринг. Он воспроизвел память, вспоминая опыт прошлого: столкновение с гаргантами на Октобрисе Альфа, другая внезапная ночная атака.

— Холодный воздух многократно увеличивает отклик аустика и размывает его, модерати Бернал! Отделите эти следы!

Пальцы Геархарта сжались: БМУ не терпелось наносить боль и горести. Геархарт сдержал этот порыв. Нужно подождать. БМУ поторопил его — ненасытный, голодный. «Пошел к черту! — отозвался Геархарт. — Я тут пока главный!»

Атака Архиврага была столь же кривой, сколь и топорной. Даже без учета

идиотской самонадеянности на успешный отвлекающий маневр. Холодный ночной воздух заставлял все, что находилось на открытой местности, просто кричать засветкой щитов. Геархарт через манифольд видел все три марширующих «Разбойника» — ярко-белых на тускло-синем фоне поселения.

Тем не менее они делали свое дело. Все трое были оснащены толстыми многозарядными ракетными контейнерами, подвешенными вместо рук. Совместный их натиск сровнял бы с землей любой небольшой городишко. Ракета за ракетой пылающие стрелы огня хлестали из темноты поселения и били в стены и поднятые щиты Площадки. Бурлящие, вздымающиеся ураганы пламени отражались от щитов и поверхности стен. Вокс визжал мусорным кодом.

Ворота держались.

Настало время для ответа.

— Будьте готовы сделать два шага, рулевой Зофал. Как только мы отойдем от стены, Бернал, мне нужна четкая фиксация как минимум на одной из этих

зверюг.

— Есть, мой принцепс.

— Вводные данные на атакующие машины?

— Перенаправляю на вас, мой принцепс.

Геархарт мгновенно просмотрел данные. Ничего полезного. Открыл канал связи с Орестом Принципал через мощные системы связи «Инвиктус Антагонистес»:

— Аналитика! Вызываю Аналитику! Это «Антагонистес». Есть у вас что-нибудь на следующие образцы? — и передал данные ускоренными высокочастотными импульсами.

— Милорд, — затрещал вокс, — это адепт Синан из Аналитики. Ожидайте проверки совпадений.

— Жду вашего ответа, Синан, — сказал Геархарт.

Через несколько секунд пришло:

— Пожалуйста, ждите, «Антагонистес».

— Не торопитесь, у нас времени полно, Принципал, — усмехнулся Геархарт.

Экипаж мостика снова засмеялся.

— Совпадение обнаружено. Передаю.

Данные побежали по полю зрения манифольда — текст в сопровождении кадров пикт-съемки для пояснения деталей.

<«Разбойник»: неизвестно/не обозначено, ранее опознан на кадрах Орестского сражения по частично сохранившейся гравировке серийного номера на корпусе. Установлен как «Пугнус Альтеркате» при приемке/пуске. «Разбойник» производства Марса доересевой эпохи. Оригинальные спецификации махины следуют в инфоговорном сжатом пакете>.

Геархарт принял инфоговорку и просмотрел ее за секунду:

— «Альтеркате», как сообщают, проявляет рассогласование щитов на нижних мотиваторах. Он буквально слаб в коленках — плохой стык. Модерати Бернал, передаю подробности для расчета поражения цели.

— Принимаю. Жизнеспособный расчет поражения получен, мой принцепс.

— Нацельте деструктор. Будьте

готовы и ждите.

Новые данные посыпались в манифольд.

<«Разбойник»: сейчас называет себя «Фантом Магнус», опознан на...>

— У нас нет времени для подробностей, Принципал! — сердито воскликнул Геархарт.

<Как угодно. «Фантом Магнус» установлен как «Титанус Бриарус» при приемке. «Разбойник» производства Марса доересевой эпохи. «Бриарус» изначально показал точечную уязвимость щита вдоль корпуса по следующим переданным в сжатом виде векторам>.

— Векторы получены, Принципал, — ответил Геархарт. — Бернал?

— Есть расчет поражения цели на вторую махину, мой принцепс. Деструктор нацелен.

— Будьте готовы, модерати. Аналитика! Вызываю Аналитику! Есть что-нибудь на третью махину?

— Результат поиска совпадений на этот раз отрицательный, «Антагонистес».

— Благодарю, Принципал. Остальное мы сделаем сами.

— Доброй охоты, милорд.

Геархарт скользнул к передней стенке раки.

— Вперед на два шага, рулевой Зофал! Бернал, вы получили расчеты поражения целей?

— Так точно, мой принцепс.

«Инвиктус Антагонистес» качнулся вперед. Приближающиеся «Разбойники» увидели засветку его щитов за секунду до того, как он выступил из-за скрывающей его стены, завизжали тревогу на мусорном коде, но шага не сбавили. Хотя они были меньше размером, чем массивный «Владыка войны», но быстрее, тяжелее вооружены, и их было трое.

Залпы ракет осыпали ступени и северные ворота и забарабанили по щитам «Антагонистес». Могучий «Владыка войны» содрогнулся, когда его выставленные энергетические стены поглотили ярость попаданий.

— Бернал?

— Да, мой принцепс?

— Давайте.

С грохотом шагая по огромным ступеням Титанов навстречу врагу, «Инвиктус Антагонистес» открыл огонь.

Ухающие залпы мощного деструктора «Инвиктус Антагонистес» ударили в «Разбойника», который десятью тысячами лет ранее звался «Пугнус Альтеркате».

Обжигающие сгустки плазмы врезались в «Разбойника», который когда-то был известен как «Титанус Бриарус».

Столкнувшись с имперским титаном типа «Владыка войны», который спускался к ним, пылая яростью, все три «Разбойника» увеличили частоту стрельбы. Омываемый огнем и разрывами, «Инвиктус Антагонистес» шел на них.

Сведения Аналитики оказались бесценными.

Деструктор Геархарта пробил предположительное уязвимое место на уровне колен «Пугнус Альтеркате». Подорванные, его щиты начали кружиться в попытках слиться вновь, но беспощадные

выстрелы уже перебили терзкой машине конечности. Со скрежетом деформирующегося и разрываемого металла ноги «Разбойника» повело, и тот повалился лицом вперед. Сбитые щиты яростно лопнули. Оседающий корпус рухнул на ступени с таким грохотом, что показалось — ударил гром; ноги выгнулись назад и переломились.

Секундой позже остатки ракетного боезапаса древнего скорбного «Пугнус Альтеркате» рванули, поглотив корпус, и тот взорвался огромным грязным шаром огня.

Одновременно с этим сгустки плазмы «Инвиктус Антагонистес» нашли указанные древние уязвимости на плече «Титанус Бриарус». Небольшое место, легкий дефект, одна тысячная несходимости, говоря точными числами. А Механикум всегда был очень точен в числах.

Левая сторона «Титанус Бриарус» — теперь демонической махины, носящей имя «Фантом Магнус», — взорвалась фонтаном обломков и перегретого газа. Левая

орудийная конечность, оторванная целиком, упала на ступени в ливне огня и покатилась вниз, пылая. «Титанус Бриарус» откинуло назад. Балансируя на ступенях, он напряг все механизмы и, скрежеща металлом, попытался восстановить равновесие. Из нижней части ходовой полыхнуло пламя.

«Антагонистес» безжалостно ударил снова — двумя ракетами из контейнера. Первая разнесла в клочья спадающие щиты «Бриаруса». Вторая впечаталась в его лицо, взорвав кокпит и заднюю часть кожуха.

«Титанус Бриарус» пошатнулся, заколебался и повалился назад, покатившись по ступеням с тяжелыми хрусткими ударами. Он рухнул спиной на магистраль внизу и вспыхнул, словно факел.

— Все еще хочешь играть? — спросил Геархарт оставшегося «Разбойника».

Экипаж снова расхохотался. Принцепс максимус находился в прекрасной форме и приподнятом настроении.

Оставшийся «Разбойник» начал сдавать назад, отступая вниз по ступеням.

<«Кхарнус Коллидус»!> — выплюнул он потоком мусорного кода.

<Ты не «Кхарнус Коллидус», — невозмутимо отвечал Герхарт. — Когда-то ты был другим — величественным и исключительным. Мне жаль тебя. Скажи, прежде чем я тебя убью, как тебя звали тогда, в прежние времена?>

<«Кхарнус Коллидус»!> — завопил тот в ответ.

Он снова открыл огонь, выпуская потоки бронебойных реактивных снарядов в могучий имперский титан. Огненный ореол окружил «Инвиктус Антагонистес» — щиты отражали взрывы. Геархарт спустился еще на шаг по знаменитым Ступеням Титанов.

— Бернал?

— Да, мой принцепс?

— Сейчас будет сурово, по старинке.

— Да, мой принцепс.

— Болтеры, Бернал, деструктор, ракеты — все, что у нас есть. Я не позволю этой извращенной твари жить ни секунды

дольше. Я хочу, чтобы она была избавлена от своих страданий и бесчестья.

— Слушаюсь, мой принцепс.

Громадный, массивный «Инвиктус Антагонистес» зашагал по ступеням, обрушивая весь свой арсенал на отступающего «Разбойника». Вражеская махина огрызалась всем чем можно, ракетные контейнеры залпового огня выпускали потоки реактивных снарядов на пределе скорости заряжания.

На краткий миг Ступени Титанов осветились так, словно выглянуло полуденное солнце и превратилось в сверхновую. Едва ли сотня метров разделяла сражающиеся махины, и они, не снижая натиска, опустошали свои арсеналы, которых хватило бы на несколько небольших войн, друг в друга — в упор, махина против махины. На схватку ушло десять куботонн быстрозаряжаемых византных боеприпасов.

Щиты «Разбойника» сдались первыми под натиском «Инвиктус Антагонистес». Лишившись защиты, он

начал содрогаться и трещать, сминаться и терять куски обшивки, таять и рассыпаться — разваливаться, испуская фонтаны из клочьев брони; от него отлетали куски металла. Затем что-то попало в реактор, и он взорвался.

— Сдохни, мерзкая тварь! — зашипел Геархарт, не прекращая огня.

«Разбойника» разнесло в куски. Рваные клочья унесло в ночь. Его смерть была ослепительной, как ядро звезды.

— Стоп машина! — скомандовал Геархарт.

— Есть стоп машина, мой принцепс!

— Передохнем минуту, — сказал Геархарт. Его жизненные показатели поднялись к самой границе безопасного уровня. Сердце болело. Мысли путались. Подкрадывалась тьма.

— Модерати Бернал?

— Да, мой принцепс?

Чем больше он сопротивлялся, тем больше терял себя.

— Холодная ночка, а?

— Да, мой принцепс.

— Сигнализируйте Аналитике и

передайте благодарность за их старания. Они подарили нам эту победу.

— Слушаюсь, мой принцепс.

Геархарт слышал, как модерати подключился к воксу. Голос превратился в глухой шелест, в туман. Зрение поплыло. Он внезапно почувствовал страшную усталость. Напряжение боя теперь быстро лишало его сил. Он расслабился на секунду, и вокруг потемнело, звуки заглохли.

Особенно темно становилось, когда он уставал.

Вздрогнув, Геархарт заставил тьму отступить.

Со мной еще не покончено. Слышишь? Со мной еще не покончено.

>

Во многих километрах к югу от горы Сигилит из башен Антиума «Доминатус Викторикс» вышла в объятия другой ночной бури.

Эта буря по природе своей была

атмосферной. Она собиралась несколько дней над обширными пустынями Астроблемы, а затем яростно выплеснулась на север — через осажденные вассальные государства прямо в зону ульев. Это был тот же монстр стихии, что тряс модульное укрытие Мобилизованной двадцать шестой в далеком Торном Следе.

К тому времени, когда буря дошла до поселений Гинекса, она уже растеряла часть своих зубов и яда, но напора ее ветров хватало, чтобы заставлять напрягаться инерционные демпферы и гиростабилизаторы махины. Ночь скрылась в крутящихся потоках розового песка. И хотя шагающий по левому борту «Тантамаунт Страйдекс» был недалеко, они могли ее видеть только по засветке аупсика и через манифольд.

Не очень благоприятное начало. Тарсес предпочел бы условия получше для ходовых испытаний отремонтированной махины, особенно с новым экипажем и принцепсом, который пока не был знаком с ее недостатками.

«И с войной», — напомнил себе Тарсес.

Принцепсом, который пока не был знаком с настоящей войной.

Тем не менее Тарсес получал удовольствие. Вернуться обратно в старое кресло, почувствовать, как «Виктрикс» идет снова, могучая и неукротимая, — тут было чем наслаждаться. Подключиться после долгого перерыва было словно прийти домой или воссоединиться с давно оставленной любовью. Тарсес позабыл, как удобно его разум укладывался в специфичный склад характера БМУ махины. Или наоборот, БМУ — в его разум, кто знает? Как бы то ни было, он позволил своему сознанию дрейфовать по течениям импульсов, направляемых ритмом механизмов махины. Вдали от «Виктрикс» его воспоминания быстро таяли, оставляя лишь чувство потери и одиночества. Столь быстро и столь полно он позабыл, каким исключительным и необычным был БМУ. У него имелись свои вкусы и свой характер, довольно сильно отличающиеся от вкусов и характера других махин. Тарсес пустил ненадолго абсолютную

громаду «Владыки войны», столь безумно тяжелую, в свои мысли и затрепетал от ее сдержанной мощи.

Насколько он мог сказать, в «Виктрикс» не чувствовалось возмущения новой принцептурой, поставленной над ней командовать. Даже если что-то и было, то оно, скорее всего, проявится лишь в напряжении боя. Очень слабо, словно какое-то послевкусие, Тарсес ощутил что-то похожее на грусть, словно «Доминатус Виктрикс» осознавала смерть Скаугена и остальных.

Каким-то образом это его успокоило.

— Прошли вешку восемьдесят восемь, — объявил сенсори. — Выходим к магистрали семьсот девяносто семь — шоссе Фиделис и входим в обогатительную зону Лексала.

— Принято, сенсори Кальдер, — откликнулся Тарсес.

<Благодарю, сенсори>, — прокантировал Принцхорн из раки.

Сильные порывы ветра потряхивали махину, и Тарсес слышал шорох песка,

бьющего в корпус.

<Песчаной бури только не хватало, — пробурчал Принцхорн. — Идти по приборам — не самый лучший метод. И абразивное действие песка портит отделку корпуса>.

Тарсес покачал головой: этот идиот беспокоится о краске.

— Это прискорбно, принцепс, хотя я полагаю, что мы справимся.

— Мой принцепс не говорит, что мы не справимся, модерати, — вмешалась Фейрика, стоявшая сбоку от раки.

«Ты бы тоже язык попридержала», — подумал Тарсес.

Замечание Принцхорна говорило само за себя. Ему не хватало визуального наблюдения, которого его лишила песчаная буря, потому что, по его собственному признанию, идти только по приборам для него было не самым лучшим методом.

Тарсес знал, что на самом деле все обстоит иначе, и знал, что любой тактильски опытный принцепс согласился бы с ним. Принцепсу не нужно видеть глазами, а грязных окон и размытой пикт-съемки

махины в любом случае будет мало для выполнения задачи. В войне махин, учитывая дальнобойность и мощь арсенала титанов, противник, скорее всего, будет находиться за пределами визуального различения. Большая часть сражений махин происходит на дистанции пять километров и больше. Помоги тебе Трон, если ты окажешься ближе. Это сценарий для взаимного убийства, если только ты не «Пес войны» во время внезапного нападения из засады или, как показала сегодняшняя ночная передача с горы Сигилит, ты не лорд Геархарт. Подробности были обрывочными, но стало понятно, что на закате Красная Фурия уложил трех вражеских «Разбойников» на Ступенях Титанов в ходе быстрого, яростного и близкого противостояния.

Новости воодушевили всех. Только у Геархарта были настолько керамитовые яйца, чтобы рискнуть и решиться на такой поединок.

Отвергая приборы, Принцхорн выдавал свою исключительную неопытность. Хороший принцепс жил и

сражался по приборам и внимал миру лишь через манифольд, даже когда на горизонте было чисто. Скауген часто отключал пикт-передачу, оптику и временами закрывал заслонки на окнах кокпита, чтобы сосредоточиться на данных инструментария. Тарсес надеялся, что Принцхорн научится этому быстро.

Когда Принцхорн сделал свое замечание насчет «только по приборам», Тарсес случайно перехватил взгляд рулевого Анила. Они мрачно ухмыльнулись друг другу. Оба думали об одном и том же.

Тарсес не сводил глаз с ауспика, что, собственно, было его заботой — обработка колеблющегося, постоянно меняющегося потока отраженных сигналов. Следуя распоряжению Принцхорна, всю систему ауспика «Доминатус Викторикс», включая выносные датчики и периферию, вынули и заменили — старую на новую. Это была отличная новая система: аппаратура орестской модели, гораздо лучше старой модели с Проксима, с эйзонными накопителями, собственным подчиненным

субсервиторным живым мозгом и опциями свободного поиска, сохранения карт и векторизации множественных целей. Тарсес заметил с некоторым веселым удивлением, что аусник по-прежнему выдает ложную засветку.

А я ему говорил.

Они целеустремленно шли средним ходом через горячую пыль по разрушенному ландшафту Лексала. Немногие обогатительные комплексы все еще работали, и цветы их газовых факелов — раскаленные добела конусы в манифольде — добавляли путаницы в показания приборов. Тарсес бывал в подобных ситуациях и поэтому отсеивал входящие данные тщательно и умело.

<Цель!> — внезапно объявил Принцхорн, и махина напряглась, щелкая автоматами заряжания.

— Никак нет, принцепс, — отозвался Тарсес. — Это паразитное отражение струй газа из «Пальд Рефинум», направление двести пятьдесят один, искаженное песком в воздухе.

<Аусник по-прежнему выдает ложную

засветку?> — спросил ошеломленный Принцхорн.

Конечно выдает, идиот. Так хочет «Виктрикс».

— Это просто атмосферные помехи, принцепс, — соврал Тарсес, не желая углубляться в тему. — Черт бы побрал эти помехи.

<В точности мои чувства, модерати>, — откликнулся Принцхорн.

«О Трон! Он боится, — подумал Тарсес. — И — о Трон! — я все еще не могу заставить себя называть его "мой принцепс". Да что со мной?»

Рисунок отраженного сигнала внезапно снова изменился. На этот раз Тарсес обратил на него большее внимание. Что-то пропало, что-то было не так.

Он подался вперед, нахмурившись, и стал осторожно регулировать усиление.

— Куда «Страйдекс» пропал? — пробормотал Кальдер.

— И я об этом же думаю, — отозвался Тарсес.

Он был прямо тут: большой и четкий

сигнал по левому борту. Все отражения и следы «Владыки войны» «Танталаунт Страйдекс» внезапно исчезли.

— Как такое возможно? — начал Кальдер.

<Что происходит?> — потребовал ответа Принцхорн.

— Подождите минуту, принцепс, — сказал Тарсес, подняв ладонь. — У нас аномалия. Сенсори?

— Да, модерати?

— Немедленно проверьте журнал вокса. В этой адской буре мы могли пропустить сигнал к маневру от «Страйдекса»!

— Проверяю, модерати.

<Я не буду просить дважды, Тарсес!> — выплюнул Принцхорн.

Тарсес чувствовал растущее напряжение Принцхорна через свое подключение. Все токи махины оживились, отзываясь на взволнованность принцепса. «Сам погляди, — хотелось огрызнуться Тарсесу. — Глянь в чертов манифольд. Я ничего не скрываю. Вот он, четкий и ясный, ждет, пока ты

взглянешь».

<Модерати!>

— Мы потеряли контакт с «Тантамаунт Страйдекс», принцепс.

<Он был прямо рядом с нами. Это, должно быть, сбой вокса>.

— Я не говорю о вокс-связи, принцепс. Мы потеряли отраженный сигнал. Его там больше нет.

<Это невозможно>.

— И все же, — сказал Тарсес.

Он тоже чувствовал необъяснимость произошедшего. Как можно потерять нечто настолько большое, как «Владыка войны» модели Ореста, даже посреди песчаной бури?

<Он должен быть там!>

— Вызываю их, — ответил Тарсес.

— Я просмотрел журнал вокса, — сказал Кальдер. — Вообще ничего, никаких сигналов, но есть небольшой всплеск кодового шума по времени около сорока трех секунд назад.

— Очисти его и прогони через модификаторы, — приказал Тарсес. —

Быстро! Ищи любые сигнальные указатели, метки позывных, идентификаторы данных.

— Слушаюсь, модерати, — ответил Кальдер, кладя на пульт ловкие, искусные пальцы.

Тарсес активировал вокс на устойчивой волне:

— «Страйдекс», «Страйдекс», «Страйдекс», это «Виктрикс». Сообщите о своем положении. Прием.

Он настроил вокс на повторение вызова и вдобавок закодировал его в бинарный сжатый пакет — с двойным запасом надежности.

<Повторить вызов!>

— Повторяю, принцепс, — откликнулся Тарсес. — Ничего. Нулевой ответ.

Работая за пультом, Тарсес одновременно наблюдал за ауспиком. Было ли это ложное отражение? Подшучивала ли «Виктрикс» над ними, как часто это делала раньше? «Доминатус Виктрикс» иногда бывала своевольной и переменчивой. Ее нравилось играть в игры со своими человеческими коллегами.

«Сейчас не время, леди», — подумалось ему.

— Модерати? — позвал Кальдер со своего места.

— Говори.

— Я очистил кодовый шум. Очень невнятно. Воспроизвожу.

— Готов.

Тарсес задрал голову и плотнее прижал наушники к ушам.

— ...175665 двенадцать двенадцать двеназзззззззшшшшшшш! Клк клк тсссссссс! там!

Вон там! Тззззнк! Ради тшшшшшшшшш! Влево, влево! Это... зззззззррвввввв тсссшшшшшш!..

Сигнал пропал.

— Прогнать еще раз, модерати? — спросил Кальдер.

— Не нужно, — ответил Тарсес. — Щиты. Немедленно.

— Есть щиты, — отозвался Кальдер.

<Щиты? Такие приказы отдаю я! Как

ты смеешь командовать через мою голову, модерати!>

— Как ты смеешь! — влезла Фейрика.

— Заткнись ты, Трона ради! — ответил Тарсес. — Щиты подняты?

— Щиты на полной, модерати, — ответил Кальдер.

— Принцепс, — позвал Тарсес. Он замешкался. «Да какого черта!» — Мой принцепс, я рекомендую вам немедленно приготовить орудия к бою.

<Фамулюс, удалите Тарсеса с его кресла и отстраните от исполнения обязанностей! Он умышленно...>

— Принцхорн! Ты что, не видишь? Смотри! — заорал Тарсес.

Принцхорн помедлил.

<Я вижу данные с четким отраженным сигналом. Никаких ложных отражений. Отчетливо наблюдаю «Владыку войны». «Тантамаунт Страйдекс» вернулся в зону видимости, хотя понятия не имею, как она оказалась впереди нас. Вызовите его и...>

— Это не «Тантамаунт Страйдекс», — произнес Тарсес.

Принцхорн в раке замер. Он посмотрел поток данных, потом полуиздал инфоговорку, но все, что вышло, — лишь заикающаяся тешанина кода.

<Как?..> — начал он.

— Орудия к бою, немедленно! — закричал Тарсес.

Из ночи и воющей, слепящей пыльной бури выступил «Владыка войны» Архиврага и зашагал в их сторону; орудийные установки с треском выпускали прямо по ним выстрел за выстрелом.

Адепт Калиен уселась на место и окинула Аналитику внимательным взглядом.

Для немодифицированного глаза главный зал являл собой полутемную пещеру, в которой кропотливо трудились адепты, сгорбившись над тетными пультами своих станций, в то время как сервиторы и прислужники сновали меж ними, исполняя поручения и обеспечивая необходимым. Посредине зала, словно угасающий очаг, светился главный концентратор. Слышался тихий, непрерывный фоновый гул силовых кабелей, кодовых разговоров, механических операций и писка данных.

При взгляде из ноосферы темная и скудная энергетика зала превращалась в великолепную панораму видимых блоков

информации, мелькающих полос передач и дрейфующих многоцветных стаек кода, что плавали вокруг каждого адепта, словно пестрые рифовые рыбки, мечась от одного оператора к другому, чтобы съесть или извергнуть яркие, как кораллы, пакеты информации. Гаптически направляемые потоки секретной информации носились туда-сюда, словно пучки зеленых трассеров, выгружаемые одним адептом и загружаемые другим. Местами потоки сливались в воздухе, создавая сложные матрицы данных, похожие на фрактальные рисунки — на сияющие кристаллы Мандельброта там, где алгоритмы программ сводили информационные потоки и сравнивали их. Иногда матрицы подпитывались потоками от трех и даже более усердных операторов.

Калиен нравилось наблюдать за ноосферой. Она читала ее очень хорошо даже по стандартам Внутренней Кузницы. Ее руководители уже разглядели в ней исключительные способности в

дифференциации больших объемов данных и высококлассной работе с кодом и назначили Калиен аугментику специалиста и перевод в наиболее утонченные дисциплины Логиса. Как и сестре-близнецу, Калиен судьбой было уготовано величие.

Магос Толемей попросил ее последить за Аналитикой в качестве личного одолжения. Из всех адептов, присланных из архивов, она была самым важным шпионом. Калиен поняла с самого начала, что такие, как Иган и Файст, ждали, что она и ей подобные будут действовать как шпионы, так что она искусно скрыла часть своих показателей умений и индексов способностей и специально избрала сварливую и раздражающую манеру поведения. Это сработало. Файст, излишне послушный долгу и лишенный воображения болван, уже отмахивался от нее — надоедливой, самонадеянной и не очень умной. Раз не удалось скрыть того факта, что она шпион, Калиен просто преподнесла себя как плохого шпиона.

Она наблюдала за постоянно меняющимся свечением ноосферы и чувствовала себя в ней гораздо увереннее. Для нее это было сияние жизни. Она вспомнила — очень ярко, — как впервые прошла модификацию для восприятия ноосферы. Теперь она жалела тех, кто не чувствовал ноосферу, и понимала, почему немодифицированные имперцы, как правило, относятся к Механикус с осторожностью и презрением. Для имперского гражданина сторонники Механикус были занудными, шизекированными, бионически зависимыми уродцами, ноющими на своем странном кодовом языке, чье место в жизни определяют вживленные в тело технические устройства. Имперцам была недоступна более яркая, более обширная и более развернутая вселенная, которую делили меж собой Механикус. Их плотским мозгам была неподвластна — неподвластна вообще — вызывающая восторг, проливающая свет, изобилующая информацией среда, в которой Механикус

жили, работали и учились.

Калиен прервала размышления. Отдельно от массы кодовой активности главной Аналитики и прилегающих подзалов в ноосферу стекались тысячи отдельных передач из районов боевых действий — непрерывный приток данных, постоянно обновляющийся и начинающийся заново. Одна крупица бегущих данных привлекла ее внимание.

Подавшись вперед, она воспользовалась ретрокогницией и перенесла ее к себе.

Лексал/Фиделис запись 22; «Доминатус Викрикс» сообщает о прямом столкновении.

Других данных не было, хотя она умело произвела поиск по блокам и кодовым связям.

Калиен посмотрела по сторонам. Весь персонал сосредоточился на обработке заданий. Файста на месте не было. Он все еще где-то там, с унылой Лунос.

Если какая-то более подробная информация и существовала, то ее бы

направили прямо в банки данных старших магосов. Станция Калиен не была приспособлена для ввода допусков такого уровня. Зашифрованные боевые данные спускали вниз только через верхние эшелоны.

Калиен произвела несколько таинственных манипуляций и запустила скрытые инструменты для подключений, которыми тайно снабдил ее Толемей. Они мало чем могли помочь с ограниченными рабочими инструментами ее станции, но Калиен вышла за ее пределы, упрятав свои действия в скрытый код. Файст оставил свою консоль незаблокированной. Калиен позволила себе влезть в его открытый рабочий стол и начала гаптически просеивать загрузочные буферы. Если бы она не беспокоилась так о своей сестре, то ей бы доставило огромное удовольствие удаленно и с такой легкостью покопаться на столе своего начальника.

Усилия ее не были вознаграждены. Станция Файста не обладала никакой дополнительной информацией,

относящейся к «Доминатус Викрикс». Калиен принялась гасить связи и заметать следы.

Одним из последних загруженных файлов на рабочем столе был архив, открытый в режиме чтения. Она собиралась уже пометить его как ждущий, когда поняла, что им пользуются. Файст просматривал файл с другой станции, одновременно выгружая его на свою консоль для дальнейшего изучения. След выгрузки вел к рабочей станции адепта Лунос.

«Чем ты там занят?» — подумала Калиен. Такой хороший шанс упускать было нельзя. Используя мощные тайные приспособления, которыми также снабдил ее Толемей, Калиен сделала скоростную копию файла и перенесла на свою станцию ловким гаптическим движением. Файст и понятия не будет иметь, что в его работе ковырялись и копировали информацию.

Калиен начала читать. Через шестьдесят секунд ей стало ясно, что Файст все-таки узнает о том, что его работу скопировали.

Он узнает, потому что она никак не

могла оставить то, что читала, при себе.

>

— Полный ход! — взревел Тарсес. — Полный ход немедленно — или нам конец!

Кокпит тряхнуло. Зажегся еще один сигнал о повреждении, прозвучала тревога. Детектор попадания в захват целеуказателя мяукал, словно испуганный котенок.

<Кто командует этой махиной, модерати?> — спросил инфоговоркой Принцхорн.

— Я бы с интересом выслушал ваше мнение на этот счет, мой принцепс, — ответил Тарсес, — но сомневаюсь, что хоть один из нас доживет до этого.

<Полный ход!> — приказал Принцхорн.

— Курс, мой принцепс? — спросил рулевой.

Произошла секундная заминка. Еще два попадания всколыхнули передние левые щиты. Мусорный код ворвался на все

каналы: дребезжащий, угрожающий, отвлекающий.

— Принцепс приказывает влево, влево и полное ускорение! — крикнул Тарсес, торопливо прерывая заминку. — Правильно, сэр?

<Э, я... Да. Влево, влево, полное>.

— Есть влево, влево, полное! — подтвердил рулевой.

«Доминатус Викторикс» рассекла пыльную бурю и повернула влево, уходя за громаду подстанции энергосети. Мощные выстрелы, летящие вслед махине, ударились в толстую стену подстанции.

Они получили короткую передышку. Махина двигалась огромными грохочущими шагами по широкой вымощенной площадке позади подстанции. Тарсес искал врага на ауспике. Где он? Где он? Пошел за нами или вокруг комплекса подстанции навстречу?

Не переставая работать, Тарсес открыл личный канал с Принцхорном.

<Принцепс, я не собираюсь подрывать ваш авторитет и с готовностью и

рвением буду исполнять ваши приказы, но эти приказы должны отдаваться быстро, иначе последствия неминуемы».

«Не читай мне нотаций, Тарсес».

«Дело модерати — следить, чтобы принцепс был осведомлен, обеспечен и способен выполнять задачу. Я делаю свое дело. Вам нужно начать действовать упреждающе и уверенно. Я понимаю, что для вас это чрезвычайное событие, первый опыт сражения...»

«Мой результат...» — прервал с рычанием Принцхорн.

«Условных. Я знаю, мой принцепс. Все было условно до настоящего момента. Позвольте мне помочь вам. Пожалуйста, позвольте мне помочь вам».

Меж ними повисло молчание.

«Мой принцепс?»

«Найди мне эту махину, Тарсес».

«С радостью, мой принцепс».

«Доминатус Викторикс» шагала через комплекс энергоподстанции, напрямик между рядом блокгаузов и двумя высокими мачтами, которые раскачивались на

ветру, словно тростинки. В ревущем воздухе висела густая дисперсная завеса, мощные заряды статического электричества накапливались на любой открытой металлической поверхности. Небольшие завитки ярко-голубого света вились вокруг вокс-мачт, словно черви.

К полной для них неожиданности, от врага, охотящегося за ними, не было ни следа, ни даже клочка мусорного кода.

<Вперед на двадцати, малый ход!> — выдал через аугмиттеры Принцхорн.

— Есть вперед на двадцати, малый! — отозвался рулевой.

Тарсес и Кальдер наблюдали в оптику. Напряжение в спертом воздухе кокпита можно было трогать руками. Единственными словами, которыми обменивался экипаж, были летавшие туда-сюда стандартные команды. Их окружали звуки движущейся махины: громыхание механизмов, рокот реактора, звон и писк приборов, скрип металла и равномерное «удар-толчок» малого хода.

Затем щиты начали петь.

— Это еще что такое? — вздрогнула нервно фейрика.

— Щиты сильно дерет, фамулюс, — ответил Кальдер.

— Что это значит? — огрызнулась та.

Пока они выходили из доводочных башен, Тарсес понял, что фамулюсу фейрике не нравится, когда бывалый экипаж использует махинный жаргон. Видимо, ей казалось, что ее исключают из какого-то клуба для экипажей махин по причине пола и возраста.

— Это значит, что мы находимся в сухой, высокоэлектризующейся среде, — объяснил модерати. — Она заряжает пыль на ауре щитов и заставляет ее визжать.

Шум действительно был устрашающий. Он звучал так, словно неисчислимые проклятые души облепили корпус махины и стенали о своей судьбе, одновременно царапая обшивку холодными, окоченелыми пальцами, чтобы потихоньку пробраться внутрь.

— Всегда дурной знак, когда щиты так поют, правда, модерати? — зловеще

прошептал Кальдер, подмигивая Тарсесу.

— Прекрати, — сказал тот.

Кальдер осклабился и пожал плечами. Дразнить фейрику было слишком просто.

Они прошли немного дальше. И хотя все знали рациональное объяснение жутким звукам, те уже начали действовать на нервы. Странные вопли, трели, визг и бормотание доносились приглушенно сквозь броню корпуса, чуждые вопли, долгие хриплые стоны, боязливый шепот, звучавшие сверхъестественно похожими на голоса.

Тарсес продолжал наблюдать в оптику, отмечая, как мастерски Кальдер подстраивает верньеры, держа сигнал ровным и чистым. «Хороший экипаж, — думал он. — Хороший экипаж, не считая одного слабого звена».

<Если щиты врага подняты, не должны ли они также петь?> — тихо спросил Принцхорн.

Тарсес повернулся в кресле. Плавающий в своем амниотическом резервуаре Принцхорн смотрел прямо на

него.

— Сэр?

<Если враг использует щиты, модерати, наверняка они издают такой же звук, как наши?>

Тарсес медленно склонил голову в знак уважения. Удивительно проницательное замечание, и настолько логичное, что сам Тарсес упустил эту мысль.

— Превосходное наблюдение, мой принцепс, — ответил он. — С вашего разрешения?

Полуулыбка мелькнула по лицу Принцхорна, и несколько пузырьков вырвалось из угла рта в густую жидкость.

<На ваше усмотрение, модерати>.

Тарсес повернулся обратно к пульту.

— Рулевой?

— Здесь, модерати!

— Вперед на десяти, затем стоп машина и снизить энергию до минимального холостого хода. Сенсори?

— Здесь, модерати!

— Будьте готовы начать круговой поиск локатором только в акустическом

диапазоне.

— Есть! — ответил Кальдер, перекидывая ряды переключателей и пересоединяя несколько коннекторов.

— Орудийный сервитор шесть?

Сервитор из верхней правой части панциря завозился в своей паутине проводов и отозвался бинарным кудахтаньем.

— Открыть ракетный контейнер, зарядить и активировать четыре бронебойные боеголовки, закодировать на тепловой режим и ждать данных расчета цели.

<100101001 1100101 1000101>.

— Благодарю, шестой. Приготовиться к сбросу щитов.

— К сбросу щитов? — уточнил Анил, вцепившийся в рулевые рычаги. — Вы с ума сошли?

— Мой принцепс? — обратился Тарсес.

<Разрешаю сброс щитов по сигналу модерати>, — прокантировал Принцхорн.

— Благодарю вас, сэр, — отозвался Тарсес. — Приготовиться!

— Машина стоп! — доложил Анил. Его руки в перчатках порхали над

водительским пультом, перебрасывая переключатели и дергая рукоятки. — Энергия в системах переключена на холостой ход.

— Отключить вокс, — приказал Тарсес. — Тишина экипажу! Сброс щитов на три, два, один...

Он деактивировал щиты. Жуткое царапанье и пение исчезли. Стало слышно, как шуршит ветер вокруг и песок, им несомый, мягко трется по обнажившейся обшивке.

— Сенсори, начинайте поиск.

— Слушаюсь, модерати.

Кальдер включил поиск. Аурофоны закрутились на триста шестьдесят градусов в своих редукторных гнездах на мощном кожухе махины, вспомогательные комплекты микрофонов завертелись на броне подбородка и толстых керамитовых манжетах орудийных конечностей.

На втором проходе они поймали отклик.

— Засек, модерати! — объявил Кальдер, напряженно вслушиваясь в наушники. — Один и один километра на

юго-юго-восток. Триангуляция дает местоположение цели рядом с охлаждающими башнями позади энергоподстанции.

— Воспроизведи, — запросил Тарсес.

Кальдер перекинул звуковой всплеск на громкую связь. Пятисекундный искаженный шум щитов.

Тарсес кивнул:

— Сделай по нему расчет поражения цели.

Кальдер уже все подготовил:

— На вашем правом ретрансляторе, модерати.

Тарсес отправил расчет шестому орудийному сервитору.

Тот с жадностью принял данные. Зафыркал кодом. Экипаж кокпита услышал, как ракетный магазин загудел и залязгал, отправляя реактивные снаряды в контейнер.

— Вы согласны, мой принцепс? — спросил Тарсес.

<Согласен>.

— Сенсори?

Кальдер поднял руку:

— Дайте я пройду еще раз. Это щиты поют, но не хотелось бы, чтобы это оказался «Тантамаунт Страйдекс»!

<Правильная предосторожность, сенсори Кальдер>, — прокантировал Принцхорн.

Кальдер кивнул. Он поднастроил приборы и вслушался. Процесс занял, казалось, излишне долгое время.

— Это не «Страйдекс», — наконец объявил он. — Характеристики довольно сильно отличаются.

— Приготовиться, — приказал Тарсес. — Как только выпустим ракеты, щиты поднять и двигаться вперед на пятидесяти полным ходом. Всему экипажу принять к сведению: мы можем ранить врага, но, вероятнее всего, не убьем. Как только мы выступим, быть готовыми к дуэли. Зарядить все орудия.

Все орудийные сервиторы живо откликнулись.

— Приготовиться перенаправить всю доступную и нераспределенную энергию в передние щиты.

— Есть!

— Мы готовы. Ждем вашей команды, мой принцепс, — произнес Тарсес.

<Команда дана>.

— Пуск! — приказал Тарсес.

«Доминатус Викторикс» слегка шатало, пока выстреливали четыре боеголовки — одна за другой — в пыльную бурю. Экипаж следил через манифольд, как стремительные, закручивающиеся спиралями тепловые следы тянутся прочь.

— Ракеты вышли! Поднять щиты! — крикнул Тарсес. — Вперед, полный ход!

— Есть полный ход!

— Щиты подняты!

Они снова шагали; щиты протестующе свистели. Казалось, прошла вечность, прежде чем ракеты достигли цели.

Тарсес наблюдал через оптику. Он увидел серию из четырех резких вспышек — шквалов жара, которые на рассеченной черноте манифольда отметились горячими розовыми цветками.

— Попадание, попадание! — крикнул он. — Четыре прямых поражения цели!

— Идем полным ходом, — отметил

рулевой.

<Каково состояние цели, сенсори?> — запросил Принцхорн.

— Все еще стоит, мой принцепс, — ответил Кальдер, — но я регистрирую снижение уровня щита щитов. Полагаю, что мы нанесли ущерб.

<Превосходно! Подойти к ней спереди и...>

— Мой принцепс, — завопил Кальдер, — цель запустила двигатели и движется нам навстречу!

— Дайте четкую картинку! — приказал Тарсес.

Подавшись вперед в кресле, он вгляделся в панораму манифольда, пытаясь отделить голые, четкие факты от искажений пыльной бури. Кальдер искусно очистил ему картинку, и Тарсес внезапно различил вражескую махину, идущую на них полным ходом. Всплески ее жуткого демонического кода начали вторгаться в акустические системы и вокс. Тарсес увидел водоворот стягивающейся энергии, который вражеская махина тащила за собой, словно

рваную мантию.

Ее щиты вышли из строя и рассыпались в клочья.

Вражеская махина начала стрелять. Снаряды мегаболтера проносились по воздуху вокруг них, словно пылающий град, ударяясь в щиты, в землю, в энергоподстанцию, в пустынную ночь. Перебили одну из раскачивающихся на ветру вокс-мачт в пятнадцати метрах от макушки. Мачта сложилась пополам в ливне статических разрядов и искр.

— Щиты противника разрушены, мой принцепс, — доложил Тарсес.

<Деструктор>, — коротко отозвался Принцхорн.

— Мощность на деструктор! — крикнул Тарсес. Резервуары плазмы резко наполнились. — Прицел!

Гололитическое перекрестье прицела всплыло перед глазами. Тарсес взялся за плавающее управление артсистемой, сделал поправку на ветер и дистанцию и свел перекрестье на почерневшем звере, энергично пробивающемся сквозь пыльную бурю навстречу.

<Если стрелять, то сейчас, модерати>, — поторопил Принцхорн.

— Подпустим поближе, — хладнокровно отозвался Тарсес.

<И как близко?> — тревожно спросил Принцхорн.

— Просто поближе.

<Модерати Тарсес, насколько близко вы намерены ее подпустить?>

— Убийственно близко, сэр, — ответил Тарсес.

Перекрестье билось артериально-багровым, пульсируя, словно испуганное сердце.

— Выстрел! — произнес Тарсес и послал мысленный сигнал артсистеме.

Массивный деструктор открыл огонь. Первые два обжигающих выстрела размазались по обшивке торса неприятельской махины с такой силой, что вынудили ее с содроганием остановиться. Обшивка засветилась, словно неоновая язва, и сверхперегретые хлопья сколотого керамита полетели в стороны, будто горящие листья.

Третий выстрел выпотрошил ее.

Корпус махины выше бедер взорвался ослепительной звездой синеватого пламени. Грудной каркас не выдержал, и всю верхнюю часть — панцирь, орудийные конечности, кокпит — снесло с поясного крепления шасси. Она рухнула назад с таким сокрушительным ударом, что его почувствовал даже экипаж «Виктрикс» через динамическую гидравлику.

Ноги махины остались стоять, застывшие и тлеющие. Огонь быстро охватывал рухнувшие обломки.

— Махина убита! — объявил Тарсес.

<Я нахожу это удовлетворительным> — согласился Принцхорн.

Тарсес оторвался от своего пульта, широкая улыбка начала расползаться по его лицу. Он стукнулся кулаками с радостными Анилом и Кальдером.

Пламя принялось облизывать боеприпасы павшей махины. Те начали лопаться, вспыхивать и выстреливать фонтанами искр, словно плохо устроенный фейерверк. Тарсес дал знак Анилу, и рулевой отвел «Доминатус Виктрикс» на безопасное расстояние.

Модерати развернулся в кресле и перевел взгляд на раку. Принцхорн кивнул ему в ответ. Глаза его сияли.

— Мой принцепс, — улыбнулся Тарсес.

<Мой модерати>, — откликнулся Принцхорн.

>

Эрик Варко проснулся где-то у черта на куличках. На миллион километров вокруг не было ничего. Стоял холод, и неторопливому рассвету не хватало сил согреть землю.

Все болело. Варко лежал в песчаной яме, скрючившись в спальном мешке, с подветренной стороны «Кентавра». Ночью разразилась буря, очень сильная. Она пришла с юга, из далекой Астроблеты, и, достигнув Западной Проспекции, уже растеряла большую часть своей ярости. Но все равно в носу стояла вонь графита, а в утреннем воздухе висела пыль.

Они двигались на запад от поста

СПО, гоня «Кентавр» по кустарнику и наносным дюнам, и не останавливались до самой ночи. Затем, когда налетела буря, закопались под брезент, чтобы переждать непогоду.

Запад казался совершенно ошибочным направлением. Это шло вразрез с интуицией. Все, что им было нужно, — субульи, рабочие поселения, Принципал — все осталось на востоке сзади. Но боевые сервиторы у поста и, еще раньше, войска скитариев в обогатительном поясе убедительно доказали, что восток означает смерть. Они были отрезаны вторгшимися войсками. У них не было иного выбора, кроме как уходить в кустарники, болота и пустынные дороги за зоной ульев. Обширная территория, известная как Западная проспекция, лежала перед ними — мир тупых скал, кальдер, болотистых долин и скальных хребтов, где одинокие старательские базы и металлургические лагеря прятались в промозглых ущельях меж унылых холмов, с трудом зарабатывая на жизнь разработкой минеральных месторождений

и полудрагоценных залежей.

Западная проспекция среди большинства цивилизованных ульевиков слыла местом, над которым не властвовал закон, страной бандитов. В Оресте Принципал и Аргентуме ее чаще называли Мертвыми землями. Как и пограничные районы окаймляющих северный край Астроблемы вассальных городов, Западная проспекция стала прибежищем для мигрантов, бродяг, туземных кочевых племен, беглых преступников и любого, кто упал, соскользнул, спрыгнул сам или был вытолкнут за край имперского общества.

В прошедшие годы Варко побывал и в Проспекции, и в Астроблеме на учениях Гордой бронетанковой. Суровые пустоши обоих регионов идеально подходили для маневров бронетехники и боевых стрельб. По его опыту, лишь одна характерная черта отличала регионы друг от друга. Оба были дикой страной за пределами зоны ульев, но там, где Астроблема обладала грубой красотой, которую стоило увидеть,

романтическим зрелищем скульптурных розовых утесов и красновато-коричневых песков, бледно-голубого неба днем и бесконечных россыпей звезд ночью. Западная проспекция была пыльной, трачной, серой пустошью. Земля истощилась за тысячи лет существования в климатической и электромагнитной тени огромных ульев; ее выработали первопроходцы Механикус, первыми опустившиеся на Орест. Многие долины являлись остатками старых карьеров, многие холмы были кучами выхолощенного шлака или каменных обломков, вынутых огромными копателями недродобывающих и терраформирующих машин предыдущей эпохи. Ржавые остовы этих старинных гигантов все еще можно было встретить в Проспекции, словно ископаемые останки доисторических чудовищ, механические трупы размером со звездолет, полузарывшиеся в дно созданных человеком каньонов. Варко несколько лет назад потратил полдня, делая пробные выстрелы в одного из них из главного орудия «Главной стервы» и втихомолку восхищаясь его

размерами. Подобные чудовища разграбили и разорили Западную Проспекцию ради строительства ульев.

В Западную проспекцию они и шли. Других вариантов не осталось.

Кроме того, он посоветовался с Омниссией. Куда бы он ни поворачивался — на север или на юг, — каждый раз он засовывал руки в карманы, и медальон находился в том, что был ближе к западу. Он даже, когда не видели остальные, нарисовал грубый крест компаса на земле и подбросил над ним медальон. Тот упал точно на кончик западной стрелки. Нечто, может быть сам машинный дух «Главной стервы», четко направляло его. А кто он такой, чтобы спорить?

Варко встал и потянулся, разминая застывшие члены в свете зарождающегося дня. Леопальд дежурил последним, но уснул над стаббером в кресле «Кентавра». Варко встряхнул его.

— Виноват, виноват, сэр, — забормотал Леопальд, всплывая из сна. — Я не хотел...

— Чтоб больше не повторялось, — улыбнулся Варко. — Пошли достанем пару пайков и раздадим на всех.

— Есть, сэр, — отозвался Леопальд.

Графитовые остатки бури висели вокруг, словно занавес, делая свет мягче. Место было почти невыносимо безмолвным. Потягивая ноги, Варко увидел Кодера, который стоял в сотне метров от «Кентавра», запрокинув голову и разведя руки в стороны, словно призывая какое-то божество. Технопровидец медленно поворачивался вокруг своей оси.

Подойдя к нему, Варко увидел, что Кодер раскрыл и выпустил небольшие лепестки рецепторов из кожи вокруг глотки, на подбородке и за ушами. Они напомнили ему пугающие воротники шипящих пустынных ящериц.

Кодер, заметив приближение капитана, тут же сложил лепестки.

— Продолжай, — сказал Варко.

Лепестки были солнечными рецепторами: Кодер пытался подзарядить внутренний источник энергии. Он с

сомнением глянул на капитана.

— Немодифицированные часто находят подобную демонстрацию аугментики пугающей, сэр.

— Я, может быть, и немодифицированный, Кодер, — ответил Варко, — но я служитель Механикус. Продолжай. Ты нужен мне здоровым и бодрым.

— Спасибо, — поблагодарил Кодер. Послышался звук, похожий на звук раскрывшегося бумажного веера, — он снова раскрыл свои солнечные батареи и тут же заметил: — Все равно бесполезно. Тут так мало света. Пыль, понимаете?

Варко кивнул.

— Размышление: мы собираемся умереть здесь, капитан?

— Надеюсь, что нет, Кодер, — ответил Варко.

— Вы уверены?

Варко улыбнулся и покачал головой.

— Конечно нет. Но мы пока еще живы, разве нет?

— Предположение: если бы я был в настроении, то смог бы оспорить столько

логических несостыковок в вашем заявлении.

— Но ты не в настроении?

— Я измотан, капитан.

— Я тоже.

Они съели каждый свою часть пайка, расположившись внутри и вокруг «Кентавра». Слабенькое солнце начало пробивать дыры в пылевом занавесе; с запада поднимался ветерок.

— Куда двинем? — спросил Гектон, выскабливая одноразовый лоток из-под пайка картонной вилкой.

— Дальше, — ответил Варко.

— А зачем, прошу прощения, капитан? — спросил Саген.

Варко пожал плечами и глотнул воды из фляжки.

— Без понятия. Все уже решено за нас. Если повернем обратно — умрем, так что тут я бы сказал: нет. Дело не в том, что мы будем делать. Дело в том, чего мы делать не будем. Мы не будем умирать, если это будет в моих силах. Однако все вы должны знать, что я считаю наше

участие в войне законченным. Теперь наша единственная забота — выживание.

Эта мысль никому не понравилась.

— Звучит, словно ты сдаешься, Эрик, — сказал Гектон.

— Я знаю.

— И ты согласен с этим жить, да?

— А что ты предлагаешь, Грэм? — спросил Варко, съезжая с подножки «Кентавра» и колка пустой лоток из-под пайка.

Грэм Гектон пожал плечами:

— Отправиться обратно к Аргентуму? Может, встретится с СПО или силами Гордой и встанет в их ряды.

Грэм Гектон всегда был человеком отважным.

— Кто еще готов на это? — спросил Варко. Все принялись отводить глаза. — Значит, двигаем дальше на запад, — подытожил Варко.

Он подумывал рассказать им про медальон, но не хотел давать повода сомневаться в здравости своего рассудка. Вера в духов машин — это одно, и никто не сомневался в них, потому что это было

рационально. Но подбрасывать медальон над перекрестьем компаса, нарисованного на земле, чтобы узнать свою судьбу, — это отдавало какими-то суевериями кочевых племен или еще чем похуже. Варко решил держаться темы выживания, чтобы его слова звучали здраво.

— Мы уходим в Проспекцию, пока тягач нас везет. Через несколько дней — неделя-две, возможно, зависит от того, как пойдет война, — может быть, мы сможем вернуться в ульи. Все мы бывалые и опытные танковые экипажи — мы ценный товар. Будем беречь себя в целости и сохранности до тех пор, пока не вернемся туда, где сможем найти себе хорошее применение.

— То есть... до тех пор не дадим себя поубивать. Ты это имел в виду? — спросил Гектон.

— Точняк, давайте не будем этого делать, — сказал Траск.

Леопальд и Саген фыркнули.

— Все с этим согласны? — спросил Варко. — Кодер?

Технопровидец выглядел бледным и

изможденным. Он едва дотронулся до своего пайка.

— Вы ждете, что я возражу, капитан? — спросил он.

— Я подумал, что ты тот, кто может не согласиться, — сказал Варко. — Нет там в тебе никаких пламенных порывов вернуться обратно и драться за Кузницу?

Кодер передернул плечами.

— Капитан Варко, во мне не осталось никаких пламенных порывов вообще.

Варко перехватил взгляд Гектона. Тот печально покачал головой. Кодер умирал. Он истратил слишком много энергии. Все это понимали, но никто не говорил вслух.

— Значит, в Проспекцию, — заключил Варко.

«Кентавр» вспахивал землю, двигаясь на северо-запад. День был таким же унылым и пустым, как ландшафт вокруг. Солнце нервно показало свой лик. Небеса были серыми, и казалось, что кто-то отчистил их песком, перед тем как

красить заново.

Цепляясь за поручни, чтобы не вывалиться от тряски и рывков идущего на полном ходу и подпрыгивающего тягача, Варко выбрался в задний отсек и уселся рядом с Кодером. Тот смотрел в тусклое небо.

— Ты как, лучше?

— Немного, капитан.

— Смотри не помри у меня, Кодер.

Технопровидец взглянул на Варко.

— Сделаю что в моих силах, капитан.

— Мы может тебе чем-нибудь помочь?

Кодер пожал плечами.

— Ты потратил слишком много энергии на тот аустик, Кодер, — тихо сказал Варко. — Сам положил голову на плаху.

— Я сделал то, что должен был сделать, — возразил Кодер.

— Что сейчас ты должен сделать — это остаться в живых. Это приказ.

— Слушаюсь, сэр.

«Кентавр» подскакивал и взбрыкивал на пересеченной местности. Саген вел его

словно основной боевой танк, получая кайф от мощи и скорости. Несколько раз им пришлось цепляться изо всех сил, когда при переезде через глубокие рытвины их начало подбрасывать кверху.

Кодер протянул руку, и Варко взял ее, удивленный проявлением такой близости.

— Что такое?

— Что-то не так с небом, — сказал Кодер.

— Что-то не так? Что именно?

Кодер пототал головой:

— Не знаю. Оно какое-то пустое. Недосягаемое.

— Я не понимаю.

Кодер пожал плечами:

— Я некоторое время пытался его почувствовать. Думал, что это последствия усталости, но нет. Словно что-то закрыло небо от нас, капитан.

— Ты можешь мне объяснить?

— Как только сам пойму.

Варко кивнул.

— Эй, капитан! — крикнул от руля Саген. — Вижу пыль!

Стена пыли вздыталась на горизонте, будто дымовая завеса. Что-то крупное надвигалось на них с запада.

По команде Варко Саген завел «Кентавр» в небольшую гряду холмов — остаточные склоны древних терриконов. Там и окопались, спрятавшись за линией гряды, затем все забрались наверх и залегли. Широкая долина кустарников — тесника и колючей фиги — лежала перед ними. Несколько взъерошенных деревцев перечного боярышника дрожали на порывистом ветру.

— Не вижу, что... — начал Траск.

— Замолкни и жди, — велел Гектон.

Они таились уже десять минут. Пыльный шлак под ними нагревало солнце. Варко чувствовал свой запах и запах товарищей, тесно сжавшихся рядом. Это был запах не просто грязи и немытых тел. Это был неприятный приторный запах, сладковатый, как от гнили, — воспоминания о днях зашкаливающего адреналина, едкого страха и отвратной еды, выходившие с потом.

«Вот так будут пахнуть наши

трупы», — подумал Варко. Кодер пах по-другому. Технопровидец пах горелым пластеком и жженой керамикой.

Каждый смотрел на завесу пыли, приближающуюся с запада.

— Что это? Еще одна буря? — спросил Саген.

Варко помотал головой. Камешки на осыпи вокруг начали скатываться вниз. Земля дрожала.

Открылась картина массового бегства.

Через мгновение они поняли, что перед ними. Варко услышал, как некоторые из его сборного отряда неверяще ахнули. Он бы и сам ахнул.

Река туземцев мчалась мимо в долине внизу, катясь с запада широким бурным потоком, словно плохо организованная кавалерийская лавина. Верховые и ездоки появились первыми, несясь впереди основного потока на однопрыгах, мотоциклах, монотраках и испуганных ездовых животных. Сквозь пыль мимо Варко мелькали скачущие галопом

гиппины, скачущие даку-таку, тощие струтиды и паршивые седловые кошки. Караваны краулеров и жилых тягачей, повозок, фургонов, механоупряжек и шагоходов во множестве следовали за ними. Невообразимая миграция вассальных душ текла из Западной проспекции.

Их здесь были тысячи: шахтеры на ревущих тягачах; охотники за драгоценными камнями на низких грузовиках; тяжелые проспекторские поезда, старающиеся держать быстрый ход; жилые краулеры с незавязанными пылевыми экранами из ткани, хлопающими на ветру; туземные повозки, телеги, коляски; кланы, едущие, разделившись на семейные группы; тупоумные «твисты», тянущие жилые домики на полозьях; жители диких земель; аутсайдеры; проспекторские изгои на старых, лязгающих механических шагателях; мотоциклисты, выбрасывающие позади черные струи выхлопных газов; столбильщики на восьмиколесных машинах; собиратели самородков на большегусеничных

грузовиках; изыскатели минералов на универсалах.

Они вздымали за собой огромный пылевой след. Это было похоже на бешеную гонку за земельными участками или золотую лихорадку.

«Нет, — подумал Варко, — они бегут. Это не золотая лихорадка, это испуганное бегство».

— Что они делают? — спросил взволнованный Траск. — Какого фрига они?..

— Заткнись! — рявкнул Гектон.

— Не высовываться. Соблюдать тишину! — приказал Варко.

— Тишину? — ответил Гектон. — Среди этого гвалта?

Кодер пробубнил что-то.

— Кодер, ты что сказал? — прошипел Варко.

Техножрец перекатился на спину.

— Небо... Небо по... — сказал он, еле открывая рот. Голос у него был хриплым и слабым.

— Что — небо? — заторопил Варко. —

Кодер? Что с небом?

— Небо погасло, — сказал Кодер. Глаза его закатились, остались только белки и следы модификаций. У него начались конвульсии, руки и ноги задергались.

— Черт! — охнул Варко. — Держи его крепче, Грэм. Держи его крепче!

Он оторвал обшлаг рукава и запихнул Кодеру промеж сжатых зубов. Из-под кривящихся губ технопровидца показалась кровь. Гектон с Леопальдом пытались удержать бьющееся в припадке тело.

— Святый Омниссия! — запинающимся голосом произнес Саген.

Внизу, в долине, появилась причина испуганной гонки.

Густой поток туземцев внизу под ними еще не иссяк. Сейчас проходили более тяжелые части: крупные мобильные усадьбы; мобильные шахтные буры, топающие рядом на черепашьих лапах; фургоны на полозьях за упряжками гроксов; вереницы привязанных гиппин, ревущих сзади фургонов; громадные измельчители минералов, лязгающие тяжелыми гусеницами; гусеничные бульдозеры и

камнедробилки, изрыгающие копоть из торчащих вверх труб. Другие убегали по воздуху: наблюдательные парапланы, натужно рубящие изношенными винтами воздух; потрепанные орнитоптеры, колотящие растрескавшимися крыльями, словно неоперившиеся птицы; смотровые платформы на гравитационной тяге и странные, хлещущие воздух лифт-багги, идущие низко над самой кавалькадой; стайки жужжащих кибердронов и темные рудоискатели, кружащие поверху, словно стервятники. А за ними... а за ними...

Три вражеских «Боевых пса», черные как сама ночь, выскочили из-за горизонта на западе. Они шли полным ходом, круша самых медлительных. Троица «Псов войны» по-птичьи наскакивала на хвост убегающей массы туземцев, паля во все стороны и давя ногами отстающих. Варко побледнел. «Псы войны» гнали толпу, словно стадо скота, заворачивая их, погоняя, сбивая в кучу и уничтожая.

Не останавливаясь, «Псы войны» стреляли и время от времени выпускали

ракеты. Лазерные выстрелы рвали задние эшелоны кавалькады, рассекая на куски машины и тела. Грязные фонтаны земли и огня с глухим грохотом взлетали над рядами бегущих, подбрасывая в иссушенный воздух изуродованные корпуса машин, колеса и траки гусениц и раскидывая их в стороны. Варко увидел, как от прямого попадания взорвался восьмиколесник, одна из его тяжелых осей со все еще вращающимся колесом вылетела из взрыва и рубанула, словно алебардой, мчащийся на полном ходу лоурайдер, из-за чего тот покатился кувырком и разлетелся на мелкие куски. Случайный выплеск тегаболтерного огня подсек правые лапы тяжелой буровой установки, и та перевернулась, смяв под своей ржавой, прокопченной громадой два жилых краулера. Пролетевшая с визгом ракета врезалась в середину измельчителя минералов, превратив его монументальную железную конструкцию в вулкан огня и свистящих обломков. Три орнитоптера, попавшие в разбухающий шар огня, свалились с неба, словно горящие

тотыльки.

— Надо убираться отсюда, — настойчиво произнес Леопальд.

— Лежи тихо и жди, — приказал Гектон.

— Чего ждать, сэр?

— Они пройдут мимо, — сказал Варко. — Они пройдут мимо нас.

Он глянул на Кодера. Техножрец мертво застыл. Сквозь обрывок ткани, зажатый в зубах, сочилась кровь. Варко сжал в кармане медальон.

Вжав головы, они лежали не двигаясь и ждали. Земля тряслась все тише и тише, оглушительный рев бегства и разрушения удалялся.

Варко выглянул вниз через гребень. Воздух был густо забит медленно оседающей пылью. Долина представляла собой раскатанные руины. Вся растительность вытоптана и переломана. Десятки горящих остовов и сотни изломанных тел усеивали дно долины.

Глянув на восток, он увидел уходящее пылевое облако, отмечающее продвижение

массового исхода. Высоченные шагающие силуэты «Псов войны», догоняющих задние ряды, были едва различимы. Варко видел далекие вспышки и мерцание их орудий.

— Теперь двигаем, — сказал он Гектону.

— В какую сторону? — ответил тот.

— На запад.

— Опять?

— Если только ты не хочешь догнать этих, — ответил Варко, — то будем держаться плана.

— Жуткое количество народу только что продемонстрировало свое горячее желание убраться к черту с запада, — сказал Гектон.

— Трона ради, Грэм, да знаю я. У тебя есть идеи получше?

Гектон пожал плечами.

— Ладно. Приготовить «Кентавр» к отъезду!

Саген и Траск отправились к тягачу. Гектон по-прежнему не сводил глаз с Варко.

— Что ты хочешь мне сказать, Грэм? — спросил Варко. — Куда мы ни

повернем — везде будет опасно. Я по-прежнему считаю, что пустоши Проспекции — наш лучший шанс исчезнуть.

— Что имел в виду Кодер? — спросил Леопальд.

— Что?

— Что имел в виду Кодер, когда сказал, что небо погасло? — Стрелок Гектона с сомнением глядел на безвольное тело техножреца.

— Я не знаю, — ответил Варко.

— Он бредил, — сказал Гектон.

— Засуньте его в кузов и гляньте, как можно устроить поудобнее, — велел им Варко.

Гектон и Леопальд перебрались к Кодеру.

— Ты куда собрался, Эрик? — спросил Гектон.

— Вернусь через минуту.

— Куда ты собрался?

— Заметил там кое-что.

Варко скользнул по высохшему шлаку вниз по склону в клубящуюся пыль долины. Горячий, обжигающий дым вздымался

вокруг от разнокалиберных обломков, и Варко пришлось прижать к лицу платок. Большая часть остовов представляла собой лишь спутанные клубки металла. Разлитые масло и смазка пропитали сухую землю. Он старался не рассматривать слишком близко мертвых. Большинство тел, выброшенных из взорвавшихся машин и зачастую лишенных одежды силой взрыва, были растоптаны и раздавлены остальными бегущими, словно в акте последнего унижения. Местами тяжелые лапы скачущих «Псов войны» втяли кости, плоть и метал глубоко в землю. В этих отпечатках таился настоящий ужас. Полосы крови и масла — блестящие, словно зеркало, — медленно мутнели от оседающей пыли.

Варко с трудом пробрался мимо дома-прицепа, лежащего на боку, горящего грузовика на больших гусеницах, умышленно втоптанного в землю ногой гиганта, и двух даку-таку, выпотрошенных лазерным огнем, мертвых, как и их залитые кровью всадники. Он миновал разбитый кибердрон, который больше

никогда не поднимется в воздух. Тот уставился на него разбитой оптикой и защелкал немым ртом.

Варко взяла жалость. Он опустился на колено, повозился, ища соединение ЦП дрона, и выдернул его. Свет в разбитых глазах померк.

Варко поднялся и вытер рот платком. Еще с вершины холма он заметил здесь какое-то движение.

Он ушел недалеко, пройдя мимо тлеющего погребального костра буровой установки. За ней валялся разбитый и перевернутый жилой краулер; его разодранные тканевые навесы хлопали на ветру. Неподалеку лежали два тела: старая женщина и юноша — оба в пустынном снаряжении. Юноша — в потертом кожаном бронежилете и дыхательной маске, изображающей кричащее лицо горгоны. Он был мертв. Варко мог это сказать, даже не осматривая его. Тяжелое колесо продавило отвратительную колею по его груди. Женщина была облачена в темно-серые

шелка и носила простую старинную противопылевую маску. На ней не было ни царапины. И только когда он подошел, чтобы проверить, жива ли она, то почувствовал, как холодно ее тело и как безвольно болтается голова.

В нескольких метрах дальше валялся в пыли большой темно-красный двухгусеничный мотоцикл: толстая передняя вилка согнута под безумным углом, гусеницы разбиты и порваны. Рядом на боку распростерся мужчина в грязном бронежилете и дыхательной маске, напоминающей голову пустынной ящерицы.

Варко присел рядом с ним. Мужчина шевельнулся. Левая рука у него была явно сломана, и Варко не мог с уверенностью сказать, какие еще повреждения тот получил.

— Позвольте, я вам помогу, — сказал он.

Мужчина шевельнулся снова и застонал.

— Сэр, я из Орестской Гордой. Я могу вам помочь, если вы мне позволите. У меня есть медкомплекты.

«Два, — подумал он. — Всего два. Мы едва можем чем-то поделиться. Зачем я это делаю?»

Мужчина прохрипел что-то. Он явно испытывал сильную боль.

— Я вас сейчас переверну, хорошо? Вы понимаете? Я сейчас вас переверну и осмотрю вашу руку.

Варко перевернул мужчину так аккуратно, как мог. Тот вскрикнул — крик из-за его дыхательной маски превратился в резкое, гортанное уханье.

— Всё. Всё. Я сейчас наложу шину, и будет полегче. Можете сказать, вы ранены еще куда-нибудь?

Варко услышал резкий щелчок и почувствовал, как к затылку прижался кружок холодного металла.

— Оставь его.

Варко медленно поднял руки.

— Я просто пытаюсь ему помочь. Ты понимаешь меня? Я просто пытаюсь ему помочь.

Дуло по-прежнему вжималось ему в голову.

— Оставь его. Оставь моего па. Ты

ему не нужен. Ты нам не нужен.

— Можно, я повернусь? — спросил Варко, не опуская рук. — Можно повернуться? Хорошо? Я поворачиваюсь.

Он переступил коленями, повернулся и обнаружил, что смотрит не с того конца на старый мощный лазмушкет. Это было старинное оружие, с богатой резной фурнитурой и искусной гравировкой на металлических частях.

Целился из него юноша в бронежилете. Лицо его закрывала дыхательная маска в виде кокпита «Владыки войны».

Варко невольно рассмеялся.

— Ты что, — с улыбкой спросил он, — типа боевая махина?

Конец лазмушкета ткнул Варко в лицо и разбил об зубы верхнюю губу. Варко тявкнул и сплюнул кровь, двинув руками, чтобы схватиться за лицо.

— Руки не опускать! Подними, подними!

Варко снова сплюнул кровь. И поднял руки.

— Это твой отец? — спросил он, кивая

на раненого рядом.

— Что, если так?

— Ему нужна помощь. Медицинская помощь. Ты можешь наладить шину? У него сломана левая рука. Я смогу ему помочь.

— Может, сможешь, а может, и нет. Ты кто такой?

— Эрик Варко. Капитан. Орестская Гордая шестая бронетанковая.

— Это мне ни о чем не говорит.

— Как твое имя? — спросил Варко.

— Руки. Держи выше!

— Я и так их держу выше. Как твое имя?

— Я не называю своего имени никому. И мой па тоже.

— Твоему па нужна помощь. Я смогу ему помочь.

Морда «махины» не двинулась.

— Ты дашь мне ему помочь? — спросил Варко, глядя вдоль длинного ствола мощного ружья.

— «Кентавр» готов к отправке, капитан, — доложил Саген, пробираясь

обратно к Гектону и Леопальду.

— Хорошо, — ответил Гектон. — Помоги занести Кодера в задний отсек.

— А где капитан Варко? — спросил Саген, нагибаясь, чтобы взяться за ноги Кодера.

— Ушел вниз, в долину, — ответил Леопальд.

— Зачем?

Леопальд пожал плечами.

Саген вытащил оптику и приложил к глазам.

— Куда?

Гектон приблизительно указал. Он был занят, счищая кровь с губ и подбородка технопровидца.

Саген громко выругался.

— Что?

— Взгляните, — сказал Саген, передавая прибор Гектону. — Вон там внизу. Нет, за буровой. Видите?

— О Трон! — сказал Гектон. — Эрик, ты все из-за тебя сдохнет.

Сквозь занавес плавающей в воздухе пыли и дыма Гектон увидел то, что засек Саген: Эрика Варко, стоящего на коленях с

поднятыми руками, лицом к туземному дикарю с энергетическим мушкетом.

— Тащи сюда карабин, — велел Гектон Сагену. — Бегом, солдат. Быстрее!

Он навел прибор обратно на своего старого друга.

— Ох, Варко, тупая ты скотина!

Кодер завозился.

— Капитан! — позвал Леопальд. — Технопровидец приходит в себя. Наверное...

Лежащий на спине Кодер открыл глаза. Они были налиты кровью, зрачки расширены. Потрескавшиеся губы приоткрылись. Кодер издал бессвязный поток изломанного кода и снова отключился.

Показалось, что ветер переменился. Гектон поднялся на ноги и глянул на восток вдоль долины.

Троица «Псов войны» казалась далекими пятнышками, точками на горизонте.

Один развернулся. И полным ходом потопал обратно вдоль долины в их сторону.

— О нет, — пробормотал Гектон. — О

Трон, у нас неприятности. Теперь у нас настоящие неприятности.

— Он услышал код, — буркнул Леопальд.

— Да, он прекрасно услышал этот чертов код! — ответил Гектон.

— Что будем делать? — спросил Леопальд.

— Саген, где этот карабин?! — взревел Гектон.

— Что будем делать, сэр? — повторил Леопальд, глядя на Гектона с паникой в глазах. — Мы не сможем с ним драться.

— Да, не сможем, — согласился Гектон.

«Пес войны» скакал по долине к ним — вот размером с зефириду, а вот уже с ворону, все ближе, ближе...

Саген прибежал от «Кентавра» и перебросил карабин Гектону. За Сагеном следовал Траск.

— Все прикиньтесь мертвыми, — приказал Гектон.

— Что?

— Залечь в укрытие и прикинуться мертвыми, ради Трона! И молитесь,

чтобы это прокатило!

Гектон принялся спускаться вниз по склону, вспахивая ногами шлам.

Варко почувствовал, как затряслась земля. Мелкие камешки задрожали. Раненый туземец рядом с ним забормотал.

— Что-то приближается, — сказал Варко мальчишке с лазгушкетом. — Нужно спрятаться.

— Я тебе не верю.

— Так поверь своим глазам! — огрызнулся Варко, рискнув бросить взгляд через плечо. Сквозь пыль он увидел черный, отвратительный силуэт «Пса войны», скачущего по долине в их сторону. — Да фриг тебя, парень!

— Д-делай, как он говорит, Келл! — простонал раненый туземец. Трясущейся правой рукой — единственной, которая у него теперь работала, — он стянул дыхательную маску, открывая старческое лицо, испещренное морщинами от жизни в пустыне, и белые, похожие на моржовьи, впечатляюще густые усы. — Я не шучу,

Келл! — повысил голос старик. В словах слышалась острая нотка боли.

Махиномордый продолжал целиться Варко в лицо.

— Ха, это может быть трюком. Он может быть одним из них. Не верь никому — так вы с мамой нас учили.

— Мама умерла, — вздохнул старик, глядя на тело старой женщины в темно-серых шелках. На глазах у него выступили слезы. — О Шенна! И мой бедный Бекк тоже...

Махиномордый глянул на безвольное тело женщины. Лазтушкет начал опускаться.

Варко слышал, как за спиной топает «Пес войны», подходя все ближе. Камешки щелкали и подскакивали при каждом его шаге. По лужам масла и крови вокруг запульсировали круги.

— Это не трюк, — осторожно сказал он. — Нужно бежать и прятаться, или махина...

— Брось оружие! — заорал Гектон, выбегая из тучи пыли с поднятым карабином. — Брось! Быстро!

Махиномордый полуобернулся к нему, поворачивая лазтушкет.

— Не заставляй меня стрелять! — крикнул Гектон, наводя оружие с четкостью военной выучки. — Брось, я сказал!

— Брось, ради мамы, Келл, — задыхаясь, велел старик.

Махиномордый заколебался, потом отбросил лазтушкет в сторону.

— Видишь, как я каждый раз спасаю твою задницу, Эрик? — крикнул Гектон, подбегая и держа на прицеле махиномордого.

— Каждый раз, — признал Варко, чувствуя, как под ногами подпрыгивает земля. — Помоги мне отнести твоего па в укрытие. Шевелись!

— Нет на это времени! — крикнул Гектон. — Придется прикинуться мертвыми!

— Что? Грэм? Прикинуться мертвыми?

— Мертвыми, Эрик! Давайте, Трона ради! Мертвыми — все! Или мы отсюда живыми не уйдем!

Шагающий «Пес войны» был уже в пятистах метрах от них и быстро приближался.

— Лежите смирно, сэр. Не шевелитесь! — велел Варко старику.

Тот покорно скрючился, лежа на боку.

— Ты слышал? Прикинься мертвым! — заорал Варко на махиноморгого.

— Но...

— Мертвым. Ты Келл, да? Прикинься мертвым, Келл.

— Нет, я...

Варко бросился на него и подмял парня под себя. Они рухнули в пыль. Варко сорвал маску «Владыки войны». И заглянул в лицо испуганной девушки не больше двадцати лет от роду. Варко удивленно хрюкнул.

— Не вставай. Лежи смирно, — велел он ей.

Прикрывая девушку своим телом, Варко оглянулся на Гектона.

— Грэм, ты тоже падай, дурак!

Грэм Гектон обернулся к нему и ухмыльнулся.

— О, не волнуйся. Лежи тихо и не

вздумай дергаться.

«Пес войны» Архиврага замедлил свой громыхающий ход по дну долины и поднял морду, нюхая воздух. Он почувствовал всплеск кода — след трижды проклятых Механикус. Он внимательно осматривал разбросанные перед ним горящие обломки, считывая остывающие следы мертвых машин и еще более мертвой органики. Он впитал и изучил данные об остаточном тепловыделении, ища модифицированную органику, раскладывая мир на разнородную мешанину теплых красных и холодных синих пятен.

Он начал осторожно двигаться вперед на малом ходу, опустив голову ниже корпуса, с хрустом давя обломки. Варко услышал скрежет сминаемого металла и, что гораздо неприятнее, хруст костей.

Аустик «Пса войны» послал импульс, ища источник кода. Варко почувствовал щекотку импульсной волны и ощутил, как затряслась девушка под ним, тоже почувствовав эту волну. Он услышал, как старик рядом подавил стон: его сломанные

кости завибрировали.

Вокруг внезапно похолодало и стемнело: «Пес войны» навис прямо над ними, накрыв их своей тенью. Он сделал еще шаг, раздавив разбитый шагоход. Встал, покачиваясь на ногах вперед-назад, нерешительный и любопытный.

Вжимая лицо в пыль, Варко услышал гудение и перестук заряжающихся орудийных конечностей. Время словно ушло в гибернацию.

«Пес войны» сделал еще шаг. Снова послал импульс аусника. Затем издал выманивающее приглашение на мусорном коде.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», — молился Варко.

— Сюда, ты, кусок дерьма! — крикнул чей-то голос.

Варко услышал, как «Пес войны» развернул корпус, затем переступил ногами.

— Я здесь! — крикнул Гектон. — Здесь! Сюда!

Он выскочил из-под укрытия разбитого жилого краулера и припустил

прочь.

— Я здесь, ты, сукин сын!

На бегу, не целясь, выстрелил в «Пса войны» из карабина. Снаряд размазался по пустотным щитам махины.

«Пес войны» заерзал, пытаясь отследить крошечного человечка, скачущего и перебегающего между обломками под ногами махины.

Гектон перескочил через смятый однопоход, развернулся и выстрелил снова в возвышающуюся над ним махину.

— Давай! — заорал он вызывающе.

— Ох, Грэм!.. — придушенно пробормотал Варко. — Грэм, пожалуйста, не делай этого...

— Давай, ты, ублюдок! — дразнил Гектон. — Вот он я! Ты меня видишь? Вот он я!

Он переключил карабин на автоматический режим и принялся поливать выстрелами ноги и нижнюю часть шасси «Пса войны». Выстрелы отскакивали от щитов. Издав торжествующий вопль, Гектон снова

бросился через обломки, пригибаясь и петляя из стороны в сторону со всей скоростью, на какую был способен.

Со скрежетом металла поршни сдвинулись, «Пес войны» резво повернулся и зашагал следом.

Убегая, подпрыгивая, перескакивая через обломки, уводя махину от Варко и жилого краулера, Грэм Гектон продолжал выкрикивать оскорбления через плечо шагающей за ним громадине. Время от времени он останавливался и стрелял — выстрелы хлопали по щитам, по огням кокпита, по панцирю.

— Давай, ты, ублюдок! Ты ж меня видишь? Видишь? Давай!

«Пес войны» ускорил шаг и начал настигать его, пробиваясь через разбитые машины.

— Сюда! Сюда! Вот он я! Ты что — тормоз? Вот он я, прямо тут!

«Пес войны» отозвался коротким возмущенным всплеском мусорного кода. Он наддал, отпинывая с дороги обломки.

Гектон остановился между горящим десятиколесным грузовиком и смятым

универсалом. Приставил к плечу карабин и поймал в прицел гигантскую махину, топающую к нему.

— А, наконец-то ты меня заметил! Молодец! Не спеши! Вот он я!

«Ох, Грэм! Ох, Грэм!..»

Гектон прицелился в надвигающегося «Пса войны» и надавил на спуск. Непрерывный поток лазерных разрядов пропорол воздух и забарабанил, отскакивая, по нижним пустотным щитам.

— Давай уже, ты, ублюдок! — заорал Гектон. — Чего ждешь?

«Пес войны» ничего не ждал.

Его левая орудийная конечность изрыгнула единственный лазерный импульс и превратила Грэма Гектона в пар. Когда тошнотворный дым рассеялся, осталось лишь воронка и несколько дымящихся костей.

«Пес войны» задумчиво потоптался, щелкая и стрекоча сам себе. Он ждал какого-нибудь движения.

Не заметив больше ничего, повернулся и зашагал вдоль долины на восток, вслед за своими кровожадными коллегами.

Краулер экзекутора, идущий впереди своего обширного эскорта, с грохотом вполз в Иеромиху, следуя за массированным наступлением Инвикты.

— Сейчас боевые действия направлены на запад, экзекутор? — спросила Этта.

— Слишком рано говорить, что мы обратили их в бегство, но весы клонятся в нашу сторону, мамзель, — ответил Крузий. Он изучал дисплеи мостика. Повернувшись, Крузий вызвал Лысенко: — Полный вперед, Лысенко. Махины нас перегоняют. Я этого не потерплю!

— Слушаюсь, экзекутор! — откликнулся тот.

Этта ощутила, как гул двигателя повысился на октаву.

— То, что мы видим, — победа, сэр? — спросила она.

Крузий улыбнулся ей своей бесподобной улыбкой.

— Несомненно.

Готч рядом с Эттой пробурчал что-

то себе под нос.

— Вы чем-то хотели поделиться, майор? — спросил Кругий.

— Вовсе нет, сэр, — ответил Готч.

— Мой телохранитель просто высказывает мне свои личные наблюдения, экзекутор, — сказала она.

— Я думаю, ваш телохранитель забыл о тонкой настройке модифицированных ушей, мамзель, — сказал Кругий. Он замолчал, а затем воспроизвел через аугмиттер четкую запись голоса Готча: «Махинщики гоняются за собственными задницами по всему поселению!»

Этта метнула взгляд в Готча — майор стушевался.

— Мой телохранитель... — начала она.

Кругий поднял руку:

— Нет нужды объяснять, Этта.

— Прошу меня простить, сэр, — угрюмо произнес Готч.

— За что конкретно? — поинтересовался Кругий.

— За то, что... сомневался в

результативности ваших войск, сэр.

Крузий почесал пальцем за правым ухом, нахмурившись.

— Я понял, — сказал он. — Я понял. Впечатление от этой войны определяется двумя несовместимыми элементами: общественным настроением и реальными выигрышем в боевых потерях. Не буду вас обманывать, Этта. И могу сказать: никогда не обманывал. Орест по-прежнему находится на грани. Инвикта добилась нескольких серьезных побед... Подгоксовый Край, Ступени Титанов... но эта война еще далека от завершения. Готч это понимает. Не так ли, майор?

— Думаю, да, сэр, — ответил Готч.

— Мы должны держать улы довольными, Этта. Мы должны слать туда добрые вести. Добрые вести не всегда могут быть полной правдой.

— Я не так глупа, экзекутор, — ответила она. — Я понимаю, как работают связи с общественностью.

— Конечно. И данные, которые вы отсылаете лорду-губернатору, должны быть гораздо более горькими и точными,

не так ли?

— Так.

— Я знаю, что так. Лорд-губернатор имеет право знать, как в действительности обстоят дела.

— Вы перехватывали мои сообщения, экзекутор? — спросила Этта.

Кругий прервался и улыбнулся:

— А вы хоть на секунду сомневались в обратном?

— Нет, — ответила она, улыбаясь вопреки своему возмущению.

Кругий пожал плечами:

— Вот голые и беспристрастные факты. То, чего мы не говорим жителям ульев. Мы разбили врага у Подгоксового Края и в Иеромихе. Мы добились множественных убийств махин взамен малых потерь со своей стороны. Инвикта лишила их наступление движущей силы.

— Но?

— А должно быть это «но», Этта?

— Всегда, я считаю, экзекутор.

Кругий кивнул.

— Но... они ведут свои войска вокруг Аргентума, и орбитальная слежка

показывает, что их части лезут вокруг Гинекса и выше через рабочие поселения. Эта война стала равной, но она еще не выиграна. Должен сказать, меня тревожат промахи орбитальной слежки. Неважно. К завтрашнему рассвету главный удар махин Инвикты будет нанесен по рабочим поселениям за Аргентумом. Милостью Императора, мы сокрушим там мощь врага.

— Что вас тревожит, экзекутор? — спросила Этта.

— Простите?

— Я спросила, экзекутор, что вас тревожит? Что там с орбитальной слежкой?

— Ничего серьезного.

— И все же расскажите.

Кругий заколебался.

— Флот испытывает трудности слежения за поверхностью здесь и здесь. — Он указал районы на подсвеченном гололитическом столе.

— Западная проспекция? — спросила она.

— Мне сказали, что это остаточные

явления после бури. Прошлой ночью там была большая буря.

— Да, над Астроблемой. Я сама следила за метеорологическим сканированием. Ну а на северо-западе?

— Вторичный грозовой фронт, как полагает флот. Этот фронт на данный момент блокирует наше сканирование.

— Он существенен?

— Нет.

— Он природного свойства, экзекутор?

— Конечно. Должен быть. Поверьте мне, к рассвету мы выбьем из врага дух и обратим вспять.

>

— Где эти материалы были обнаружены? — спросил адепт сеньорус.

— Мой персонал наткнулся на них случайно, сэр, — ответил Файст. — При общем осмотре инкапсулированных данных мы...

— Помолчи, Файст, — велел Иган.

Файст умолк и стал дожидаться, пока адепт сеньорус закончит просмотр данных, которые проецировал перед ним гололит. Сам он, даже закончив, он не мог оторвать глаз от светящегося на проекции текста.

— Ты хоть представляешь себе последствия этого? — спросил он.

— Да, сэр. Я полагаю...

— Опять. Ты помолчишь, Файст? — сказал Иган. — Адепт сеньорус обращался ко мне. Да, милорд, я понимаю его значимость, но...

— Собственно говоря, Иган, я обращался к этому юноше. Файст, верно?

— Да, сэр.

Адепт сеньорус передвинулся, чтобы посмотреть на Файста.

— Данные, что ты предоставил мне: что ты знаешь о них?

Файст прочистил горло, осознавая, что Иган буравит его глазами.

— Это старый документ, сэр. Очень старый документ...

— Более десяти тысяч лет, Файст. Продолжай.

— Его суть претендует на доказательство, которое подтверждает взгляд Ореста на Омниссию, сэр.

Адепт сеньорус улыбнулся Игану.

— «Претендует», Иган. Послушай, как молодой человек формулирует.

— Адепт Файст — настоящий пример строгости формулировок, сэр, — отозвался Иган.

Адепт сеньорус обратился вновь к проекции.

— Это ересь. Ересь из времен, когда это слово еще ничего не значило. Этот текст отрицает Его святость.

Файст поежился. Он никогда не слышал, чтобы короткое слово «его» несло столь ошеломляющую силу.

— Это... — начал Иган. — Это чудовищно.

— Да, старина, — кивнул адепт сеньорус. — Это действительно чудовищно.

В личных покоях адепта сеньорус было невыносимо жарко, но Файст понял, что дрожит. Он, как наяву, ощущал неторопливый ход ледника истории,

творящейся прямо сейчас. Он быстро подстроил свою биологию и взял запаниковавший метаболизм под контроль. Сейчас нужны ясная голова и спокойное сердце.

— Это текст, — сказал он, — в сущности, единым махом разрешает причину Схизмы. Он проливает свет на вопросы, над которыми Механикус спорили десять тысячелетий.

— Это если он подлинный, — предупредил Иган.

— Магос, — уверенно ответил Файст, — все, что мы на данный момент извлекли из секвестированных хранилищ, оказалось на поверку в высшей степени подлинным. Мы проверили данные в боях махин, и ни единый фрагмент не подвел.

Иган покачал головой.

— Она ошибочна, — сказал он. — Даже несмотря на все мое желание, чтобы она оказалась достоверной, окончательной, — она ошибочна.

Адепт сеньорус покачал головой:

— Она просто старая, Иган.

Он поднялся на ноги. Файст тут же

выступил вперед, чтобы поддержать старика. Соломан Имануал оперся на предложенную руку, с признательностью по ней похлопал и вздохнул.

— Мы сами навлекли на себя беду, — задумчиво произнес он. — Мы сами навлекли на себя беду, когда открыли секвестированные хранилища. — Он глянул в сторону Файста: — Я не виню тебя, мальчик. Это было умное предложение и принесшее войне неизмеримую пользу. Но то, что я прочел за несколько последних дней... Иган принес мне посмотреть несколько настоящих книг. Да, Иган?

Файст глянул на начальника. Иган смутился.

— Я полагал, что они развлекут вас, адепт сеньорус.

— Развлекут меня, он говорит, — рассмеялся Имануал. — Ты принес их мне потому, что не знал, что с ними делать и кому показать.

— Это правда, магос? — спросил Файст Игана. — Вы выносили материалы прямо из архивов, не дав нам их сначала осмотреть?

Иган открыл рот, затем, не сказав ни слова, пожал плечами.

— Не волнуйся, файст. Там не было ничего особенно тактически ценного, — сказал адепт сеньорус. — Я их внимательно изучил.

— О чем они были, могу я спросить, сэр? — спросил айст.

— Другие труды, наподобие этого, — ответил Итануал, показывая на проекцию дендритом. — Древние благовесты, горькие истины. Большей частью слишком неудобные, чтобы о них думать.

Он замолк.

— Где они сейчас, сэр? — спросил файст.

— Я приказал их уничтожить. О, не надо так переживать, файст. А ты бы с ними что сделал?

Файст моргнул. Ответить было нечего.

Взгляд Итануала стал прищуренным и хитрым.

— В точности так, адепт. Ничего. Молчание. Духи машин, как бы мне хотелось, чтобы я нашел и эту тоже и

стер ее прежде... прежде чем дошло до этого.

— Но, со всем уважением, сэр, — сказал Файст, — эти материалы так важны для понимания нашего места в галактике. Они дают Механикус определенность. Они дают нам доказательство, которое мы столько искали. Их нельзя секвестировать и нельзя подвергать цензуре или уничтожать.

Итануал снова похлопал Файста по руке:

— Такой упорный, такой молодой. Так стремится отстаивать правду любой ценой. Ты подумал о цене, Файст?

Файст помедлил в нерешительности.

— Могут быть, конечно, последствия, сэр, но...

— Последствия, он говорит. Последствия! — аугмиттеры Соломана Итануала издали чудной электронный хохот. — Мы спорим над Схизмой, дискутируем и строим гипотезы. Некоторые Кузницы, такие как наша, верят в одно. Другие частицы нашей великой империи, такие как Инвикта,

насколько я знаю, верят в другое. Эти гипотезы, эти противоположные верования допускаются во благо свободы мысли. Но, Файст, мой дорогой адепт Файст, на счастье или на беду, Механикус — неотделимая часть огромного и древнего сообщества. Механикус и Империум так долго росли вместе, что мы стали целиком полагаться друг на друга и наше единство зиждется на безоговорочном соглашении, что Бог-Император Человечества есть также и Омниссия Механикус. Что, ты думаешь, случится, адепт Файст, если мы объявим это ложью?

Файст открыл рот, затем опять закрыл.

— Империум стар и дряхл, — тихо произнес Иган, — и со всех сторон окружен алчущими врагами. Подобная правда вобьет клин в его основание, и он рухнет окончательно. Единство Механикус и Империума будет разрушено.

— И ни один не сможет выжить в одиночку, — прошептал Файст.

— И ни один не сможет выжить в

одиночку, — эхом откликнулся Соломан Итануал. — В точности так. Ты понял, Файст. Правда — прекрасная вещь, но она убьет нас. Неудивительно, что мы секвестировали эти материалы. Они слишком яркие, чтобы смотреть на них невооруженным глазом.

— Прогноз: что нам делать, сэр? — спросил Иган.

— Вычистить эти материалы, Иган.

— Нельзя! — воскликнул Файст.

— Мы должны, адепт, ради нашего выживания. — Адепт сеньорус уселся обратно на свое место. — Смотри, Файст. Я делаю зашифрованную копию. Я отправлю ее на Марс. Ты прав, это слишком ценно, чтобы стереть. Пойми, Марс секвестирует ее. В будущем, возможно, она будет полезной. Но сейчас она слишком опасна для чьих бы то ни было глаз. Кто ее видел?

— Файст показал ее мне, — сказал Иган.

— Адепт Лунос нашла ее первой, — сказал Файст.

— Вы с ней поговорили?

— Нет, сэр.

— Предупредите эту Лунос, Иган. Заставьте ее понять. Если не захочет, сотрите ее непосредственные входы и буферы.

— Слушаюсь, милорд.

Соломан Имануал мрачно глянул на них:

— Иган. Файст. Я прошу вас обоих забыть, что вы ее когда-нибудь видели. Я собираюсь ее удалить прямо сейчас и...

Он умолк. Все трое ощутили ураган данных, внезапно захлестнувших ноосферу.

— Кто-нибудь, объясните мне этот неподобающий переполох, — потребовал адепт сеньорус.

Файст уже искал и просматривал, используя гаптические прикосновения, прочесывал большие объемы данных, затопивших все области ноосферы. Через четыре и три десятые секунды он нашел источник сигналов.

— Она обнародована, — произнес он.

— Что? — спросил Иган холодно и настороженно.

— Материалы разошлись по ноосфере.

Все страницы, все спецификации. Кто-то слил их.

— Святый Омниссия! — пробормотал адепт сеньорус. — Сейчас на наших руках будет мать всех паник.

Паника ширилась. Она катилась по улью Принципал и дальше, за его границы, словно волна от подземного толчка. Некоторые районы Высокой Кузницы и часть ее ноосферных подсетей либо отключились, либо перестали пропускать связь. На улицах вспыхнули беспорядки, особенно в нижних кварталах и на уровнях провалов. Вмешались СПО. Для поддержания порядка вокруг всех значительных имперских храмов и церквей главной ульевой зоны были выставлены сторожевые кордоны. В самой Великой Министории, в ее крытых галереях и внутренних двориках, собирались разозленные кучки иерофантов Орестской Экклезиархии со своей прислугой, требуя от Гаспара Луциула аудиенции, требуя комментариев. Прелат экуменик

игнорировал их просьбы и делегации и, запершись в кабинете, обсуждал ситуацию со своими самыми старшими и ближайшими советниками.

В своей резиденции на вершине Ореста Принципал лорд-губернатор поднялся на ноги и прошел к толстому экранированному окну. Он смотрел на полускрытую пеленой дыма громаду Кузницы, словно на ребенка, который неожиданно и сознательно обманул его надежды.

— Трон, что это такое? — задал он вопрос, ни к кому особенно не обращаясь. — Святый Трон, что это такое? Механикус занимаются в военное время этим? Немедленно вызвать этого старого ублюдка на связь!

Ближайший к нему помощник, ожидающий приказов, замялся. Он почти физически ощущал исходящий от лорда-губернатора гнев.

— Э-э, прошу прощения, сэр. Под «старым ублюдком» вы имели в виду адепта сеньорус?

Алеутон яростно развернулся:

— Именно так, черт побери! Вызовите его. Вызовите его мне немедленно!

Помощник попытался исполнить приказание.

— Милорд, все каналы забиты. Сеть скована трафиком.

— Просто воксом?

— Тоже, сэр.

— Пробуйте еще. И отправьте в Кузницу курьера. На самом деле пошлите туда взвод наших лучших солдат, вооруженных. Пусть потребуют аудиенции. Передайте им, чтобы отказов не принимали. Я этого не потерплю!

— Слушаюсь, милорд, — ответил помощник и торопливо покинул зал, вызывая штабных гвардейцев.

— Сообщают о гражданских беспорядках в Бастионах и Трансепте, милорд, — возвестил начальник штаба, поднимая голову от планшета, оборудованного каналом связи.

— Остановите их. Усильте численность СПО!

— Милорд, но у нас нет...

— Мобилизуйте четвертую очередь резерва! Мобилизуйте весь персонал Орестской Гордой, расквартированный в улье. Раздавите их!

>

Стефан Замстак не стал возвращаться домой в Мейкполь. Ночь он провел без удобств в подблочном складе, намереваясь сначала прочистить мозги, а до дома добраться после того, как рассветет.

Когда он проснулся — серый свет дня заглядывал внутрь сквозь пустотелые кирпичи и слуховые окна, — то понял, что планам его сбыться не суждено. На улицах снаружи творилась невероятная суматоха. Везде было полно магистратов и отрядов СПО, двигающихся от квартала к кварталу, словно выискивая что-то.

До Стефана дошло, что ищут его. Они шли, чтобы взять его за то, что он сделал с тем портовым грузчиком.

Стефан Замстак тихо застонал. В голове стучали молотки, кишки горели. Во рту было так сухо, словно его набили уплотнителем для вакуум-тары. Стефан выскользнул из пахнущего плесенью склада, держась в тени мостков, идущих под провалом за Случайным Холмом. Жажду он утолил из публичного фонтанчика на углу Пилорезного Ряда, где тот сходился с лестницей в Провальную Падь. Сложив ладони ковшиком, чтобы напиться, Стефан попытался смыть кровь с костяшек пальцев и отчистить ее засохшие остатки вокруг ногтей. Одежда коробилась от засохшей крови. На темных штанах не очень заметно, но рубашка и куртка почти полностью в обличающих коричневых пятнах.

Он понимал, что на него смотрят прохожие, и поспешил уйти. Он спустился по широкой каменной лестнице в грязные подуровневые улицы Провальной Пади, где крался, пряча лицо, по узким переулкам, зажатым между задними стенами арендных жилых блоков.

Его отвращение к самому себе стало абсолютным после того, как он стащил влажный жилет и рабочую рубашку с бельевой веревки у провального жилья и убежал.

Даже подуровневые улицы кишели людьми. Стефан прятался за какими-то дрянными телегами, пока мимо не прогудел транспортер Магистратума, затем отодрал несколько гнилых фибровых досок от забора, огораживающего заднюю сторону части заброшенного жилблока, и пролез внутрь.

Здесь пахло плесенью, мочой и безнадежностью. Это место пустовало уже несколько лет. В грязной гостиной еще осталось что-то из жалкой мебели. Наверху, в чердачной спальне, стоял ржавый каркас кровати с голым, покрытым пятнами матрацем. Стефан лег, прижимая к груди краденую одежду.

Высоко наверху, под свесом крыши маленькой комнатки, он увидел останки домашнего алтаря. Над грубой потускневшей аквилой, словно газовый

полог, висела паутина. Стефан встал, подошел к алтарю и смахнул ее. На ощупь паутина напоминала шелк. Стефан дунул — и закашлялся от взметнувшегося облака пыли.

Затем преклонил колени на грубом дощатом полу.

Он думал о Кастрии, о Райнхарте и портовой бригаде, о грузчике с Танит, который вывел его из себя. Перед глазами у него стоял небольшой домашний алтарь в его квартирке в провале Мейкполь. Он вспомнил букетик цветов в крошечной стеклянной жертвенной бутылочке, который Калли меняла каждый день, ни разу не пропустив, пока не ушла.

Никакой конкретной членораздельной молитвы в голову не приходило, ни слова раскаяния, ни мольбы о спасении души, ни даже «Общей молитвы Трону», которую в школе они повторяли каждое утро.

Стефан чувствовал, что ему нечего сказать Богу-Императору, ничего такого, что имело бы значение.

Он убил человека, за ним шли, чтобы арестовать, и что хуже всего — Калли его

никогда бы не простила.

На улице в срединном улье осыпали бранью и камнями служителей и магосов Механикус. Бесчинствующая толпа разломала нескольких убогих сервиторов-посыльных. СПО принялись перекрывать кварталы и разгонять людей.

Цинк решил не открывать сегодня утром ворота Сада Достойных. Когда по лужайкам и дорожкам поползли лучи солнца, он спрятался в своей будке. На Постном Ряду бурлила озлобленная толпа. Через стену сада летели бутылки, камни, брань. Цинк пугался и вздрагивал каждый раз, как брошенный предмет портил клумбу или отбивал кусок от бюста.

Скоро придет Плетил, принесет завтрак. Тогда дела пойдут лучше. Плетил велит им всем пойти прочь, и тогда Цинк сможет взяться за уборку этого беспорядка.

— Предатель! — крикнул человек Цетберу прямо в лицо.

— Но, сэр, я просто...

— Механикусовский прихвостень!

— Сэр, я лишь...

Человек ударил его по лицу и сломал зуб. И плюнул в него. Цембер отшатнулся, вспыхнув от боли и негодования. Он вытолкал человека метлой прочь и закрыл на засов «Анатомету». Тот принялся яростно колотить в дверь магазина. Дверь затряслась.

Цембер торопливо опустил жалюзи на дверях и передних окнах. По металлическим шторкам забренчали камни. Снаружи, на восемьдесят восьмом уровне коммерции, люди сходили с ума. Они просто теряли всякий разум.

Почувствовав себя на минутку в безопасности, Цембер попытался успокоить свое старое сердце. Он выплюнул в эмалированную чашку осколки зуба и уставился на мелкие кусочки желтой кости, плавающие в розовой слюне.

— Что, Бога-Императора ради, я такого сделал? — пожаловался он, трогая ноющую дырку от зуба кончиком языка.

В жалюзи время от времени ударял

случайный камень. На прилавке были выстроены ярко окрашенные титаны: новые, с иголочки, готовые к войне. Они смотрели на Цембера, словно ожидая приказа запустить двигатели и отправиться на защиту магазина.

Открытый пикт-проигрыватель показывал общий канал. По экрану бежали данные. Постоянно повторялось слово «ересь». С дрожащими от потрясения руками, Цембер читал и перечитывал ошеломляющие новости.

— Этого не может быть, — произнес он невнятно. Слова еле шли из распухающих губ. — Так совсем не годится. Разве это может быть правдой?

Цембер поднял взгляд на поблекших кукол, рассаженных по полкам.

Они ничего не ответили. Они, казалось, отводили свои нарисованные и блестящие стеклянные глаза, как бы увидев что-то более интересное. Они словно осуждали его.

Этта Северин составляла свежий доклад, когда в дверь каюты тихо постучался Готч.

— Что такое, Готч? — спросила она, впуская его. — Главное наступление уже началось? Кругий сказал...

Готч закрыл за собой дверь каюты и задвинул засов. Это ее встревожило. Когда Готч вытащил свой пистолет и проверил заряд, сердце Северин затрепетало.

— Майор, что, во имя Трона, происходит?

— Вы не связывались сегодня с Принципалом, мамзель? — спросил он.

— Нет. Со службой связи какие-то проблемы. Я предполагала, что это из-за атмосферных помех.

— Нет, не из-за помех, — сказал майор.

— Готч, ты меня пугаешь.

Готч внимательно посмотрел на Северин. Глаза у него были холодными и темными, словно нарисованные глаза фарфоровой куклы. Шрам на правой щеке кривился такой же подковой, как в тот день, когда появился. Губы майора были плотно сжаты.

— Я сам себя пугаюсь, мамзель, — ответил Готч.

Он сунул пистолет в кобуру и перебрался к своему вещмешку, запиханному в нишу для вещей. Этта смотрела, как он вытаскивает два комплекта нательной брони и керамитовый оружейный ящик, в котором хранился разобранный хеллган.

— Вы будете в безопасности, мамзель, — говорил Готч, не прерывая своего занятия. — Я клянусь вам, как поклялся лорду-губернатору. Я буду вас оберегать.

— От чего, Готч? От чего?

Он отпер ящик своей биометрикой и начал вынимать детали оружия. Этта вздрагивала каждый раз, как очередная деталь со щелчком вставала на место. Готч собирал оружие быстро и по-профессиональному четко.

— Один Трон знает, — ответил он, целиком сосредоточившись на своем занятии. — От Механикус, возможно? Я был наверху, на мостике, с Крузием. Каналы связи сошли с ума. Что-то

случилось в улье.

— Что? — спросила она.

— Насколько я могу понять, — ответил Готч, прищелкивая на место приклад, — Механикус только что опубликовали документ, в котором они отрекаются от Императора.

— Что?.. — растерялась она. — Что ты сказал?

— Все плохо, мамзель. Кузница только что предала огласке доказательства, что наш Император — наш Император! — вовсе не их Омниссия.

— Помедленнее, майор. Ты говоришь какую-то ерунду.

Готч вытащил пистолет и протянул его ей рукояткой вперед.

— Вы умеете обращаться с оружием? Такая женщина, как вы, держу пари, должна уметь.

— Убери его и поговори со мной! — рявкнула Этта.

— Нет времени, — возразил Готч.

— Уберите пистолет, майор! — приказала она.

Готч пожал плечами и сунул

тяжелый пистолет обратно в кобуру.

— А теперь расскажи мне в подробностях, какого черта там происходит.

Готч хлопнул глазами, ужаленный столь низким словом из уст высокородной дамы. И начал очень аккуратно подбирать слова:

— Документ, старинный документ, был предан огласке в Оресте Принципал сегодня поздно ночью. Источник неизвестен, но, могу поклясться вашим прелестным личиком, он появился из Кузницы. Документ претендует на неоспоримое доказательство, что наш Бог-Император — не Омниссия, которому поклоняются Механикус. Неопровержимое доказательство, как сказал этот фриганый Кузий, прошу простить мой провальный сленг.

— Прощаю. Продолжай.

— Ну и все. Все основы имперских отношений с Механикус псу под хвост. Они заявляют — подтверждают документально, спасибо Трону, — что Император — не божество, только не для

них. Только не в их глазах. Если все пойдет так, как я думаю, то прольется немало крови.

Этта уставилась на него. Готч подождал секунду, не начнет ли она говорить, затем снова принялся за сборку оружия.

— Прекрати, — велела она, выставив руку. — Прекрати, Готч. Я не могу так думать!

Готч остановился, положив полусобранный хеллган на колени.

— Чего тут думать-то? — спросил он.

Этта покачала головой, размышляя:

— Раскол. Согласно древним преданиям, марсианские Кузницы объединились с нами лишь на том условии, что мы поклоняемся одному и тому же богу. Они признали, что наш Император — аспект их собственного божества. Мы были отдельными империями, соединившимися общей верой.

— Ага, это было тогда, — сказал он. — Теперь все пошло по мохнатке. Похоже, они теперь могут доказать, что их бог — не наш бог, а наш бог — вообще не бог. В

Кузнице полная катастрофа. Улей слетел с катушек. Везде беспорядки.

— Могу догадаться.

Готч пожал плечами:

— И все остальное. Верующие в панике. Летят камни. Адепты жгут чучела Императора на Кузнечной авеню. Наш собственный фриганый народ сжигает чучела Омниссии на Императорской площади. Бардак, мамзель. Но вы должны знать, что я буду приглядывать за вами, несмотря ни на что. Это моя работа.

— Я признательна, майор. Будешь приглядывать за мной, несмотря на что? На Кружия, например?

Готч помотал головой:

— Он в порядке. Я считаю, он вполне нормальный парень, но у него сейчас полон рот забот, как и у нас. Ему смешали все карты. Тем не менее это он велел мне спуститься сюда и обеспечить вам безопасную обстановку.

Этта уставилась на него.

— Так это ты обеспечиваешь мне безопасную обстановку? Мне еще никогда не обеспечивали безопасную обстановку.

Готч ухмыльнулся, и шрам в виде подковы уродливо изогнулся.

— Привыкайте, мамзель. Кругий беспокоится, что определенные группы на этом краупере могут не стерпеть на борту присутствия имперцев.

— А ты что думаешь? — спросила она.

Готч защелкнул ствол хеллгана на место и подключил кабель питания. Послышался неторопливый нарастающий гул.

— Я думаю, что есть мы, а есть они, мамзель.

Этта кивнула:

— Я согласна с тобой.

— Отлично, — сказал Готч.

— Замуаль, я вверяю тебе пристатривать за мной.

Готч кивнул:

— Можете не беспокоиться за свое прелестное личико.

— Когда ты так говоришь, ты издеваешься надо мной? Я прошла отоложение, как ты наверняка догадался. Ты издеваешься надо мной, майор?

— Даже в мыслях не держал, мамзель.

Тронутая, она спрятала улыбку.

— Ты говорил, что думаешь, я могу управляться с оружием. Ты думал, что я из таких женщин?

— Конечно. Из таких ведь? — поинтересовался он.

Этта кивнула. Одним плавным движением он выхватил пистолет и бросил ей. Она поймала оружие, перехватила поудобнее, подняла на уровень глаз и оттянула затвор, проверяя заряд.

— Я так и думал, — осклабился Готч.

— Меня отец научил.

— Не думал, что у вас с ним такая любовь была, — заметил майор.

— Не было. Но он знал, как убивать.

— Значит, это Провидение, мамзель, — сказал Готч. Он поднялся на ноги. Силовой ранец хеллгана свисал с его правого плеча. Собранное оружие удобно лежало в руках.

С нижних палуб краулера раздались повышенные голоса. Этта услышала крики, топот бегущих ног и грохот кулаков, барабанящих в двери отсеков.

— Значит, только ты и я, а,

Замуаль? — спросила она.

— О другом и не мечтал, мамзель, — ответил майор.

>

Солнце так медленно поднимало голову, словно у него болела шея. Пыльная буря, изгрызавшаяся над Торным Следом, стихла перед рассветом.

Калли Замстак выбила наружу дверь модульного дома. Ночью нанесло песка, и дверь заклинило. Калли вышла на улицу.

В грязном жилище у нее за спиной просыпались остатки Мобилизованной двадцать шестой. Робор по-прежнему пребывал в постоянном помрачении сознания — состоянии, в котором, Калли была уверена, умирающий принцепс общался с ним. Голла не спала, приглядывая за ними.

Снаружи свет солнца был размытым и золотым. Пыльная взвесь опускалась, распространяя запах графита, и солнце

пронзало ее лучами. Мир словно покрыли позолотой. Было тихо и спокойно.

Калли потянулась. Посмотрела на восходящее солнце и склонила голову, шепча утреннюю молитву. Когда нет алтаря, солнце тоже годится.

Сзади из дома вышел Жакарнов и уставился на белый свет, прикуривая лхо-сигарету.

— Прекрасное утро, мэм, — заметил он, возясь со своей бородой. — Какие планы на сегодня?

— Я думаю над несколькими из них. Хотите что-то предложить?

Жакарнов пожал плечами.

— В наших руках бесценная жизнь принцепса, — ответил он. — Я предлагаю идти к ближайшему улью.

— Понятно, — сказала Калли.

Дохая, словно плохо прочищенная печь, из модульного дома появился Фирстин. Жакарнов предложил ему лхо-сигарету, но Фирстин попросил лишь огонька и прикурил одну из своих вонючих черут.

— Ну наконец-то, — выдохнул он, сделав первую затяжку.

Калли сморщила нос, когда до нее долетело облачко дыма.

— Молодец вы, что нашли вчера это место, — сказала она Жакарнову.

Он словно удивился:

— Спасибо, мэм.

— Мы теперь все заодно, мистер Жакарнов, — сказала она.

— Людвин.

— Простите?

— Меня зовут Людвин.

— Значит, спасибо, Людвин.

Калли посмотрела на Фирстина, наслаждающегося куревом каждой клеточкой своего тела. Тот улыбнулся ей своими жуткими зубами и поинтересовался:

— Нет желания «ширнуть» вокс?

— Я подготовлю сообщение, — ответила Калли, демонстрируя инфопланшет.

— Очень осмотрительно, — заметил Фирстин, бросил окурок черуты и раздавил каблуком форменного ботинка. —

Давайте, значит, вместе.

Фирстин откинулся от старого вокс-передатчика и вздохнул.

— В чем дело? — спросил Иконис.

— Батареи сгорели, — ответил Фирстин.

— Сдохли, ты хотел сказать? — спросила Калли. — Мы ведь поэтому и хотели их «ширнуть».

Фирстин потряс головой:

— Нет, я хотел сказать «сгорели».

— Но вчера ночью... — начала Калли.

— Вчера ночью с ними все было нормально, — перебил Фирстин. — Я их смотрел. Они были в норме. А теперь они сгорели.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что кто-то их уже «ширнул».

Калли повернулась к остальным.

— Кто это сделал? — спросила она. — Кто сжег наш единственный работающий вокс? — Ее рассерженный взгляд переходил с одного лица на другое. — Отвечайте! Кто это сделал? Кто вел передачу? Что

передали?

— Смотрите сюда, миссис, — буркнул Фирстин. Он все еще возился у вокса. — Кто бы это ни был, он малость торопился. И кое-что оставил. — Фирстин открыл верхнюю крышку вокс-передатчика и показал на серебряный перстень, вставленный печаткой в гнездо считывателя. — Это, интересно, чье?

Он повернул перстень, отсоединил и передал Калли.

Та осмотрела кольцо.

— Это информационное кольцо, — пояснил Фирстин, — с зашифрованным ядром из секретного содержимого и настроенное так, чтобы подходить к любому стандартному порту считывателя данных. Очень дорогой приборчик. Должно быть, чей-то.

Никто не произнес ни слова, но Калли уже и сама догадалась.

— Дженни?

Дженни Вирмак, свернувшаяся калачиком в углу, повернула голову к Калли, но в глаза ей смотреть отказалась.

— Это ведь твое?

Дженни кивнула.

— Что ты натворила, Дженни?

Та уставилась в пол.

— Я слышала, как мистер Фирстин рассказывал ночью, — тихо произнесла она, — о том, как «ширнуть» вокс. Я это сделала, когда вы все спали. Мой папа дал мне кольцо. Он сказал, что с ним я буду в безопасности. Он велел им воспользоваться, если у меня возникнут неприятности. Теперь он знает, где я, и его люди смогут меня найти.

— Ты передала наше местоположение?

— Как давно, Дженни?

— Часа три назад. — Она начала плакать.

Калли опустила кольцо в карман и повернулась к остальным:

— Тот факт, что вокс сгорел, — самая меньшая из наших проблем. Три часа назад мы выдали наше местоположение.

— И кто-то нас мог услышать, — произнес Иконис.

— Любой мог услышать, — поправила

Рейсс.

Калли кивнула.

— Нам придется поторопиться, — сказала она.

Калли ушла в заднюю комнату, где сидел Робор, подключенный к принцессу на носилках.

— Робор, — тихо позвала она, — ты меня слышишь? Робор, нам нужно идти.

Робор медленно поднял на нее слегка озадаченный взгляд, словно не узнавая.

— Замстак?

— Да, Робор. Мы должны уходить. Сейчас утро. Ты сможешь идти?

Тот подумал.

— Мы слабы, — ответил он тихо, — и дыра в сердце еще не зажила. Очень много боли. Повреждения памяти и психостигматическая нервная травма. Мы были соединены, когда умер БМУ. Мы можем не выжить. Выздоровление может оказаться непосильной задачей. Мы живем лишь потому, что Робор соединил нас в одно целое, чтобы поделиться своей силой и забрать часть боли.

— Я сейчас говорю с Робором? — спросила Калли.

— Конечно. Мы Робор.

Калли почувствовала, что у нее за спиной стоит Голла.

— Он такие вещи говорил всю ночь, — сказала та. — Они стали одним существом, как сиамские близнецы. Робор поддерживает в нем жизнь, беря на себя часть травмы.

— Это не опасно? — спросила Калли.

— Это не ко мне, Калли-детка. Я занимаюсь младенцами. В них я разбираюсь. А не в этих... — она кивнула на Робора и принцепса и замолчала, не зная, какими словами выразить свое отвращение.

— Он не сказал свое имя?

Голла помотала головой:

— Имя сказал, но не свое.

— Какое?

— «Тератос Титаникус».

Это имя, припомнила Калли, называл Стефан. Это имя принадлежало одной из самых прославленных махин Легио Темпестус.

Обыскивая Торный След при свете дня, Антик, Ласко и Вульк нашли старую четырехколесную тележку позади сарая. Это был простой деревянный щит с ржавыми железными ободами на погнутых колесах, но повозка была достаточно легкой, чтобы они могли катить ее, взявшись по бокам, и достаточно крепкой, чтобы выдержать носилки.

Мобилизованная двадцать шестая выбралась из модульного дома под размытый солнечный свет и принялась наблюдать, как Вульк, Иконис и Голла устраивают носилки на повозке. Передвигающегося, словно лунатик, Робору придется идти рядом с повозкой, чтобы не разорвать соединение.

— Готовы? — спросила Калли. Несколько кивков в ответ, пара негромких откликов. Она вернулась в дом. Дженни Вирмак все еще сидела, сжавшись в углу.

— Дженни, пошли, — позвала Калли.

Дженни подняла взгляд. Глаза у нее были красные.

— Ты хочешь, чтобы я пошла с вами?

-- спросила она.

-- Конечно.

-- Но я же... я...

-- Я никого не бросаю, -- твердо сказала Калли. -- Поднимайся и собирай вещи.

Вернувшись на улицу к остальным, Калли услышала далекий рокот.

-- Это что было? -- спросил Антик.

-- Гром, -- ответила Калли.

-- Точно?

-- Будем надеяться, -- сказала она.

>

Геархарт просматривал печальные донесения из Ореста Принципал. В голове не укладывалось, что кто-то мог сделать столь скандальное публичное заявление во время кризиса планетарных масштабов.

Пагубные данные были везде. Коммуникационная структура ульевой зоны была практически парализована потоками информации. Бессчетное

количество людей пыталось инкантировать исходные данные и изучить их собственнолично. Они выгружали комментарии, ответы, запросы аутентификации, призывы к оружию, отчаянные взывания к здравому смыслу, испуганные вопли доктринальных терзаний и мольбы к наставлению и спасению души.

Ноосфера Кузницы стала практически некантируемой. Магосы и адепты, целые подразделения и отдельные специалисты оказались втянуты в яростные и совершенно глупые ноосферные дебаты. Не было никакого порядка, лишь противоречивые потоки данных — кипящий водоворот информации и мнений, комментариев и угроз, упреков и оскорблений. Формировались фракции, и Геархарт прочел как минимум дюжину открытых угроз применить насилие, однако что-то стоящее выудить из урагана информационного шума было очень трудно.

Геархарта встревожили эти открытия. Ни один служитель Механикус

не мог остаться равнодушным к смыслу, который несли откровения, но внимание Геархарта было целиком занято походом и его успешным исполнением. Столпотворение, охватившее ульи, которые Геархарт пытался защитить, снижало эффективность его войск. Улей и его дочерние поселения могли лишиться действенной поддержки как в смысле материальных ресурсов, так и в плане координированных ответов военными средствами. Жизненно необходимые источники тактических данных из Принципала, включая доступ к «Враждебному каталогу» Аналитики, стали обрывочными. Более того, чрезмерное использование коммуникационных сетей и ноосферы оказывало влияние и на манифольд. Хоть и являясь отдельной системой, манифольд обслуживался коммуникационной структурой ульевой зоны, и менее чем за два часа скорость потока и время отклика упали на два процента.

Неприемлемо. Просто неприемлемо.

И в довесок ко всему новость привела

в замешательство его экипажи. Информация распространялась по легио через эшелоны сопровождения, через войска скитариев, через вспомогательную бронетехнику — к экипажам махин.

А день начинался так многообещающе.

На рассвете «Инвиктус Антагонистес» возглавил поход к улью Аргентум. Пять ударных групп, общим числом в двадцать восемь махин, перешли в наступление. Махина Геархарта возглавила первую группу, «Дивинитус Монструм» Бормана — вторую, «Сикариец фаэро» — третью, а «Владыки войны» Темпестуса «Орестес Магнификат» и «Кулладор Браксас» удостоились чести командовать четвертой и пятой. Семьдесят два процента наземных войск Лау, усиленных колоннами скитариев Темпестуса, наступали вместе с махинами. Второй авангард, ведомый «Аякс Экзельсус» — бывшей махиной Левина, поднимался из Гинекса на юг, чтобы поддержать наступление на

подходах к Аргентуму.

Ударные группы Геархарта вышли из Гокса при первых лучах солнца и двигались средним шагом в районы Церомихи, за которые шли непрерывные тяжелые бои. После короткой паузы, когда катафрактарии Дорентины вступили в артиллерийскую дуэль с вражескими наземными войсками, наступление набрало скорость. В извилистых проходах комплекса тяжелого машиностроения «Борома Конструкт», раскинувшегося на пятьдесят гектаров у Проспекторского шоссе, пролилась первая за день настоящая кровь. «Филопос Маникс» Стента Расина, за которым по пятам следовал «Пес войны» «Предок Морбиуса», столкнулся с «Владыкой войны» Архиврага и разнес его на куски. Менее чем через десять минут «Венгесус Грессор» доложил об убийстве махины, а затем «Люпус Люкс», принцептура Кругмала, как настоящая умелая и верная охотничья собака, подкрался и спугнул пару вражеских «Разбойников», которые прятались в

развалинах поковочных мастерских неподалеку от шалтарского ответвления от главного шоссе. «Люпус Люкс», быстрый и настойчивый, как и любой «Пес войны» легио, выгнал их на открытое пространство при мастерской поддержке заградительным огнем «Дивинитус Монструм» с дальней дистанции. Первый вражеский «Разбойник» подбили орудия «Амадеус Фобос» на главном шоссе. Это была кровавая и громкая смерть. Второй «Разбойник», сильно забирая к западу в попытке оторваться и уйти к Гоксу, на полном ходу выскочил прямо в зону поражения Геархарта, и тот прикончил его без всякого сожаления.

Настроение было отличное: четыре победы меньше чем за сорок минут — и путь на Аргентум открыт.

А затем до них дошли внезапные известия.

Все наступление замедлилось практически до черепашьей скорости — каждый ясно представлял себе значимость и возможные последствия таких новостей.

В лучшем случае то, что произошло накануне ночью в Оресте Принципал, являлось подрывным актом контрпропаганды, предназначенным сбить с толку и разъединить силы имперцев и Механикус. В худшем это был кризис веры в процессе назревания — раскол, который мог закончиться разделением Терры и Марса и, как следствие, позволить Архиврагу человечества выиграть не только эту войну, но и все войны вообще.

Это была потенциальная Ересь, оскорбляющая все, что Империум и Механикум вынесли вместе, и в том числе — последнюю великую Ересь, которая едва не уничтожила обоих. Геархарт знал это слишком хорошо. «Инвиктус Антагонистес» был там, и воспоминания о той жестокой и бесчестной эпохе все еще пятнали самые темные и дальние уголки БМУ.

Иногда Геархарт думал, не эти ли воспоминания способствовали его собственному неизбежному наступлению тьмы?

Ему стало не по себе — и сейчас над

ним нависала тьма. Он чувствовал себя всеми этими механизмами, всеми маслами и сплавами — и остатками плоти этого... как его звали-то? Пьетора Геархарта, вот как... Эти остатки плоти Пьетора Геархарта перемалывались сейчас сцепленными черными зубчатыми колесами.

— Сигнал стоп машина — всем группам! — приказал он через аугмиттеры.

— Есть стоп машина всем группам! — ответил его модерати.

«Инвиктус Антагонистес» с глухим грохотом остановился, системы перешли в ждущий режим.

Внутри своего резервуара Геархарт пытался стряхнуть темноту. Он не мог вспомнить имени собственного модерати. Он не мог вспомнить имени собственного модерати.

— Зофал?

— Да, мой принцепс? — откликнулся рулевой.

— Молодец, Зофал. Молодец. Держись наготове.

Значит, не Зофал. Черт возьми! Я не

хочу кончить вот так. Я не хочу потерять себя вот так.

— Бернал?

— Да, мой принцепс?

Слава богу! Его зовут Бернал. Конечно, Бернал.

— Подойди сюда, — попросил Геархарт. — Давай поговорим.

Бернал отсоединил крепления и выбрался из кресла. Геархарт заметил, как он обменялся незаметными пожатиями плеч с рулевым и сенсори.

Они обеспокоены мной и моими странностями. Думают, что я схожу с ума и просто пытаюсь удержаться на плаву.

Бернал подошел к раке и встал по стойке смирно.

— Вольно. Можешь не напрягаться рядом со мной. Как давно ты друзья?

Бернал замешкался.

— Полагаю, я пробыл вашим модерати эти восемь лет и рулевым — двенадцать до этого, мой принцепс.

«Ты говоришь мне о своем послужном списке, Бернал, — подумал Геархарт. —

Чего ты не говоришь, так это что мы никогда не были друзьями. Мы никогда не могли быть друзьями. Я служу тебе, и ты мой принцепс! Что ж, ты мне нужен, Бернал. Мне нужна твоя человечность, чтобы я сам оставался человеком. Я не уйду, как Каринг. Я не уйду, воля, как он, забыв свое собственное имя».

— Экипаж обеспокоен, я полагаю?

Бернал пожал плечами:

— Новости тревожные, мой принцепс.

— Конечно. Но мне нужно, чтобы вы сохраняли сосредоточенность, все вы. Передай это остальным и напомни им, как я ценю их мастерство.

— Слушаюсь, мой принцепс.

— Новости, распространенные сегодня, Бернал, — вещь возмутительная, я знаю. Но они не касаются махин.

— Не касаются, мой принцепс? — переспросил удивленный Бернал.

Геархарт кивнул:

— Нет. Не касаются сейчас, когда мы при исполнении. Сражение — вот что должно занимать наше внимание. Мы не можем позволить этой беде расстроить

нашу игру. Ты понимаешь?

— Да, мой принцепс.

— Эти заявления могут быть правдой, а могут и не быть. Не нам решать, Бернал. Мы люди махин. Мы оставим такие вопросы ученым и магосам. Мы просто должны сосредоточиться на своей работе и выполнить ее.

— Да, мой принцепс. Но...

— Но что? Говори открыто, Бернал.

Модерати Бернал явно чувствовал себя не своей тарелке.

— Что если это правда, мой принцепс? Что тогда?

Геархарт осклабился:

— Тогда нам, возможно, придется драться еще в одной войне, когда закончится эта, друг мой. Так что давай будем заниматься ими по очереди, хорошо?

Бернал улыбнулся и кивнул:

— Конечно, мой принцепс.

— Я хочу провести совещание с другими ударными группами. Пока я буду этим заниматься, займи экипаж, а потом выдай мне самую свежую тактичку, что есть в манифольде. Это все. Молодец,

Зофал.

— Бернал, сэр. Я Бернал.

Геархарт попытался выкрутиться:

— Конечно. Ошибка аугмиттера. Я прошу прощения, Бернал. Голова занята сотней разных дел.

— Не нужно извиняться, мой принцепс, — ответил Бернал.

— Очень хорошо.

Бернал вернулся в свое кресло.

Черт, черт, черт! Такое — прямо ему в лицо. Черт! Я отказываюсь тонуть. Я — отказываюсь!

Геархарт активировал манифольд и пооткрывал каналы связи отработанными гаптическими жестами — руки порхали в теплой жидкости. Через несколько секунд виртуальный контакт был установлен с Борманом, Кунгом, Крузием, Лау и Ковеником.

<Итак, мои чертенята, что мы думаем обо всем этом?> — прокантировал Геархарт.

Если не обращать внимания на легкое подрагивание гололитических

изображений, все пятеро словно вживую стояли вокруг его раки.

<Будут большие неприятности>, — прокантировал Борман.

<Безусловно>.

<Я считаю, что это проделки Архиврага, — прохрипел Лау. — Нет ли каких-то доказательств, что это информационная диверсия, задуманная, чтобы подорвать наши силы?>

Геархарт пожал плечами:

<Кругий?>

Изображение Кругия было прачным и настороженным.

<Мой фамулюс был в Аналитике, когда произошло это возмутительное событие, господин. Я велел ему установить источник и происхождение данных — силой, если будет необходимо. На данный момент нет никаких признаков, что это работа врага. Системы и сети Кузницы надежно защищены>.

<Ясно>.

<Мы приостанавливаем поход, сэр?> — прокантировал Борман.

<Ты когда-нибудь слышал, чтобы я

отказался от боя, первый принцепс?» — прокантировал в ответ Геархарт, свирепо ухмыляясь.

«Нет, принцепс максимус, не слышал», — без обиняков откантировал Борман, возвращая ухмылку.

«Тогда ты сам ответил на свой вопрос. Мой дорогой магос навис, что ты можешь сообщить?»

Изображение Ковеника, главы флота Инвикты, транслировалось в манифольд с его корабля, находящегося на низкой орбите. Ковеник был старым, бородатым, пухлым мужчиной, череп которого усеивали аугментические имплантаты. Он был лучшим главой флота, которого когда-либо знал Геархарт.

«Флот рассредоточен, господин, — прокантировал в ответ Ковеник. — Я держу резервы наготове. Они могут высадиться по вашему приказу через два часа. Я взял на себя предосторожность геосинхронизировать нашу главную эскадру крейсеров над Орестом Принципал».

Геархарт кивнул:

«Ты предвосхитил мою просьбу,

Ковеник. Именно об этом я и собирался попросить>.

Ковеник улыбнулся и смиренно поклонился.

<Стягивай весь флот, Ков, старый ты черт. Мы, может, и не могучий Имперский Флот, но больно сделать можем. Наметь цели во всех ключевых локациях ульевой зоны и заряжай главные батареи>.

<Слушаюсь, милорд. Вы ждете, что неприятностей прибавится? От наших?>

Геархарт вздохнул:

<Я не хочу пройти с Легио Инвикта это исполнение, а потом обнаружить за спиной вспыхнувшую гражданскую войну. Данные, что опубликованы, — это подстрекательство. Они уже вызвали гражданские беспорядки в ульях, а дальше может стать еще хуже. Если имперские фракции почувствуют за этим угрозу с нашей стороны...>

<Я понимаю, сэр>, — прокантировал Ковеник.

<Не только имперцы>, — тихо намекнул Кунг.

Все повернулись к принцепсу «Сикарийца фаэро». Тот неуверенно пожал плечами:

<Я заметил, что вы собрали здесь всех нас, но не пригласили принцепсов тахин Темпестуса>.

<И почему бы это, Вансент?> — спокойно осведомился Геархарт.

Кунг нахмурился:

<Я полагаю, по причине расхождений в наших верованиях, господин. Легио Проксима всегда верили в безусловную божественность Императора как Омниссии. Мне дали понять, что Кузница Ореста с этим не согласна. Они уничижительно называют наши верования «новым путем». Кузница Ореста учит идеям, что Бог-Император и Омниссия — вовсе не одно и то же>.

<Я знаком с их онтологической позицией, Вансент>, — прокантировал Геархарт.

<Данные, опубликованные сегодня ночью, — если они достоверны — доказывают их точку зрения и подтверждают истинность их учения.

Если все так обернется, то, не подчинившись и не отрекшись от своей веры, мы можем быть сочтены еретиками. И следовательно — противниками>.

<Такая мысль уже приходила мне в голову, господин>, — прокантировал Кругий.

<Она приходила всем нам, Кругий, — отрезал Геархарт. — Мы должны быть готовы защищать свою веру. Если эти данные толкнут нас к гражданской войне, ты увидим не только войну имперцев против Механикус. Сам Механикус будет разрезан по живому. Ковеник?>

<Милорд?>

<Отправь краткое изложение проблемы как можно быстрее на Марс. С моей печатью>.

<Господин, я уверен, что о ситуации уже сообщили...>

<Но не мы. Изложи факты и сформулируй нашу позицию. Срочно запроси, чтобы магосы Марса немедленно изучили вопрос в деталях и сообщили о своем решении и выводах непосредственно тебе для моего рассмотрения>.

<Сейчас же займусь этим, господин>, — прокантировал в ответ Ковеник.

<Экзекутор?>

<Милорд?>

<Вырази мою поддержку лорду-губернатору. Заверь Алеутона, что Механикус не собирается бросать Орест на произвол судьбы>.

<Механикус, господин?>

<Я тебя понял. Тогда Легио Инвикта. И вырази мое неудовольствие адепту сеньорус Имануалу. Передай ему, что я жду, что он приведет свою Кузницу к порядку. Паника должна быть остановлена и взята под контроль. Передай ему, что в противном случае мое неудовольствие перерастет в гнев>.

Изображение Кругия кивнуло.

<Это все, господа. Идем дальше>.

Махины возобновили свое тяжеловесное движение. Почти сразу же «Предок Морбиуса» совершил еще одно убийство — выскочивший вражеский «Пес войны», который попытался сбежать через чистое место за двумя разбомбленными

мануфакториями, был мгновенно и безжалостно свален.

Геархарт подключился через манифольд и воспроизвел запись орудийной камеры «Предка». Отклик воспроизведения запаздывал почти на три процента. Геархарт смотрел, как пал вражеский «Пес войны», сперва подбитый в ноги огнем «Предка Морбиуса», когда попытался сбежать, а затем, подорванный, он лежал, ворочаясь на боку, поврежденный слишком серьезно, чтобы снова встать. Макс Орфулс был чертовски хорошим принцепсом. Ни пощады, ни лишних движений. Точность его смертоносных выстрелов была просто феноменальной.

Геархарт взмахом вывел из буфера в поле зрения свою копию еретических данных. Он изучал ее, озадаченно и любопытствующе. Данные были похожи на подлинник, однако Геархарт оставлял подобные определения ученым экспертам.

Если данные окажутся правдой, то все, во что он верил, будет повергнуто, и культуры Человечества и Механикус будут повергнуты вместе с ним.

— Только что пришел приказ возобновить движение, мой принцепс! — выкрикнул сенсори.

Руфус Джослин, принцепс «Орестес Магнификат», шевельнулся внутри амниотической раки и поднял голову.

<От кого приказ?> — прокантировал он.

— От лорда Геархарта, мой принцепс.

Джослин впустил манифольд, гаптически отодвинув копию опубликованных данных, которую изучал до этого.

<Подтвердите получение приказа. Полный вперед!>

<Есть полный вперед!>

Джослин являлся первым принцепсом Легио Темпестус и с момента кончины неделю назад своего принцепса максимус Сорлана Вейкота был назначен временно исполняющим обязанности командующего всем оставшимся составом титанов Кузницы Ореста. Исключительный

махинный офицер, Джослин был преуспевающей личностью, на восемьдесят процентов бионической и непоколебимо твердой в своей вере.

Данные, которые распространила Кузница минувшей ночью, были ободряющими, наставляющими, освобождающими. Наконец-то истина. Больше никаких раскольнических вопросов, никаких дебатов, никаких споров. Проверенная, неопровержимая истина. Галактика вскоре изменится к лучшему. Настала пора Марсу подняться к своему господству.

Джослин понимал, что процесс этот будет болезненным и трудным, но Механикус достаточно прожил под властью Терры и ее наглого Императора. Машинные духи наконец-то возликуют. Ложь будет повергнута.

<Модерати Гленик?>

— Здесь, мой принцепс!

<Будь добр, подготовь расчет поражения махин Инвикты, пока мы идем>.

Гленик замялся:

— Махин Инвикты, мой принцепс?

<Ты слышал меня, модерати>.

— Но зачем, мой принцепс?

<Истина была открыта, модерати. Механикус стоит на пороге новой эры, и Легио Инвикта, как ни больно мне это говорить, может не принять эту новую эру без боя. Так давайте позаботимся — тихо — о том, чтобы быть готовыми дать им этот бой>.

>

— Зачем ты это сделала, Калиен? — спросил Файст.

Та пожала плечами:

— Книга должна была стать известна всем.

— Ты хоть представляешь себе, что натворила, адепт? — спросил Иган.

— Да, и мне все равно, — ответила Калиен. Она сидела в кресле в помещении для частных бесед, напряженно сложив руки на груди и ни на кого не глядя.

<О, я думаю, что все-таки смогу сделать так, что тебе будет не все равно, адепт>, — проговорил через аугмиттеры Соломан Имануал, входя в комнату.

Адепт Калиен побледнела при виде адепта сеньорус. Она соскользнула с сиденья и опустилась на колени.

<Встань, девочка>.

— Нет!

— Твое неповиновение когда-нибудь кончится, ты, глупый, мелкий шунтированный металлолом? — зарычал Иган. — Встань, когда тебе говорит адепт сеньорус!

<Оставь ее, Иган>, — приказал Имануал и выставил манипулятор, призывая к тишине.

С почтительной поддержкой Файста адепт сеньорус согнулся рядом с объятой страхом девушкой.

— Калиен? — прошептал он, переходя на плотский голос. — Калиен, ты совершила ужасную вещь. Я, пожалуй, понимаю, зачем ты это сделала, но — последствия... Только Трон знает, как далеко это зайдет.

Калиен ничего не ответила.

Файст осторожно поднял немощного адепта сеньорус на ноги.

— Позвольте мне поговорить с ней, господин, — предложил он.

Итануал кивнул и опустился в кресло, освобожденное Калиен. Файст уселся на пол рядом со сжавшейся фигуркой всхлипывающей Калиен.

— Хватит, — велел он. — Я думал, ты сильная. Ты изводила меня в Аналитике, как последняя сволочь. Файст это, Файст то. Я считал, что в тебе есть стержень.

Калиен рывком подняла к нему лицо — глаза у нее были мокрые, из носа текло.

— Есть! И потверже твоего, Файст! Ты трус, раз не сделал этого сам. Ты не понимаешь, что ты нашел?

— Размышление: да. И поэтому я обратился с вопросом прямо к нашему владыке адепту сеньорус.

— И зачем тебе понадобилось вообще что-то спрашивать? — презрительно усмехнулась она.

— Со столь деликатными данными...

— Мы — Механикус! — оборвала она. — Данные либо есть, либо их нет! Истина или мусорный код! Знание — это двоичное состояние! Нет никаких промежуточных значений, над которыми мы должны совещаться и спорить. Если мы нашли истину, она должна быть рассказана!

— Чью истину, Калиен? — спросил Файст. — Какую истину? Кто это решает?

— Мы решаем! — прошипела она.

— Ты увидела данные, которые обнаружила Лунос. И украла их с моего рабочего стола.

— Какое это все имеет значение? То, что я шпионила за тобой и влезла в твои секреты? Это преступление бледнеет перед твоим преступлением. Ты скрыл то, что, безусловно, должно было стать известно всем!

— И ты распространила их?

— Да что с тобой такое? Это — истина. Подтвержденная истина! Мы жили в тени Императора слишком долго!

— Мы находимся в самом разгаре войны, Калиен, — мягко сказал Файст. —

Ты не подумала, что сейчас не самое лучшее время, чтобы раскрывать разжигающие вражду заявления?

— Нет, я...

— Тогда ты просто наивна. Истина эти данные, как ты заявляешь, или нет — их раскрытие снова открыло раны раскола внутри Кузницы — и между Механикус и имперцами. Ты ослабила и разъединила нас перед лицом Архиврага. Мы можем проиграть. Мы можем не выжить.

— Но...

— Это был всего лишь старый документ, Калиен, — сказал Иган.

— Дополнение: он не был проверен, — сказал Итануал. — Старые документы полны лжи. Я знаю, я повидал их на своем веку. Они полны лжи.

— Это вы полны лжи! — заворчала она, отводя глаза. — Он был признан абсолютно подлинным. Никакой лжи, только истина!

— Ты обманула мое доверие, — сказал Файст.

Калиен прямо взглянула на него. Она горела уверенностью в собственной

правоте, но в ней было что-то еще — что-то, что начинало разрушать ее вызывающий вид. Файст видел это в ее глазах и дрожании губ.

— Мне плевать на вас, — сказала она. — Я сделала это во имя Деус Механикус. Я сделала это во имя нашего бога.

Имануал повернулся к Игану:

<Я услышал достаточно, Иган. Пресеките распространение данных. Сотрите их — с максимальной интенсивностью, если потребуется. Дайте указания магосам-пробандам проследить за чисткой. Вычистите наш дом и прикажите скитариям подавить — силой, если придется, — любое сопротивление. Я хочу, чтобы Кузница и улей были приведены к спокойствию в течение часа и...>

— Она действовала не одна, — тихо произнес Файст.

— Что ты сказал, адепт? — переспросил Иган.

Файст умолк. Он сидел на жестком металлическом полу рядом с Калиен, спрятавшей лицо в ладонях.

— Она не справилась бы одна. Кто-то снабдил ее средствами, способными украсть данные с моего рабочего стола. Кто-то использовал ее.

— Адепт Файст, — сказал Иган, — это серьезное обвинение.

Дверь позади них открылась, и в комнату вошел магос Толемей, глава архивов. Его сопровождали четверо грозных воинов-скитариев под предводительством Энхорта, экзекутора-фециала Легио Темпестус.

<Адепт сеньорус, я хочу знать, что вы делаете с моим адептом, — отрывисто прокантировал Толемей, указывая манипулятором на Калиен. — Я не потерплю, чтобы на моих глазах притесняли моего подчиненного>.

Итануал устало поднял на него глаза:

<Это она, Толемей. Она — та, кто запустил эту панику. Высказывание: как ты смеешь являться сюда, да еще с моими скитариями?>

<С вашими скитариями? — неприятно улыбнулся Толемей. Его кант звучал резко и грубо. — Добро пожаловать к истине и

будущему!>

Толемей подал знак. Скитарии по обе стороны от него подняли оружие и взяли на прицел адепта сеньорус.

— Ну наконец-то, Толемей! — произнес Иган.

Во второй половине Дня Откровения погода переменилась, придя на помощь выбивающимся из сил властям. На главный улей обрушились грозовые ливни, вспенив темно-серые небеса и превратив улицы верхних уровней в залитые водой зеркала.

Дождь лупил по каждой крыше и водостоку, по крытым переходам и башням. Он затопил все сточные желоба и сливные решетки, из-за чего вода хлынула обратно из ливнеотводных каналов. Дождь падал на верхний улей и на нижний, и его пелена застила открытые пространства, даже Марсово поле и Кузнечный парк. Это было похоже на выражение горести, обрушившейся в этот день на Орест, как заметил один из магосов.

Сила и продолжительность ливня остановили и разогнали многие

манифестации. Толпы на храмовых площадях рассосались — люди расходились или искали укрытия среди колоннад и в других крытых местах. Вода успокоила их рвение. Дождь погасил огонь в уличных бочках и загнал протестантов и мятежников под крыши и в нижние уровни улья. Войскам СПО и Магистратума, одетым в дождевики, удалось очистить многие кварталы и восстановить общественный порядок — по крайней мере временно.

Грозы не предсказывало ни одно метеорологическое сканирование, ни одно наблюдение за климатом. День ожидался ясным и солнечным. Дождь застал врасплох продвинутые комплексные климатографические системы улья. Когда адепты и магосы Метеорологии сумели оторваться от горячих споров над Откровением достаточно надолго, то пришли к выводу, что несезонные ливневые грозы стали следствием причудливой атмосферной физики и химии, вызванной каким-то неведомым феноменом — к примеру, пыльной бурей в Астроблеме

прошлой ночью или конденсацией сажи и частиц нефтехимического дыма, скопившегося над зоной боевых действий.

Они оказались правы насчет природы ливневых гроз, но ошиблись в их причине.

Ливень барабанил по площади у северо-западного входа в Кузницу.

— Ждите меня здесь, — велел Зонне четырем своим спутникам.

Он накинул на голову куртку и выскочил под сыплющийся из затянутого тучами неба дождь, виляя меж кипящих луж, усеявших площадь.

Добравшись до огромного портика входа, он успел вымокнуть до нитки. Войдя под крышу, Зонне стряхнул куртку и вытер лицо. Путь ему преградил скитарий. Зонне махнул своей биометрикой.

<Доступ запрещен!> — выдал инфоговоркой воин.

— Прочитай еще раз, — велел Зонне. — Я фамулюс экзекутора-фециала Инвикты. Прошу аудиенции с адептом сеньорус.

<Этот видит, кто ты, — отозвался

скитарий сжатым потоком кода. — Доступ запрещен>.

Скитарий был крупным, на полторы головы выше Зонне. Оружейная конечность его была активирована, и он держал ее наготове. Экзотические доспехи демонстрировали элементы расцветки и отделки, в которых Зонне распознал принадлежность скитария к Легио Темпестус Ореста.

— Ты, по-моему, не понял... — начал Зонне.

<Ты не способен инкантировать мою директиву, фамулюс экзекутора-фециала Инвикты? — ответил воин. — Проход закрыт для всех посторонних>.

— А в Аналитику? Пропусти меня в Аналитику. К адепту Файсту или магосу Игану. Дело касается войны, солдат. Ты препятствуешь легио в защите Кузницы.

<Проход закрыт для всех посторонних>.

Зонне вздохнул и попытался разыграть свой последний козырь:

— Как ты обозначаешься, скитарий? Мне нужно твое имя. Энхорт и старшие

магосы узнают о твоем проступке.

<Я обозначаюсь Колоба-111010:1101-альфа-штрих-приставка-1101>.

— Принято к сведению, — бросил Зонне, понимая уже, что козырь его бит. Он снова накрыл мокрой курткой голову и бросился обратно сквозь дождь к своим спутникам, которые ждали под укрытием роккритового перехода.

— Облом.

<Эта боевая единица бросила вызов вашему авторитету, фамулюс? — спросил Карш. — Позвольте мне убить его за вас>.

— Не спеши, солдат, — ответил Зонне массивному скитарию Инвикты, в которого Крузий загрузил программу старшего телохранителя.

<Но это проявление неуважения к вам, фамулюс!> — пророкотал кодом Карш. Прицельные огни на его модифицированном оружии мигнули, встроенные заряжатели защелкали.

— Да, так и есть, — признал Зонне.

Двое подчиненных Карша — Люкс-88 и Сефлар — в унисон угрожающе защелкали

своими заряжателями.

— Хватит! — велел им Зонне. — Успокойтесь!

Трое скитариев утихли. Капли дождя стекали по их огромным наплечникам и точили поникшие плюмажи перьев. Зонне глянул на своего четвертого спутника — изящного сервитора связи Облигану.

— Фамулюс? — прозвучало из ее аугмиттеров.

— Я думаю.

— Вы посмотрели на меня. Желаете наладить связь?

— С кем, Облигана?

— Перечисляю варианты: вокс-система, ноосфера, экзекутор Кругий.

— Ты можешь соединить меня хоть с одним из перечисленного?

Облигана на минуту погрузилась в свои буферы, обтирая механодендритом капли дождя с высокого белого лба.

До Зонне донеслось тихое трепетание инфокода.

— Нет, фамулюс, я не могу ничего из перечисленного.

— Тогда зачем ты меня спрашивала?

— Я пыталась услужить, фамулюс, — ответил сервитор.

Зонне улыбнулся:

— Благодарю, Облигана. Мы все сейчас в несколько затруднительном положении.

Он понимал, что вообще не надо было покидать Аналитику. Когда распространились данные, системы связи оказались целиком забиты. Зонне увел свой эскорт скитариев и языкового сервитора из Кузницы в надежде получить приличный ноосферный сигнал на Марсовом поле. Ему это удалось, и он обстоятельно поговорил с Крузием. Это было несколько часов назад. А теперь он не мог ни связаться с кем-нибудь, ни вернуться обратно в Кузницу.

Блокирование сигнала можно было объяснить грозовыми помехами и царящим кризисом. Но ничто, кроме самых тревожных догадок Зонне, не могло объяснить перекрытый вход.

<Мы можем пробиться внутрь при

помощи оружия, фамулюс>, — предложил Люкс-88.

<Согласен, — прокантировал Тефлар. — Мы можем пробиться внутрь и сжечь препятствующих скитариев Темпестуса. Мы можем бить и стрелять...>

<Я заберу с собой многих, фамулюс>, — похвастался Карш.

— В этом я не сомневаюсь, Карш, — ответил Зонне. — Посчитай мне тактичку. Насколько далеко ты пройдешь?

Карш принялся за вычисления. В его глазах пульсировала горячая желтая злоба.

<От восемь точка шесть до восемь точка девять метров после входа. До нашего уничтожения ты заберем с собой от двенадцати до семнадцати скитариев Темпестуса>.

Зонне вздохнул:

— Пять баллов за попытку, парни, но не думаете ли вы, что я хочу пройти от восемь точка шесть до восемь точка девять метров после входа?

<Вы, вероятно, хотите пройти дальше>, — выдал инфоговоркой Люкс-88.

— Верно. До самой Аналитики или в канцелярию адепта сеньорус. Насколько это далеко?

<Аналитика: девятьсот четыре точка шесть метра>, — сообщил Люкс-88.

<Канцелярия сеньорус: тысяча пятьсот шестьдесят девять точка два метра>, — добавил Тефлар.

— Понимаете, о чем я? Ни туда, ни туда мы малость не доходим. Но спасибо за проявленную храбрость.

<У меня есть автоматический гранатомет!> — гордо заявил Тефлар.

— Отлично. Насколько это повлияет на результаты, Карш?

<Вычисления: мы пройдем от пятнадцать точка пять до семнадцать точка три метра после входа. Мы заберем с собой от пятидесяти до пятидесяти пяти скитариев Темпестуса до нашего уничтожения>.

— Так, давайте округлим. Уже лучше, но все равно мало. Согласны?

Три скитария недовольно пробурчали подтверждение.

Послышались раскаты грома. Дождь усиливался. Все пятеро сгрудились теснее под укрытием роккритового перехода. Зонне, прислонившись спиной к мокрой опоре, наблюдал, как собирающаяся дождевая вода барабанит с крыши перехода по плитам. Капли словно отбивали ритм.

Кап, кап, кап...

— Облигана?

— Да, фамулюс?

— Каков уровень гаптики?

— фамулюс?

— Гаптики, Облигана! Все так заняты, используя вокс, пикт-каналы, прямые передачи ноосферы. Держу пари, никто не пользуется старыми гаптическими каналами. Никто не пользуется пальцевым кодом в наши дни, пока не прижмет!

Облигана замолчала. Ее пальцы задергались, словно паучьи лапки — деликатные и осторожные.

— Все низкоуровневые каналы гаптики и непосредственного ввода кодов достаточно свободны, фамулюс, — доложила она.

Лицо Зонне растянулось в усмешке.

— Отправь адепту Файсту вот это, — начал он. Затем поправился: — Нет, знаешь что... отправь этот кодовый приказ на все каналы.

Его пальцы принялись печатать под дождем на невидимой клавиатуре. Пальцы Облиганы в точности повторяли каждое движение Зонне.

— Командное управление, экзекуторфециал, Кругий, — бормотал Зонне, печатая по воздуху и проклиная свою немодифицированность. — Ты принимаешь, Облигана?

— Да, сэр.

— Отмена, Кругий двенадцать максимальный девять.

— Отправляю: отмена, Кругий двенадцать максимальный девять, — эхом отозвалась она.

Все пятеро вошли под портик северо-западного входа. Колоба-111010:1101-альфа-штрих-приставка-1101 «обнюхал» биометрику Зонне и взмахом руки пропустил их внутрь.

— Держать ухо востро, — тихо велел Зонне, когда они вошли в Кузницу. — Сейчас начнется самое интересное.

>

«Доминатус Викторикс» шагала из Гинекса на северо-запад вместе со вторым фронтом. Главные ударные группы Красной Фурии подходили к Аргентуму, а второй фронт под командованием принцепса Левина на борту «Аякс Эксцельсус» отставал уже почти на два с половиной часа, расчищая южные подходы.

Махины и вспомогательные части скитариев шли через обширные разбитые войной пространства Шалтарской перерабатывающей зоны. Махины двигались с широкими интервалами — не меньше километра одна от другой, а иногда и больше пяти, и, хотя день был ясным, а видимость — превосходной, все выставили оптику и аусники на максимум. Начиная с третьей недели

войны в Шалтарских пустошах засело большое количество вражеских махин, особенно быстрых, специализирующихся на поиске и уничтожении и противомахинной борьбе, — так что никто не хотел рисковать.

Поступление оперативных данных из улья Принципал, особенно из «Вражеского каталога», весь день было обрывочным.

Тарсес знал почему. Все видели опубликованные данные.

Ночная победа укрепила доверие экипажа друг к другу, а когда к рассвету улеглась буря и они вновь обнаружили «Танталаунт Страйдекс», боевой дух на борту едва не хлынул через край.

«Страйдекс» ходил кругами всю ночь, пытаясь их найти. Его застала врасплох и вынудила отклониться с курса вражеская махина, которую «Виктрикс» позднее убила. Принцепс Терон прислал свои поздравления Принцхорну. «Страйдекс» получил некоторые повреждения в стычке, но не настолько серьезные, чтобы идти обратно к башням. Терон заявил, что

способен воевать, и они поспешили дальше вместе.

На рассвете обе махины получили указания от «Аякс Эксцельсус» присоединиться к марш-броску второго фронта и двинулись крейсерским шагом через Лексал с величественным пиком горы Сигилит, снежно-белым в малиновом рассветном небе. Тот медленно поворачивался по правому борту, пока не стал похожим на кромку плоского лезвия.

К тому моменту экипаж полностью осмыслил последствия данных, преданных ночью огласке в улье.

Тарсес считал, что данные были фальшивкой, призванной посеять распри, и частью атаки мусорного кода Архиврага, вливающей яд дезинформации в информационные системы союзников. Однако он держал свое мнение при себе. Принцхорн со своим фамулюсом явно были рады новостям. Они трепались друг с другом по частному каналу, и Тарсес чувствовал их возбуждение: данные подтверждали самую суть орестских

верований.

Сидящие по обе стороны от него в креслах, установленных в подбородке титана, Анил и Кодер говорили мало. Как и Тарсес, оба встретили публикацию с тревогой. Тарсес надеялся, что у них хватит здравого смысла понять, что данные эти как есть — сплошная ложь.

Первое доказательство, что поход на Аргентум не пройдет без помех, обнаружилось среди конструкций очистительной установки Шалтарского 18-го вспомогательного комплекса. Две вражеские махины — «Разбойники», судя по краткому следу на аускике, — устроили засаду среди разбитых и усеянных пробоинами гироангаров рафинера, используя металлические конструкции и близлежащие богатые рудой терриконы в качестве заслона от оптической разведки и сканирования аускиками. Внезапной атакой они застали врасплох «Пса войны» «Марциал Нокс» и повредили его ракетным огнем, когда тот вошел в западню.

Экипаж шедшей в двух километрах сзади «Виктрикс» видел, как все произошло. Частые ослепительные ракетные залпы проявились на приборах острыми зазубринами и яркими пятнами выбросов тепла. Вспышки света Тарсес, как ни странно, заметил в передние окна кокпита.

— Нападение! Нападение! — доложил он.

<Тактические спецификации?> — отозвался Принцхорн.

Страдальческий поток кода хлынул от раненого «Пса войны». Тот, хромая, пытался вырваться из западни. Тарсес напряженно вслушивался, стараясь распутать множественные источники кода. Он впился глазами в слабые, нечеткие отклики, передаваемые чужим аустиком.

— Удар нанесен по «Марциал Нокс», мой принцепс, — доложил он. — Данные говорят о двух целях. Направление четыреста пятьдесят восемь.

<Сенсори, подтверждение!>

— Делаю, мой принцепс! — отозвался

Кальдер.

<Поднять щиты! Атакующий шаг! Изготовить главные орудия!>

— Есть щиты!

— Есть атакующий шаг!

— Главные орудия на ваше усмотрение, мой принцепс, — сказал Тарсес.

Далеко впереди прокатился еще один испепеляющий высверк ракетного залпа. Раненый «Пес войны» издал новый отчаянный код.

— Черт! — прорычал Кальдер. — У «Нокса» настоящие проблемы!

<Будьте любезны пользоваться только формальными выражениями в моем кокпите, сенсори!>

— Слушаюсь, мой принцепс. Виноват, мой принцепс.

<Где подтверждение?>

Кальдер боролся с приборами:

— Трудно определить местоположение, мой принцепс. Даже при максимальном увеличении сигнал аусника отражается от залежей руды на местности.

<Мне не нужны отговорки, сенсори!>

— Это не отговорки, мой принцепс, — вмешался Тарсес, подстраивая приборы. — Сенсори Кальдер прав. Мы имеем дело с хищниками, нападающими из засады, — модели «Разбойник», я полагаю. Они мастера использовать всевозможные магнитные и минералогические помехи на местности для маскировки.

В километре к востоку от них «Тантамаунт Страйдекс» объявил о намерении открыть мешающий огонь с дальней дистанции. В трех километрах к западу «Владыка войны» Темпестуса «Утешение Ванквиста» объявил, что собирается сделать то же самое.

Обе махины озарились светом, выпуская мощнейшие потоки огня по далеким гироангарам, и двинулись в ту сторону. Рваные отклики совместных залпов ухудшали сигнал ауспика еще больше.

<Держать атакующий шаг! — приказал Принцхорн. — Я информирую «Страйдекс» и «Утешение», что мы пройдем посередине, чтобы оказать

непосредственную поддержку «Ноксу», пока они будут вести огонь на подавление».

— Да, мой принцепс. Великолепная идея! — ответил Тарсес.

Это было прекрасным тактическим решением. Принцхорн, чья уверенность в себе крепла, начинал действовать и думать как боец настоящей махины, а не симулятора. И Тарсес полагал, что его долг — восторженно одобрять выбор своего командира.

В двух с половиной километрах за Шалтарским 18-м вспомогательным комплексом «Владыка войны» Инвикты «Кер Волан» повернул, чтобы прибавить свое дальнобойное противодействие к той ярости, что обильно изливали «Страйдекс» и «Утешение». «Разбойник» «Империус Крукс» по правую руку от «Кер Волан» просигналил, что идет на сближение вместе с «Виктрикс».

«Постараюсь оставить что-нибудь для вас, «Крукс»», — подтрунил Принцхорн над принцепсом «Крукса» Дендрейком.

— Модерати? — прошипел Кальдер.

— Секунду, сенсори, — отозвался Тарсес, пытаясь удержать внимание одновременно на районе целей, системах прицеливания и скорости хода «Виктрикс». Один из кормовых автоматов заряжания, похоже, заедал или работал с задержкой. Все это смахивало на жонглирование сразу несколькими тарелками.

<Техножрец, внимание! Девятый кормовой автомат заряжания!> — торопливо произнес он через аугмиттер.

<Неисправность обнаружена, модерати, — прокантировал техножрец. — Посылаю сервитора>.

Тарсес перевел взгляд на Кальдера:

— Прости, что ты хотел?

— Буду признателен, если вы выскажете свое мнение об этом сигнале.

Тарсес целиком переключился в манифольд.

— Выгружай.

Кальдер отправил Тарсесу фрагмент данных. Тот внимательно его просмотрел, потом попросил воспроизвести еще дважды.

— Ну что? — спросил Кальдер.

— Твое мнение? — ответил Тарсес.

— Там три цели, не две.

— Двоение может быть результатом отражения аспика от чего-то вроде алюминия или боксита.

Кальдер фыркнул:

— Я очистил сигнал и подкорректировал скрытые объекты.

— Думаешь, три?

Кальдер кивнул.

— По-моему, убедительно, — сказал Тарсес. Он включился в общий канал: — Это «Виктрикс»! Внимание, мы видим три, повторяю: три вражеские махины в районе целей!

<«Виктрикс», «Виктрикс», я думаю, ваш аспик сбоит, — прокантировали в ответ с «Крукса». Сигнал искажался мусорным шумом. — Мы видим всего две>.

<Модерати?>

— Мой принцепс?

<Это снова наш чертов аспик? Если так, то, клянусь Деус, я его вырву собственными руками и поменяю!>

Тарсес глянул через плечо на раку

Принцхорна:

— Сенсори Кальдер утверждает, что целей три, мой принцепс. Я доверяю его опыту.

«Доминатус Виктрикс» достигла Шалтарского 18-го вспомогательного примерно на две минуты раньше «Империус Крукс». Когда оба титана вошли в комплекс очистительного завода, «Страйдекс», «Утешение» и «Волан» прекратили дальний обстрел, боясь попасть в своих.

Место представляло собой спутанную мешанину взорванных башен, развороченных трубопроводов и разбитых градирен. Воздух был пронизан дымом и отголосками кода. Три махины так перемололи это место в мертвую пустыню. Земля превратилась в перепаханную смесь булыжников и глубоких воронок.

— Множественные предупреждения о неустойчивости хождения! — крикнул Анил.

<Снизить до трети хода!> — приказал

Принцхорн.

— Есть до трети!

Тарсес развернулся лицом вперед. Он чувствовал, как громадина «Виктрикс» оскальзывается и съезжает по неустойчивой, разбитой почве. Скауген рассказывал ему жуткие истории о махинах, которые слишком поторопились пройти по ненадежной местности и превысили ограничения по сцеплению с поверхностью. Опрометчивая спешка довела их до того, что гироскопы и гасители инерции были уже не в состоянии держать равновесие. Махины падали и оказывались беспомощными, когда появлялся враг.

— Вряд ли тебе захочется попасть в такую ситуацию, — говорил Скауген.

— Вы правы, вряд ли, мой принцепс, — соглашался Тарсес.

— Расслабься, — велел он Анилу. — Прекрати сражаться с рычагами. Веди медленно и мягко, и мы сохраним равновесие.

— Слушаюсь, модерати.

Они шагали сквозь клочья черного маслянистого дыма. Дым омывал окна кокпита. Было слышно, как истекает кодом где-то впереди «Марциал Нокс».

— Спокойно, — посоветовал Тарсес.

Еще один шаг. И еще один. Аустик работал на пределе, но ловил лишь развалины и коробки зданий.

<Где они?> — спросил Принцхорн.

— Они не могли сбежать, мой принцепс, — ответил Кальдер. — Мы бы заметили их след. Они все еще здесь.

— Спокойно, — повторил Тарсес.

<Мы уже должны их увидеть>, — сказал Принцхорн.

«Они же охотники, ловчие, хищники, подстерегающие добычу в засаде, — подумал Тарсес. — Конечно, мы их не видим. На это они мастера. Прячутся в укрытиях, в развалинах, а потом набрасываются — в упор».

— Спокойно, — опять сказал он. — Снизить до десяти. Начать повороты корпуса и наблюдение — плавно. Орудия изготовить.

Верхняя часть тела «Владыки

войны» начала медленно поворачиваться: влево, вправо, влево, вправо.

— Здесь ничего нет, — сказала Фейрика. — Мы их потеряли.

— Нет, не потеряли, фамулюс, — возразил Тарсес. Он тщательно осматривал каждый элемент ландшафта впереди: горящий склад в двадцати метрах левее, длинный ряд покоробленных гироангаров в пятидесяти метрах правее, группу поврежденных пожаром башен впереди. — Осторожно, — произнес он, чувствуя, как «Виктрикс» снова соскальзывает. Его дыхание замедлилось, пульс тоже. Они приближались к точке воспламенения — к моменту, когда мир вокруг сойдет с ума. Он это чувствовал.

Тарсес проверил заряды и напряжение в орудийных системах и довел их до максимума. Еще один шаг. И еще один.

— Предлагаю произвести активный поиск аусником, мой принцепс, — сказала Фейрика.

— Нет! — быстро ответил Тарсес.

<Полагаю, это мне решать,

модерати!> — прокантировал Принцхорн.

— Если хотите наделать глупостей, валяйте, мой принцепс, — отозвался Тарсес. — Дайте им знать, что мы прямо тут, если хотите.

<Ты словно старая придирчивая жена, модерати>, — сказал Принцхорн.

— Буду считать это комплиментом, мой принцепс, — откликнулся Тарсес, продолжая поиск.

— Семьдесят метров, направление три-четыре-три, — прошептал Кальдер. — Я думаю, это тепловое марево.

— Я тоже так думаю, сенсори, — согласился Тарсес. Он переключился на системы прицеливания и подождал, пока те сойдутся в поле зрения манифольда. — Прошу разрешения открыть огонь, мой принцепс.

<Я не вижу никаких целей!>

— Кальдер видит. Разрешите открыть огонь?

<Разрешаю>.

Тарсес активировал систему инициации выстрела. Деструктор

выплеснул свою ярость. БМУ отозвался чувственным потоком удовольствия, почти оргазма. «Виктрикс» желала этого.

Мощный орудийный огонь обрушил разбитый ангар. Из взвившегося пламени, словно вспугнутая пернатая дичь, выскочил покрытый шелушащейся коричневой эмалью «Разбойник». Он был ранен — подтаскивал одну ногу, из теплообменников на спине извергались потоки искр.

— Цель обнаружена! — завопил Кальдер.

— Сообщи мне, когда наведутся ракеты, — велел Тарсес.

— Ракеты наведены! — подтвердил Кальдер.

<Пять ракет — пуск!> — приказал Принцхорн.

Корпусная установка начала выпускать ракеты. Внутри кокпита ощущались толчки от вылетающих боеприпасов и слышался скрежет систем заряжания, вставляющих новые ракеты в контейнер.

Пять ракет было многовато. Тарсес

обошелся бы третя, но он всегда был бережливым.

Первые три ракеты попали «Разбойнику» в спину и убили его, разнеся торс в неистовом выплеске пламени. Четвертая выбила кокпит, когда «Разбойник» развернуло и тот начал заваливаться. Это было излишне, но приятно. Пятая прошла мимо и уничтожила бункерную башню.

«Да, трех хватило бы», — решил Тарсес.

Пылающий и разваливающийся на куски «Разбойник» рухнул. Анил и Фейрика восторженно завопили.

— Осторожно, слева! — заорал Кальдер.

Второй «Разбойник», окрашенный такой черной маслянистой субстанцией, что она казалась темно-фиолетовой и переливающейся, словно надкрылья жука, вырвался из гироангара слева. Его орудийные конечности стреляли не прерываясь. Плотный огонь заставил

«Виктрикс» задрожать, пока щиты поглощали выстрелы.

<Поворот! Поворот!> — закричал Принцхорн.

Махина шла прямо на них —...сто метров... пятьдесят, — не прекращая стрелять.

— Щиты держатся! — доложил Кальдер.

<Приготовится к ближнему бою!> — скомандовал Принцхорн.

— Оружие ближнего боя выдвинуто! — крикнул Тарсес, активируя энергетическую палицу «Виктрикс». — Только я не думаю, что оно понадобится, — добавил он.

— О чем ты говоришь, модерати? — взвизгнула Фейрика.

Тарсес снова выстрелил из деструктора. Первые три выстрела сокрушили заряжающиеся щиты «Разбойника», следующие три сняли с него скальп и изрешетили панцирь. Его кокпит взорвался.

— Резко влево, Анил! — велел Тарсес.

Рулевой навалился на рычаги.

«Виктрикс» накренилась в сторону, слегка оскальзываясь. Гиростабилизаторы взвыли, компенсируя неожиданную смену направления. Таща за собой светящиеся вымпелы огня, уже мертвый, вражеский «Разбойник» прошел рядом с правым бортом «Виктрикс». Он врезался в гироангар, канул в просевшую крышу и вспыхнул, словно погребальный костер.

<Мои поздравления, модерати, — произнес Принцхорн. — Эта победа — целиком ваша заслуга>.

— Спасибо, мой принцепс, но победа принадлежит «Доминатус Виктрикс».

Полукилометром дальше они нашли «Марциал Нокс». Тот проковылял сколько мог, а затем, горящий и умирающий, упал на колени.

Но он не собирался сдаваться без борьбы. Когда подошла «Виктрикс», «Нокс» попытался подняться. Из-под панциря выбивалось пламя.

<Мы здесь, и вы в безопасности, — прокантировал Принцхорн на «Нокс». — Только, боюсь, вам конец>.

<Я не погибну вот так!> — прокантировал в ответ принцепс «Нокса» Талентин.

<Тогда хотя бы спасите экипаж, Талентин>, — прокантировал Принцхорн.

Хлопнули взорвавшиеся пиропатроны, и секцию кокпита отстрелило из горящего остова «Пса войны». Кокпит отлетел метров на двадцать и со скрежетом проехался по булыжникам. Из оставшейся позади туши раздался запинающийся рокот и — взрыв: пожар добрался до реактора.

«Доминатус Викторикс» оставалась на страже, пока пришедшие на помощь отряды поддержки скитариев не вытащили экипаж Талентина из отстрелившейся головной части.

<Так что, сенсори, вы полагаете, есть и третья махина?> — спросил Принцхорн, когда они снова отправились в путь.

Кальдер вслушивался в шумы, идущие через наушники.

— Готов биться об заклад, мой принцепс, — ответил он. — И вот мой вопрос: «Империус Крукс» был в двух

минутах хода позади нас. И куда, черт возьми, он пропал?

«Виктрикс» дошла тихим, осторожным шагом до границы Шалтарского 18-го и вступила на разбитую территорию предприятия «Объединенный Конглом Минераль фабрик». Основную площадь «фабрик» занимал километровый ряд огромных процессорных установок — массивных камнедробилок вдвое выше «Владыки войны», расположенных попарно.

— Вижу пятно отражения и шумовое эхо, — доложил Кальдер.

<Передачи?> — спросил Принцхорн.

Кальдер мотнул головой:

— Орудийный огонь, мой принцепс.

<Медленный ход, направление двести тридцать один, — приказал Принцхорн. — Проверить напряжение щитов. Я чувствую слабое место. Та драка могла ослабить прикрытие грудины>.

<Проверяю, мой принцепс>, — отозвался техножрец.

Они стали обходить дальний край

огромных процессоров.

«Империус Крукс» нашел третью махину, о которой говорил Кальдер.

«Разбойник» Дендрейка столкнулся с «Псом войны», панцирь которого был густо утыкан шипами. Массой «Разбойник» превосходил «Пса», но явно оказался застигнут им врасплох. Пугающе обильные клубы болезненно-желтого дыма извергались из крепления левой руки «Разбойника». Тарсес заметил, что выносные устройства связи и передающие антенны «Крукса» расстреляны вдребезги. Враг лишил «Империус Крукс» голоса, чтобы прикончить его без помех.

— Это объясняет, почему мы ничего от них не слышали, — заметил Кальдер.

Он натянул наушники и скривился. Эфир был полон хаотичного гогочущего мусорного кода «Пса войны». Вражеская машина проворно крутилась вокруг подбитого и более медлительного «Крукса», словно волк, играющий с раненым гроксом, выпуская случайные выстрелы, сковывающие движения внушительного

«Разбойника».

<Положить конец этому развлечению!> — приказал Принцхорн.

— Переключаюсь на ракеты, — отозвался Тарсес. — Навожусь на цель.

— Нас заметили! — крикнул Кальдер.

Как только «Владыка войны» вывернул из-за процессоров, вражеский «Пес войны» замер, словно бандит, которого застали за избиением жертвы. Он повернулся, выпустил два дерзких выстрела по «Викрикс» и дал деру.

— Огонь! — взвыл Тарсес.

Две ракеты потянули за собой дымные хвосты, но щиты «Пса войны» их остановили. Тот споткнулся, но затем упрямо двинулся дальше, скача по центральному проходу между парными рядами огромных процессоров.

— Мы не сможем пойти за ним! — запротестовал Анил.

Центральный проход был достаточно широким лишь для «тощего» «Пса войны». Никакой «Разбойник», а тем более «Владыка войны» туда бы не пролез.

<Полный ход!> — объявил Принцхорн.

«Доминатус Викрикс» отошла от линии процессоров, видя мелькание убегающего «Пса войны» сквозь магистральные трубы и сети трубопроводов. Тарсес дал сигнал частям поддержки подойти и помочь «Империус Крукс», а затем вернулся к слежению за противником.

— Верткий гаденыш, — пробормотал он, следя за силуэтом убегающего «Пса войны», — тот метался туда-сюда между толстыми железными вышками линии процессоров.

— В кокпите использовать только формальные выражения, модерати! — велела ему Фейрика. — Приказ принцепса был ясен.

<Я разрешаю, фамулюс, — прокантировал Принцхорн. — Мой модерати прав. Это действительно верткий гаденыш>.

Словно кошка, выслеживающая мышь за стенной панелью, «Викрикс» ходила туда и обратно вдоль ряда процессоров,

ловя промельки шустрого «Пса войны», — тот перескакивал с места на место по центральному проходу, прячась в укрытии огромных дробильных вышек.

— Это недостойно, — отметила Фейрика.

— Знаешь что, фамулюс, — отозвался Тарсес, — почему бы тебе не соскочить и не отправиться к нему?

Фейрика смерила его неприязненным взглядом.

— Я уверен, что от одного твоего вида он обделается со страху, — добавил Тарсес.

<Достаточно, модерати>, — прокантировал Принцхорн.

Бросив взгляд назад, Тарсес с удовлетворением отметил, что принцепс улыбается.

<Достань эту махину, Тарсес, — сказал Принцхорн. — Мы не можем уйти, оставив тварь в живых. Нужно подтвержденное уничтожение, прежде чем ты продолжим путь>.

— Согласен, мой принцепс, но на данный момент единственный способ

достать ее — посносить все процессоры по очереди, только, боюсь, это истощит наш боезапас.

— Сигналы! — объявил Кальдер.

«Тантамаунт Страйдекс» и «Утешение Ванквиста» прибыли на помощь.

Тарсес кратко обрисовал обеим махинам ситуацию.

— Три «Владыки войны», чтобы достать одного «Пса войны»? — пришел ответ от модерати Брейдела со «Страйдекса». — Будем брать на испуг?

— Что есть — то есть, друг мой, — откликнулся Тарсес. — У врага преимущество — укрытие на местности. Он может ждать там хоть неделю. Только я сомневаюсь, что это обрадует Левина или лорда Геархарта.

— Дорога впереди полна препятствий, — сказал Брейдел. Он прислал Тарсесу сжатый пакет со сводкой оперативных данных.

Они были не единственными, кого периодически доставали охотники-убийцы в Шалтаре. В течение дня несколько

отдельных титанов и отрядов второго фронта доложили об огневом соприкосновении с вражескими махинами. «Валорус Аквила» был потерян в результате внезапного нападения в Перфеномском очистителе. «Гладиус Агон» получил столь серьезные повреждения в смертельной схватке с вражеским «Владыкой войны», что вынужден был повернуть обратно к ремонтным башням Антиума. Проклятый враг оставил Шалтарскую зону хорошо защищенной, усеяв ее хищниками-одиночками и мелкими группами засадных машин. Левину тоже пришлось отбиваться от засады. «Аякс Эксцельсус» вел поединок с вопящим безумным «Разбойником» в течение трех минут, пока «Чертог Гвардакса» не вмешался и не разнес «Разбойник» на куски.

— У Левина сейчас выброс раскаленного ошибочного шунта, — рассказал Брейдел Тарсесу. — Наступление второго фронта практически остановилось, и ему ненавистна сама мысль, что он заставляет Красную Фурию

ждать его у Аргентума.

Прежде чем Тарсес успел ответить, раздался оглушительный взрыв. Манифольд дрогнул и на мгновение потерк.

<Что это было?> — потребовал Принцхорн.

Тарсес и остальной экипаж мостика лихорадочно пытались восстановить подачу данных.

— «Империус Крукс»! — завопил Кальдер. — «Империус Крукс» только что взлетел на воздух!

Повреждения «Разбойника» Дендрейка оказались более серьезными, чем думалось. У ждущего обещанных частей поддержки и спасения «Империус Крукс» внезапно обнаружилась критическая поломка реактора. Двигательные отсеки поглотило радиоактивное пламя, мгновенно превратив в факел техножреца, который пытался исправить поломку. Когда стрелки приборов прыгнули к красным делениям, Дендрейк в отчаянии рискнул катапультировать экипаж.

Ни один не успел спастись. Сверкнула вспышка — и на месте, где стоял гордый «Разбойник», остались лишь глубокая черная воронка и неторопливо закручивающееся и темнеющее грибообразное облако.

<Хватит! — прокантировал Принцхорн. — Сейчас мы с ним разберемся. Сейчас мы убьем этого верткого гаденыша!>

Он выгрузил свой тактический замысел в манифольд. Принцепс Терон на «Танталаунт Страйдекс» и принцепс Шон Ку с «Утешения Ванквиста» согласились с его планом.

Три «Владыки войны» заняли позиции вокруг линии огромных процессоров: «Страйдекс» прикрыла запад, «Утешение» — восток, «Виктрикс» прошла к дальнему краю, встав лицом к устью центрального прохода.

<Все на позиции?> — спросил Принцхорн.

— Все махины докладывают, что заняли позиции согласно вашей схеме, мой

принцепс, — ответил Тарсес.

<Отлично. Наклонить корпус вперед по моему сигналу. Три, два, один — начали!>

Аккуратно, со знанием дела рулевой Анил снизил давление в гидравлике и буквально посадил «Виктрикс» на корточки. Суставы ног зафиксировались, и «Виктрикс» склонила тяжеленный торс вперед. Анил использовал орудийные конечности в качестве противовеса наклоняющейся громаде. Сейчас махина стала уязвимой. Чтобы набрать достаточно давления в гидравлике и выпрямиться, потребуется как минимум минута. Впереди зияло устье центрального прохода. Где-то там, в тени магистральных труб и пересечений трубопроводов, притаился «Пес войны».

<Все орудия на изготовку!> — прокантировал принцепс.

— Орудия готовы, мой принцепс! — отозвался Тарсес.

В кокпите внезапно повеяло холодом. Тарсес ощутил озноб — липкий,

неприятный озноб. Они ставили себя под удар. Это был страшный риск. Если «Пес войны» решит напасть, они окажутся застигнутыми в неустойчивом положении, а их шансы на быстрый маневр уклонения будут сильно ограничены.

Устье прохода зияло перед ними — темное и таинственное.

<Огонь!> — прокантировал Принцхорн.

«Виктрикс» дала залп из всех орудий: с обеих орудийных конечностей, из тегаболтера — и шквалом ракет в придачу.

Совмещенный удар понесся по проходу, превращая пространство в огненную бурю. Трубопроводы рассыпались и горели. Магистральные трубы взрывались и лопались. Меж двух рядов процессинговых вышек разразился пылающий ад.

— Он убегает! — завопил Кальдер.

Пытаясь избежать урагана энергетических сгустков и раскаленных снарядов, вливающегося в глотку прохода, вражеский «Пес войны» бросился на запад, на полном ходу выскочив между

восемнадцатым и двадцатым процессорами.

Он успел пробежать тридцать метров, прежде чем «Тантамаунт Страйдекс» его уничтожил. Залп уступом из восьми ракет вынес пустотные щиты и превратил махину в горящие обломки. Ноги из-под убегающего «Пса войны» вышибло; он повалился, продолжая перебирать конечностями. Половину панциря у него раздробило в пылающие клочья.

«Пес войны» рухнул мордой вперед, все еще двигаясь и брыкаясь, и пропахал носом булыжники, прежде чем исчезнуть в мощном завершающем взрыве.

<Махина убита, махина убита!> — объявил Терон.

<Прекрасно, — прокантировал Принцхорн. — Рулевой, восстановите прямое положением>.

Анил перезапустил гидравлику, и «Виктрикс» медленно поднялась, выдыхая из клапанов струи пара.

<Здесь мы закончили, — отметил Принцхорн. — Пусть второй фронт

продолжает наступление».

>

Старого аборигена звали Ашлаг. Он судорожно втягивал воздух, но не издал ни слова жалобы, пока Саген выправлял ему сломанную руку и накладывал шину. Взгляд его по-стариковски потускневших глаз словно был нацелен на что-то настолько далекое, что это было скорее «когда», чем «где». Его дочь — маску в виде лица-махины она повесила на пояс — в трачном молчании сидела на земле возле «Кентавра». Ее лазмушкет Варко убрал подальше.

Разговаривать сейчас у него особого желания не было. В смерти Грэма Гектона была какая-то трагическая смесь мужества и бесполезности. Горечь потери накрыла Варко целиком, не оставив в голове места больше ни для чего. Ему пришлось заставить себя начать думать.

— От чего вы бежали? — спросил он у Ашлага.

Старик перевел на него мертвый взгляд; белые концы его впечатляющих усов спрятали едва заметную усмешку.

— Ты видел, от чего мы бежали, солдат, — ответил он.

— Махины, да. Махины я видел. Расскажите мне остальное.

Ашлаг хотел пожать плечами, но поврежденная рука причиняла ему слишком сильную боль.

— Я потерял жену и сына, солдат. Не мог бы ты дать мне спокойно погоревать?

Леопальд схватил Ашлага за перед брони так резко, что старик взвыл, и рявкнул:

— Ты, старый ублюдок! Мой капитан только что изжарился, спасая твою жалкую задницу! Капитан Варко задал тебе вопрос! Отвечай, не то я...

Варко потянул Леопальда назад и приказал:

— Хватит! — Он понимал душевную боль стрелка, но жестокого обращения с гражданскими терпеть не собирался. —

Хватит, я сказал!

Саген помог ему оттащить Леопальда прочь. Ашлаг принялся баюкать сломанную руку, жмурясь от боли. Его дочь вскочила на ноги.

— Не лезь, — велел ей Варко. — Никто не собирается обижать твоего отца.

— Если вздумают, я их убью, — безапелляционно заявила девушка.

— Твое имя Келл, правильно? — спросил Варко.

— Я никому не называю своего имени, — ответила та.

Старая предосторожность местных — знаменитое нежелание сотрудничать, которое замкнутые общины Проспекции выказывали служителям улья. У народа Мертвых земель часто имелись веские причины оставаться вне системы. Они держали свои имена и дела при себе, встречая подозрением каждого, кто приходил из ульевой зоны и задавал вопросы. Варко это понимал, но сейчас у него не было настроения подбирать нужные слова.

— Твой па уже назвал нам свое имя, девочка, — сказал он. — Его фамилия Ашлаг, значит, ты — Келл Ашлаг, верно?

Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но вместо этого просто кивнула.

— Мне жаль вашего человека, — сказал Ашлаг. — Правда жаль, солдат. Вы пришли нам на помощь, хоть и не обязаны были этого делать. Его поступок был храбрым. Мне жаль его, но моя бедная жена и мой сын...

Он склонил голову и вытер глаза грязным кулаком здоровой руки.

— Там были махины, — тихо произнесла девушка, — много махин. Там, в диких местах, куда ваши не заходят. Они напали на несколько поселений и сожгли их дотла.

— Продолжай, — подбодрил Варко.

— Когда поползли слухи, мы начали собираться в безопасном месте. Даже проспекторы и искатели самородков, которые работают сами по себе, — все пришли. Был большой сход в Меновом Холме две ночи назад. Я никогда не видела столько людей сразу.

«Ты улей никогда не видела», — подумал Варко.

— Сотни людей, — сказала она, качая головой от самой мысли. — Были споры, потом мы голосовали по закону Проспекции.

— Голосовали?

— Община голосовала, — пояснил Ашлаг. — Приняли решение, что Суэйн, мэр Менового Холма, свяжется с большим ульем от имени вассальных общин и обратится с просьбой о спасении.

Варко поднял брови. Местные, зовущие улей на помощь? Такого еще не бывало.

— У мэра большого улья — у него ведь есть свои собственные махины? — спросил Ашлаг.

— Он не мэр... — презрительно начал Леопальд.

— Да, есть, — ответил Варко.

— Мы надеялись, что он пришлет свои махины на помощь, — сказал Ашлаг.

— Он сейчас малость занят, — объяснил Варко. — Улей в состоянии войны. На Орест вторгся враг.

— О, — отозвался Ашлаг, — это многое объясняет.

— Орест — это где? — спросила девушка.

— Это... — начал Варко, потом вздохнул и, вместо ответа, обратился к старику: — Что вы имели в виду под «многое объясняет»?

— Когда голосование закончилось, Суэйн попытался связаться с большим ульем через вокс-мачту Менового Холма. Но каналы — они все были мертвы. Только... испорченный код. Суэйн пытался не один час, но так и не смог пробиться.

— А потом? — спросил Саген.

— Потом пришли махины, — сказала Келл Ашлаг.

— На рассвете. Как будто услышали наш зов, как будто они слушали Суэйна по воксу, — шмыгнул носом старик. — Они напали на Меновой Холм и стерли его с лица земли.

— И вы побежали?

— Да, солдат, мы побежали. Все, кто мог, бежали так, словно за нами гнались пылевые демоны. Они и были демонами, по-

тоему.

— Махины пошли за вами?

— Ты сам видел.

Сухой ветер шуршал пылью о борт «Кентавра». Варко посмотрел на восток. Весь день там, на краю горизонта, медленно густела огромная черная полоса. Собиралась буря, но не такая пыльная буря, которую они перенесли. Это была масса грозовых облаков, напитанных влагой, которые сгрудились над зоной ульев. Ветер становился холоднее, и Варко уже чувствовал запах дождя.

— Сколько было махин? — спросил Траск.

Девушка посмотрела на водителя «Огнехода».

— Ты сказала, что махин было много, — сказал Траск. — Много — это сколько?

— Сколько много? — переспросила она и пожала плечами: — Не знаю. Больше, чем я в жизни видела.

— А ты раньше когда-нибудь махину

видела? — спросил Леопальд.

— Нет, — ответила Келл. — Я не это имела в виду. Там было много махин. Слухи шли отовсюду.

Варко поразмыслил над ее словами. Главные силы махин Архиврага высадились в зоне ульев в начале войны. Он предположил, что они могли оставить позади резервный эшелон, чтобы зачистить Проспекцию и ждать наготове. Сколько же там махин? Дюжина от силы? Для девушки, которая не видела раньше ни одной, это было бы явно много. Для девушки, которая жила столь замкнутой жизнью, что собрание из сотен людей для нее — чрезвычайное множество, это было бы явно много.

— Здесь где-нибудь можно найти укрытие? — спросил он.

Они похоронили жену и сына Ашлага и все, что осталось от Гектона, в неглубоких могилах недалеко от дороги, а потом отправились на северо-запад, к гряде холмов, которые Ашлаг назвал Падунами. Он говорил, что знает старую

стоянку проспекторов на полпути к перевалу.

Падуны оказались угловатыми утесами известняка, утыканными жестким пустынным кустарником. Когда солнце начало заходить, скалы окрасились в кадмиево-красный цвет под суровым кремнево-синим небом. Запах дождя усилился, и, хотя ветра не было, ощутимо похолодало.

Небо предвещало грозу. Словно кровоподтек, оно наливалось над красным утесом, пока скалы вокруг не стали похожи на застывшие языки пламени, а само небо не стало напоминать пелену дыма от них. Хотя Варко знал, что до сезона дождей еще несколько месяцев.

Стоянка представляла собой длинный дом, построенный из обрезков жести и прижавшийся к скале под нависающим сверху выступом. Дом был старый и ржавый, частично укрытый маскировочными сетями и рабицей. Левее, в стороне, стоял небольшой деревянный нужник.

Дверь дома оказалась не заперта.

Ашлаг объяснил, что длинный дом, как и другие такие стоянки, был общей собственностью и его не запирали, чтобы любой из местной общины, кто будет идти мимо, мог найти здесь укрытие.

Место было пустым и выглядело не очень гостеприимно. Варко и Траск вошли первыми. Варко достал свой пистолет, а Траск вооружился лазмушкетом девушки. Из другого оружия у них остался только стаббер на «Кентавре». Их единственный карабин и свой собственный пистолет Гектон унес с собой в могилу.

Пол, сделанный из кусков листового металла, скрипел под ногами. Потолок был низким и, похоже, собранным из армированных кусков грузового контейнера. На одном конце длинного дома стояло девять железных коек, узких и голых, составленных в три этажа. Грязный занавес, отделяющий спальное место от остального помещения, был отдернут. В основной части дома располагались печка, рециркулятор для воды, железный стол,

скамья и четыре деревянные табуретки. На одной стене от пола до потолка были навешены полки, заваленные ненужными предметами, оставленными предыдущими постояльцами. Там были части механизмов, банки консервированного риса и менее узнаваемых продуктов, ржавые инструменты, дыхательная маска, образцы руды, проспекторский молоток, три дохлые лампы, осколки полированного стекла, кости животных, бечевка, тесак, проволока и куски кабеля, пара перчаток, две склянки со смесью приправ, полотно циркулярной пилы, помятые котелки и сковородки, три отбитых стакана и сигнальная ракета.

— Пожертвования, — сказал Ашлаг, входя следом. — Пользуешься этим местом — должен оставить что-нибудь следующему гостю.

— Что это за пожертвование — звериная кость? — спросил Траск.

— Это оставил тот, кому больше нечего было оставить, — ответил Ашлаг и открыл дверь в дальней стене.

Дом был построен из таких разных

кусков, что ни Варко, ни Траск даже не поняли, что это дверь. Она вела в небольшую кладовку со шкафами по обе стороны и маленьким генератором у задней стены. Ашлаг повозился с генератором, орудуя одной рукой, и сумел его запустить. Тот с кашлем ожил, и светосферы, встроенные в потолок большой комнаты, заморгали желтым светом.

— Жидкое топливо? — спросил Варко у Ашлага, кивая на генератор.

Тот помотал головой:

— Солнце. Наверху, на горе, приемные панели, они питают аккумулятор.

Он открыл шкафы, являя на свет покрытые пятнами, но сухие рулоны постелей, несколько простых инструментов и кухонных принадлежностей, разномастные жестяные миски и кружки, старый хромированный кофейник и жестяные бачки с сушеными продуктами. Откупорив несколько бачков, старик перетряхнул их содержимое.

— Немного осталось, — сказал он, — но

нам хватит. Типично для старого Бессмана — вычистить все до дна. Всегда берет больше, чем оставляет.

— Кто такой Бессман? — спросил Варко.

— Последний, кто тут останавливался, — ответил старик.

— Откуда ты это узнал?

— На стене написано, — пояснил Ашлаг.

Варко посмотрел на свободную стену, и тут до него дошло, что ее неровные разнокалиберные панели покрыты от пола до потолка мельчайшими надписями. Множество разных рук оставило тут свой след. Здесь были надписи разных размеров и стилей, чернилами разных цветов; некоторые так сильно выцвели от времени, что едва были видны. По большей части записи были краткими — всего несколько строк, но все были нанесены плотно. В некоторых местах виднелись нарисованные от руки карты и схемы.

Варко не сумел прочитать ни строчки.

Ашлаг наполнил кофейник, поставил на печку и подошел к капитану.

— Все, кто побывал на стоянке, видишь, все отписывались здесь. Кто, когда, что взял, что оставил. Иногда пишут, куда идут или где были. Иногда оставляют новости. Стены — прекрасное место получить весточку от старых друзей или соперников. Видишь вот здесь? Сын Дума Таслера женился две зимы назад в Маловодье. Дум написал это по дороге домой с праздника.

— Ты это можешь прочесть? — спросил Варко, щурясь.

— Довольно легко, — сказал Ашлаг. — Здесь все. — Он указал грязным пальцем на другой клочок текста: — Видишь? Написано: Оргман остановился здесь семь лет назад. Вот дата. Он взял лопату, которая ему была нужна, с благодарностями, и оставил батарею, которая еще поработает. А вот здесь: шесть недель назад братья Замне останавливались тут, их пригнала пыль. Они провели здесь три ночи, взяли батарею, с благодарностями, и оставили

сервиторский манипулятор, в хорошем состоянии. Еще они наполнили банку с рисом, но извинились за взятые остатки солонины. И обещали возместить запас солонины в следующий раз.

Варко по-прежнему пытался расшифровать хоть какую-нибудь надпись. Ашлаг постучал пальцем внизу стены:

— Последняя запись, видишь? Бессман. Только имя и дата. Он был здесь последним. Типично для него: взять и не оставить.

— А что это за рисунки?

— Иногда кто-то оставляет карту или маршрут. Оставляет сообщение о закрытом проходе или о дороге, которая открылась, или показывает путь к многообещающему участку или жиле, на которую у него нет времени или средств. Вот здесь, видишь? Альбрех оставил инструкции, как найти обнаруженную им залежь селитры, его самого не заинтересовавшую.

Варко начал понимать кое-какие каракули. Строчки были плотными и

сжатыми, стена была писана-переписана многократно. Дом стоял тут так давно, что посетители исписывали всю стену снова и снова. Когда последняя запись занимала правый нижний угол, надписи начинались заново — с верхнего левого угла. Варко подумал, сколько же лет приходов и уходов знаменовали эти записи, и решил, что, пожалуй, несколько сотен.

— Нужно найти стило и написать мое имя, — сказал Ашлаг.

Кофейник на печке начал булькать.

Саген подвел «Кентавр» к стоянке и с помощью девушки прикрыл его сеткой. Траск с Леопальдом внесли Кодера в дом, потом разгрузили машину. Ночь наступала быстро, слышались раскаты грома. Скалы превратились из темно-красных в бледно-фиолетовые, потом в мягко-синие.

— Что с твоим другом, солдат? — спросил Ашлаг, глядя на Кодера.

— Он болен.

— Чем болен?

— Он Механикус. Перерасходовал свой

запас энергии. С вашего разрешения...

Варко подтащил Кодера к двери кладовки, затем осторожно вытянул один из дендритовых штекеров из левого предплечья технопровидца. Занятие это ему удовольствия не доставило — словно вытягиваешь из руки артерию. Варко не отказался бы, если б технопровидец очнулся и сам все сделал или хотя бы дал дельный совет.

Он вытянул штекер целиком. Тот, хотя и гибкий, был странно теплым и органическим для куска металлического кабеля. Варко осторожно подсоединил штекер к одному из выходов генератора.

Звук генератора слегка изменился — агрегат скомпенсировал дополнительную нагрузку. Кодер не пошевелился.

— Это ему поможет? — спросил Саген.

— Не знаю, — ответил Варко. — Попробовать стоит.

Они напились кофеина из жестяных кружек. Варево Ашлага оказалось густым и черным, как отработанное масло, и к

тому же кислым, но его насыщенность и тепло были очень кстати. Затем старик решил приготовить какой-нибудь еды, но сломанная рука слишком мешала, так что за дело взялась девушка. Ашлаг торчал рядом, давая советы, в которых она явно не нуждалась. Стоя у печки, девушка периодически бросала взгляды на Кодера. Технопровидец явно тоже для нее был в новинку.

Саген, Траск и Леопальд допили кофеин и расслабились. Варко услышал, как они принялись вспоминать Гектона. Снаружи по стенам стоянки застучали первые тяжелые капли дождя.

Варко отцепил светосферу и принес ее к стене, чтобы поизучать надписи. Строки приковывали взгляд. Медленно и с трудом он прочел сообщение Альбреха о залежи селитры, потом слова кого-то по имени Хоркин, который благодарил стоянку за добрую ночевку и сообщал, что оставил галеты в банке для продуктов. Клан Светотов — семья из восьми человек — дал знать, что они забрали две канистры с водой и оставили «кирку и два

промывочных лотка, а также солнечный амулет, который сплела наша старшая дочь».

Варко подошел к полкам. Среди всякой всячины нашелся выцветший амулет, сплетенный из высушенной пустынной травы. Солнце играло определяющую роль в жизни Мертвых земель, но амулет больше походил на колесо из темного золота. Или на шестерню.

«Быть может, в конечном итоге мы все поклоняемся одному и тому же», — подумал Эрик Варко.

Еда была простой, но доброй. Танкисты смели ее с таким удовольствием, что Келл Ашлаг почти улыбнулась. Восстановленный рис, приправленный специями и размоченными овощами, мог поспорить со званым ужином в верхнем улье. Еще было немного солонины и крокеты из покрошенных галет, размоченных, обвалянных в муке и обжаренных. Ашлаг сварил еще кофеина.

— Спасибо, — сказал Варко, покончив с едой.

— Спасибо стоянке, — отказалась от благодарности Келл.

— Леопальд может помыть посуду, — сказал Варко.

— Есть, сэр, — кивнул тот.

Удивительно, каким покладистым становится человек с полным желудком.

Дождь начинал стучать сильнее. Все по достоинству оценили небольшое, освещенное светосферами прибежище стоянки.

Ашлаг взял стило, поднес к стене светосферу и собрался оставить свою запись. Но оказалось, что с больной рукой подобраться к нижней части стены ему будет стоить больших трудов.

— Давайте, я помогу, — предложил Варко.

Губы под белыми моржовыми усами неодобрительно сжались. Старик колебался.

— Ты напишешь так, как я скажу, солдат? — спросил он.

— Конечно, сэр, — ответил Варко.

Старик передал ему стило.

— Орвен Ашлаг был здесь, с дочерью, — начал он.

Варко принялся записывать. Писать мелким почерком было трудно. Его каракули выглядели гигантскими и уродливыми по сравнению с умелыми миниатюрными надписями местных. Варко написал дату. Число напомнило ему, как давно его носит по воле волн и как давно бушует война.

— Мы пришли сюда после великого бегства из Менового Холма, — продолжал старик, — убегая в чем были от страшных махин. В этот день, к моей великой скорби, я потерял жену Шенну и сына Бекка. Кто-нибудь из читающих это слышал другие вести о бегстве из Менового Холма? Я беспокоюсь за своего брата Самвена и его семью, за семьи своих друзей Джарта Оремана, Румана Джеддера, а также Терка Даршина, которых я не видел с самого Менового Холма.

Варко записывал слово в слово.

— Я пришел сюда вместе с солдатами большого улья, — продолжал Ашлаг, — которые спасли меня и мою дочь Келл от тахины ценой жизни одного из своих. Мы взяли кофеин, воду, рис и другую еду и еще много чего с полок — но это должная плата солдатам за их помощь, и я надеюсь, никто не пожалится. Боюсь, что бачки с продуктами теперь пусты совсем — еще пустее, чем были после Бессмана, но я постараюсь оставить что-то взамен, возможно, свой отличный лазмушкет.

Ашлаг глянул на Варко.

— Хватит пока, — сказал он.

Варко опустил стило. Старый лазмушкет Келл был практически единственной собственностью, оставшейся теперь у отца с дочерью. Капитан был готов снять шляпу перед решимостью старика соблюсти обычай стоянки.

— Мы найдем оставить что-нибудь другое, — сказал он Ашлагу. — У нас есть вещи, которые могут пригодиться.

— Благодарю, солдат, но я оставлю собственное пожертвование, — ответил

старик.

Он ушел к одной из коек и примостился, чтобы дать покой руке. Там же на одной из коек храпел Траск. Саген сидел за столом, допивая последние капли кофеина. Леопальд скреб жестяные миски и сковородки в кадке с водой, слитой из рециркулятора. Девушка сидела в дальнем углу, обхватив ладошками кружку с кофеином, и смотрела на неподвижного технопровидца.

Варко взял светосферу и снова вернулся к стене. Он прочитал, что некто по имени Рейдо или Релдо остановился здесь четыре месяца назад и оставил катушку детоленты взамен еды, которую брал. Не назвавший себя путешественник по диким землям шесть недель назад написал, что забрал смазочное масло, оставленное другим постояльцем, крайне необходимое для механизмов его шагателя, и оставил «кучу разных винтов, гаек и гвоздей». Погонщик гиппин, по имени Касвестер, проходивший мимо со своим караваном скота в конце года, гордо

сообщал, что он «не взял ничего и поэтому не оставил ничего». Кто-то еще, без имени и даты, просто написал: «Благодарю за кров. Я собирался умереть». Еще одна запись, сделанная кем-то, подписавшимся как «Твист Жиндаль», благодарила стоянку за энергию, воду и «самый отменный и удобный в мире нужник».

Варко расхохотался, тотая головой.

— Что-то смешное?

Он поднял глаза. За спиной стояла девушка.

— Нет, просто читаю.

— Это наша жизнь. Над ней ты смеешься.

— Я знаю. Я не смеюсь.

Девушка лишь поджала губы.

— Можешь мне помочь?

— Чем?

— Вот эта запись, вторая с конца, над пресловутым Бессманом. Тут какая-то схема, но я никак не могу разобрать почерк. Он такой мелкий и аккуратный. Можешь прочитать?

— Зачем тебе?

— Интересно, — ответил Варко.

Она опустилась рядом на колени и вгляделась в ту часть стены, куда он показывал.

— Ханкс, — сказал она. — Топограф.

— Знакомый?

Девушка мотнула головой.

— Тогда, откуда ты знаешь, что он топограф? Там так написано?

— Нет, — ответила она и постучала по стене кончиками пальцев, — это рука топографа, если я что-то понимаю. Топографы — они очень скрупулезные, очень аккуратные. Посмотри на почерк — такой весь сжатый и четкий. Рука рисовальщика карт.

— Что он пишет?

Она нахмурила брови и прищурилась.

— Ему пришлось посадить свой орнитоптер на Падуны из-за бури. Это было... восемнадцать недель назад.

— Еще до начала войны, — пробормотал Варко.

Девушка пожала плечами.

— Он пишет, что буря была ненормальной.

— Ненормальной?

— Так написано.

— Прочти мне.

Она недовольно на него посмотрела.

— Пожалуйста, — прибавил Варко.

Келл согнулась и пристально вгляделась в крошечные буквы:

— Так, здесь говорится: «Пришлось сесть во второй половине дня, сильный боковой ветер, усиливающийся к северо-северо-западу. Ненормально для этого времени года. Я планировал осмотреть конструкцию в Устье сегодня еще раз, но помешала погода. Началось накануне вечером: сильные несезонные бури. Я забрал немного сушеных продуктов и оставил два блока твердого топлива». Дальше он нарисовал схему.

— Что на ней?

Девушка сжала губы:

— Падуны — вот. Пыльное озеро сзади. Меновой Холм. Нижние Железняки — здесь, наверное. И вот крестик на Устье.

— В какой стороне находится это Устье? — спросил он.

— Километров десять к западу

отсюда, — сказал Ашлаг, поднявшись с койки и прихромав к ним. Грязная простыня была обернута у него вокруг плеч на манер шали. — Что там еще, дочка?

— Да, тут какая-то неразбериха, — сказала она.

— Слишком мелко и плотно для моих старых глаз, — признался он. — Поэтому я их и пропустил. Что там еще этот Ханко пишет?

— Пишет, что собирался сгонять к Меновому Холму, как только буря уляжется, и спросить у мэра Суэйна, не знает ли тот, что за конструкция строится в Устье. Пишет, что ему интересно — не связано ли это с небесными огнями.

— С небесными огнями? — переспросил Варко.

— Всю прошлую зиму на Проспекцию падали с неба куски звезд, солдат, — сказал старик.

— Вот черт! — воскликнул Варко. — Еще там есть что-нибудь? — спросил он, глянув в озадаченное лицо Келл Ашлаг.

— Не особенно, — ответила она. —

Топограф написал только, что проснулся рано, когда утихла буря, и обесточил генератор перед уходом. Пишет, что раз небо такое ясное, то слетает еще раз к Устью, прежде чем отправиться в Меновой Холм. И оставил инициалы.

Варко поднялся на ноги.

— Мне нужна оптика, — сказал он.

— В шкафах была оптика, — ответил Ашлаг. — Какого Шара ты намерен делать с оптикой в это время?

Варко не ответил. Он подошел к шкафам в кладовке, почувствовав, как в бок дунуло теплом от фырчащего генератора. В шкафах нашлось несколько пар защитных очков, еще постельные принадлежности и — огромный револьвер с двумя вертикальными стволами, завернутый в грязную драную тряпку вместе с большой картонной коробкой патронов. Варко оценил проявленное Орвеном Ашлагом и его сердитой дочерью доверие. Они могли бы взять этот револьвер и перебить тут всех.

Штука была очень увесистая. Варко

отодвинул револьвер в сторону и отыскал оптику.

— Ты куда собрался? — спросил Ашлаг проходящего мимо Варко.

Тот, с наблюдательным прибором в руке, пристегивал к лицу горгонью маску старика.

— На улицу, — ответил Варко.

Снаружи, в темноте, дождь лил как из ведра, превращая пыльные склоны в мокрую глину и грязь. Едва выйдя из дома, Варко тут же вымок до нитки. Он полез вверх по склону, засунув оптику за пояс. Буквально вбивая руки и ноги в грязь, он забирался все выше, время от времени скатываясь назад, когда пропитанная водой почва не выдерживала.

Гремел гром. Звезд на небе не было. Из-под тяжелой черной крышки неба низвергался дождь.

Пробираясь через бурлящие склоны и мини-водопады, Варко поднялся на омытый дождем утес. Миновал привинченный к южной стороне скалы блок солнечных батарей, блестящих от капель дождя.

Добравшись до вершины, он уже весь был облеплен мокрой грязью и дрожал. Сверху яростно рушились потоки воды.

Его окружала абсолютная ночная темень Мертвых земель.

Он взобрался на макушку плоской скалы в пяти сотнях метров над поверхностью пустыни и вытащил оптический прибор. Разглядеть не удавалось вообще ничего. Дождь снизил видимость до нуля, и Варко никак не мог уберечь линзы от водяных брызг.

Уставший, он уселся наземь.

Снова загрохотал гром, потоки воды поливали и так уже вымокшего капитана.

А потом дождь прекратился.

Варко сел прямо. Дождь перестал, словно где-то в небе дыру заткнули пробкой. Верхняя муть, кружась, уходила. Низкие тучи медленно расползались в стороны. На западе Варко уловил проблески звезд.

Запах дождя и свежей грязи бил в ноздри. Капитан поднялся и снова вытащил оптику. Вытер линзы и сдвинул

переключатель теплового режима.

Устье. Километров десять к западу, как сказал Ашлаг.

Варко посмотрел на запад: прибор зажужжал и защелкал.

— Ты что тут делаешь?

Он опустил прибор и развернулся. На скалу влезла девушка. Она пробралась за ним следом по мокрым и ненадежным склонам.

— Иди обратно, Келл, — велел он.

— Ты что тут делаешь? — повторила она.

— Не знаю. Пытаюсь найти Устье. Проклятый Троном прибор не желает работать в такой воде.

— Дай сюда, — она забрала прибор, настроила. — Вот так. Смотри на запад, по метке направления. Держи ровно, к глазу не прижимай.

— Я знаю, как им пользоваться, Келл, — сказал он, забирая прибор.

— О, ну конечно! — ухмыльнулась она.

Варко направил окуляр на запад. Келл настроила и сфокусировала прибор точно.

Он разглядел башню, торчащую в Устье.

— О Трон! — выдохнул он, стараясь держать прибор ровно.

В десяти километрах от них на высоту в триста семьдесят метров в низкое небо, словно кинжал, вонзалась пульсирующая решетка уродливой металлической конструкции. Огни святого Эльма, переливающиеся на верхних секциях, словно неоновые капилляры, бросали отсветы на рыхлые раздутые облака.

Вышка вырастала из пыли пустыни, собранная Архиврагом из металлических обломков, оставшихся от Менового Холма и других разоренных городков. Варко сообразил, что вышка творит что-то неладное с погодой. Это, должно быть, генератор щита — огромный генератор щита. Вышка проецировала обширное пустотное поле, которое скрыло значительную часть Западной проспекции от орбитального слежения, и его воздействие серьезно влияло на погодные условия.

«Что-то не так с небом, — говорил

Кодер. — Словно что-то закрыло небо от нас, капитан».

Варко опустил прибор ниже и осмотрел пустыню у подножия чудовищной конструкции. Он что-то пробормотал в отчаянии.

— Вон, видишь? Вон они, — сказала Келл, наведя собственный прибор. — Все там.

— Махины, — прошептал Варко.

— Много, — согласилась она.

Их действительно было много — не только по простецким меркам Келл Ашлаг, но по любым меркам. По меньшей мере шестьдесят махин собрались у подножия вышки, ухая в угрожающее небо, словно стая диких зверей. Шестьдесят махин, скрытых от орбитального наблюдения покровом пустотного щита башни.

Это было второе воинство титанов Архиврага — второе воинство, о существовании которого в ульях даже не подозревали.

Все четыре стихии словно сговорились вызвать гибель Аргентума. С небес хлестали потоки воды, огонь неконтролируемой фурией метался по внешним уровням улья, воздух полнился смесью дыма и ядовитых испарений, земля сотрясалась.

Титаны шли. Геархарт начал штурм второго по величине города Ореста.

Подпираемые сзади вторым фронтом, пять основных ударных групп из махин Инвикты и Темпестуса под началом лорда Геархарта приступили к попытке предать огромный улей смерти.

Не сумев пробиться сквозь рабочие поселения улья Принципал, Архивраг стянул все свои силы к улью Аргентум, который фактически находился под его

контролем уже две недели. Не то чтобы там особенно было что контролировать. Первая битва за Аргентум — или Город-губку, как его прозвали, — практически разрушила древний улей. Огромные куски его конструкции обрушились, выгорели либо находились в процессе выгорания. Махины Архиврага ворвались в улей с севера и с запада — и прошлись по нему со всепоглощающей яростью. Силы скитариев стяли остатки СПО и орестских полков, а затем методично вырезали население. Ходили неподтвержденные слухи о миллионах беженцев, устремившихся в юго-западные поселения. Рассказывали о тридцати-сорокакилометровых колоннах пленных, которых гнали под охраной в Астроблему и Западную проспекцию. Архивраг собирал подневольную рабочую силу, шептали одни. Может, рабочую силу, трачно вторили другие, а может, и сырье для какого-то ужасающего жертвоприношения своим безумным богам из варпа.

Лорд Геархарт, отмахиваясь от домыслов, полагал, что знает, чего хочет

противник.

Архивраг хотел драки. Он хотел выманить значительное число махин, защищающих высокий улей и Кузницу, из поселений — и уничтожить их одним решающим ударом. Для исполнения этого плана и был избран Аргентум.

Эта тактика, однако, могла сработать на обе стороны. Чтобы заманить махины Механикус в Аргентум, Архивраг у пришлось сконцентрировать здесь собственные силы. Уничтожение противника одним решающим ударом теперь стало возможным для обеих сторон.

Геархарт понимал, что идти на такой гамбит рискованно. Часть его старших принцепсов, включая Расина и Джекроу, высказывались против. Силы врага были огромны и сосредоточены в одном месте, и в бой они шли с безрассудной яростью.

Геархарт знал, что такое ярость. Ярость создала ему прозвище и репутацию, но ярость его не была

безрассудной. Она была бесстрастной, она была контролируемой. На пике своем она была настолько беспощадной и методичной, что Геархарт сам себя боялся. Он боялся собственной способности к разрушению. Когда он позволял поглотить себя Красной фурии, то целиком отдавался машинному духу. Он отдавался БМУ и той разумной мощи, что пылала в реакторах «Инвиктус Антагонистес». Эта сублимация принесла ему множество побед и вознесла от скромного фамулюса до принцепса максимус. Она принесет ему победу и в этой битве.

Геархарт не сомневался, что годы сублимации были повинны и в постепенном стирании его собственной сущности. Он чувствовал где-то глубоко, тем, что когда-то было его нутром, некий внутренний ответ, похожий на глухое урчание реактора, скрытого в тощей брюшине, что Аргентум станет для него последним походом.

Он разглядывал через манифольд лица экипажа на мостике. Каждый усердно

работал на своем месте, готовясь к предстоящему штурму. Ему их будет не хватать. А будет ли им не хватать его? Кто займет его место в раке? И не потеряет ли однажды его преемник себя в «Инвиктус Антагонистес» тоже?

В этот вечер на мостике присутствовали и другие лица. Они явились непрошеными и сейчас таились, словно призраки, среди теней, наблюдая за работой экипажа. Экипаж не замечал их присутствия. Вот Люциус Каринг, сгорбленный и что-то бормочущий, цыкает недовольно над рулевым, неуклюже манипулирующим цепями привода. Вот Лодем Баннс, первый модерати Геархарта, погибший два столетия назад в Генокрадских войнах, следит за работой Бернала, сидящего в кресле в подбородке титана. Вот Эрвин Геката с «Диктацио», трачный и прямой, ждет, когда начнется кровопролитие. Вот Гаэтан Санктос, предшественник Геархарта по принцептуре «Антагонистеса», стоит молчаливый и прямой как палка. Рядом с

ним — Тавр Менгс, бывший принцепсом до Санктоса, и с ними другие лица — призраки попрозрачнее, некоторые настолько старые и выцветшие, что их едва заметно, словно надпись на стене, перекрытую другими надписями.

Геархарт не знал их имен, но в то же время знал их всех. Они были принцепсами, командовавшими «Антагонистесом» в прошедшие эпохи: десятитысячелетний почетный список, восходящий к Марсу и рождению Империума — и потере целомудрия. Они представляли собой историю, которую ни один человек, даже сам Геархарт, не мог охватить целиком. БМУ призвал их всех быть свидетелями последнего выступления Геархарта.

— Все готово, мой принцепс, — сообщил Лодем Баннс.

<Благодарю, мой модерати>, — отозвался Геархарт.

— Следите за шумом щитов, молодой человек, — посоветовал Санктос. — На улицах улья везде будет эхо и наложение волн. Вели своему сенсори принять это во

внимание.

<Обязательно, сэр>.

— Помни, ты самый могущественный разрушитель во всем мироздании, — тихо произнес Геката. — Даже великие Астартес страшатся нас. Высокомерие — это не грех. Гордость — это не слабость. Ты — бог. Очень специфический бог.

<Бог войны. Я знаю, сэр>.

— Так будь богом.

<Буду. И есть, сэр>.

— И не дай им себя отключить, — прошипел Люциус Каринг.

<Мой принцепс?>

— Не дай им с тобой так поступить. Так, как они поступили со мной. Скоты. Лучше, если ты сначала умрешь.

<Да, мой принцепс>.

— Ты понял меня, парень? Ты как следует меня понял, отвесь такой могучий лорд Геархарт?

<Да, мой принцепс>.

Тени начали собираться вокруг него, окружая раку, пока все поле его зрения не заняли их старые, забытые лица, взирающие на него. Их холодные,

безжизненные ладони прижимались к стеклу и не оставляли следов.

<Я знаю, что делаю, — прокантировал Геархарт. — Любезно прошу оставить меня в покое!>

— Что вы сказали, мой принцепс? — откликнулся Бернал.

Геархарт стабилизировал себя в жидкости раки. Тени исчезли.

<Модерати?>

— Вы, кажется, что-то сказали, мой принцепс.

<Просто размышлял про себя, Бернал. Каково наше состояние?>

— Передаю оперативную информацию на ваш манифольд, мой принцепс.

Геархарт быстро просмотрел данные, движением век впитав более шести тысяч отдельных элементов из последовательности.

<Мы готовы, насколько это возможно>, — прокантировал он.

— Так точно, мой принцепс, — отозвался модерати, защелкнул свое кресло, двинув его вперед, и кивнул рулевому и сенсори.

<Команда по манифольду всем группам, — прокантировал Геархарт. — Приказ «вперед!» отдан!>

По команде Лау трехкилометровая масса скитариев и катафрактариев хлынула к внешним рвам и стенам Аргентума. На бегу они издали совместный кодовый вопль, который потряс небеса и даже Геархарта заставил поморщиться.

Черный, пропитанный влагой воздух осветился вспышками выстрелов, пылающими следами ракет и просверками лазерных лучей. Менее чем через сорок секунд схватка перешла в ближний бой. Скитарии Инвикты врезались в массированные ряды вражеских воинов, разбивая и отбрасывая их назад через грязь и дым. По линии сражающихся прокатились мощные взрывы. Одни из главных ворот улья взорвались и рухнули.

Тяжеловесные и величественные, махины шагали вслед за катящейся вперед лавиной скитариев. Они шли сквозь дождь и клубящийся дым; тысячи крошечных

попаданий вспыхивали и лопались на пустотных щитах; лазерные трассеры пролетали мимо, словно яркие, беззаботные ленты, несомые ветром. Машины принялись разряжать свои орудия и корпусные установки в стены и ворота ущья. Бурлящая завеса терцающего света и хлещущего пламени покатилась по внешним уровням — очищающая огненная буря, которая не оставляла за собой ничего, кроме спекшегося керамита и разбитого роккрита.

«Псы войны» ускакали вперед, пройдя сквозь боевые порядки скитариев, — «Предок Морбиуса», «Люпус Люкс», «Раптус Солемнус» — лучшие из верных «Псов» Геархарта. Быстрые и уверенные, они пробивали себе дорогу сквозь вражеские войска, разнося на куски танки и тяжелых катафрактариев.

«Амадеус Фобос» первым достиг главных восточных ворот Аргентума и первым вступил в бой с вражескими машинами. В узком проходе ворот он пронзил воздух копьями ракет, когда два

проклятых «Разбойника» попытались его остановить. «Филопос Маникс» подошел и встал рядом, приняв мощное попадание на пустотные щиты, и походя казнил одного из «Разбойников» из своего орудия. Перекрытие мощных ворот из тысячелетнего камня рухнуло, и куски разбитой кладки посыпались вниз, соскальзывая по пустотным щитам махин. Ворота, превращенные в пару изрытых воронками куч без верха, так никогда и не были отстроены заново. В последующем их назвали Вратами Маникс, и верующие Механикус совершали к ним паломничества, наряжая и украшая их израненные, побитые камни лентами, символическими шестернями и табличками.

«Маникс» и «Фобос» продолжали прокладывать себе путь через ворота, с хрустом давя боевых сервиторов. Второй «Разбойник» пал под огнем орудий «Маникса», подмяв своим пылающим корпусом сотню вражеских скитариев. Кроваво-красный «Владыка войны», визжа

мусорным кодом, вышел из уровня провалов, чтобы занять место павших «Разбойников».

«Маникс» и «Фобос» выстрелили одновременно.

Борман входил на «Дивинитус Монструм» через Арку Перспективы в двух километрах севернее главных восточных ворот. «Мститель Каликса» шагал следом, выпуская из корпусной установки ракеты. Улицы перед ними сметало катящейся взрывной волной.

Не обращая внимания на клубы пламени, к ним навстречу сквозь взметнувшуюся преисподнюю прорвались три вражеских «Владыки войны».

«Монструм» и «Мститель» выдвинули орудия ближнего боя и, не прекращая огня, направились к противникам.

«Сикариец Фаэро» вошел в Аргентум, пробив дыру во внешней стене. Наземные силы Лау хлынули следом по дымящимся обломкам. «Фаэро» убил вражеского «Пса

войны» мастерским выстрелом в брюшину, а затем пошел на сближение с «Разбойником», осыпавшим его ракетами.

Он шагал сквозь встречный огонь гнусного врага — его щиты держались, а поднятый бластган искал цель.

«Орестес Магнификат» провел четвертую ударную группу через Врата Бардольфа в Сады Секвенции и внешние проходы богатых южных кварталов улья. У лодочного озера он предал смерти вражеский «Разбойник», оставив его труп гореть на некогда безукоризненных газонах. Затем повернул на север, в жилую зону верхних классов, известную как Симфония.

Через одиннадцать минут хода, с хрустом пройдя мимо вычурно украшенного публичного фонтана на площади Лира — мраморного изваяния умирающего Императора на руках его выживших примархов, о котором упоминается во всех путеводителях по Аргентуму, — «Орестес Магнификат» погиб вместе со всем экипажем.

Сопровождавшие его скитарии при

виде махины, убившей их головного «Владыку войны», в ужасе бросились назад.

Выступив с нижних улиц, она выкрикнула свое имя. От воя мусорного кода лопались барабанные перепонки и вскипал леденящий страх. Сжигая на ходу бегущих скитариев, махина завыла снова.

Имя ей было «Аугменавтус Рекс», и когда-то она являлась титаном модели «Император».

>

Кругий следил за продвижением главного штурма по манифольду. Краулер вместе со своим эскортом остановился менее чем в пяти километрах от передовой. Экипаж наблюдал сквозь обзорный купол, как под сильным вечерним ливнем пылает Аргентум.

Кругия не интересовало это апокалипсическое зрелище. Его больше волновало отслеживание индивидуальных передач и записей с орудийных камер,

которые всплесками разворачивал перед ним манифольд. Его мнение о штурме Аргентума совпадало с мнением лорда Геархарта.

Приблизился Лысенко.

<Я еще раз передал ваши сообщения адепту сеньорус и лорду-губернатору, — прокантировал он. — От обоих по-прежнему никакого ответа>.

<Все еще проблемы со связью?>

Лысенко пожал плечами:

<Надеюсь. Если нет, то их продолжающееся молчание не сулит ничего хорошего>.

<А Зонне?>

<От фамулюса тоже ничего, экзекутор>.

Кругий кивнул, не отрывая глаз от манифольда.

<Как настроения на борту?>

<Все успокоилось, экзекутор, — прокантировал Лысенко. — Мне пришлось отчитать нескольких членов экипажа за буйное поведение и разжигающие вражду антиимперские и антикузнечные

высказывания, но сейчас все приведено к порядку. Это, — он указал на вид горящего ульи, — привлекает всеобщее внимание больше».

Дверь мостика открылась — Лысенко повернулся.

«Мамзель Северин, экзекутор».

Крузий оторвался от манифольда и подошел, чтобы поприветствовать Этту и ее телохранителя. Он полагал, что для Северин уже достаточно безопасно покинуть ее покои, однако заметил, что Готч вооружился хеллганом. Беглое сканирование также показало, что Этта Северин прячет под курткой пистолет.

— Этта, — он грациозно склонил голову.

Северин смотрела мимо него, загипнотизированная видом Аргентума.

— Святый Трон! — пробормотала она.

— Как видите, штурм Аргентума идет полным ходом, — произнес Крузий. — Я подумал, что вы будете не против увидеть. Я могу организовать подключение к манифольду, если желаете

посмотреть индивидуальные передачи ради подробностей.

— От улья ничего не останется, — произнесла она, по-прежнему глядя сквозь обзорный купол. Невозможно было различить детали — лишь размытое пятно из дыма, дождя, огня и тьмы, шевелящееся на фоне громадного силуэта улья.

— Если быть честным, то основная задумка, чтобы ничего не осталось от врага, — сказал Кругий. — Лорд Геархарт уверен, что здесь мы стянули в одном месте все главные силы Архиврага. Я разделяю его уверенность. Возможно, сейчас вы наблюдаете за освобождением Ореста.

— Тогда освобождение Ореста — самая отталкивающая вещь, какую я когда-либо видела, — ответила Северин.

— Это война, — произнес Готч. — У войны есть цель, у войны есть смысл. Война может быть правой и справедливой, но она никогда не бывает красивой.

— Хорошо сказано, майор, — заметил Кругий и повернулся к Северин. — Этта,

могу я оторвать вас на минуту?

Она перевела глаза на него и позволила подвести себя к другой стороне мостика. Готч стоял наготове, следя за ней внимательнее, чем за геенной огненной снаружи.

— Вы в курсе неприятных событий в улье Принципал? — тихо спросил Крузий.

— Да, — ответила она. — Я нахожу их очень тревожными. Потенциально они способны заставить то, что происходит с Аргентумом, показаться будничным.

— В самом деле. Могу я спросить, не вели ли вы переписку с лордом-губернатором Алеутоном с момента нашей последней встречи?

— Раз вы признались в слежке за моими передачами, экзекутор, то, полагаю, вы прекрасно осведомлены, что не вела.

Крузий улыбнулся:

— Я хотел удостовериться. Вполне вероятно, что у вас есть устройства связи, невидимые моему сканированию. Прошу вас, Этта. Я должен знать. Ситуация

слишком зыбкая для нас с вами, чтобы скрывать что-то друг от друга. Если придется выбирать чью-то сторону, вы должны знать, что Легио Инвикта будет на вашей стороне.

— Против Кузницы?

— Если придется. Инвикта не останется в стороне, чтобы позволить еретическим убеждениям разделить Империум и Механикус.

Она не ответила.

— Вы верите мне? — спросил он.

— Я думаю, что верю вам достаточно, — сказала она. — Нет, я не имела сеансов связи с лордом-губернатором. У меня нет устройств, невидимых вашему сканированию.

— Благодарю вас. По распоряжению лорда Геархарта я пытался связаться с ульем, точнее — с лордом-губернатором и адептом сеньорус. Лорд Геархарт желал, чтобы я заверил лорда-губернатора, что Легио Инвикта целиком и полностью на его стороне. Ответа я не получил.

— Понятно. Существует множество причин...

— И некоторые из них — нехорошие, — перебил он. — Могу я вас попросить составить сообщение и отправить ему через главный вокс краулера и ноосферную связь? Если по какой-либо причине он решил игнорировать мои сигналы, то сообщение от вас может помочь передать мои заверения. Вы должны заставить его понять, что мы полностью поддерживаем его и имперские интересы.

— Конечно, — ответила она. Крузий отвел ее к пульту связи, и Северин принялась набирать на клавиатуре сообщение.

<Экзекутор!>

Крузий оставил ее заниматься сообщением и поспешил к Лысенко, который наблюдал за дежурными сервиторами, занимающимися тактической оценкой происходящего.

<Докладывай>.

<Съемка с орудийной камеры катафрактария в районе Симфония, — прокантировал Лысенко. — Выгружаю маркер передачи в ваш манифольд>.

<Загружаю, — ответил Крузий,

переключая зрение на манифольд. — О Марс! Это что — «Император»?>

<Очертания подтверждены, — прокантировал Лысенко. — Я отправил передачу в Аналитику для перекрестного сравнения с «Вражеским каталогом», но...>

<Дай угадаю. Ответа не было?>

<Нет>.

<Свяжись с лордом Геархартом>.

<Связь налажена>.

Кругий отступил на шаг. В манифольде он внезапно оказался перед рамкой Геархарта на борту «Инвиктус Антагонистес». На теле Геархарта явственно выделялись психостигматические раны; он сгорбился и дрожал. Кругий понял, что принцепсом начинает овладевать Красная фурия. Через вспомогательные каналы манифольда Кругий узнал, что «Антагонистес» ведет перестрелку с двумя вражескими «Владыками войны» в третьей крупнейшей коммерции Аргентума.

<Геката, я занят! — прорычал

Геархарт. — Прошу вас, сэр, прекратите на меня пялиться».

«Это Крузий, милорд».

Изображение Геархарта слегка моргнуло.

«Крузий? Да, это точно ты, чертенок».

«Вы назвали меня Гекатой, милорд. Вы имели в виду великого Эрвина Гекату?»

«Старый пес в последнее время не выходит у меня из головы. Слушай, я занят. Бернал! Энергию на передние щиты! Повернуть на два румба и возобновить огонь из деструктора!»

Крузий услышал эхо ответа модерати.

«Я понимаю, что вы в бою, сэр, — прокантировал Крузий, — но мы только что засекли «Император» в районе Симфония. Он уже убил «Орестес Магнификат» и «Крузадус Антроп» и в данный момент теснит четвертую ударную группу обратно к Вратам Бардольфа».

«Черт побери! Подожди, экзекутор.

Бернал! Залп шестью ракетами! И пройдись болтерами по тем чертовым сервиторам!>

Кругий подождал. Через манифольд он ощущал толчки и грохот работающей ракетной установки «Антагонистеса». Он чувствовал запах прогорклого масла, горячей проводки, выхлопных газов. Он ощущал кислый привкус пота экипажа на мостике «Антагонистеса», секрецию адреналинового прилива, выделяемую работающими в поте лица орудийными сервиторами, и острый запах крови, сочащейся в амниотическую жидкость.

<Махина убита! Махина убита!> — загоготал Геархарт.

<Мои поздравления, господин>, — прокантировал Кругий.

<Мы свалили ее точно шестью ракетами. Вторая махина пытается удрать. Рулевой, в погоню!>

Изображение Геархарта снова повернулось к Кругию: <Ты говорил что-то про «Императора», Геката?>

<Кругий, господин>.

<Я знаю, черт! «Император»?>

<В районе Симфония, сэр. Он уже убил «Орестес Магнификат» и «Крузадус Антроп» и...>

<Да-да, я уже принимаю передачу. Я слишком далеко, чтобы разобраться с ним. Третья группа ближе. Я предупрежу Кунга. Ему придется направить туда свои махины. Если «Магнификата» больше нет, кто командует четвертой?>

<Горман Харзи на «Опустошении Вулкануса», господин>.

<Значит, не Геката?>

<Принцепс Геката давно умер, милорд>, — ответил Крузий, пряча тревогу.

<Я знаю! Я имел в виду Санктоса!>

<Милорд, Гаэтан Санктос был вашим предшественником на «Антагонистесе». Он тоже давно умер>.

Канал манифольда на мгновение померк. Когда связь вернулась, появился смеющийся Геархарт.

<Не понимаешь, когда я шучу над тобой, да, Джаред? Ради шестерни, чертенок, ты что — подумал, что я из ума

выжил или что?>

<Конечно, нет, милорд. Хотя сейчас, кажется, не совсем подходящий момент для легкомысленности>.

<Засунь легкомысленность себе во входной порт, экзекутор. Мы в самой гуще боя, если ты не заметил. У меня на прицеле махина. Передай Левину, чтобы привел второй фронт на помощь Кунгу. Всю когорту, слышишь меня?>

<Да, милорд. Будет сделано>.

Канал опустел.

Кругий постоял на месте. Потом поднял голову и взглянул на улей, горящий в ночи.

— Лысенко!

<Да, экзекутор?>

— Мне нужен канал с Левином.

<Слушаюсь, экзекутор>.

— И с Борманом, пожалуй. Закрытый канал.

«Борман. Я должен что-то сказать, — думал Кругий. — Если Геархарт дурачился — в самом пекле боя! — то я буду выглядеть дураком. Но это слишком

странно. Я должен что-то сказать. Мне придется довериться первому принцепсу. Он должен знать. Он должен быть готов принять командование легио, если...»

<Принцепс Левин на канале шестьсот тридцать один, экзекутор. Первый принцепс Борман на канале триста четыре>.

— Благодарю, Лысенко, — отозвался Кругий. Он переключил каналы своего манифольда. — Лысенко?

<Да, экзекутор?>

— Не мог бы ты попробовать связаться для меня с Зонне?

<Конечно, экзекутор>.

Кругий вздохнул и гаптическим жестом включил канал 631.

<Принцепс Левин, это Кругий. Приказ лорда Геархарта...>

>

Зонне затер и взмахом остановил свою свиту. Не считая непонятного

скитария-часового Темпестуса, огромные залы Внутренней Кузницы были безмолвны и пусты. Сервитор связи Облигана установила, что введен запрет на связь. Вокс и ноосфера не просто заглушены — намеренно отключены от внешнего мира.

Кузница представляла собой запутанный лабиринт. Потолки на высоте четырех или пяти этажей прятались в полумраке. В длинных залах и пустых помещениях царила неясность и радостно гуляло эхо.

Зонне чувствовал себя потерявшимся. А еще он чувствовал себя очень испуганным.

— Где Аналитика?

Карш сверился с сохраненной ноокартой.

<Сто пятьдесят метров, налево, пятьдесят три метра, направо, десять метров до перекрестка...>

— Хватит. Отведи меня туда.

Они открыли дверь и вошли в Аналитику. В главном зале было пусто, за станциями-кафедрами никого. Центральный узел каталога мягко

светился в центре помещения. Зонне подошел и вчитался в дисплей.

Там висело пятьсот семьдесят восемь запросов, ожидающих сопоставления с каталогом. Все неотвеченные. Махины Инвикты взывали о вспомогательной информации, но их вопли оставались неуслышанными. Вся работа с «Вражеским каталогом» была приостановлена.

Кем? Почему?

— Мы проиграем эту проклятую войну, — пробормотал Зонне.

<Инвикта никогда не проигрывает>, — машинально прокантировал Карш.

— Может быть, на этот раз, — ответил Зонне. Он повернулся к Облигане: — Случаем, отсюда нельзя открыть канал до экзекутора? Пожалуй, нет.

<На данный момент доступных каналов нет, фамулюс>, — ответила та инфоговоркой.

— Ты можешь отыскать мне адепта сеньорус? Или адепта файста?

<В процессе, — ответила Облигана. Ее глаза затопили пролистываемые данные. — Адепт сеньорус и адепт файст

находятся в переговорной комнате номер шестнадцать, двумя этажами ниже>.

— Ведите меня туда, — велел Зонне скитариям.

>

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне, как давно это планировалось, — произнес Итануал, от усталости и смятения перейдя на плотский голос. — И хочу, чтоб ты знал: я считаю это изменой. Вы все меня разочаровали. Больше, чем разочаровали. Мне за вас стыдно.

<Ты стар, адепт, ты не понимаешь>, — ответил кантом Толемей.

— Я хорошо понимаю угрозу оружием, глава архивов, — возразил Итануал. — Эти скитарии навели свое оружие на меня и на файста. Это я понимаю. А вот тебя я не понимаю.

<Кантом, ради шестерни, — выдал инфоговоркой Энхорт. — Терпеть не могу твой невнятный плотский голос!>

Итануал повернулся к экзекутору-фециалу Тетпестуса и ответил ему нарочито размеренным плотским голосом:

— Ты, Энхорт. Больше всего разочаровал меня ты. Мой фамулюс, мой друг. Я доверял тебе во всем, а ты строил заговоры против меня с этими дураками. Против меня, против Кузницы, против Механикус.

Энхорт напрягся:

<Космос меняется, Соломан. Механикус растет и развивается. Истина дает нам право. Галактика не должна, не обязана гореть в огне войн Империума вечно. Император и иже с ним утянут нас за собой в пропасть. Да, я был твоим фамулюсом. И по-прежнему считаю себя твоим другом. Как ты не видишь пользы того, что мы делаем? Настало время для Марса занять господствующее положение снова. Присоединяйся к нам>.

— Ты больше мне не друг и не товарищ, Энхорт, — буркнул Итануал. — Ты злоупотребил моим доверием. Ты отравил Кузницу Ореста. Ты обесчестил Механикус.

<Заткнись, старый дурак!> — прокантировал Толемей.

Скитарии вокруг него ощетинились.

— Это я старый дурак, Толемей? — спросил Имануал. — Возможно. Я видел, как развивался этот раскол, и старался отвести его. Пожалуй, нужно было стараться лучше. Пожалуй, нужно было отслеживать результаты диагностики поведения повнимательнее и понять, что таких идиотов, как ты, следует отстранять от должности до того, как они сумеют наделать дел. Представляю, как буду жалеть об этом всю мою оставшуюся жизнь. А еще представляю, что всю мою оставшуюся жизнь можно измерить часами.

<Вы не посмеете причинить вред персоне адепта сеньорус!> — прокантировал Файст.

Один из скитариев повернулся и нацелил свое оружие прямо Файсту в лицо.

<Полагаю, будет лучше, если ты помолчишь, адепт, — снисходительно заявил Иган. — Ты свое дело сделал>.

<Свое дело? В содействии этому

богохульству? Ты использовал меня, не так ли, Иган?>

Иган пожал плечами, и его механодендриты нервно колыхнулись.

<Не преднамеренно. Но ты оказался так чертовски полезен>.

<Убейте меня>, — прокантировал файст.

Иган и Энхорт уставились на него. Толемей рассмеялся.

<Убейте меня, — повторил файст. — Я не хочу быть частью этого преступления. Лишь объясните мне ваше безумство, прежде чем один из ваших воинов пустит пулю мне в лоб>.

<До этого не дойдет, — прокантировал Иган и глянул на Толемея. — Так ведь, Толемей? Так?>

Тот не ответил.

<Расскажи адепту то, что он хочет, и узнаем>, — прокантировал Энхорт.

Иган сделал шаг к файсту. Его модифицированные глаза бегали, и файст чувствовал запах его ускорившейся жидкостной системы.

<Файст, у меня и в мыслях не было

втягивать тебя в это. Я не думал доставлять тебе какие-то...>

<Просто расскажи>, — прокантировал Файст.

— Да, расскажи ему, Иган. Мы все внимательно слушаем, — сказал Имануал.

<Толемей наткнулся на эти документы девять лет назад во время обычной каталогизации>, — прокантировал Иган.

<Вы знали об этой тайне девять лет?> — отозвался Файст.

<Девять лет?> — повторила Калиен недоверчиво.

<Девять лет, чтобы решить, что с ними делать, — прокантировал Энхорт. — Девять лет, чтобы сделать выбор>.

<Давайте сразу проясним одну вещь, прежде чем продолжить, — вмешался Толемей. — Документы подлинные, абсолютно подлинные. Это не подделка. Не мистификация. Я ничего не подтасовывал и не изменял. Документы точно такие, какими я извлек их из глубоких архивов, и они доказывают — безо всякой тени

сомнения! — что Бог-Император Человечества — не наш Омниссия. Один лишь этот факт должен помочь вам понять искренность наших действий>.

— Факт или нет, — медленно произнес Итануал, словно объясняя что-то ребенку, — но отделение от Империума приведет к войне, к проклятию, к полному уничтожению Механикус. Это непопулярная точка зрения, я знаю, но без Терры мы ничто. Десять тысяч лет истории поставили нас в положение взаимной зависимости. Симбиоза. Твоя правда, Толемей, какой бы истинной она ни была, убьет нас всех.

<Это твое мнение, Соломан>, — ответил Энхорт.

— На данный момент, фамулюс, мое мнение — это все, что у меня осталось, — сказал Итануал.

<С того самого момента, как я прочел документы и понял их ценность, — прокантировал Толемей, — я знал, что ты не допустишь их публикации, адепт сеньорус. Я знал, что именно такие аргументы ты приведешь. Энхорт

надеялся, что тебя можно будет уговорить, так что мы проверили твою убежденностью>.

<Вы проверили меня?> — повторил адепт сеньорус.

<Иган носил тебе материальные книги время от времени, — прокантировал Энхорт. — Материальные книги, файлы, отрывки, копии, выдержки. Он говорил, что носит их тебе для развлечения>.

— Помню.

<Ты их все велел сжечь>.

— И вы поняли, что я никогда не позволю предать эти материалы официальной огласке, — произнес Итануал.

<Мы поняли твои мотивы, — прокантировал Иган. — Мы не согласились с ними. Мы дали тебе все шансы, но ты возражал. Кузнице Ореста не по дороге с новым путем. Ты сам дал нам это понять. Почему ты такой зашоренный?>

— Потому что, в отличие от тебя, Иган, я принимаю во внимание катастрофу, которая разразится, если эти документы выйдут наружу.

Толемей отвернулся.

<С ним бесполезно кантировать>, — с раздражением произнес он.

<Закончите свою историю,> — прокантировал Файст.

— Нетрудно догадаться, — задумчиво произнес адепт сеньорус с отсутствующим взглядом в аугментических глазах, словно решая какую-то далекую абстрактную задачу, — что следующая часть истории включает в себя придумывание способа обойти политику Механикус и мои полномочия, не надевая на себя маску злодеев. Очень трудно увлечь кого-то за собой, когда слушатели тебя освистывают.

<Мы хотели, чтобы материалы были преданы огласке, но понимали, что без твоего разрешения или пойдя против твоего указа станем в глазах Кузницы мятежниками, — прокантировал Энхорт. — Материалы должны были появиться на свет как случайная находка>.

— Очень изобретательно, — пробурчал Итануал. — Я впечатлен твоим

коварством, мой фамулюс. Другим вариантом для вас оставался только переворот. Глава архивов, глава Аналитики, экзекутор-фециал... этакий триумвират против старого и старомодного адепта сеньорус. Вы могли повести за собой многих, но это было бы слишком рискованно. И война стала для вас просто даром машинных духов, не так ли?

<Я... я не понимаю>, — прокантировал Файст.

Иган посмотрел на него, по-прежнему нервно колыхая дендритами.

<Война стала для нас удачным стечением обстоятельств. А ты, мой дорогой адепт, ты не смог бы сыграть свою роль лучше, даже если бы мы ее отрепетировали. Так умно, так находчиво предложить открыть даже секвестированные архивы, чтобы помочь в войне>.

<Толемей оставил документ там, где ты или один из твоих адептов нашли бы его, Файст, — прокантировал Энхорт. — Было даже лучше, если кто-то «обнаружит» данные вместо нас. А Калиен

стала последней частью нашего уравнения. Толемей приставил ее к тебе в Аналитику, потому что знал, что она — амбициозный мелкий металлолом, который пойдет на все, чтобы сделать себе имя. Он хорошо ее изучил. Он знал, что она не даст тебе скрыть то, что ты найдешь».

Калиен у ног Файста сжалась в тугой всхлипывающий комок.

«Ты сделал нашу работу за нас, Файст, — прокантировал Толемей. — Данные раскрыты, а Энхорт, Иган и я не имеем к этому абсолютно никакого отношения».

«Вас следует поблагодарить обоих, — согласился Энхорт саркастическим бинарным тоном. — Истина теперь где-то там. И ее нельзя вернуть обратно. Как только эта незначительная война на Оресте закончится, будущее примет нас с раскрытыми объятиями. Новое будущее. Марс, восходящий к господству».

Плечи Файста опустились. Он уставился в пол и потопал головой:

<Что будет теперь?>

— Мой дорогой адепт, — произнес Имануал, беря Файста за руку двумя манипуляторами, — где твое воображение? Теперь начнется переворот. Во время войны, когда публика возбуждена до крайности, а от всеобщей паники нас отделяет лишь полстука сердца, окажется, что Соломан Имануал, адепт сеньорус и глава Кузницы Ореста, умышленно скрыл данные, которые могут изменить судьбу Человечества. Какое же я, оказывается, ужасное чудовище! Какой зашоренный старый дурак, слишком долго стоявший у власти! Магосы Кузницы, простой народ, скитарии и легио, даже имперское население улья, их гранды и политики с благодарностью и пониманием склонятся, когда отважные и верные долгу главы архивов и Аналитики вместе с представительным и харизматичным экзекутором-фециалом Темпестуса самоотверженно предложат свою помощь, дабы вырвать власть из моих дряхлых манипуляторов и восстановить порядок. Так оно примерно и будет, да, Толемей?

Иган? Мой дорогой доверенный фамулюс? Так оно примерно и будет?

Толемей не ответил. Иган нервно заерзал, стараясь не встречаться с Файстом глазами. Энхорт скрестил руки на груди и прокантировал:

<Так примерно и будет>.

<Но мы-то знаем>, — произнес Файст.

— Вот поэтому им придется нас убить, — ответил Имануал.

Он отпустил руку Файста, но за секунду до этого Файст почувствовал, как манипуляторы отстучали незаметную гаптическую дробь:

Будь готов, мой мальчик.

— Хочу еще кое-что сказать напоследок, — заявил Соломан Имануал, подбирая свои одежды и поворачиваясь лицом к троице и скитариям. Он раскрыл аугмиттеры, встроенные в нижнюю часть лица, и выдал короткий и резкий поток кода.

Это был управляющий сигнал: блокировка команд высочайшего приоритета и четкости. Имануал

терпеливо составлял ее во время всего разговора. Это была самая прекрасная и совершенная кодовая композиция, какую когда-либо слышал Файст, — работа истинного гения Механикус.

Она временно отменила широкие полномочия Толемея над четырьмя скитариями и заменила его кодированные приказы новой командой.

Скитарии развернулись друг к другу и открыли огонь. С такого близкого расстояния их мощное оружие разрывало тела на куски, забрызгивая помещение кровью, ошметками плоти и биомеханическим ихором. Файст прикрыл лицо, а Калиен вскрикнула от внезапного грохота. Случайный выстрел пробил Игану левое бедро, и тот, скуля, распростерся на полу.

<Беги!> — велел Итануал Файсту, вложив в приказ самый серьезный и выразительный бинарный тон, а сам, несмотря на возраст и дряхлость, он ринулся вперед, размахивая и хлеща дендритами, на Толемея и Энхорта.

<Ты, старый дурак!> — кантировал

Энхорт, отбиваясь.

Манипуляторы Итануала хлестнули по нему, оставив резаные раны на щеке и лбу.

Толстею тельнувшими манипуляторами распороло глотку. Из раны хлынуло содержимое жидкостной системы, и глава архивов рухнул на пол.

Файст, лицо и руки которого заляпали брызги крови и биожидкости, схватил Калиен за руку.

<За мной! — яростно выдал он. — Пошли!>

Он вытащил ее из переговорной в коридор. Они бежали сломя голову, по-прежнему держась за руки.

— Файст!.. — крикнула Калиен, прибавляя ходу, чтобы не отставать. Топот их ног разносился по огромному коридору.

<Заткнись и беги, адепт!>

Несмотря на то что основными функциями экзекутора-фециала являлись церемонии и дипломатия, его

модификации делали его вполне подходящим для боя. Тело Энхорта было переделано и усовершенствовано до уровня любого высокопоставленного скитария. Распахнув черные как смоль одежды, Энхорт срубил пару хлещущих механодендритов Итануала ударами армированных ладоней и ногой с разворота отправил адепта сеньорус в другой конец комнаты.

Итануал грохнулся о дальнюю стену. От удара у него захрустели кости, полопались органы и треснула скелетная аугментика. С коротким выдохом он сполз по стене и съежился на полу. Тяжело дыша, Энхорт стоял и смотрел на разбитое тело адепта сеньорус, затем вытер кровь с лица.

<Тупая скотина!> — прокантировал он.

Толемей поднялся на ноги. Иган все еще стонал и корчился на полу, зажимая бедро. Перед облачения Толемея был насквозь пропитан кровью и биожидкостью. Он свел края раны на горле двумя манипуляторами и отвел

жидкостной поток через запасные сосуды в обход порванных артерий.

<Все еще со мной?> — вопросил Энхорт.

<Файст и девчонка. Их нужно остановить>, — прокантировал Толемей.

Энхорт кивнул и направился к выходу, созывая скитариев с близлежащих постов.

Зажав горло, Толемей уставился на трепещущее и стонущее тело старого адепта сеньорус. Он подошел к разорванному выстрелами телу одного из скитариев и вытащил пистолет у того с пояса. Оружие было скользким от крови.

<Ты стоишь на пути, — сказал Толемей старому, смертельно раненному адепту, — ты стоишь на пути будущего. Будущее — это мы>.

— Значит, б-будущее, — выдохнул Итануал неразборчиво, коверкая слова непослушным языком, — это не то, что я х-хотел бы ув-видеть.

Толемей поднял пистолет и всадил в грудь адепту сеньорус шесть выстрелов. Первый раздробил позвоночник, следующие два разорвали полостные камеры древнего

пластекового сердца. Остальные три были уже лишними.

Соломан Итануал содрогнулся и медленно осел в быстро растекающуюся блестящую лужу крови. Толемей наклонился и закрыл мертвые, мерцающие помехами глаза Итануала мокрыми пальцами.

— Тогда не смотри, — предложил он.

Файст и Калиен бежали. Все еще держась за руки, они проскочили широкий коридор 1823-го уровня Кузницы, свернули на перекрестке и ринулись дальше.

<Почему ты меня просто не бросил?> — крикнула Калиен.

<Возвращайся, если хочешь быть с ними!>

<Не хочу! Клянусь! Я понятия не имела!>

<Тогда пошли, поможешь мне все исправить!>

<Как ты можешь доверять мне после?..>

<Никто не любит, когда его используют>, — ответил он.

Они метнулись в сторону, когда коридор у них за спиной обожгли лазерные выстрелы. Энхорт восстановил контроль над скитариями, и несколько воинов ворвались в коридор позади них. Скитарии пробежали вперед, остановились и навели оружие на бегущую парочку, выхватывая данные целеуказания из ноосферы, которые могли помочь подстрелить Файста и Калиен.

Калиен и Файст ощутили, как по ним скользят призрачные ноосферные прицелы. Спрятаться было некуда.

<Нам конец, Файст! — заверещала Калиен инфоговоркой. — Нам конец!>

Мощный залп пропорол коридор. Скитарии Энхорта выгибались, закручивались и падали, разорванные на части.

<Какой шестерни?> — прокантировал Файст, остановившись и оглядывая дымящиеся тела.

Из сумрака впереди возник Зонне в сопровождении своих воинов. Над оружейными конечностями Карша, Люкса-

88 и Тефлара струилось горячее марево.

— Привет, Файст, — поздоровался Зонне. — Тебе лучше пойти с нами, если хочешь остаться в живых.

>

В воздухе чувствовались первые признаки надвигающегося дождя. Калли ощущала его запах. Далекий край Астроблемы стал расплывчатым и туманным. Слышен был едва заметный царапающий звук, похожий на шелест насекомых или статического электричества, — на самом краю слышимости, почти заглушаемый ветерком.

Мобилизованная двадцать шестая торопливо покинула Торный След, катя с собой подводу. Их скорость в основном зависела от того, как быстро Робор сможет идти рядом с раненым принцепсом на подводе. Антик, в минуту неуважительного вдохновения, за которое

отчитать его у Калли не было ни времени, ни желания, нацарапал на боку подводы название: «Тератос Титаникус».

— Это типа шутка, — заявил он.

— Только меньше, — добавила Голла Улдана.

Вопреки своей воле, Калли нашла шутку смешной. Разбитая деревянная подвода, умирающий принцепс и одиннадцать испуганных солдат СПО, у которых практически отсутствовали боевые навыки и которые все до единого отчаянно желали оказаться где-нибудь в совершенно другом месте... И подвода под названием «Титаникус».

Они покинули границы Торного Следа, прошли развалины Не Торопись и Города Дальше. Полил дождь, становясь все сильнее. Они не сбавляли хода, протаскивая подводу через грязь.

— Давайте быстрее! — торопила Калли.

— Ох, Калли-детка, попробуй сама потолкай! — пожаловалась Голла.

— Калли обратила внимание, что Дженни помогает катить шаткую

повозку, не жалея сил.

Молодец, девочка!

По синюшному, налившемуся злобой небу прокатился раскат грома.

— Это же гром, правда? — спросил Ларс Вульк, налегая на веревки, перекинутые через его могучие плечи.

— Да, Ларс, это гром, — ответила Калли. — Идет, идет.

— Это не гром, да? — шепнула ей Лив Рейсс.

— Ну конечно гром, — подмигнула ей Калли.

В душе она не была так уверена. Гром звучал слишком похоже на поступь махины; словно за ними кто-то шел, кто-то, предупрежденный сигналом Дженни Вирмак.

Еще хуже был царапающий звук. Даже если остальные его и услышали, то приняли за далекий треск молний. Но Калли знала: такой звук издавали те боевые сервиторы, когда семенили ногами и искали жертву. Это был тот самый узнаваемый звук пресловутых

таракатанков Антика, разыскивающих их, чтобы убить.

>

Спокойный и полностью собранный, Вансент Кунг вел «Сикарийца фаэро» сквозь бурлящие пожары южных улиц Аргентума к району Симфония. Жидкость, поддерживающая его внутри раки, на ощупь была холодной, как талая вода. Его разум был тверд, как слиток железа.

Махины третьей ударной группы следовали за «Фаэро» по плавящимся улицам. От их подавляющего огня целые многоквартирные штабели осыпались лавинами камня. Керамитовые стены рвались, словно мокрая бумага. Стекло таяло брызжущими ручьями. В соответствии с полученными сигналами принцепс Левин провел головные махины второго фронта через Врата Песнопений на нижние пандусы окраины улья и следовал на соединение с ним.

Кунг засек впереди перестрелку грандиозных масштабов. Восемь махин четвертой группы, ведомой Германом Харзи на «Опустошении Вулканса», вели бой с фантастически огромным вражеским «Императором». Передачи Харзи, рваные от интерференции с мусорным кодом, граничили с безумием. Четвертая группа несла жесточайшие потери — обороняться от циклопической машины им было практически нечем. «Император» шел на них лоб в лоб, ровняя с землей целые городские кварталы и ульевые штабели, чтобы только добраться до них. Кунг сморщился от кодового вопля «Темпус Ионикус», погибшего в огненном шаре, что был горячее солнца.

Сверхтяжелый «Император» был таким огромным, что манифольд изображал его как часть громадной конструкции улья, отделившуюся и ходящую по собственной воле. Башни и похожие на замки конструкции его колоссальной верхней части угрожающе нависали над стеной огня и жара.

<И что, черт возьми, с ним делать?> — прокантировал модерати Даросс.

<Дисциплина! — предупредил Кунг. — Сенсори, дайте полный спектральный анализ его щитов!>

Сенсори быстро выполнил сложную задачу и отправил сжатый пакет с результатами через соединение с манифольдом. Кунг просмотрел результаты и обнаружил, что они лишь подтверждают то, о чем он сам уже догадывался. «Аугменавтус Рекс» был окутан пустотными щитами такой мощности и сцепления, что они могли выдержать все, что на них могли обрушить «Фаэро» и любая другая махина. Единственным способом преодолеть их был непрерывный, разъедающий огонь. Если все они будут стрелять в одну секцию щита достаточно сильно и достаточно долго, то, возможно, сумеют ее пробить. Потребная для этого координация стрельбы могла занять несколько минут.

Однако, как только они приступят к обстрелу, «Аугменавтус Рекс» примется

за них, и жить им останется хорошо если несколько минут.

Третью группу от бушующего гиганта отделяло еще три километра.

<Все махины запрашивают разрешения начать стрельбу с дальней дистанции, мой принцепс>, — доложил Даросс.

<Отставить. Разрешения не даю>, — ответил Кунг. Он прокручивал в голове цифры и варианты, проводя тактические вычисления с нечеловеческой скоростью благодаря усовершенствованной химии своего жидкостного потока. Он вычислил минимальную энергетическую мощность, потребную для пробивания единственной секции щитов «Императора», и время, за которое эта мощность должна быть приложена к цели. Возможно — если все махины наведутся по заранее подготовленным расчетам целеуказания и выстрелят одновременно? Нет, пространство для ошибки было слишком велико. Разные махины, расположенные в разных местах, каждая со своими данными

на аустике и особенностями стрельбы... Вокс и кант — слишком неуклюжие инструменты для целиком и полностью скоординированного огня.

Что тогда? Геархарт доверил ему убить этого гиганта. Как бы Геархарт справился с ним?

<Даросс! Соедини меня со всеми принцепсами третьей группы и второго фронта! — приказал Кунг. — И всеми еще оставшимися на поле боя принцепсами четвертой группы! Всеобщий конгресс в манифольде!>

<Слушаюсь, мой принцепс!>

Одно за другим быстрой вереницей материализаций изображения созванных принцепсов появились посреди манифольда вокруг раки Кунга, грачно уставившись на него. Изображение Ромулура Кибора, принцепса «Целестус Аристеас» четвертой группы, дернулось, задрожало и сменилось шипением кода через секунду после появления: «Аристеас» был повергнут неистовствующим «Императором».

<Принцепс Кунг?> — вступил старый

Левин.

<Слушайте меня все, — прокантировал Кунг. — Это не обсуждается, и сейчас не время для дискуссий. Подключайте свои БМУ напрямую к моей машине. Передайте мне управление вашими ауспиками и системами управления огнем. Предоставьте мне полномочия для управления вашими титанами>.

<Соединение БМУ через манифольд запрещено!> — прокантировал Терон со «Страйдекса».

<Если мы откроем наши БМУ в манифольд, то рискуем получить вторжение мусорного кода и порчу!> — заявил филостарт с «Атрокс Террибилис».

<Я уже сказал — это не обсуждается, — повторил Кунг. — Исполняйте немедленно!>

Изображения принцепсов поисчезали так же быстро, как появились. Кунг поежился, ощущая, как открываются подключения. Он услышал рокот и хрип

десятков других махин, словно находился внутри них. Он почувствовал пот и нездоровые выделения жидкостных систем, словно все остальные принцепсы оказались с ним в одной раке.

Груз ощущений оглушал. Кунг застонал от напряжения, чувствуя тяжесть, навалившуюся на разум. Соединиться с одной махиной значило посадить дикого зверя на цепь в своей голове. Соединиться одновременно со многими махинами значило заглянуть через край пропасти, ведущей в ад.

Кунг вздрогнул, отгоняя мерзкие щупальца безумия, лижущие и грызущие края сознания. На секунду он добился просветления. Экзистенциальные ударные волны прокатывались сквозь него. Кунг привык быть гигантом, но сейчас он стал многими гигантами, соединенными вместе, — гигантом из гигантов, больше даже, чем ревущий «Император», что возвышался перед ним. Он стал третьей группой, и вторым фронтом, и остатками четвертой группы. Он стал центром кружащейся, ревущей массы сознаний, яркой

и беспощадной, как сверхновая, и катастрофически массивной, как черная дыра.

Собравшись с силами, всхлипывая, он объединил передачи ауспиков, приходящие с других махин, выбрал расчеты поражения цели и отправил их в разные системы ведения огня. Мусорный код выл и дребезжал на границах сознания, разъедая и стрекоча, стараясь пробраться внутрь и устроить хаос.

<Приготовить все орудия!> — выгрузил Кунг приказ.

Десятки махинных разумов послушно откликнулись. Десятки автоматов заряжания защелкали, десятки ракетных установок распахнули приемники для боеприпасов, десятки массивных энергетических орудий на руках и корпусах начали заряжаться, поглощая энергию из своих аккумуляторов. Десятки перекрестий и прицельных рамок наложились и свелись на одной и той же небольшой секции структуры пустотных щитов «Императора» — третьей нижней левой передней поясничной.

Перекрывающиеся прицелы образовали четкую светящуюся рамку в манифольде, похожую на раскаленный клок паутины.

<Огонь!> — прокантировал Вансент Кунг.

В безукоризненном акте одновременного залпа объединенные махины открыли огонь. Со своих разбросанных позиций внутри и снаружи Симфонии махины Инвикты и Темпестуса полыхнули огнем в абсолютной координации. Неистовые лучи энергии хлестнули сквозь пожары и дождь, ракеты ринулись в темноту, прогрохотали бортовые залпы — совмещенная ярость, достаточная, чтобы разрушить целый город.

Все это одномоментно ударило в одну десятиметровую квадратную секцию пустотного щита.

Третья нижняя левая передняя поясничная секция прогнулась, как мыльная пленка от дуновения, и лопнула. Мгновение спустя «Аугменавтус Рекс» испытал общесистемный каскадный сбой щитов,

когда взорвались генераторы, попытавшиеся скомпенсировать и перекрыть недостающую секцию.

В поле зрения манифольда ореол, окружавший чудовище, погас, словно огонек задутой свечи.

<Убить его!> — прорычал Кунг.

Многочисленные махины снова открыли огонь. Кунг оставался на единой связи до тех пор, пока не убедился, что его гамбит удался. Когда батареи титанов начали индивидуальный огонь и на вздымающейся надстройке «Императора» появились визуально наблюдаемые попадания, Кунг с чувством выполненного долга отключился по очереди от всех махин, ощущая, как отпускает его страшный груз и невероятное напряжение.

Он поблагодарил Машинного Бога за избавление.

Уничтожение «Аугменавтус Рекс» заняло целых десять минут. Последовательная бомбардировка рушила его башни и шипастые минареты, разбивала черные стекла окон и зубчатые стены с бойницами. Пылающий, наводящий

ужас, потрясающий Бегемот, окутанный раскаленным добела пламенем и удушливым черным дымом, продолжал стрелять, успев забрать с собой еще две верные Кузнице махины.

Кунг услышал жуткий, пронзительный крик мусорного кода, когда «Аугменавтус Рекс» принял смерть. Гиростабилизаторы врага вышли из строя, и гигантские ноги сложились. Замок, который он нес на чудовищных плечах, рухнул вниз, на камни Аргентума, и исчез во всепоглощающем взрыве.

<Махина убита! Махина убита!> — доложил Даросс.

Погружаясь в свою амниотику, с едва теплящейся искрой разума и ослабевшими членами, Кунг кивнул.

<Дай мне минутку, модерати>, — ответил он.

>

Когда Варко и Келл Ашлаг, оба

вытокшие до нитки, вернулись к стоянке, там все было темно и мертво.

Вытащив пистолет, Варко вошел в дом.

— А, это ты, — с облегчением буркнул Саген, опуская сковородку, которую намеревался использовать как оружие.

— Что со светом? — спросил Варко.

Светосферы не горели, и генератор молчал. Кто-то расставил несколько свечей в банках, чтобы стало светлее.

— Он высосал всю энергию досуха, — сказал Леопальд.

До Варко дошло, что в углу комнаты стоит Кодер, внимательно изучая убористые надписи на стене.

— Кодер?

— Да, мой капитан?

— Ты живой?

— По всей видимости, мой капитан.

Кодер напрягся, когда Варко обнял его в порыве чувств.

— Я не очень переношу интимность, капитан Варко, — сказал он.

— Прости. Рад тебя видеть.

— И я, сэр.

— Ты здоров?

Кодер пожал плечами:

— Диагностическая оценка насчитала уровень активности и физической формы в пятьдесят восемь процентов, но мне лучше, чем раньше.

— Он высосал из генератора все, — отметил Ашлаг, потягивая кофеин из жестяной кружки.

— Да, я истощил аккумулятор генератора. Это вышло непроизвольно. Я нуждался в энергии.

— И вполне заслуженно, — заметил Ашлаг.

— Что вы там увидели, капитан? — спросил Траск. — У вас такой вид — Трон сохрани!

Варко глянул на Келл, подошел, налил себе кружку кофеина и уселся на табурет. Не торопясь и подбирая слова, он рассказал им про вышку, махины и щит.

Саген закатил глаза. Леопальд, никогда не отличавшийся сдержанностью, издал самое непристойное богохульство, какое доводилось слышать Варко. Траск просто пожал плечами.

— Похоже, вы по колено в дерьме, солдат, — хихикнул Ашлаг.

Он дотянулся до кофейника и со звоном поставил его обратно на печку — Варко вылил себе последнее.

— Что будем делать, сэр? — спросил Саген.

— Предупредим улей, — не раздумывая ответил Варко.

— Этот план может сработать, — сказал Кодер, — если не считать двух ключевых пунктов.

— И каких?

— У нас нет вокс-передатчика и любых других способов связи.

Варко кивнул:

— Угу, это я уже сообразил. А второй?

— Даже если бы у нас был вокс или подключение к ноосфере, нас блокирует щит.

Варко посмотрел на него:

— Небо закрыто, Кодер?

Кодер кивнул:

— Точно так, капитан.

— У кого есть предложения? — спросил Варко. — Мне нужны идеи.

Никто не ответил. Дождь барабанил по крыше дома. Похоже было, что рассвет не наступит никогда.

— Если... — начал Кодер.

— Что? — спросил Варко.

— Ничего.

— Говори уже.

— Я просто размышляю, капитан. Если воинство махин обнаружат с орбиты, то об угрозе будет сообщено.

— Конечно, будет. И как мы это сделаем? — спросил Варко. Он остановился и задумался, уже понимая, что предлагает Кодер.

Келл Ашлаг догадалась на секунду раньше.

— Вы отрубите вышку, — сказала она.

— Мы отрубим вышку, — сказал Варко. — Мы отрубим эту фриганую вышку и отключим щит.

Леопальд начал хохотать. Он хохотал так сильно, что уронил кружку. Траск с Сагеном тоже начали смеяться, и старик Ашлаг, подхватив веселье, хихикал, пока не заболела рука.

— Удачи, капитан! — взвыл Леопальд.

— Мы отрубим вышку, — настойчиво повторил Варко.

— Чем? — спросил Саген, вытирая слезы. — У нас есть пистолет, лазмушкет, «Кентавр», стаббер, несколько дисков с патронами... да, черт возьми! Давайте нападем на кучу махин! Мы точно победим!

— Нам нужна взрывчатка, — произнес Кодер с непроницаемым выражением лица.

— Откуда ей взяться? — фыркнул Леопальд.

Кодер указал на стену:

— Некто по имени Альбрех оставил инструкцию, как найти залежи селитры.

— Селитры? — Леопальд пожал плечами. Он быстро остыл и перестал смеяться. — Пожалуй, это годится.

— Вы сможете ее найти? Селитру? — спросил Варко у Ашлага.

— Конечно, — ответил старик. — По карте Альбреха найду.

— А эту гипотетическую взрывчатку — во что вы ее сложите? — спросил Леопальд.

— В бачки для продуктов, — тут же

ответил Кодер. — Они объемистые. Мы еще можем смастерить гранаты из банок и поражающие элементы из кучи разных болтов, гаек и гвоздей.

— Погоди, погоди! — сказал Леопальд, поднимаясь на ноги. — Не гони. Селитра — это здорово. Основные составляющие для раствора есть, осталось найти подходящий осадитель.

— Например, мочу? — спросил Кодер.

— Ага.

— Старую мочу?

— Еще лучше.

— Тут, прямо на улице — нужник, — сказал Варко.

Леопальд заколебался:

— Придется сделать фильтр...

— Печная зола и угли! — заявил Ашлаг, ухватив предмет разговора.

— Хорошо, — сказал Варко. — Очень хорошо. Сможешь?

— Главное — найдите мне селитру, — сказал Леопальд Ашлагу, берясь за куртку.

— Я вычищу и подготовлю бачки, — сказал Траск.

— Что означает — жижу из нужника

черпать мне, — вздохнул Саген.

— Я тебя обожаю, — ухмыльнулся Варко.

— Саген, я тебе помогу, — сказал Кодер.

— Я соберу фильтр, — вызвалась Келл Ашлаг. — Я знаю, как это работает.

Варко поцеловал ее в щеку:

— Молодчина.

Келл улыбнулась.

— Нам еще понадобится запальник, конечно, — сказал Леопальд, натягивая куртку.

— Там где-то на полках была шахтерская детолента, — вспомнил Варко. — Ее оставил Рейдо или Релдо — забыл, как его.

Кодер поднял катушку детоленты.

— Релдо, капитан.

— Тогда за дело! — объявил Варко.

Магос органос, которому ассистировали два хирургических сервитора, оперировал быстро, залатав рану на горле Толемея и заживляя кожу.

<Работай быстрее>, — нетерпеливо прокантировал Толемей.

Магос бинарным согласием выразил повиновение, но движений особо не ускорил. Он наложил тонкие фильеры микрохирургических дермальных сшивателей и медленно свел края раны.

Рядом дергался Иган. Другой магос органос только что закончил обрабатывать рану у него на ноге. По телу Игана прокатывались волны нервной дрожи.

<Держи себя в руках>, — прокантировал Толемей по прямому каналу, неслышимому для магосов органос.

Иган метнул на главу архивов резкий взгляд. Он поднялся и осторожно опробовал наскоро залатанную ногу.

<Все это выходит из-под контроля, Толемей>, — отозвался он.

<Держи себя в руках>.

<Ты ничего не говорил про убийства. Ты ничего не говорил про смерть. Ты...>

<Заткнись, Иган. Ты серьезно думал, что мы сумеем изменить ход человеческой истории без кровопролития? Такой фокус не удавался еще никому. Даже хваленому Богу-Императору>.

<Но файст — он...>

<Заткнись>.

В комнату величаво вступил Энхорт со всем самообладанием «Владыки войны» на марше. Три десятка скитариев Тетпестуса следовали за ним по пятам. Экзекутор-фециал, по собственной инициативе взяв на себя роль знаковой фигуры, принял командирский вид.

Толемей не возражал. Энхорт обладал благородной внешностью, дипломатическим обаянием и

энергичными манерами — как раз то, что нужно для лидера. Он сумеет сплотить вокруг себя Кузницу. А еще Толемей пришел к выводу, что мозгов у Энхорта меньше, чем тот изображает, и это делает его послушным и управляемым. Энхорт, как и любой лидер, будет ничем без арсенала данных, дающих власть, а все знания находятся в ведении главы архивов. Энхорт будет крайне зависеть от Толемея, и Толемей сможет манипулировать им как душе угодно.

<В Кузнице и всех сооружениях Механикус введено положение «один»>, — прокантировал он Толемею с Иганом по закрытому каналу. Положение «один» было самым драконовским положением, какое только можно ввести в Кузнице.

<Ты нашел Файста?> — спросил Толемей.

<Еще нет, но ему не удастся далеко уйти. Скитарии перекрыли все ворота и выходы из центрального комплекса и сейчас прочесывают внутренние системы поэтажно в поисках его

биометрики».

«Мы должны найти его и заткнуть прежде...»

«Я прекрасно понимаю неотложность проблемы», — прокантировал Энхорт.

Магос органос закончил с горлом Толемея, и тот отпустил его кратким распоряжением из аугмиттеров.

«Старшие магосы собраны и ждут нас», — прокантировал Энхорт.

Толемей поднялся и последовал за экзекутором в Аудиенцию. Иган помедлил, потом захромал следом. Скитарии образовали вокруг троицы клинообразную фалангу.

Огромные двери разошлись с металлическим скрежетом и урчанием моторов под полом. Открылось невообразимое пространство Аудиенции. В центре обширного зала, между гололитическими полотнами инфосвета, поднимающимися из напольных проекторов, словно дым от благовоний, собрались старшие магосы Орестской Кузницы. Разговоры и ноосферное

бормотание стихли, и магосы как один повернулись к приближающемуся начальству.

Энхорт поприветствовал их торжественной инфоговоркой.

<Немедленно объяснитесь!> — потребовал Кейто в агрессивной форме.

Остальные магосы эхом повторили требование.

<Я ввел положение «один», — ответил Энхорт, недрогнувшим взглядом осматривая толпу. Толемей с Иганом встали по обе стороны от него. — Следующие данные предназначены только для вашего пользования. Я подчеркиваю, не для распространения или широковещания. Мы столкнулись с внутренним кризисом, и до тех пор, пока ситуация не будет соответствующим образом исправлена и взята под контроль, любая попытка связи будет считаться преступлением, караемым терминацией>.

<Терминацией? — переспросил Талин. — Это абсурд! На каком основании вы?..>

<Кодекс белли, — прокантировал

Энхорт, прерывая Талина. — Я решил, что ситуация требует ввести кодекс белли. Легио Темпестус берет под контроль сооружения Ореста на все время кризиса>.

Собравшиеся магосы отреагировали с возмущением и тревогой.

<Адепт сеньорус не допустит подобной узурпации! Только он может отдать приказ ввести военное положение!> — негодующе произнес через аугмиттеры Лорек.

<Где адепт сеньорус? — потребовал Кейто. — Он должен немедленно с этим разобраться!>

<В чрезвычайно ситуации кодекс белли может быть объявлен высшим должностным лицом легио, — процитировал Толемей хранимую в своих буферах памяти выдержку из «Кодекса Пробанди». — Я утверждаю, что ситуация полностью заслуживает подобных мер и, как самый старший член Легио Темпестус, экзекутор Энхорт имеет полное право и основание ввести военное положение. Стыдитесь, братья и сестры!

Вы должны благодарить его за то, что он так мудро и благоразумно берет ситуацию в свои руки>.

<Но адепт сеньорус...> — начал Талин.

<Адепт сеньорус мертв>, — объявил через аугмиттеры Энхорт.

Опустилось потрясенное молчание.

<Его смерть следует считать актом войны, — прокантировал Энхорт, — и, следовательно, следует ввести кодекс белли. В сложившейся ситуации нет времени на выборы преемника. Я беру власть в свои руки>.

<Как наступила смерть?> — прокантировал Кейто.

Энхорт посмотрел прямо на главу производства:

<Вы все прекрасно знаете о данных, открывшихся Механикус. Их случайно обнаружили магосы Аналитики во время просмотра архивов с целью помочь военным действиям. Публикация данных не была санкционирована, но их предал огласке младший адепт. Братья и сестры, могу вас заверить, что данные эти

являются заслуживающими доверия. Все вы можете не сомневаться в их ошеломительных и далеко идущих последствиях. Это то доказательство, о котором мы мечтали, и скоро наша жизнь изменится».

«Это правда?» — спросил Лорек у Толемея.

«Данные были проверены, и их подлинность установлена, брат», — прокантировал Толемей.

Через ноосферные подключения магосов начала прокручиваться и пульсировать мантра «Славься, Омниссия, Деус Механикус».

«Брат Толемей, брат Иган и я немедленно отправились к самому адепту сеньорус, чтобы узнать, какие действия он намерен предпринять, — прокантировал Энхорт. — Разговор вышел волнительным».

«Объясните!» — потребовал Кейто. Толемей указал на почти незаметный шов на горле: «Оказалось, что адепт сеньорус знал об этих материалах в течение девяти лет, намеренно скрывая их от

магосов>.

Толемей умело строил свою речь так, чтобы вызвать максимум возмущения и недовольства среди собравшихся руководителей Кузницы.

<Открытие неминуемо привело к ожесточенному спору, — прокантировал Энхорт, поднимая руку, чтобы успокоить волнения, — и в этот момент вспыхнуло насилие. Младший адепт, который предал данные огласке, пришел в состояние крайнего душевного волнения от того, что адепт сеньорус столько времени упрямо хранил материалы в тайне. Он выхватил пистолет и убил адепта сеньорус>.

Среди старших магосов раздались выражения ужаса.

<Согласен, это недопустимо. Как бы ни ошибался адепт сеньорус, скрывая данные, — и я уверен, это привело бы к обвинениям его в халатности и смещению с поста, — но смерти он не заслуживал. — Энхорт всмотрелся в лица собравшихся. — Как только младший адепт будет арестован, ему придется познать всю

строгость закона Механикус».

«Так убийца на свободе?» — тревожно спросил Кейто.

«Младший адепт совершил побег, — прокантировал Толемей. — Скитарии уже приступили к полномасштабным поискам. Убийца Итануала не покинет пределов Кузницы. Адепт Файст будет арестован и отдан под суд».

«Файст?» — выдал инфоговоркой Иган, явно шокированный.

Толемей глянул на него:

«Вы что-то хотите добавить, брат Иган?»

Иган попытался исправить промашку:

«Я... нет, конечно... Прошу меня простить. Никак не могу прийти в себя после смерти адепта сеньорус».

«Братья и сестры, не судите магоса Игана строго, — прокантировал Толемей. — Убийца — адепт из департамента магоса. Невыносимо тяжело, когда предает один из своих — тот, кому доверял».

Иган воззрился на Толемея.

<Лорд экзекутор, — прокантировал Кейто, — не могли бы вы поведать нам, каковы ваши намерения на ближайшее будущее?>

<Восстановление порядка, глава производства, — вот моя первейшая задача, — уверенно откантировал Энхорт. — Мы находимся в состоянии войны, а Аргентум пылает, пока мы здесь разговариваем. Откровения могут также стать причиной напряжения обстановки в ближайшие дни и недели. Уже начались серьезные беспорядки и волнения. Давайте направим усилия на пресечение и контроль общественных возмущений до тех пор, пока не закончится война и нельзя будет применить более действенные меры>.

<Откровения были преданы всеобщей огласке, — прокантировал Талин. — Улей уже в курсе сделанных заявлений. Императум уже в курсе сделанных заявлений>.

Энхорт кивнул:

<Это прискорбно, но неизбежно. Я проведу серьезные переговоры с лордом-губернатором. Однако знайте, что

реакция Империума будет неприятной. Безопасность Кузницы — вот наша первостепенная задача. Вводите меры строжайшей безопасности в ваших департаментах и поднадзорных областях. Откройте оружейную. Все общие и незанятые сервиторы должны явиться на производство для установки оружия и загрузки боевых протоколов. Магос Кейто?>

Кейто поклонился:

<Я немедленно займусь подготовкой производства>.

<Вы полагаете, что мы близки к тому, чтобы вступить в войну против Улья?> — прокантировал Лорек.

<Я полагаю это весьма вероятным, брат, — откантировал Энхорт. — Мы ведь только что объявили, что божественность их Императора — ложь>.

>

Воины-скитарии со знаками различия

Темпестуса, поводя оружием и осматриваясь, прогрохотали по лестнице, соединяющей этажи. Зонне дождался, пока те скроются из виду.

— Пошли, — сказал он.

— Не понимаю, почему они нас не заметили? — произнес Файст, покидая укрытие вслед за фамулюсом.

— Я воспользовался командными кодами экзекутора Крузия, чтобы скрыть наши биометрики от инфосферы Кузницы.

— Но введен режим повышенной безопасности, — сказал Файст. — Энхорт отменил даже коды адепта сеньорус. Итануал сумел преодолеть контроль Энхорта только за счет исключительного мастерства в кодировании — и то лишь ненадолго и в одном месте.

— Когда исполнение ратифицировали, экзекутору Крузию был предоставлен полный и свободный доступ к инфосфере Кузницы, — тихо произнесла Калиен и посмотрела на Зонне. — Верно, фамулюс? В знак уважения к его статусу и демонстрации сотрудничества с Легио Инвикта.

— А она умна и сообразительна, — сказал Зонне, улыбаясь Файсту.

— Чересчур умна, даже во вред себе, — ответил тот. Калиен бросила на него сердитый взгляд. — Размышление: Энхорт ведь наверняка отменил полномочия вашего экзекутора?

— Скажи ему, Калиен, — произнес Зонне.

Калиен с недовольной миной ответила:

— Очень похоже, что такая мысль не пришла экзекутору Энхорту в голову. Экзекутор Крузий находится за пределами Кузницы, а доступ ко всем линиям связи и каналам ноосферы ограничен. Экзекутор Крузий не может получить доступ, и, соответственно, нет причин отменять его полномочия. Экзекутор Энхорт никоим образом не мог знать, что внутри Кузницы окажется кто-то, владеющий кодами экзекутора Крузия.

— И не должен был, — сказал Зонне и ехидно ухмыльнулся, — но, постоянно находясь рядом с вышестоящим офицером, поневоле запомнишь его командные коды.

— Вокруг меня одни предатели и негодяи, — пробурчал Файст, качая головой.

<Эти предатели и негодяи спасают твою шкуру>, — рявкнул Карш.

Файст отпрянул.

— Оставь его в покое, Карш, — велел Зонне здоровенному скитарию. — У нашего друга Файста был тяжелый день.

Они поспешили вниз по лестнице и свернули налево, в гулкий коридор «Запад/переход/1101/11». С других уровней доносился грохот ног патрулирующих скитариев, а розовые лучи считывателей кода, встроенных в стены через каждые двадцать метров, сканировали пространство коридора. Ни один из считывателей не реагировал на их присутствие.

— У вас есть план, фатулюс? — спросил Файст.

— Да. Выбраться отсюда, — ответил Зонне.

Они спрятались за выступ стены, пока по поперечному коридору впереди,

грохоча ногами, не прошел патруль. Трое скитариев Зонне держали оружие наготове, пока опасность не миновала. Карш дал группе знак двигаться дальше.

— Мне нужно выбраться на достаточно открытое место, чтобы связаться с экзекутором Кругиет, — пояснил Зонне Файсту. — Думаю, улей для этого подойдет лучше всего. Там должны быть действующие системы связи или хотя бы возможность для Облиганы наладить соединение. Мне нужно с ним поговорить. Рассказать, что произошло.

— Потому что Инвикта выступит против откровений, — презрительно фыркнула Калиен. — Ты из «нового пути»...

Зонне повернулся к ней, и вся группа остановилась следом.

— На самом деле, адепт, я считаю, что Инвикта выступит на стороне Механикус, потому что принадлежит к Механикус и была непоколебимо предана Механикус тысячи лет. Если ваши откровения окажутся подлинными...

— Они и есть подлинные.

— Если они окажутся подлинными,

Инвикта не изменит Марсу. Данные есть данные. Мы пересмотрим наши верования и встретим будущее с открытым забралом... что бы это будущее ни принесло.

— Осуждение на вечные муки и уничтожение всех нас, — пробормотал Файст.

Зонне пожал плечами. Он по-прежнему не сводил глаз с Калиен.

— Дело в другом, адепт. Мне интересно: тебе приходило когда-нибудь в голову, что же на самом деле произошло здесь, на Оресте? Ведь дело не в правде. Дело не в божественности Бога-Императора. Судя по тому, что вы с Файстом мне рассказали, дело в том, что люди, такие как Толемей и Энхорт, прибирают к рукам власть. Мы находимся в самом разгаре переворота, и твоя драгоценная правда, мой дорогой адепт, всего лишь его инструмент.

— Энхорт верит этим данным, — возразила Калиен. — Энхорт участвует в этом лишь потому, что данные правдивы.

— Возможно, — пожал плечами Зонне.

— Но не Толемей, — сказал Файст. — Для Толемея главное — власть.

Калиен не стала возражать, а лишь уставилась в пол.

— Ты его знаешь, Калиен, — продолжал Файст. — Он твой начальник, и он готовил тебя для этого. Он знал девять лет. Почему ж он не начал действовать раньше? Толемей использовал тебя, меня, войну, Легио Инвикта и Энхорта, чтобы устроить переворот. Скажи, что я не прав.

Калиен сжала зубы и сердито вытерла кулаком слезу.

— Ему дважды не дали повышения по службе. Он был главным соперником Итануала, когда освободилось место адепта сеньорус. Итануал был главой ноосферной обработки данных. Толемей — архивов. Архивов! Это было несправедливо. Синод магосов, наверное, лишился рассудка, предпочтя Итануала Толемею. Он сам мне рассказывал, как ему отказали, когда он подал прошение на место сеньоруса Кузницы Хеншера. Рассказывал о своих подозрениях, что это Итануал препятствовал его кандидатуре, потому

что не хотел лишиться столь опытного хранителя прошлого.

— А теперь он на пути к тому, к чему так стремился, — произнес Файст.

— Экзекутор Энхорт объявил, что в сложившейся чрезвычайной ситуации временно берет власть в свои руки, — сказал Зонне. — Введение кодекса белли сделало Энхорта главным на время действия военного положения.

Файст сардонически поднял брови:

— Энхорт лишь лицо для публики. Реальная власть — это Толемей. И когда начнутся выборы следующего адепта сеньорус, могу поспорить, чью кандидатуру поддержит синод.

Они покинули коридор «Запад/переход/1101/11» и проследовали по 1101-му центральному к Плаза Кузница-19. Патрули скитариев здесь стали попадаться чаще, так что пришлось воспользоваться ноокартой Карша и проложить альтернативный маршрут через накопительные емкости и машинные отсеки Технической/Сборочной. Введение

запрета на подключения заставило персонал покинуть отсеки и станочные мастерские. На рабочих поверхностях деактивированных производственных установок остались лежать недоделанные изделия. Освещение было приглушено до четверти яркости.

<Если мы пройдем через выход 1101110 и спустимся на этаж, то сумеем добраться до одного из западных переходов, — предложил Карш. — Это выведет нас через Западные ворота Кузницы к проезду рядом с Марсовым полем>.

Зонне кивнул и сказал:

— Пошли.

Они нашли выход и спустились к переходу. Когда они пересекали траморный атриум, направляясь к входу в туннель перехода, их заметил патруль.

— Бежим! — крикнул Зонне.

Скитарии Темпестуса с воплями кинулись вниз по ступеням с подвесного перехода, выкрикивая приказания остановиться и сдаться. Хотя командные коды Кузия скрывали биометрику беглецов, лица Файста и Калиен были

введены в схемопамять скитариев Кузницы и помечены соответствующими ярлыками, поэтому визуальная идентификация произошла мгновенно.

<Стоять! Ни шагу дальше! — кантировали скитарии. — Мы закодированы к применению исключительных мер!>

<Я тоже>, — прокантировал в ответ Карш, развернулся и выстрелил.

Его пушка превратила ближайшего скитария в ошметки плоти. Карш перевел прицел и выстрелил снова. Еще над двумя воинами Кузницы взвилось кровавое облако, когда тех опрокинуло на спину. На мгновение опешив от непокорности Карша, скитарии Темпестуса начали стрелять в ответ.

<Не останавливайтесь!> — взревел Люкс-88.

Ни секунды не мешкая, они с Тефларом бросились на подмогу Каршу. Когда Зонне, Калиен и Файст ринулись к входу в туннель перехода, первые ответные выстрелы начали вгрызаться в древний мрамор на полу атриума и сечь

стены.

Тефлар встал рядом с Каршем, упёрся ногами покрепче и активировал свой автоматический гранатомет. Кассетный боеприпас разорвался среди бросившихся к ним скитариев Кузницы. Многих изрешетило микрошрапнелью и раскидало взрывной волной.

Тефлар продолжал стрелять. Второй залп гранат обрушил подвесной переход шквалом пламени, сбросив скитариев головой вниз со ступеней. Люкс-88 занял позицию с другого бока Карша, добавив собственную значительную огневую мощь к отчаянному противостоянию.

Зонне, Файст и Калиен бежали по туннелю — позади них разверзся настоящий ад. Облигана спешила следом, насколько позволяли ее деликатные ходовые системы. Заухали клаксоны, вдоль стен туннеля замигали янтарные тревожные огни. Противовзрывные двери туннеля начали неторопливо закрываться.

— Живей! Живей! Живей! — закричал

Зонне.

Казалось, вся Кузница сжимается вокруг, чтобы не дать им сбежать. Карш, Люкс-88 и Тефлар, стоя плечом к плечу у входа в туннель, вели непрерывный огонь по скитариям Темпестуса, хлынувшим в атриум со всех сторон.

Это был героический бой до самой смерти. Тефлар довел свой счет до восемнадцати, прежде чем от попадания лазера у него взорвалась голова и он рухнул, словно мешок металлолома. Люкс-88 потерял руку и часть лица, но продолжал стрелять, пока два попадания в брюшину не бросили его на колени. Израненный и истекающий кровью Люкс-88 получил выстрел в голову и опрокинулся на спину.

Стреляя из оружейной конечности и тяжелого пистолета, Карш отступал по туннелю, сдерживая скитариев из дружественного легио. Он сумел уничтожить тридцать одного противника, защищая своего хозяина. Чтобы преодолеть его адреналиновую ярость и усиленное тело, потребовалось

сто девять попаданий. Карш упал на середине туннеля, практически разорванный на куски.

Скитарии Темпестуса топали прямо по его искромсанным останкам в неистовом рвении схватить беглецов. Им пришлось отключить закрытие дверей, чтобы не оказаться отрезанными от своей цели.

Файст с Калиен выскочили из туннеля на открытое место, в наклонный проход под огромной аркой Западных ворот Кузницы. Снаружи хлестал проливной дождь. Оба тяжело дышали. Сквозь завесу дождя перед ними открылось огромное пространство Марсова поля и громада улья Принципал, возвышающаяся на дальней стороне, словно мрачный горный хребет. Зонне выскочил следом, поддерживая Облигану, раненную случайным выстрелом и истекающую биожидкостью.

— Вперед! — заорал Зонне. Он слышал грохот ног скитариев, бегущих следом по туннелю.

Другие патрули, призванные клаксонами, громыхали по переходам с наружной стороны Кузницы, торопясь перехватить их у площадки перед воротами. Мимо беглецов с гудением проносились выстрелы, дырявя роккрит.

— Вперед! Да что с вами? — крикнул Зонне.

Файст и Калиен остановились.

— Я серьезно, что?.. — Зонне внезапно замолчал и остановился рядом. Сзади с криками и воем набегали многочисленные отряды скитариев.

Выйдя на открытое, заливаемое дождем пространство и спустившись по внешним переходам, скитарии остановились, не опуская оружия. Их офицеры принялись запрашивать разъяснений и указаний.

На площадке, лицом к воротам, выстроилось отделение имперских гвардейцев численностью в триста человек, при поддержке танков и орудийных платформ. Каждая винтовка, каждое орудие, пушка и установка были нацелены на скитариев и Кузницу.

Офицер — майор — шагнул вперед, наводя пистолет на скитариев. Он был одет в сверкающий клювастый шлем с огромным кринетом из белых перьев, малиновый мундир и серебряную кирасу. Лицо его выражало абсолютную неумолимость.

— Майор Ташик, — крикнул он сквозь дождь, — губернаторская лейб-гвардия, Орестская Гордая, по приказанию сеньора Френца. Я передаю сердечные приветствия от лорда-губернатора Алеутона. Кузница оцеплена. Механикус, вам запрещено ступать на имперские подступы этого улья под страхом смерти. Вам понятно?

<Ваше заявление понято, майор>, — прокантировал командующий скитарий.

— Скажи это своим фриганым ртом, тех! — рявкнул Ташик.

Наступило молчание. С неба в землю били стрелы дождя.

— Ваше заявление понятно, майор, — неуверенно произнес скитарий речевым устройством. — Тем не менее четыре

индивидуума перед нами являются беглецами от закона Механикус. Мы настаиваем на своем праве взять их под стражу, прежде чем уйти.

Ташик продолжал держать нацеленный пистолет в вытянутой руке. По его лицу струился дождь и капал с клюва блестящего шлема.

— Как мне кажется, — крикнул он, — вам очень сильно хочется их убить. Что делает их интересными для нас. Назад!

— Механикус настаивают, майор, — заявил офицер скитариев.

Застигнутый на открытом месте, в самом центре противостояния, Файст ощущал себя крайне уязвимым. В лицо ему смотрели стволы имперцев, в спину — стволы Механикус. Рядом всхлипывала вцепившаяся в него Калиен. Зонне старался держать Облигану прямо. Его глаза были широко распахнуты в тревоге.

— Они — наши! — крикнул Ташик скитарию. — Назад! Вы что, серьезно хотите начать прямо здесь и сейчас? Вы серьезно, фриг побери, этого хотите?

Дождь, казалось, застучал сильнее.

Загрохотал гром.

— Я жду! — крикнул Ташик.

>

Такого сильного ливня Варко еще не видывал. Он уже перестал подпрыгивать при каждом ударе грома, несмотря на то что от грохота над головой разрывало уши.

Саген вел «Кентавр» от самых Падунов, и, следуя по маршруту, указанному Ашлагом, они ползли по скользким ложбинам и скальным выступам к Устью. Продвижение было медленным. Леопальд посоветовал Сагену ехать по неровной местности «очень-очень аккуратно», помня о грузе, который они везут.

Больше нельзя было определить, когда кончался день или начиналась ночь. По бессмертному выражению Кодера, небо было «закрыто». Варко сверился с хроно, но больше по привычке. Реальное время

перестало существовать. Орест превратился в один темный, залитый дождем, бесконечный кошмар.

Варко настоял, чтобы Ашлаг не ехал с ним. Старик просто рвался в бой. В его блеклых глазах проскользнуло едва заметное разочарование, когда капитан сказал ему, что тот остается на стоянке.

— Ладно, только... только сделайте все как надо, — нехотя согласился Ашлаг.

— Орестская Гордая, сэр, — заверил Варко. — Мы всегда делаем все как надо.

У Келл Ашлаг было совершенно другое предложение.

— Я еду с вами, — отрезала она.

— Ты остаешься здесь.

— Вам нужен лазтушкет. Лазтушкет той. Я еду с вами.

Спасаясь вот от такой запутанной женской логики, Варко и вступил в Гордую. Да, им нужен был лазтушкет. Он мог его отобрать, но тогда пришлось бы драться. Он устал. Они трудились много часов. Варко просто был не в состоянии придумать какой-нибудь приличный отказ.

— Ладно, — согласился он и сказал

Ашлагу: — Я присмотрю за твоей дочерью, старик, но я не чудотворец. Мы скоро отправимся прямо в зубы преисподней.

— Жизнь Келл принадлежит ей, — ответил старик. — Она распорядится ею так, как посчитает нужным. Но что бы ни случилось, я буду ею гордиться.

«Кентавр» взбирался под проливным дождем вверх по глубокому проходу в скалах. Им пришлось сделать большой крюк, чтобы их не заметил враг, собравшийся у вышки. Всех мучили боль и холод от многих часов, проведенных в изматывающей тряске сквозь бурю.

Взрывчатку, расфасованную в бачки для продуктов, связанные вместе, везли в кормовом отсеке «Кентавра». У Варко был его пистолет, у Келл — лазпушкет, а Леопальд вооружился тяжелым двуствольным револьвером, взятым из шкафа. Траск сидел за стаббером на вертлюге.

— Что если они нас услышат, капитан? — поинтересовался Саген.

— Сквозь это?

Опять грянул гром.

— Я спрашиваю — сквозь это?

Варко поднял глаза. Над рваным краем скального прохода в небо вздыталась вышка. Они объехали ее с запада, и сейчас она была меньше чем в километре. По отвратительной черной конструкции змеились голубые электрические разряды, а над самой вершиной кружилось двадцатикилометровое колесо кипящих серых туч — центр грозы, похожий на перепачканный чернилами водоворот. В складках туч сверкали молнии и гремел гром. Сквозь вонь грязи и мокрого камня Варко почувствовал запах озона.

— Мусорный код, — тихо заметил Кодер, вслушиваясь, — и сейсмическая вибрация.

— Сейсмическая вибрация? — переспросил Варко.

— Земля дрожит, капитан, — пояснил Кодер.

Саген остановил тягач и включил нейтральную передачу. Варко с Траском

слезли и взобрались на крутой, покрытый грязью склон. Добравшись до верха, они залегли. Варко достал свою оптику.

Сквозь пелену дождя он увидел вышку во всей ее красе. Они находились так близко, что от чудовищности размеров ее собранной из металлического лома конструкции перехватывало дыхание.

— Ничего у нас не получится, — произнес Траск.

— Сразу-то так не сдавайся, — ответил Варко, но его собственная уверенность таяла с каждой секундой.

Вышка была просто огромной и, хотя сквозь дождь было видно плохо, наверняка хорошо охранялась. Земля дрогнула. Оба почувствовали, как под ними все затряслось. Из впадин, заполненных водой и грязью, взметнулись брызги.

— Что происходит? — спросил Траск. — Это отчего?

— Махины пошли, — ответил Варко, глядя в оптику. — Завели двигатели и начинают массово уходить на восток.

От поступи махин снова задрожала земля.

— На восток, — пробормотал Траск.

На востоке лежали Аргентум, Антиум, Гинекс, улей Принципал. Варко знал, о чем думает Траск. В Оресте даже не подозревали, что к ним движется.

Варко не отрывал взгляда от окуляра. Он рассматривал расплывчатые от дождя силуэты махин, похожих на стадо травоядных великанов, как те одна за другой отворачиваются от подножия вышки и неторопливо бредут по залитой водой земле на восток. Он слышал лай и уханье их сирен. Он чувствовал на коже зуд их мусорного кода. Как их много. Как много «Владык войны», массивных и неповоротливых. Как много «Разбойников», сгорбленных и угрожающих. Как много «Псов войны», гавкающих, словно охотничьи собаки вокруг стада.

Достаточно махин, чтобы разрушить целый мир. Орест должен узнать.

— Нам лучше поторопиться, — заметил Варко как ни в чем не бывало.

Траск ухмыльнулся:

— Спасать мир, да, капитан?

— Точно, Траск. Разведаем немного впереди и поищем дорогу получше до вышки.

Они перебрались через гребень и бросились вперед, пригнув головы. У следующего вала мокрой земли снова присели. Примерно полкилометра перерытой грязи, испещренной камнями и лужами, отделяло их от подножия огромной вышки. Она казалась одновременно такой близкой и такой далекой.

— Мы же справимся, да? — спросил Траск.

— Даже не сомневайся, — ответил Варко.

Траск как раз собирался что-то сказать, но умер. Пуля вошла ему в голову сзади и взорвала ее, забрызгав Варко кровью. Отскочив изнутри от зубов Траска, пуля ударила Варко в левую щеку, уже ослабевшая, опрокинув его в грязь.

Варко моргнул, пытаясь собраться с

мыслями, пытаясь понять, что случилось. Он сел, сжимая в руке пистолет.

— Траск! О Деус! Траск! — ахнул он. — Нет!

Целясь в него из наручного оружия и яростно хрипя, по склону вала скользнул вражеский скитарий. На шее у него бряцала цепь с какими-то жуткими значками. Варко выстрелил дважды — и оба раза промахнулся. Ухнув, скитарий попытался проткнуть Варко пучком ржавых штыков, торчащих из торца оружия.

Лазерный выстрел ударил его прямо за левым ухом, и череп скитария лопнул, словно стеклянная лампочка. Осталось только лицо, похожее на фасад разрушенного здания. Скитарий нахмурился и рухнул.

Перезарядив лазмушкет и снова вскинув его к плечу, подбежала Келл Ашлаг.

— Ты цел? — спросила она Варко.

— Угу, наверное.

— А Траск?

— Убит, — ответил он.

Девушка посмотрела на скорчившееся тело Траска и резко втянула воздух сквозь зубы. Варко встал и положил ей руку на плечо.

— Он убит, — сказал она.

— Ты спасла меня.

— Он убит.

— Да, убит. Нужно идти. Быстро. Этот скит наверняка дал сигнал своей стае, но даже если нет, то управляющие схемы скоро обнаружат его пропажу.

Варко схватил ее за руку, и они побежали обратно к гребню, высматривая ждущий «Кентавр».

— Где Траск? — крикнул Саген, привстав из водительской кабины.

Варко оглянулся на склон и помотал головой.

— О нет! — воскликнул Саген, падая обратно на сиденье.

Варко скатился вниз к тягачу. Кодер и Леопальд уставились на него сверху.

— Дальше пешком, — сказал Варко.

— Святый Трон! — простонал

Леопальд.

— «Кентавр» будет слишком заметен, — объяснил Варко.

— Восемь бачков, а нас всего четверо, — пожаловался Леопальд.

— Пятеро, — поправила Келл, спускаясь к ним.

— Ты остаешься в «Кентавре», — велел ей Варко.

— Я против!

— Бачки слишком тяжелые, Келл, — сказал он. — Каждый нужно нести вдвоем. У тебя нет пары. Я хочу, чтобы ты осталась здесь и прикрывала нас из лазмушкета.

Она заколебалась.

— И хватит спорить, — глянул он на остальных.

— Каждой паре придется сделать по четыре ходки, — посчитал Леопальд.

— Значит, сделаем по четыре, — отозвался Варко.

Они аккуратно извлекли первые два бачка из кормового отсека «Кентавра». Варко с Кодером взяли первый и потащили

вверх по склону.

— Признаков движения нет, — сообщил Кодер.

Они направились сквозь грязь к подножию вышки, изо всех сил стараясь держать бачок ровно. Леопальд предупредил, насколько нестабильна импровизированная взрывчатка. Саген с Леопальдом шли следом со вторым бачком.

Небо раскол удар грома. Это был убийственно тяжелый путь. Грязь местами доходила почти до колена, засасывая ноги. Они шли, скользя и спотыкаясь. Саген оставил в чмокающей слякоти сапог. Варко понимал, что, неудачно поскользнувшись, здесь легко можно вывихнуть и даже сломать лодыжку.

Кодеру приходилось особенно тяжело.

— Секунду, капитан, — попросил он.

Они опустили бачок на землю, пока Кодер не восстановит дыхание. Технопровидец был гораздо слабее, чем признавался, а до вышки оставалось еще двести метров.

— Можешь идти? — спросил Варко.

— Конечно, — с трудом выдохнул Кодер. — Сейчас, еще секунду.

Леопальд с Сагеном, ковыляя и согнувшись от тяжести, обогнали их. Варко смотрел, как они добрались до подножия вышки и уложили бачок под нависающие балки.

— Пошли, — велел он Кодеру.

Они снова подняли бачок и потащились дальше. Кодер был бледен, руки у него тряслись. Варко понимал, что техножрец с трудом осилит одну ходку, о четырех нечего было и думать.

Саген с Леопальдом бежали обратно.

— Помоги мне с этим, — позвал Варко Леопальда. — Саген, хватай Кодера и тащи обратно к тягачу. Со следующим бачком тебе придется взять в помощь Келл.

Саген кивнул и взял Кодера за руку. Было видно, что техножрецу такое решение не по нраву, хотя с его логичностью он спорить не мог. Саген с Кодером с трудом поковыляли обратно к

«Кентавру». Леопальд и Варко подняли бачок и, хрипя и пыхтя, дотащили его до вышки. Леопальд закрепил его рядом с первым. Варко поднял глаза на огромную, мокрую от дождя конструкцию над головой. Вспышка молнии расколола небо, отразившись в холодном металле. По перекладинам и балкам струились потоки воды. Одуряюще пахло озоном.

— Готово! — объявил Леопальд.

Они побежали обратно к «Кентавру», пригибая головы под дождем. Сквозь водяную пелену проступили силуэты Келл и Сагена, с трудом ковыляющих навстречу с третьим бачком.

— Держите ровно! — крикнул Леопальд.

На бегу Варко оглянулся на вышку — и заметил, как под дождем что-то движется. Он увидел вспышку. Первый выстрел лазера попал ему в правое плечо и сбил с ног. Вокруг затолотили другие выстрелы, разбрасывая брызги дымящейся грязи. Варко услышал, как ругнулся Леопальд. Он попытался подняться, но

плечо пронзила раскаленная вспышка боли. Леопальд упал рядом, с мокрым от стекающей воды лицом, стреляя из тяжелого револьвера. Мощные вспышки и грохот оружия напоминали грозу, бушующую над головой.

— Не высовывайтесь. Они нас засекли, капитан! — крикнул он.

Но Варко не собирался отлеживаться. Он сморщился от мучительной боли, заставляя себя действовать. В сорока метрах от них, стреляя на ходу, сквозь проливной дождь наступали вражеские скитарии. Варко с трудом достал левой рукой пистолет и принялся отстреливаться вместе с Леопальдом. Его меткость оставляла желать лучшего, но он видел, как одна крупная пуля Леопальда сбила с ног скитария.

Правая рука у Варко не работала, а плечо превратилось в окровавленное месиво. Он поборол жуткую боль и обернулся. Встречный огонь вынудил Келл и Сагена пригнуться, опустив третий бачок между собой в грязь. Теперь добраться до вышки стало невозможно.

Идиоты! Мы — идиоты, раз решили, что сможем провернуть такое!

Леопальд пытался перезарядить револьвер — дело практически невозможное под хлещущим сверху дождем. Тяжелые мокрые патроны постоянно выскальзывали из пальцев. Варко выпустил еще несколько отчаянных выстрелов. Лазер ударил Сагена в ребра, и тот распростерся в грязи. Леопальд наконец-то снова принялся стрелять, но этого явно было недостаточно. Враг уже близко.

Мощный пушечный огонь пропорол линию скитариев. Крупный калибр в автоматическом режиме рвал наступающие порядки. Темные звериные модифицированные тела взрывались, разлетались в клочья и просто падали. Варко услышал рев двигателя.

К ним через грязь несся, подпрыгивая, «Кентавр». За рулем сидел Кодер. Стаббер на вертлюге, который они стащили с поста СПО, выплевывал в адскую ночь строчки трассеров. Каким-то образом

Кодер ухитрялся одновременно рулить и управляться с оружием. Карающий темп его стрельбы заставил скитариев отступить.

Леопальд с Сагеном не стали терять времени. Они схватили третий бачок и снова рванули к вышке. Саген бежал, перекосившись от боли в раненом боку.

— Нет! — заорал Варко. — Саген! Лео! Назад!

— Девчонка, тащи капитана в «Кентавр»! — крикнул Леопальд через плечо.

Келл обвила Варко рукой и повлекла к быстро приближающемуся тягачу. Кодер продолжал стрелять, кося скитариев и не давая им приблизиться.

Варко едва не терял сознание. Келл была единственным, что не давало ему упасть. Он оглянулся на Леопальда с Сагеном как раз в тот момент, когда в его верного водителя попали. На этот раз, похоже, Сагену уже было не подняться. Варко взвыл. Леопальд упал рядом с Сагеном, утянутый вниз мертвым телом,

но невредимый. Варко смотрел, как Леопальд поднялся, в одиночку поднял бачок, прижал к животу и, пошатываясь, двинулся вперед. От подножия вышки его отделяло всего тридцать метров.

Он преодолел десять, прежде чем вражеский огонь свалил его на землю. Леопальд поднялся на четвереньки и потащил бачок волоком. Он сумел пройти еще пять метров. В него попали снова. Он упал боком в грязь и больше не шевелился.

Келл с трудом удерживала Варко в вертикальном положении. «Кентавр», подскакивая, несся на них, выбрасывая фонтаны жидкой грязи. Варко видел Кодера, сидящего за рулем. Лицо технопровидца было бледным как смерть. Он управлял стаббером при помощи механодендритов, выполняя несколько задач сразу, как истинный Механикус.

Тягач приближался, кренясь с боку на бок. По звуку двигателя Варко догадался, что Кодер сбрасывать скорость не собирается.

— Кодер! — крикнул Варко, когда

«Кентавр» с ревом пронесся мимо и рванул к вышке.

— Он не вернется, — сказала Келл. — Пошли, солдат!

Цепляясь друг за друга, они полуковыляя-полубегом двинулись к гребню скалы.

«Кентавр» пробивался к подножию вышки, осыпаемый выстрелами. Корпус и броню тягача усеяли многочисленные пробоины. Крепко вцепившись в рычаги управления, Кодер уже перестал считать, сколько раз в него попали.

Весь его мир теперь занимала лишь нескончаемая реальность черной вышки. Выжимая газ на полную, Кодер отцепил от стаббера один механодендрит и просунул его в кормовой отсек. Там он приложил дендрит к детоленте, которую Леопальд аккуратно ввернул в один из бачков, и щелкнул электрической искрой.

«Кентавр» на полной скорости врезался в подножие вышки. Та выдержала. «Кентавр» разлетелся на куски.

А потом весь мир тоже разлетелся на куски.

Очищающие языки желтого пламени взметнулись вверх, словно пытаясь по вышке добраться до самых звезд. Огни святого Эльма на вершине конструкции превратились в жгучее жабо из мятущихся неоновых шипов. Потоки нечестивой энергии, для которых конструкция вышки служила каналом, вырвались на свободу и лопнули несколькими ослепительными вспышками, разбрасывая вертящиеся штанги и обломки балок по просторам Мертвых земель.

Варко и Келл, отчаянно бегущих к укрытию, распластало по земле взрывной волной.

Издавая протяжный скрежет разрываемого и гнущегося металла, вышка начала падать.

Из Аргентума пошли первые рвущие сердце передачи. Губернатор Алеутон в своей резиденции на вершине главного улья печально качал головой, глядя на картины пожарищ и разрушений из перехваченных имперскими системами кадров.

— Это, по-твоему, победа? — негромко спросил он.

Сеньор-коммандер лейб-гвардии Френц рядом с ним тщательно подумал, прежде чем дать ответ.

— На мой взгляд, сэр, это не очень похоже на победу. Но с другой стороны, я не знаю, как обычно выглядит война, выигранная с помощью махин.

Френц, в своей сверкающей белой боевой броне, повернулся и принял из рук помощника инфопланшет.

— Судя по донесениям, милорд, —

сообщил он, просматривая текст, — лорд Геархарт завоевывает господствующее положение в Аргентуле. Он сообщает, что подавляющее число вражеских махин уничтожено и его силы ведут преследование небольших, но все еще боеспособных остатков, отступающих из улья в западные поселения.

— Один улей уже горит, а мы, глядя на него, готовы развороторить свой собственный, — задумчиво произнес Алеутон. — Как думаешь, Френц, простят нас потомки?

— За Аргентум, милорд?

— Да, за Аргентум. И за то, что сейчас начинается в Оресте Принципал.

После долгих часов бесчинств и неповиновения штабели, улицы и площади улья Принципал наконец-то были приведены к некоему подобию порядка. Но это было тревожное затишье. Весть об имперских войсках, вставших кордоном вокруг Кузницы, порадовала ту часть публики, что подняла волну возмущенных протестов после еретических откровений

Механикус, хотя для большинства жителей улья новости были безрадостными. Если говорить напрямую, то улей поднялся против Кузницы с оружием в руках. Механикус и Империум сошлись нос к носу. Орест, похоже, стоял на пороге эпохи кровопролития, смуты и религиозного раскола. То есть тех самых немедленных последствий, к которым, как они все боялись, и вела публикация откровений.

Алеутон принял решение окружить Кузницу кордоном лишь после долгих совещаний. Он прекрасно отдавал себе отчет, насколько враждебно это будет выглядеть. И понимал, что потенциально чиркает спичкой возле бочки с порохом. Однако адепт сеньорус отказывался отвечать на его запросы, а подразделения скитариев и вооруженных сервиторов преградили доступ в Кузницу его посланникам и солдатам. И когда помощники подтвердили, что в Кузнице введен режим безопасности по положению «один», Алеутон все-таки подписал приказ.

Механикус всегда придерживались равновесия сил на Оресте, но он был лордом-губернатором, представителем Совета Терры и голосом Империума. Алеутон решил, что не будет просто стоять и смотреть, как Имануал со своими модифицированными прислужниками переворачивают мир с ног на голову.

«Вопрос в том, — размышлял он про себя, — каков мой следующий ход? И теперь, когда война махин, по всей видимости, закончена и силы Архиврага обращены в бегство, что будут делать легио? Чью сторону они займут: Трона или Кузницы?»

У Алеутона было горькое предчувствие, что — последнее.

— В этом случае, — пробормотал он про себя, — у нас не будет ни единого шанса.

— Милорд? — спросил Френц.

— Это я сам с собою, Френц, — ответил губернатор.

— Произошли изменения в ситуации, милорд, — доложил один из помощников.

— Какие изменения? — спросил

Алеутон.

Высокие наловые двери внутреннего кабинета открылись, и вошел майор Ташик. За ним четверо лейб-гвардейцев ввели троицу Механикус. Все трое промокли до нитки.

Ташик снял свой серебряный шлем, отсалютовал лорду-губернатору и сеньору-коммандеру Френцу и передал последнему планшет. Алеутон перехватил планшет из рук Френца прежде, чем тот успел его изучить, и просмотрел сам.

— Фамулюс Зонне? — спросил он.

Зонне выступил вперед и сотворил знамение аквилы.

— Да, — сказал Алеутон, — я тебя помню. Здесь говорится, что ты задержан у Западных ворот Кузницы.

— «Задержан» — не то слово, которое я бы использовал, милорд. «Спасен вашими войсками» — вот более точное выражение.

— Спасен? От своих?

— Скитарии себе чуть задницы не порвали, чтобы на фриг завалить этих троих, — сообщил Ташик.

— Майор Ташик! — предостерегающе произнес Френц.

— Приношу нижайшие извинения за бестактность, — поправился Ташик. — Скитарии себе чуть задницы не порвали, чтобы на фриг завалить этих троих, милорд!

— Кто эти люди с тобой? — спросил Алеутон у Зонне.

— Адепт Файст из Аналитики. Адепт Калиен из архивов. Милорд, прошу вас предоставить мне доступ к сетям связи, чтобы связаться с экзекутором Крузием как можно быстрее...

— Почему они пытались вас убить, фамулюс? — спросил Алеутон.

— Скитарии получили приказ не дать нам уйти из Кузницы. Мы трое причастны к информации и обстоятельствам, передача которых во внешний мир крайне нежелательна для старших магосов. В особенности — передача вам.

— И поэтому ты так нахально требовал аудиенции со мной, фамулюс? — спросил Алеутон.

— Да, милорд.

— Тогда, говори, — вздохнул Алеутон. — Представляю, что ты мне сейчас расскажешь, но все равно — говори. Кузница собирается повернуть против нас оружие, так?

— Адепт сеньорус Соломан Имануал убит, милорд. Экзекутор Энхорт захватил власть и объявил кодекс белли. Это мятеж, милорд.

Алеутон терпеливо выслушал сначала Зонне, потом Файста. Сеньор-коммандер Френц несколько раз перебивал говоривших, добиваясь подробностей, но сам Алеутон был задумчив и молчалив. Он думал о стопке сообщений и запросов о подтверждении, принятых за последние часы, — запросов сначала от экзекутора Крузия, потом от Этты Северин. Он не ответил никому из них. Сообщения Крузия выглядели слишком заискивающе и угодливо, а от сообщений Этты веяло принуждением со стороны экзекутора. Алеутон решил не отвечать, пока не получит четкой информации из Кузницы.

Последнее сообщение Этты, пришедшее всего за несколько минут до начала передачи из Аргентума, было наиболее откровенным и открытым:

<[выгружено:]сеть: Крузий, магос экзекутор-фециал, Легио Инвикта (110011001101, код сжатия 8у)[начал]

Милорд, в дополнение к своим предыдущим сообщениям прошу Вас безотлагательно ответить на сигналы экзекутора. Пожалуйста, милорд, поверьте ему>.

Зонне слегка пожал плечами:

— Мы рассказали вам все без утайки, милорд. Теперь вы исполните мою просьбу о связи с экзекутором?

Пожалуйста, милорд, поверьте ему.

Алеутон глянул на Френца и коротко кивнул. Подготовили безопасный канал связи.

Гололитические эмиттеры в центре кабинета зашипели, и там материализовалось изображение Крузия в натуральную величину, настолько реальное и настоящее, словно он явился в

кабинет собственной персоной.

— Зонне! Ради шестерни, парень! Где ты был? Я уже... — Кругий осекся, заметив остальных. Он включил свою улыбку и поклонился. — Мои извинения, лорд-губернатор. Я не ожидал увидеть вас рядом с моим фамулюсом.

— Кругий, — ответил Алеутон, — парень ваш только что передал мне столь печальные известия, что, я полагаю, они обескуражат и вас тоже. Я надеюсь, что ты найдем способ разделаться с этим вместе.

— Я также на это надеюсь, лорд-губернатор. Как я неоднократно пытался показать в своих сообщениях вам, Легио Инвикта целиком стоит на стороне улья.

— Против интересов Кузницы? — уточнил Алеутон.

— Лорд Геархарт это особенно подчеркнул, сэр. Инвикта служит прежде всего Богу-Императору, ибо Бог-Император суть Омниссия. Откровения, сделанные Кузницей, пагубны и сеют распри. Это попытка — какова бы ни была ее причина — снова разжечь вековой раскол

между двумя ветвями рода человеческого. Этого допустить никак нельзя.

— Даже если откровения эти — правда? — поинтересовался Алеутон.

Кузий собрался ответить, но оборвал сам себя. Слишком сложным был вопрос, чтобы дать на него простой ответ.

— Мы знаем причину, — сказал Зонне.

— Причину? — переспросил Кузий.

— Причину, стоящую за этими откровениями, — пояснил Зонне.

>

Шаг за шагом «Титаникус» продвигался по пустым, разоренным городам вдоль залитых водой дорог, мимо ржавеющих рудоперерабатывающих заводов и химических комбинатов, покрытых едкой пылью. Дождь, который собирался все утро, наконец-то начался, когда «Титаникус» вошел в небольшое зловонное местечко под названием Где-то Там.

Небо окрасилось в цвет мокрой штукатурки, кругом начали падать крупные капли.

— Может, поищем укрытие, Калли-детка? — спросила Голла.

— Нет, — ответила Калли.

— Да ладно, дождь же.

— Нет. Мы идем дальше.

Небеса начали разверзаться по-настоящему. Антик чертыхнулся. Фирстин покачал головой, когда капля дождя погасила его чируту.

— Калли? — позвал Иконис, натягивая на голову куртку.

— Мы должны идти дальше! — рявкнула Калли. — Живей!

— Она застрянет в грязи! — крикнул, указав на повозку, тащивший ее за собой Ларс Вульк.

— Она застрянет в грязи в любом случае, неважно — дождь или нет! — ответила Калли. — Пошли!

Все смотрели на нее, уставшие и несчастные. Вода струилась по лицам. Борода Жакарнова стала похожей на пучок мокрой соломы.

— Будь человеком, Калли, — сказала Лив Рейсс. — Всего десять минут, пока дождь не стихнет.

— Давай, сестренка, — попросила Голла.

Калли видела, как устала подруга. Они шли без нормального отдыха уже много часов. Устали все. Калли устала. Она устала до смерти, и дождь прятал ее слезы. «Какой в этом смысл, — думала она, — когда все уже потеряло всякое значение? Можно ли столько пройти — и остановиться? Где то место, где я просто сдамся и останусь ждать, пока меня заберет смерть?»

Калли вздохнула. У нее было такое чувство, что Где-то Там и станет этим местом.

— Если Калли говорит идти, значит, надо идти, — произнесла Дженни Вирмак голосом тихим, словно шепот среди дождя.

— Что ты сказала? — переспросил Ласко.

— Я сказала, — повторила Дженни

громче, — если Калли Замстак говорит, что мы должны идти, то мы должны идти.

— О, заткнись, тупая сучка! — отозвался Антик. — Мы убегаем только из-за тебя и твоих тупых сучьих проделок!

Калли сделала три шага к Антику. Тот не заметил летящего кулака. Удар пришелся ему в подбородок, и Антик опрокинулся спиной в грязь.

— Эй! Эй! Калли! — завопил Иконис.

— Калли! Этим не поможешь! — крикнула Рейсс, оттаскивая ее назад.

— Тихо! Тихо! — закричала Голла.

— Пустите меня! — орала Калли, отбиваясь.

— Успокойся! — велела ей Рейсс.

— Успокойся? Успокойся? — Калли вырвалась из державших ее рук, отступила ото всех и яростно на них уставилась. — Успокойся? Я стараюсь сохранить всем нам жизнь! Вы ждете от меня руководства! Указаний! Я не понимаю почему! Я не напрашивалась в командиры этого идиотского пикничка!

Часть отряда смущенно отвела

глаза.

— Почему я? — кричала Калли. — Почему я? Почему выбрали меня?

— Потому что ты всегда вроде знала, что делать, — ответила Дженни.

Калли начала хохотать. Ее смех разносился под струями дождя, заставив всех ощутить неловкость.

— Да я понятия не имею, что делать! — заорала она. — Я все придумываю на ходу! Я стараюсь принимать те решения, которые кажутся лучше, потому что хочу домой. Хочу снова увидеть мужа! И не хочу, чтобы кто-то еще из вас погиб!

Голла Улдана сделала шаг к Калли, раскрывая объятия.

— Перестань, Калли-детка. Переведи дух. Мы пойдем дальше, если ты так хочешь. Пойдем?

Все промолчали.

— Пойдем? — зашипела Голла.

— Без вопросов, — ответила Рейсс.

— А, да, конечно, — отозвался Ласко.

— Может идти и так, никаких проблем, — присоединился Ларс Вульк. —

Просто душ.

— Все будет хорошо, — поддержал Иконис.

— Видишь? — сказал Голла. — Так что перестань, сестренка. Ну что? Давай, переведи дух.

Калли потрясла головой. Когда она заговорила, ее голос звучал спокойнее.

— Простите, я не хотела срываться. Не хотела бить Антика. Он как — нормально?

Вульк кивнул, помогая тому подняться на ноги:

— Может, хоть немного смысла этому нинкеру в голову вбила.

— Вы пойдите, — продолжала Калли, — я старалась не давать вам останавливаться потому...

— Почему? — спросил Иконис.

— Никто из вас, похоже, его не слышал, но оно там. Все время. Царапанье.

— Какое царапанье? — спросил Жакарнов, вскидывая голову.

— Ну, сейчас дождь. Не слышно. Но я слышала. Оно следует за нами. Охотится за нами. Я не хотела говорить, чтобы вас

не пугать.

— Ты меня уже пугаешь, — встрял Антик.

— Кто-то услышал сигнал Дженни, как мы и боялись. Не надо ее винить, это не ее вина. Но кто-то услышал сигнал. Я думаю, что за нами охотятся вражеские войска. Вот почему я не хотела, чтобы мы останавливались.

— О черт! — сказал Фирстин.

— Я хочу перевода в другой отряд, — пробормотал Антик.

— Дженни, — попросила Лив Рейсс, — скажи точно, что ты отправила?

Дженни Вирмак съежилась, отодвигаясь от мрачной суроволицей женщины, и пожала плечами:

— Я рассказала папе, где я, и сказала, что очень хочу, чтобы он помог мне добраться до дома. Я сказала, что нас осталось мало и мы пытаемся помочь какому-то принцепсу из махины, который сильно ранен.

Фирстин громко застонал и сказал:

— Тогда нас ждет верная и быстрая смерть на службе.

— Молодец, что нарисовала здоровенную мишень у нас на голове, Вирмак! — сердито проворчал Антик и быстро глянул на Калли, не собирается ли она опять ударить.

Калли пропустила его замечание мимо ушей.

— Идем дальше? — спросила она немногих оставшихся от Мобилизованной двадцать шестой.

— Замстак?

Калли обернулась. Робор, стоящий рядом с видавшей виды повозкой под названием «Титаникус», смотрел прямо на нее. Рядом с ним на носилках подергивалось и дрожало под дождем бледное тело принцепса.

— Мы слышим код, Замстак, — произнес Робор.

Калли почувствовала, как от страха в животе скрутило кишки. Все вокруг смотрели на нее.

— Живей! — крикнула она. — Пошли! Ищите укрытие!

Отряд разбежался в разные стороны.

Голла с Калли помогли Вульку протащить «Титаникус» через грязь к ближайшему складскому сараю. Робор ковылял рядом с повозкой.

Ворота сарая были заперты. Вульк сбросил с плеч веревки, за которые тащил повозку, и пнул створки. Чтобы сломать замок, потребовалось два удара. Голла развела створки в стороны, а Калли с Вульком вкатили повозку внутрь. Дождь колотил по крыше и лил ручьями сквозь дыры в черепице.

— Сиди здесь. Присматривай за ними, — велела Калли Голле.

— Ты куда собралась, Калли-детка?

— Сиди здесь, Голла, и присматривай за ними. Позаботься о них.

Калли выскользнула из сарая и прикрыла за собой ворота.

Вокруг никого не было видно. Она бежала, пригнувшись, сквозь ливень, перескакивая из укрытия в укрытие, держась дверных проемов и углов. Сняла с плеча свою МК2-ск и зарядила. Винтовке пришлось перенести Трон знает сколько

ударов с тех пор, как Калли получила ее на сборочном пункте — казалось, целую вечность назад.

Оставалось надеяться, что винтовка не сломалась.

Сквозь дождь послышалось жужжание. Калли спряталась. Над головой проскользнул летательный аппарат, идя на бреющем сквозь ливень. Она видела его только мельком, но все же заметила тяжелую броню и множество орудийных установок.

Как только он скрылся из виду, Калли снова поднялась на ноги и побежала сквозь дождь, сжимая в руках оружие. Метнулась между двумя шаткими жилищами на окраинную улицу.

«Скольких я убью, прежде чем они меня прикончат? — подумала она. — Пятерых? Двоих? Одного? Одного, если повезет».

Калли присела, приставив оружие к плечу. И почувствовала, как по коже ползут мурашки. Медленно, очень-очень медленно она повернулась. По лицу ее струился дождь. Над ней возвышался

скитарий. Это была самая огромная и жуткая тварь, какую она только видела в своей жизни. Его встроенное в руку оружие — огромного калибра! — смотрело прямо на нее. Модифицированный череп украшал гребень из перьев, с цепи вокруг шеи свисали вотивные талисманы. Глаза-прорези светились желтым огнем. Скитарий раздвинул губы в смертоносной улыбке, обнажая ряд мощных металлических клыков.

Калли опустилась на колени. Здесь будет то самое место. Здесь будет то самое место.

Скитарий издал поток неразборчивого кода.

— Я не понимаю! — пискнула она.

Скитарий повторил и, наклонившись, вдавил ствол ей в щеку.

— Я не знаю! Я вас не понимаю!

Скитарий облизнулся и медленно протолкнул сквозь пасть с усиленными клыками, не предназначенную для разговоров, искаженные звуки:

— Где... прин... цепс?

Калли показалось, что говорит само

его оружие.

>

Дождь над Аргентумом резко перестал сразу после рассвета. Огромный грозовой фронт, бушующий над Западной проспекцией, внезапно и необъяснимо рассеялся.

Прекращение дождя оказалось палкой о двух концах. Небо расчистилось, став цветом походить на заплесневелую побелку, и видимость улучшилась, но без дождя ничто уже не мешало обширным пожарам охватить улей. Целые жилые блоки и провалы поглотило пламя, выбрасывая в небо бурлящие клубы черного дыма. Район Ришелон — огромный подшипь, выдающийся с северного бока улья, так подточило ожившее пламя, что тот съехал, словно океанский лайнер по стапелям, во внешний пояс Аргентума.

В старом улье не осталось почти

ничего нетронутого. Махины Темпестуса и Инвикты осторожно пробирались по акрам дымящихся обломков, через развалины рухнувших шпилей, по морям битого стекла и колотого камня, мимо горящих провалов и пылающих жилищ, по разрушенным улицам, которые в старые времена, бывало, усеивали ликующие массы преданных жителей.

Аргентум был мертв. Его убил массированный штурм махин. Внутренние площади и улицы были усеяны мертвыми телами врагов, обугленными до неузнаваемости. Через каждые несколько кварталов валялись искалеченные, почерневшие останки очередной вражеской махины, испуская к небу черные как сажа клубы дыма.

Геархарт кивнул.

<Я доволен, — сообщил он своему модерати. — Передай Крузию, что в Аргентуме одержана победа. Архивраг разбит. Поторопись>.

Он отплыл вглубь раки. Усталость окутывала его словно саваном. На

горизонте сознания угрожающе собирались грозовые тучи видений. Он не мог точно вспомнить, где и как сражался, но вкус победы все равно был сладок.

Враг бежал. Разбитый, он спасался из мертвого улья на запад. Ударная группа под началом Бормана висела у него на хвосте. Приходили донесения о многочисленных поединках между убегающими махинами и имперскими титанами на западных склонах улья. Геархарт отдал приказ провести полную зачистку. Не должно остаться ни единого клочка вражеских сил. Борман не подведет.

— Борман. Он станет моим преемником, — пробормотал Геархарт.

— Мой принцепс? — переспросил Бернал.

— Борман. Передай ему. Передай ему, Эрвин.

— Я Бернал, сэр.

Геархарт повернулся лицом к модерати.

— Конечно, Бернал. В чем дело?

— Пришел ответный сигнал, мой

принцепс. От экзекутора Крузия.

— Переключи на меня. Вот, молодец.

Появилось изображение экзекутора.

<Крузий! — прокантировал Геархарт. — Явился отпраздновать со мной победу?>

Тот, однако, выглядел мрачно.

<Милорд, я должен переслать вам данные для ознакомления. По конфиденциальному каналу. Это крайне срочно>.

<Шли>, — прокантировал Геархарт, отгоняя усталость.

<Выгружаю>.

<Загружаю>.

Данные потекли в манифольд Геархарта. Он просмотрел их с максимальной скоростью инкантации, затем выпрямился и приложил ладонь к стеклу раки.

<Когда это случилось?>

<Во время битвы за Аргентум>.

<Данные подтвержденные?>

<Несколькими независимыми источниками, — прокантировал Крузий. — Мой фамулюс, Зонне видел своими глазами, с ним был адепт по имени Файст

— ему можно доверять, — который смог декантировать большую часть пикт-съемки из собственных буферов памяти. Многое из того, что вы сейчас видели, было снято прямо из его глаз».

«Где Зонне и адепт сейчас?»

«Под опекой и защитой лорда-губернатора. Алеутон крайне обеспокоен тем, к чему все приведет».

«Ты передал ему мои заверения?»

«Конечно, милорд».

Старые мозги Геархарта заскрипели. Реакторы «Инвиктус Антагонистес» симпатически откликнулись сердитым ворчанием.

«Ох, Кругий. Откровения не давали мне покоя с самого начала. Я знал, что они приведут к крови, хотя думал, что конфликт вспыхнет на почве споров об их подлинности. Я даже представить себе не мог, что дойдет до такого. Подожди, пожалуйста».

Геархарт гаптическим жестом отложил связь с экзекутором и открыл прямой приоритетный канал в Кузницу, воспользовавшись своим высочайшим

уровнем доступа.

Появился Энхорт:

<Милорд Геархарт, позвольте мне поздравить вас с успешными действиями в Аргентуме. Кузница...>

<Закрой свой рот, засранец. Я знаю, что ты сделал. А вот что ты сделаешь сейчас. Ты отменишь положение «один», разоружишь Кузницу и сдашься вместе со своими друзьями-заговорщиками войскам губернатора>.

Энхорт не моргнул и глазом:

<Я не совсем понимаю, чем обязан подобному тону. В Кузнице кризис. Я взял руководство в свои руки и ввел кодекс белли. И жду, что вы и ваши махины безоговорочно меня поддержите>.

<Я принцепс максимус, ты, крыса. Я не подчиняюсь приказам какого-то выскочки-претендента>.

<Ты забыл свое место, Геархарт. Я — временно исполняющий обязанности адепта сеньорус Кузницы Ореста. Инвикта поклялась действовать от имени этой Кузницы. Ты будешь мне подчиняться!>

Реакторы «Инвиктус Антагонистес» зарокотали еще рассерженнее.

<Ты узурпировал место Соломана Имануала. Все это не что иное, как грязная и мелкая борьба за власть. Ты использовал войну для отвлечения внимания, сыграв на страхе и неуверенности, а потом выпустил пагубную мерзость, чтобы оказаться отважным и бескорыстным спасителем, взявшимся уберечь нас от себя самих!>

Энхорт сердито вспыхнул:

<Пагубная мерзость, о которой ты говоришь, — истинная правда. Это величайшее откровение эпохи. Тебе следовало бы радоваться, дряхлая скотина! Механикус наконец-то смогут сбросить оковы, которыми были прикованы к Терре тысячи лет!>

<Кое-кто из нас не возражает против этих оков, — ответил Геархарт. — Покажи мне служителя Механикус, который отказался бы быть прикованным к Омниссии, и я покажу тебе еретика, который заслуживает лишь вечного проклятия!>

<Данные опровергают эту старую ложь! Они подлинны! Они...>

<Кто тебе это сказал? Толемей? Подумай, не было ли у него причин тебе соврать, идиот?>

Энхорт выставил руку и отвернулся:

<Я не обязан выслушивать твою околесицу, Геархарт. Твои махины встанут на сторону Кузницы — или ты будешь смещен с поста командующего>.

<Я видел запись, ты, тупое дерьмо. Я видел запись!>

Энхорт замер и повернулся обратно к Геархарту:

<Какую запись?>

<Я видел то, что видели глаза Файста, — прокантировал Геархарт. — Вы пытались заставить его замолчать, но он сумел выбраться, и я получил возможность увидеть то, что видели его глаза>.

Энхорт покачал головой:

<Так вот в чем дело! Вот почему ты связался со мной и льешь тут на меня свою желчь! Милорд Геархарт, тебя надули. Файст — трусливый убийца, который

участвовал в преступных стараниях Итануала лишить Механикус этих разоблачающих знаний. Он скажет что угодно, лишь бы разрушить наше единство. Ты видел то, что видели глаза лживого изменника».

«Запись...»

«Геархарт, шестерни ради! Файст работал в Аналитике! Данные можно фальсифицировать!»

Геархарт усмехнулся:

«Ага, теперь ты это признаешь. Да, Энхорт, данные можно фальсифицировать. Их можно изменить, и они все равно будут выглядеть подлинными, если так нужно для достижения цели».

Энхорт слегка заколебался.

«У тебя есть один час, — прокантировал Геархарт. — Разоружи Кузницу и сдайся губернатору Алеутону — или за тобой приду я».

«У тебя есть один час, — прокантировал в ответ Энхорт. — Объяви, что твои махины целиком и полностью поддерживают Кузницу, и я сотру этот неприятный разговор из буферов своей

памяти. Если ты этого не сделаешь, то будешь лишен и командования, и своей махины».

«Я «Инвиктус Антагонистес», придурок. Кто сможет это сделать?»

Энхорт не ответил. Канал закрылся. Геархарт задумчиво помолчал, затем вернулся на канал с Крузием:

«Ты слышал?»

«Конечно, милорд».

«Твои замечания?»

Крузий выглядел еще мрачнее.

«Я не думаю, что Энхорт отступит. Толемея, возможно, ведут личные интересы, но я искренне считаю, что Энхорт действует по убеждениям. Он на самом деле верит, что делает правое дело».

«И ты не считаешь, что человек, действующий по убеждениям, может сдаться?»

«Вы бы сдались, милорд?» — поинтересовался Крузий.

Погруженный в раздумья на наблюдательном мостике краулера, Кругий повернулся и обнаружил, что за ним наблюдает Этта Северин.

— До этого на самом деле дошло? — спросила она.

— Возможно, — ответил он.

— Все скоро покатится в ад со свистом и плясками, — хмыкнул Готч.

— И это тоже возможно, майор, — согласился экзекутор. — Очень может быть, что вскоре мы станем свидетелями начала раскольнической войны внутри Механикус. Знаете, у нас есть поговорка. Поговорка Механикус: «Знание — сила». Из всех страшных орудий в распоряжении Механикус знание на данный момент — самое опасное. И очень часто, по-моему, мы забываем, как сильно сами можем им себе навредить.

— Лорд Геархарт не сдастся Энхорту, так ведь? — спросила Этта.

— Никогда. Да и не должен.

— Тогда могу ли я спросить: чем Энхорт подкрепит свои требования?

— У него в руках власть над Кузницей

Ореста.

— Против Легио Инвикта?

Кругий замолчал.

— У него еще есть махины Темпестуса, — негромко произнес Готч.

Кругий глянул на телохранителя и кивнул:

— Махины Темпестуса обязаны принять сторону Энхорта. Само собой, они лояльны Кузнице — и все они разделяют старую веру в различие между Омниссией и Императором.

— Но Легио Темпестус был в неполном составе еще до начала войны, и потери еще сильнее истощили его силы, — начала Этта. — Наверняка...

— У Легио Темпестус выставлено девять действующих махин, — сказал Кругий.

— Против... скольких махин Инвикты?

— У Инвикты — тридцать шесть.

— Значит, вряд ли бой будет на равных.

Экзекутор-фециал посмотрел на нее. В его глазах на мгновение блеснула

электрическая зелень.

— Смысл не в этом, Этта. Даже одной махины будет достаточно. Если титан выстрелит в другого титана, это станет первым выстрелом в гражданской войне между Механикус.

Этта задумчиво поджала губы.

— Как я и говорил, — произнес Готч, — все вместе — прямо в ад. С песнями и плясками.

Кругий подошел к главной станции связи.

— Анализ каналов, — велел он сервитору. — Отследить все действующие махины Тетпестуса. Проанализировать обмен манифольда. Сколько машин Тетпестуса находится или недавно находилось в контакте с Кузницей?

<Все девять махин Тетпестуса в настоящий момент держат связь с Кузницей по закрытым каналам передачи данных, экзекутор>.

— Он уже раздает им указания, — прорычал Кругий. — Этот кусок металлолома Энхорт уже шушукается с ними. Все они, ты сказал?

<Всего, экзекутор, десять махин в настоящий момент держат связь с Кузницей по закрытым каналам передачи данных>.

— Десять? Покажи.

<Перенаправляю данные по махинам в ваш манифольд, экзекутор>.

— А! — выдохнул Кругий удрученно, инкантировав промелькнувшие перед глазами данные. — Конечно. И ты тоже.

>

В разрушенное сердце Аргентума входили заправочные и ремонтные машины. На площади Старых Магосов — некогда роскошной торговой площади, теперь катастрофически перепаханной обильным болтерным огнем, — стоял «Предок Морбиуса», сгорбленный и нетерпеливый. Технопровидцы перенастраивали излучатель щита, сбитый попаданием ракеты. На дальней стороне площади ждал «Аякс Эксцельсус»,

пока пара тяжелых краулеров — подвозчиков боеприпасов через стыковочный рукав перегрузит свежий боезапас в его артиллерийский погреб.

«Доминатус Виктрикс» вошла на площадь малым ходом и двинулась к другой паре подвозчиков. Тарсес дал сигнал остальным титанам, затем поставил «Виктрикс» так, чтобы краулеры смогли добраться до люков погреба. Сидя в своем кресле, он следил за растущей скоростью поступления болтерных зарядов и ракет. Он слышал тихое пение техножреца, благословляющего и совершающего обряд очищения над боеприпасами, загружаемыми на борт.

— Он что-то тих, — заметил Анил, кивнув в сторону раки за спиной.

— Разговаривает с Кузницей, — отозвался Кальдер.

Тарсес глянул на сенсори.

— Сидит на закрытом канале с Кузницей последние восемь минут, — сообщил Кальдер.

— Будем надеяться, что получает

разъяснения, — сказал Анил, запуская быструю проверку управления.

— Разъяснения? — переспросил Тарсес.

— Об этом деле, — ответил рулевой, глядя на него. — Об откровениях.

Тарсес кивнул:

— Будем надеяться.

Пропел приемник. Кальдер ткнул пару кнопок.

— Предупреждение от «Антагонистеса», модерати, — доложил он. — Всем махинам приготовиться. Лорд Геархарт обратится к легио через десять минут.

>

Геархарт открыл общий канал:

<Всем махинам Темпестуса и Инвикты, это Геархарт. Подтвердите мою выгрузку>.

Со всех сторон полетели ответные сигналы манифольда.

<Благодарю вас, принцепсы. Во-

первых, позвольте мне поаплодировать вашим успехам. Аргентум в наших руках. Битва за Орест выиграна».

Раздался хор выразительных потоков кода от остальных махин.

«Верно, верно. Первый принцепс Борман, продолжайте движение на запад со своей ударной группой и прикончите остатки врага. Сожгите всех. Полная зачистка, как и было приказано. Не дайте ни одному куску этого махинного металлолома сбежать».

Махины отозвались новыми потоками выразительного кода.

«Приказ понял, принцепс максимус», — прокантировал в ответ Борман.

«Благодарю, первый принцепс, — прокантировал Геархарт. — Махины, есть еще один вопрос, который я хотел бы декантировать. Я знаю, что все вы в курсе распространенных недавно провокационных данных. Более того, я полагаю, что вы осведомлены о том факте, что в Кузнице Ореста в настоящий момент принято положение «один». Публикация данных погрузила Кузницу в кризис и вызвала

трения с ульем Принципал. Ситуация требует нашего немедленного внимания. В следующие двенадцать часов все махины, не участвующие в зачистке с первым принцепсом Борманом, должны завершить патрулирование Аргентума и приготовиться к уходу со мной. Завтра на рассвете мы выходим в обратный путь к улью Принципал>.

Геархарт замолчал и стал ждать, наблюдая за аудиторий из маленьких, размытых кодом белых лиц, взирающих на него из манифольда. Каждое лицо было принцепсом, подключенным к каналу манифольда из своей раки или командирского кресла. Ноосферные ярлыки рядом с каждым идентифицировали махину и командира.

«Интересно, кто будет первым?» — подумал Геархарт.

<Мы возвращаемся как военная сила, милорд?>

«Ага, Рапсон, "Меркуриус Беати". Махина Темпестуса. И как я догадался,

что махина Темпестуса заговорит первой?»

<Как сдерживающий элемент, принцепс Рапсон, — прокантировал Геархарт. — Как стабилизирующий элемент>.

<То есть ты вмешаешься, милорд?> — прокантировал Левин с «Аякс Эксцельсус».

Старый добрый Левин, всегда так стремящийся уяснить все в точности.

<Если будет необходимо, мой чертенок>, — ответил Геархарт.

<На стороне Кузницы, лорд?> — прокантировал Терон с «Тантамаунт Страйдекс».

«Вот оно, началось. Если хоть один из Темпестуса и намерен был переступить черту, то это будет именно сейчас. Они почувствуют мое резкое недовольство, и это заставит их выяснить все начистоту».

<Что за странный вопрос, Терон? На стороне Механикус, конечно>, — откантировал Геархарт.

<Уточните, на какой стороне, лорд Инвикты>, — потребовал Леникс Дево, принцепс «Кулладор Браксас», старшей из выживших махин Темпестуса после гибели «Орестес Магнификат».

<Я не считаю, что должен что-то уточнять, принцепс, — прокантировал Геархарт. — Вы по-прежнему, я так понимаю, являетесь махиной Механикус? Так что не нужно задавать мне вопросы. Нужно идти за мной>.

<Но не против моей Кузницы, — возразил Дево. — Вы принижаете значение этих «провокационных» данных, но они являются центром орестской ортодоксальности. Должны ли махины Темпестуса понимать, что вы намерены растоптать нашу веру, потому что она отрицает новый путь!>

<Следите за своим языком, принцепс Дево, — угрюмо прокантировал в ответ Геархарт. — Мы — Механикус, все до единого. Мы повинуемся одному богу. Наша вера — не бинарное построение. Мы — одно>.

<Одно, но разделенное, — не унимался

Дево. — Я восхищаюсь вашей силой, лорд Геархарт, и боготворю духов ваших махин. Но поймите: если вы поведете Инвикту против Кузницы, на вашем пути встанет Темпестус>.

<Ты встанешь? Ты на самом деле встанешь на моем пути, Дево?> — прокантировал Геархарт.

Наблюдая за дискуссией из своего краулера, Крузий тихо застонал.

— Ох, осторожнее, милорд. Они не шутят.

— Балансирование на грани войны? — спросила Этта.

Крузий взглянул на нее:

— Боюсь, что так. Геархарт стоит на своем, как я и предполагал. Хотя, думаю, он недооценивает всю глубину решимости Темпестуса.

— Разве вы его не предупреждали? — спросила Этта.

— Конечно предупреждал; ты... — Крузий глубоко вздохнул. — Примите мои самые искренние извинения, мамзель Северин. Ситуация лишила меня

всяческого самообладания. Да, я предупреждал его. Я советовал ему обращаться с союзными махинами лишь самыми аккуратными гаптическими касаниями. Но...

— Но? — хмыкнул Готч. Шрам кривил ему щеку и губу.

— Но лорд Геархарт — сам себе хозяин. Он прям и честен. Его знают как Красную Фурию не за сдержанность. Он...

— Так упрям, что втянет Механикус в состязания по стрельбе и нас вместе с ними? — спросила Этта.

Кузий отказался глотать наживку.

— Он сам себе хозяин, — повторил он.

«И чего я больше всего боюсь, он уже не совсем тот, каким был. Пожалуйста, милорд, только не делайте ничего необдуманного».

<Почему ты меня не слышишь? — яростно кантировал Геархарт. — Твоя обожаемая Кузница узурпирована, Дево!>

<Узурпирована правдой, Геархарт!> — откантировал в ответ Дево.

<Энхорт действовал незаконно. Он

вышел за рамки своих полномочий!>

<Адепт сеньорус Энхорт обладает всеми требуемыми полномочиями!>

<Ради шестерни, Деве! — передал инфоговоркой Кругмал с «Люпус Люкс». — Милорд Геархарт только что декантировал тебе правду через канал передачи. Этот адепт Файст все видел. Каких еще доказательств тебе нужно?>

<Адепт сеньорус Энхорт лично предупредил нас об этом опасном обмане, — прокантировал Ку с махины Темпестуса «Утешение Ванквиста». — Так называемая декантация Файста — бессовестно сфабрикованная ложь!>

Геархарт рассерженно отплыл в глубь рани:

— О Деус! Крузий был прав. Они добровольно отказываются видеть правду.

Он перевел взгляд на своего модерати. Бернал и остальной экипаж мостика пристально наблюдали за ним. На лицах их была тревога.

— Включить двигательную передачу, Бернал! — приказал Геархарт.

Экипаж бросился по своим местам.

— Двигательная передача включена, мой принцепс.

<Или с нами, или против нас>.

Геархарт вперился обратно в манифольд.

<Ты только что поставил меня перед ультиматумом, Дево?> — прокантировал он.

Размытое кодом изображение лица Дево кивнуло:

<Да, Геархарт>.

<Не потрудишься повторить?>

<Я сказал: с нами или против нас, Геархарт>.

Геархарта передернуло.

<Ты вообще представляешь, что может начаться после твоего ультиматума, Дево?>

Дево неторопливо кивнул еще раз. Лицо его исказилось от напряженности момента. В его серьезности и, как мрачно заметил Геархарт, в его пылающей вере сомневаться не приходилось.

Леникс Дево взял себя в руки:

<Представляю, лорд Инвикты Геархарт. И это приводит меня в

стяжение. Мысль о противостоянии с тобой внушает мне ужас. Меня пугает, что мы уйдем отсюда не как друзья. В меня вселяет страх то, что Механикус могут так далеко разойтись в своей преданности>.

<Тогда почему, Леникс?>

<Потому что я люблю Кузницу и отдам за нее жизнь. Деус Омниссия! Я кантирую еще раз: с нами или против нас>.

<Понятно. Скажите мне вот что, Темпестус. Если я встану против вас, то что конкретно вы собираетесь сделать?>

— Нас только что взяли на прицел три махины Темпестуса, мой принцепс! — крикнул Бернал. — Множественные сигналы ауспика. «Браксас», «Беати» и «Фантома»!

— Ах, эти бравые глупцы, — буркнул Геархарт. — Модерати! Включить щиты.

— Щиты включены, мой принцепс!

— Милорд! — доложил сенсори. — Остальные махины Темпестуса нацелили орудия на машины Инвикты. Машины Инвикты, взятые на прицел, произвели

ответные захваты целей!

— Модерати! Проинформируйте все махины Инвикты, что они могут включить щиты, но они обязаны — я подчеркиваю: обязаны! — отменить все захваты целей!

— Махины проинформированы, мой принцепс! — крикнул Бернал.

«Если кто и сделает первый — запретный — выстрел, — подумал Геархарт, — то не один из моих. Если Темпестус этого хочет, то пусть покажет — насколько. Пусть испачкают руки. Я лучше сдохну, чем стану первым, кто начал кровопролитие схизмы.

Я лучше дам тьме сожрать меня.

Я лучше дам себя отключить».

— Махины Инвикты докладывают, что щиты включены! — доложил сенсори.

— Он решил вскрыть их блеф, — прошептал Крузий.

— Да, и как — сработает? — поинтересовался майор Готч. — Я в свое время вскрыл пару блефов. Откуда, думаете, у меня такая рожа?

— Может сработать, — произнес Крузий, мрачно улыбаясь замечанию Готча. — Темпестус в высшей степени уважает лорда Геархарта. Видите? Геархарт даже приказал махинам Инвикты отменить захват целей.

Он указал на гололитический дисплей.

— Махины Инвикты просто будут стоять и ждать, пока по ним не выстрелят? — спросила Этта.

— Они включили щиты, Этта. Они могут стерпеть боль первого выстрела, даже не поморщившись.

<Экзекутор!> — позвал Лысенко, спеша к ним от главного пульта управления краулера.

<Не сейчас!>

<Магос навис Ковеник...>

<Я сказал — не сейчас, и я не шучу!>

Лысенко схватил Крузия за рукав и потащил в сторону. Экзекутор отреагировал инстинктивно, едва не вырвав руку Лысенко из сустава. Но смирил свой гнев.

<Не сейчас!>

<Вы должны это увидеть. Немедленно!> — выдал инфоговоркой Лысенко.

Не замечая безмолвной борьбы между экзекутором и капитаном краулера за спиной, Этта Северин со своим телохранителем впились глазами в дисплей.

— Крузий сказал, что все махины Инвикты отменили захват целей, — заметил Готч.

— Да, а что?

Готч показал:

— А эта не отменила.

>

<Сохранять захват цели!> — крикнул Принцхорн.

— От меня вы этого не дождетесь, — ответил Тарсес, отстегивая замки и откатывая кресло назад.

<Произвести захват махины немедленно, модерати!>

Тарсес поднялся на ноги и повернулся к раке.

— Нет, — ответил он и, сморщившись, выдернул свои штекеры.

<Сенсори!>

— Кальдер вам тоже не станет помогать. Махина Инвикты никогда не станет стрелять в другую махину Инвикты.

<Эта махина Инвикты будет делать то, что велено, — предупредил Принцхорн. — Я думал, что мы пришли к пониманию, Тарсес. Ты уже начал мне нравиться как модерати>.

— И вы мне уже начали нравиться как принцепс, мой принцепс, — отозвался Тарсес. — Но в этом я участия принимать не стану.

<Тогда отойди в сторону, модерати. Оставь свой пост. Я могу тебя заменить>.

Тарсес услышал, как автоматы заряжания щелкнули, вставая на место. Он почувствовал зудящую песнь аустика, подсвечивающего цель.

— Цель захвачена. «Аякс Эксцельсус», — выкрикнула фейрика, забираясь в

оставленное Тарсесом кресло и хватаясь за управление.

— Голосовая команда, Тарсес, модерати. Отменить захват! — крикнул Тарсес.

Системы аустика запнулись и смолкли.

<Возобновить захват!> — потребовал Принцхорн.

Аустик запустился снова.

— Отменить захват!

<Возобновить захват!>

Тарсес пробрался мимо Кальдера и проскользнул к ряду кнопок аустика. Повернул главный выключатель. Сенсоры померкли.

Фейрика выбралась из кресла и бросилась на него, выставив когти. Тарсес отбросил ее. Анил с Кальдером отстегнули свои замки и с трудом оттащили фамулюса прочь.

— Этого не будет, мой принцепс, — сказал Тарсес в сторону раки, вытирая кровь с царапин на щеке, оставленных ногтями Фейрики.

<Я не твой принцепс, —

прокантировал Принцхорн. — Тебя следовало списать за то убийство. И казнить! Ты не служитель Механикус!>

— Я верный служитель Механикус, — возразил Тарсес.

Он глянул на Кальдера с Анилом, которые боролись с бьющимся фамулюсом, не давая ей двинуться, неторопливо пересек помещение мостика и приложил ладонь к биометрическому замку оружейного шкафчика «Виктрикс». Дверца открылась. Тарсес достал заряженное пломбовое ружье для подавления бунтов на борту и передернул цевье.

Он подошел к раке. Оттуда на него яростно уставился плавающий в жидкости и освещаемый сверху Принцхорн.

— Я не знаю, сколько душ я отправил на тот свет на войне, — негромко сказал ему Тарсес. — Наверное, много. Не на войне я убил одного — из ярости и отчаяния. И буду сожалеть об этом всю оставшуюся жизнь. В любом случае совершенно очевидно, что я способен убивать и на войне, и в мирное время.

Он прижал дуло ружья к холодной

поверхности амниотической раки.

— Насколько я понимаю, это война; и моя совесть чиста. Заглуши «Виктрикс» немедленно — или я застрелю тебя там, где ты плаваешь.

<Это бунт!>

— О нет, мой принцепс, — возразил Тарсес, — это долг.

>

«Давайте стреляйте, стреляйте или сдавайтесь», — мысленно подзуживал Геархарт.

<Милорд?>

<Уйди, Крузий>.

<Я все равно загружаю это вам, общедоступным каналом>.

В манифольд хлынули данные. Их увидела каждая махина. Данные были яркими, четкими и крайне неприятными.

<Крузий, — запнувшись, спросил Геархарт, — откуда это взялось?>

<С флота, милорд. Орбитальное

слежение. Теперь мы можем с точностью утверждать, что грозовые фронты, обрушившиеся на этот регион Ореста, были искусственно созданы климатической вышкой, сконструированной врагом. По неизвестным причинам вышка внезапно прекратила свою работу>.

<Кузий, я не ошибаюсь? Их, похоже, штук шестьдесят, не меньше>.

<Ковеник подтвердил данные, милорд. Они подлинные, хоть это слово и слишком часто употреблялось в последнее время. Войско из шестидесяти с лишним махин Архиврага направляется на юго-юго-запад из Западной проспекции в нашу сторону полным ходом>.

<Леникс?>

<Лорд Геархарт?>

<Ты это видишь?>

<Вижу, милорд>.

<Ответь мне, принцепс Леникс, что теперь? Мы встанем плечом к плечу и встретим нашего общего врага — или ты начнешь палить по моим махинам из принципа?>

Леникс Дево не ответил.

<Я жду от тебя немедленного ответа, — прокантировал Геархарт. — И, Дево, Орест ждет его от тебя тоже>.

В последствии она стала известна как Битва в Проспекции.

Ударная группа Бормана, уже идущая на запад, преследуя беглые махины, перестроилась — и плавно, слаженно повернула навстречу второму воинству. Они стали первыми, кто вступил в бой.

Серьезно проигрывая в огневой мощи, Борман держал дистанцию, сохраняя мобильность. Он принялся изматывать врага, бомбардируя вражеское воинство с расстояния до пятнадцати километров. Враг, похоже, был полон решимости продолжать пробиваться на восток и переборол искушение отвлечь часть или даже все свои силы, чтобы разобраться с махинами Бормана, хотя свирепость ответного огня все нарастала по мере того, как наскоки Бормана становились

все интенсивнее.

Дивизия скитариев Лау двигалась пешком, взяв самый быстрый темп. Через три часа первые части катафрактариев выставились на северо-западной границе Иеромихи и начали обстреливать противника. Пехота и боевые сервиторы развернулись шестикилометровым фронтом перед позициями катафрактариев. Орбитальное слежение показало, что с воинством махин движутся значительные силы скитариев.

Группа Бормана вела постоянный обстрел в течение пяти часов, пока не была вынуждена отступить для пополнения боеприпасов. Вражеское воинство, похожее на ходячий лес из грязной стали и керамита, начало расходиться в стороны, растягиваясь в широкую линию. Когда враги подошли к границе Иеромихи на пять километров, точное сканирование выявило их численность — шестьдесят две махины, хотя Борман отважными налетами уничтожил немало врагов. Земля

непрерывно тряслась, словно испытывая постоянные слабые сейсмические толчки. Черные полчища пехоты бежали впереди махин Хаоса, выкрикивая мусорный код. Даже на таких бывалых скитариев, как Лау и магос артиллерии Дорентина, зрелище действовало отрезвляюще.

Катафрактарии сосредоточили залпы. Широкие полосы взрывов и разрушений покатились по боевым порядкам Архиврага. Удары завывающих снарядов подбрасывали в воздух тонны земли. Линия фронта яростно засверкала вспышками импульсов и лучей.

Наступающее вражеское воинство открыло ответный огонь. Ужасающая мощь махинных орудий ударила по силам Лау, словно молотом, и посреди катастрофического разрушения передовые части скитариев сошлись и схлестнулись между собой с неукротимой яростью. Лау был в самой гуще схватки.

Хаос выпустил хаос.

Геархарта от передовой отделяло еще двадцать километров. Идя полным ходом, чтобы догнать своих скитариев, он

издалека открыл огонь по основной массе вражеского воинства. Махины, шагающие в строю с «Инвиктус Антагонистес», присоединились к обстрелу.

За Геархартом пошли все. Все до единой махины Инвикты и Темпестуса, забыв о разногласиях перед лицом общей угрозы, шли за Красной Фурией в бой против войска махин Архиврага, почти вдвое превосходящего их числом.

<Никакой пощады врагу, чертенята!> – прокантировал Геархарт.

Щиты были включены на полную. Накопители и аккумуляторы пульсировали от переполняющей их мощи. Автоматы заряжания были сняты с предохранителей и наполнены. Крышки люков орудийных и ракетных установок открыты.

Легио сошлось с воинством: махина на махину.

Ни один из немодифицированных людей, став свидетелем такой битвы, никогда не забудет этого зрелища. Этта Северин наблюдала за войной махин из

краулера Крузия. Экзекутор остановил штабную машину и подразделения поддержки в трех километрах от имперской линии фронта, чтобы позволить своим самым крупнокалиберным орудиям внести посильный вклад в бомбардировку. И хотя внешние заслонки наблюдательного мостика были закрыты, а пустотные щиты включены, Этта вздрагивала каждый раз, как орудийные башни краулера или управляемые с него «Гидры» и скорострельные платформы открывали огонь.

Крузий снабдил Этту и Готча визорами, чтобы те могли следить за битвой через манифольд. Воспринимаемый поток ощущений просто ошеломлял. Несмотря на сравнительную неторопливость махин, темп сражения был потрясающим. Этта никогда не справилась бы со сверхчеловеческой интенсивностью стрельбы, скоростью наложения шаблонов попаданий и обмена выстрелами, мгновенным переносом прицельных лучей и сменой направлений аспика, с непрерывным потоком кодовых

переговоров. Лишь модифицированные мозги с аугментированными рефлексами могли нормально переварить такую информационную нагрузку и при этом еще хоть как-то эффективно действовать. Теперь-то Этта поняла, как экипажи махины могут полностью потерять собственное «я» в блоках мыслеуправления.

С поступающим потоком данных конкурировал шок: световой шок, звуковой, скачки давления. Каждый выстрел орудия, каждое попадание в щит, каждый удар снаряда превращался в обжигающую сетчатку вспышку, беспорядочное мельтешение неоновых искр, ударную перегрузку и невообразимо громкий звуковой пробой.

Но хуже всего был масштаб. Этта прежде никогда по-настоящему не осознавала огромности титанов. Подключая визор к трансляции с орудийных камер «Владык войны» или «Разбойников», она ощущала себя до нелепости высоченным гигантом — словно каким-то великаном, сошедшим со страниц сказки, таким неустойчивым и

грузным, что, казалось, в любой момент он может споткнуться и рухнуть лицом вниз. Махина все увеличивала до своих размеров: расстояния становились больше, удары — сильнее, разрушения — фантастически обширными. Следя за входящей трансляцией учащенно мигающими и мечущимися туда-сюда глазами, Этта напомнила себе, что где-то далеко внизу, ниже поля ее зрения, под пеленой дыма, хлопающими щитами и режущими лучами острого как бритва света, в не менее яростной битве сражаются скитарии — в битве, которая при других обстоятельствах стала бы главным спектаклем. В данных же обстоятельствах тяжелая и яростная схватка воинов отошла на второй план. Скитарии со своими боевыми машинами были лишь муравьями, копошащимися и суетящимися у массивных ног соперничающих чудовищ.

Этта не выдержала, стянула с головы визор и положила обратно на пульт.

— Устройство неисправно, мэм? — спросил Лысенко.

Этта помотала головой:

— Просто слишком тяжело. Тяжело это вынести. Я не знаю, как вы вообще...

— Даже для модифицированных это нелегко, мэм, — ответил Лысенко. — Войны махин проигрывают обычно из-за человеческой слабости.

— В каком смысле?

Лысенко пожал плечами:

— Машина практически совершенна. Человеческий компонент — ее единственное по-настоящему слабое место. Если принцепс или кто-то из экипажа сделает ошибку, или на секунду замешкается, или упустит какую-то мелочь, то страдает машина. Всё решают доли секунды. Жизнь или смерть — за мгновение ока. Один неверный код, одна ошибка слежения — и все кончено. Вот почему только самые лучшие проходят отбор для действительной службы на махине. Вот почему мы так высоко ценим своих принцепсов и старших модерати.

— Потому что справится не каждый? — спросила она.

— Потому что даже при наличии усовершенствований едва ли один из десяти миллионов окажется достаточно одаренным, чтобы подойти под требования.

Этта посмотрела на Готча. Тот по-прежнему восторженно следил через визор за передачей с поля боя. Губы майора, искривленные шрамом, изогнулись в полуулыбку смесью завистливого уважения, профессионального сопереживания и тихого благоговения.

— Впечатлен, Замуаль? — спросила Северин.

Готч кивнул:

— Ага.

— Здесь трудно не впечатлиться, майор, — сказал Кругий. — Сражение махин такого масштаба — событие довольно редкое.

— Да не, — ответил Готч, — я слежу за скитариями. Эти гады знают, как драться.

Кругий рассмеялся.

— Редкое событие, вы сказали, экзекутор? — спросила Этта, переводя

взгляд на Кружия.

— Очень редкое. Целый легио, выставленный против неприятельского войска махин в чистом поле. Боевые действия подобных масштабов — пища для легенд. За последние несколько веков Инвикта редко сражалась полным составом в одном месте. Большая часть исполнений требует индивидуальных действий на широком театре войны — возможно, полудюжины махин, идущих сообща, самое большее. Таково военное преимущество махин. Нескольких обычно достаточно. Что бы ни случилось здесь сегодня, это столкновение будут помнить как исключительное.

— Но раньше такое было делом более обычным? — спросила она.

— Сражение махин против махин подобной величины? Да. В древние времена, когда число действующих махин было больше.

— В какие времена, например? — спросила она.

Кружий улыбнулся:

— Во времена Ереси.

— Какое прискорбное совпадение, — заметила Этта.

— Действительно.

Она посмотрела на оперативный дисплей, проецируемый из центрального картографического стола, вокруг которого все они сейчас стояли.

— Прошу прощения, но я не могу толком понять, — призналась она, — мы побеждаем?

Кругий глянул на нее и ответил:

— Еще слишком рано говорить.

>

Они следили за искаженными, обрывочными передачами, просачивающимися с границ Иеромихи, за стратегическим столом в кабинете лорда-губернатора.

— Ваша оценка? — спросил сеньор-коммандер Френц у Зонне.

Тот нахмурился.

— Я на самом-то деле не

модифицирован для тактики, сэр, — ответил он. — И понимаю в этих передачах не больше вашего.

— Больше похоже на ад, — сказал Френц.

— О, это наверняка, — согласился Зонне. — Адепт Файст — аналитик. Для подобной работы у него модификации получше.

Алеутон повернулся от стола:

— Файст?

Файста оставили сидеть вместе с Калиен в гнезде из кожаных диванов рядом с массивным позолоченным столом лорда-губернатора. Он встал.

Зонне знаком велел ему подойти.

— Фамулюс? Милорд?

— Хотя мы и наслаждаемся зрелищем, сидя в первых рядах, адепт, — сказал Алеутон, — но все же надеялись получить несколько более четкий анализ.

Файст нервно глянул на Зонне. Тот кивнул.

— С вашего позволения, милорд, — произнес Файст.

Он выдвинул дендрит и воткнул его в

системы стола. Не глядя на дисплей, Файст уставился куда-то в пустоту, просматривая ноосферную версию событий.

— Полномасштабное столкновение идет на границе Иеромихи. Шестерня, как много махин! Так много поступающих данных! Прошу прощения. Дайте мне минутку разобраться...

— Можешь не торопиться, — ответил Алеутон.

— Махины Инвикты и Темпестуса вступили в полное соприкосновение с вражеским воинством, — сообщил Файст. — Силы наших скитариев значительно уменьшились. Лорд Геархарт ввел свои махины прямо в гущу воинства, ведя бой на ближней дистанции. Там... О-о-о!

— Что? — одновременно спросили Алеутон и Френц.

— Мы только что потеряли махину. «Стратус Конквист», принцептура Дефрата. Взрыв реактора. Прошу простить, всплеск кода ослепил меня.

— Продолжай, Файст, — велел Зонне.

Калиен подошла к ним и спряталась за спиной Файста.

— Если я загружаю правильно, — сказал Файст, — пока мы потеряли четыре махины, включая «Конквист». В подробной информации, передающейся с «Инвиктус Антагонистес», указано четырнадцать подтвержденных уничтожений махин и общим числом семь частичных. Поправка: пятнадцать. «Люпус Люкс» только что свалил «Разбойника». Поправка: семнадцать. «Утешение Ванквиста» только что убил вражеского «Владыку войны», и посмертный взрыв повредил щиты «Владыки войны» рядом. «Утешение Ванквиста» воспользовался возможностью и убил второго «Владыку», пока тот не восстановил щиты. Поступают... поступают донесения, что Лау убит в бою. Неподтвержденные. Слишком сильная неразбериха на земле. Восемнадцать махин. «Кулладор Браксас» только что подорвал «Разбойника». «Предок Морбиуса» зажат тремя вражескими «Псами войны». «Инвиктус Антагонистес» только что уничтожил врага. «Тантамаунт Страйдекс» тоже. «Страйдекс» пытается пробиться

врукопашную на помощь к «Предку Морбиуса». О Деус!

— Что там, Файст? — потребовал Зонне.

Файст, с широко раскрытыми модифицированными глазами, нервно поскреб согнутыми пальцами грудь:

— Столкновение очень плотное. Несколько махин вовлечены в ближний бой. Крепление кокпита «Виктрум Сплендикс» только что вырвало ударом термоядерной булавы. Экипаж погиб. Неуправляемый «Сплендикс» все еще шагает. «Венус Кастигатус» только что повержен плотным болтерным огнем. Экипаж катапультировался. Они... о боже, вражеские скитарии добрались до них. Они... Они...

Файст обернулся к Алеутону с искаженным и побледневшим лицом:

— Я хотел бы отключиться прямо сейчас, милорд.

— Оставайся на связи, адепт, — потребовал лорд-губернатор. — Еще немного. Я знаю, это тяжело. Дай мне какую-то общую оценку.

Файст послушно кивнул.

— Вражеская линия начинает загибаться. Она сохраняет сплоченность, но ее оттесняют назад на северо-востоке, и вся линия вынуждена отворачивать от границы Иеромихи.

— Это тактический замысел, — спросил френц, — или просто результат натиска?

— Если это замысел, то я не вижу его цели, — ответил Файст.

— Простыми словами, как у нас дела? — спросил Алеутон.

Файст замешкался.

Калиен у него из-за спины ответила:

— Еще слишком рано говорить.

>

На улицах Провальной Пади снаружи было зловеще тихо. Стефану на самом-то деле не хотелось выходить, но его донимал голод. У него было несколько монет, и он размышлял, хватит ли этого на корку

хлеба и суп или чашку риса у уличного торговца?

Стефан торопился по пустым пешеходным дорожкам Провальной Пади. Вокруг не было ни души. Почему так тихо? Куда все делись? Это что — военная предосторожность?

Он замедлил шаг у булочной на третьем уровне. Запах выпечки, выдуваемый вентиляторами из пекарни, пригвождал к месту. Здесь наконец-то встретились люди. Сервиторы помогали трем развозчикам загружать поддоны со свежей выпечкой в машину. Рано утром они должны отправиться в столовые провала.

Стефан не мог оторвать глаз от витрины. Рот его наполнился слюной, в животе урчало. Он пересчитал монеты в кармане. Витрина демонстрировала великолепный ассортимент булочек с начинкой, пирожков и пирожных, приготовленных для обеденных сундучков рабочих бригад. Стеф не мог себе позволить даже самую дешевую из них.

— Сумасшедший денек, а? — раздался голос.

Стефан оглянулся. Сзади кто-то стоял.

— Говорю, сумасшедший денек! — повторил офицер Магистратума, чавкая горячим пирожком, который держал в бумажной салфетке. — Говорят, махинам задали у Аргентума. Конец света наступит еще до заката. Верно говорю?

— Ага, — ответил Стефан.

— Что будет, то будет — вот мой девиз, гражданин, — продолжал офицер, откусив еще. — Все равно — что будет, то будет. Верно говорю?

— Ага, — повторил Стефан.

Вдоль провала прокатился гудок. Оба оглянулись. В двадцати метрах от них, у открытого бокового люка магистратского транспортера, стоял второй офицер и нетерпеливо махал рукой.

— Да иду, Гарлинг! — крикнул офицер, стоявший со Стефаном. — Иду! Да, да, тебе тоже взял!

Ухмыляясь, он повернулся к Стефану. Подбородок у него был испачкан крошками

начинки и мазками жира.

— Во народ, а? Никакого терпения.

— Да уж, — поддакнул Стефан.

— Ладно, смотри, чтоб день у тебя был удачным, понял меня?

— Спасибо, офицер.

Тот вытер рот и повернулся. Потом опять глянул на Стефана:

— У тебя точно все в порядке, гражданин? Выглядишь ты малость замученным.

— Все хорошо. Правда.

— Эй, не уходи. Куда-то торопишься? Нужно куда-то?

— Нет.

— Расслабься. Вернусь через минуту. Хочу удостовериться, что у тебя все в порядке. По мне, у тебя не очень-то все в порядке. Боишься чего?

— Нет. Оставьте меня в покое.

— Меня боишься?

Стефан побежал.

— Эй! Биометрику! Покажи мне свою биометрику! Гражданин, это приказ!

Стефан пропустил окрик мимо ушей и продолжал бежать. Он врезался в

развозчиков, сбив лоток с выпечкой.

— Стоять! — заорал офицер, рванув следом. — Остановись немедленно, ты! Стоять! Покажи свою биометрику! Дважды повторять не буду!

Стефан Замстак продолжал бежать.

— Повторять не буду! — решительно крикнул офицер. — Остановись сейчас же! Немедленно!

>

<Махина убита! Махина убита! — прокантировал Тарсес. — Перевести целеуказатели!>

<Корректирую курс! — отозвался Кальдер. — «Разбойник», направление триста двадцать семь!>

<Поворот на два румба! — приказал Принцхорн через аугмиттеры, крайне сосредоточенный. — Приготовить ракеты!>

<Ракеты наведены, мой принцепс,> — прокантировал Тарсес.

«Доминатус Викрикс» тряхнуло — в

щит ударило тяжелое орудие.

<Повреждение щита! — объявил Кальдер. — Теряем целостность на переднем девятом!>

<Поднять темп, модерати! — приказал Принцхорн. Махину снова тряхнуло. Заверещали предупреждающие сигналы. — Выпускай эти чертовы ракеты!>

<Ракеты вышли! Попадание! Попадание! Попадание! Цель повреждена!>

Принцхорн взял на себя управление деструктором и открыл огонь. Скривившись, он издал придушенный ходовый рык.

<Махина убита!> — прокантировал Тарсес.

<«Владыка войны», направление шестьсот семьдесят семь! — взвыл Кальдер. — Приготовиться к удару!>

«Виктрикс» жестоко тряхнуло — щиты приняли на себя полный залп. Тарсес почувствовал, как махина споткнулась.

<Сбой в ходовой!> — прокантировал Анил, сражаясь с управлением.

<Стабилизаторы, рулевой!

Немедленно!> — потребовал Тарсес.

<Он снова стреляет! — предупредил Кальдер. — Держитесь! Держитесь!>

Удар был потрясающим. На секунду в кокпите погас свет. Несколько панелей вспомогательных систем взорвались фонтанами искр. Из люка в полу повалил дым. Фейрика активировала противопожарные системы. Тарсес мельком просмотрел сообщения о повреждениях и подключил для компенсации запасной и вспомогательный процессоры. Они только что потеряли орудийного сервитора и получили серьезные повреждения панциря.

<Реактор показывает признаки перебоя с зажиганием!> — прокантировал Тарсес.

<Спускай энергию, если нужно, но держи его стабильным!> — откликнулся Принцхорн. Он стрелял во «Владыку войны». Тарсес чувствовал в предплечьях гаптическое эхо выстрелов главных орудий.

<Разворот на три румба! — потребовал Принцхорн. — Дайте мне

нормально выстрелить!>

<Есть, мой принцепс!> — прокантировал рулевой.

<Тарсес?>

<Да, мой принцепс?>

<Ты сможешь удержать этот реактор?>

Тарсес оглянулся на раку. Принцхорн практически свернулся в клубок. Лицо и плечи у него были покрыты психостигматическими ранами.

<Да, мой принцепс, смогу>.

<Благодарю, модерати. Давай посмотрим, сможем ли мы убить этот кусок металлолома>.

>

В глубинах Кузницы Энхорт откинулся от своего стола.

<Махины ушли с Геархартом>, — тихо прокантировал он.

<И что?> — отозвался Толемей.

<Это демонстрация лояльности>.

<В экстремальной ситуации, — прорычал Толемей. — Мы по-прежнему хозяева положения>.

Сидящий на табурете Иган покачал головой, нервно теребя пальцами и дендритами края мантии.

<Ты хочешь что-то прокантировать, Иган?> — спросил Толемей.

<Ничего такого, чего ты уже не знаешь, — ответил тот. — Махины встали на сторону Геархарта. Нам придется уступить>.

Толемей развернулся и уставился на него:

<Мы уже зашли так далеко!>

<Слишком далеко, по-моему>, — прокантировал Иган.

<Когда война махин закончится, мы восстановим свою власть>, — произнес Толемей.

<Я думаю, ты ошибаешься, — раздраженно прокантировал Иган. — Если махины победят, они будут сплочены общей целью. И тогда мы не сможем на них повлиять. Если они проиграют...>

<Все это не будет иметь никакого

значения, — закончил Энхорт и поднялся. — Я отменяю положение «один» и даю сигнал лорду-губернатору, что мы сдаемся».

«Что?» — прокантировал Толемей.

«Ты меня слышал, глава архивов», — ответил Энхорт.

Толемей рассвирепел.

«Нет!» — прокантировал он.

Энхорт обернулся:

«Нет?»

Толемей двинулся к нему:

«Энхорт, мой дорогой экзекутор, я так упорно работал не для того, чтобы вот так все упустить».

«Мы ничего не упускаем, — возразил Энхорт. — У Геархарта за спиной махины и поддержка общественности. Простая логика требует, чтобы мы сдались и позволили ему взять ситуацию в свои руки».

«Это было бы разумно, — прокантировал Иган со своего табурета, — но Толемей не даст этому случиться. Так ведь, Толемей?»

Толемей с Энхортом уставились друг на друга.

<Я упорно трудился долгие годы, чтобы все это устроить, экзекутор, — прошипел Толемей. — Мои усилия нельзя пустить прахом>.

Энхорт помотал головой:

<Все кончено. Точка. финиш>.

<Годы! — воскликнул Толемей. — Я потратил годы жизни, изменяя данные, подправляя там, приписывая тут, — только чтобы привести нас к этому месту в истории! Я не позволю тебе отказаться от этого шанса!>

Энхорт отпрянул:

<Ты изменил данные в нашу пользу? Сколько?>

Толемей мотнул головой:

<Немного. Совсем чуть-чуть>.

<Сколько ты изменил, Толемей? Эта истина, которую мы отстаиваем, это твое великое откровение — ты подделал его?>

<Нет! Это и есть истина! Чистейшее, исходное слово Омниссии!>

Энхорт глубоко вздохнул, с отвращением глядя на Толемея.

<Ты все испортил, тупой кусок

металлолома. Если ты изменил даже крошечный кусочек кода в данных, которые привели нас ко всему этому, то у нас уже нет твердой опоры под ногами. Провались ты со своей истиной! Даже если она подлинная, нас можно подвергнуть сомнению! Что ты изменил, ты, кодовая подтирка? Я бросил вызов Соломану, основываясь на твоих данных! На целостности твоих данных! И ты мне говоришь, что фальсифицировал их?>

<Истина есть истина, неважно, как она преподнесена>, — огрызнулся Толемей.

Энхорт повернулся и скомандовал:

<Сервиторы! Открыть канал связи с лордом Инвикты Геархартом и лордом-губернатором!>

<Нет!> — издал кодовый вопль Толемей. Его механодендриты метнулись вперед и обвились вокруг шеи Энхорта.

Тот захрипел, заваливаясь назад. Рухнув на пол и извиваясь, он сумел отодрать часть дендритов, но остальные обвились туже и сжались.

Толемей воздел кверху один из свободных дендритов. Из манипулятора

выскочило лезвие. Дендрит метнулся к правому глазу Энхорта.

Брызнула кровь, заляпав стены комнаты:

Толемей рухнул. Задняя часть черепа у него отсутствовала. Энхорт вырвался из извивающихся и подрагивающих дендритов.

Иган опустил болт-пистолет, сел обратно на табурет и положил оружие на колени.

— Он не знал, что у меня есть пистолет, — прошептал Иган плотским голосом. — Знание — сила.

Пошатываясь, покрытый кровью Энхорт подошел к Игану и прокантировал:

<Что ты натворил!..>

Иган пожал плечами и приложил болт-пистолет к виску.

— Мне ясно одно: я натворил слишком много, — ответил он.

И спустил курок.

Калли толчком распахнула незапертые двери сарая. Когда она вошла, Голла и Ларс Вульк в страхе отпрянули. Робор, стоявший рядом с повозкой, даже не поднял головы.

Скитарий толкнул Калли, и та упала на колени. С волос ее капала вода.

Скитарий подошел к повозке, осмотрел тело принцепса и выдал что-то кодом.

— Что ты сказал? — запинаясь, спросила Калли.

— Он еще жив, — ответил скитарий. Задрал голову и издал из аугмиттеров длинный и сложный поток кода.

— Просто убей нас, — зло буркнула Голла.

— Убить вас? — переспросил скитарий. — Я только что вызвал спасателей. Вы — Мобилизованная двадцать шестая?

— Д-да, — ответил Ларс Вульк.

— Мы перехватили кодовую передачу одного из вашего отряда. Дженни Виртак. Мы так поняли, что принцепсу из Темпестуса крайне требуется срочная

эвакуация. Мы отреагировали немедленно. Принцепс слишком ценен, чтобы его потерять.

Калли поднялась на ноги.

— Так вы из Темпестуса? — спросила она.

— Конечно, — ответил скитарий, отрываясь от тщательного осмотра принцепса. — А что? Вы приняли нас за врагов?

— Вроде того, — сказала Голла Улдана. И разревелась.

— Кто здесь главный? — спросил огромный скитарий.

Калли устало сотворила знамение Механикус:

— Застстак, Калли, исполняющая обязанности командира, Мобилизованная двадцать шестая. — Потом добавила: — Сэр.

Скитарий хмыкнул:

— Вольно, Застстак. Скорее всего, получишь за это медаль.

Если он собрался умереть, то здесь, похоже, было самое подходящее место: объятое всепожирающей яростью войны, кругом махины, их окутывает неистовое пламя, словно те шагают по поверхности солнца.

Но если он и собрался умереть, то смерти не забрать его просто так. Он преисполнится кровавой ярости, давшей ему прозвище, и выпустит ее до последней капли в ненавистного врага.

Его левая рука сразила злобно хрипящего «Владыку войны». Правая — убила завывающего «Разбойника». Ноги крушили бурлящие полчища вражеской пехоты. Он не обращал внимания на раны и дым, струящийся, словно победные выпелы, из пробоин на изрытой шрамами металлической коже.

Геархарт сверился с тактическим комплексом. Хоть они и не сломали вражеский строй, но заставили врага отвернуть — отвернуть так, чтобы тот потеснился к северу.

На губах Геархарта заиграла улыбка.

<Когда пожелаешь, Борман>, — передал он.

Первый принцепс прислал подтверждающий сигнал. Перевооружившись и дозаправившись, ударная группа Бормана надвигалась на вражескую линию с юга — сзади.

Улыбка Геархарта стала шире.

Вот теперь будет ярость.

Длинной величественной процессией махины прошли через ворота Ореста Принципал и поднялись по улицам к Кузнице и Марсову полю. На их возвращение вышли посмотреть немногие. Горожане по приказу лорда-губернатора сидели по домам. Махины возвращались, и должна была наступить развязка.

Кордон Имперской Гвардии вокруг Кузницы почтительно расступился при появлении первых махин. Их корпуса были изрыты шрамами и пробоинами. Гордые военные знамена и вымпелы побед на орудийных конечностях были обуглены и изодраны. Группы ударных летательных аппаратов, похожие на стаи птиц, проносились мимо марширующих великанов.

«Инвиктус Антагонистес»,

почерневший, израненный, но по-прежнему царственный, шел первым. Он миновал пустое Марсово поле и остановился перед главными воротами Кузницы. И включил свой боевой ревун.

Огромные главные ворота Кузницы медленно открылись. Одинокая фигурка, облаченная в черные одежды, выступила на солнечный свет, гордо и с высоко поднятой головой. Он не собирался убегать или прятаться.

Энхорт вышел на безбрежное открытое пространство один. Он шагал, пока не остановился прямо перед огромным «Владыкой войны». Две фигуры встали лицом к лицу, разделенные размерами.

Энхорт поднял взгляд на махину, возвышающуюся над ним. Он мог прочесть о ее мужестве, о ее вере, о ее подвигах в тысячах щербин и пробоин, которыми была покрыта ее броня.

Энхорт опустился на колени и склонил голову.

В кабинет лорда-губернатора вошел Крузий. Алеутон осенил себя знамением шестерни.

— Исполнение закончено, милорд, — сообщил экзекутор. — Инвикта избавила Орест от опасности.

— Как вы и обещали.

— Я смотрю, вы прекрасно позаботились о моем фамулюсе, — улыбнулся Крузий.

Зонне подошел к экзекутору и коротко поклонился.

— Зонне — старательный мальчик, — ответил Алеутон. — Вам следует им гордиться.

— Я всегда им гордился, — произнес Крузий. Он перевел взгляд обратно на лорда-губернатора. — Кузница спокойна, милорд. Кризис можно считать предотвращенным. Грядут выборы нового адепта сеньорус. Я бы поставил на Кейто. Еще вы должны знать, что со священного Марса отправлен флот Механикус. Его прибытие ожидается в течение трех месяцев. Магосы проведут полную чистку и проверку данных Орестской Кузницы,

чтобы удостовериться, что никакой... никакой ереси не осталось.

— Тогда в духе полной открытости, — ответил Алеутон, — я должен сообщить, что по моему приглашению к Оресту также отправлена флотилия Имперского Военного Флота, чтобы удостовериться, что ситуация находится под контролем.

— Меньшего я и не ожидал, милорд, — произнес Крузий.

— Вы использовали слово «ересь», экзекутор. Следует ли понимать, что данные, давшие начало кризису, оказались несостоятельными?

— Очевидно, что глава архивов фальсифицировал большую часть данных, чтобы обосновать свои утверждения. Мы никогда не сможем сказать точно, что он изменил, так что истинность всех данных будет считаться сомнительной.

Крузий покинул кабинет губернатора. Зонне шагал рядом. Еще нужно было сделать много дел, в частности подготовиться к отлету. Крузий понимал, что ему придется связаться с магистром

войны Макаротом и дать полный отчет о действиях Инвикты на Оресте. Магистр войны будет, как бы выразился Зонне, «писать кипятком».

В вестибюле стояла Этта Северин, ожидая приглашения лорда-губернатора для отчета о задании.

— Вероятно, мы больше не увидимся, экзекутор, — сказала она.

— Скорее всего, нет, Этта. Мне было приятно познакомиться.

— Для меня это было поучительно.

Кругий повернулся, чтобы уйти.

— Экзекутор?

— Да, Этта?

— В откровениях было гораздо больше правды, чем все желают признать, не так ли?

— Я, пожалуй, не смогу это прокомментировать, мамзель.

Она улыбнулась и покачала головой:

— Ответ настоящего экзекутора.

— Магос Толемей устроил заговор ради достижения личных целей, Этта. Это был не благородный крестовый поход.

— Даже если так, не может ли

случиться, что он использовал истину, чтобы добиться желаемого?

— Знание — сила, мамзель. Толемей знал это. Иногда это слишком могучая сила. Время от времени даже великая истина должна быть принесена в жертву ради всеобщего блага.

— Как сейчас, Кружий? — спросила она.

— Я, пожалуй, не смогу это прокомментировать, Этта, — ответил он.

>

Калли Замстак с вещмешком через плечо вошла в двери своей маленькой квартирки в Мейкполе. Все вокруг казалось нереальным. Обыкновенность окружения выглядела необыкновенно. До нее доносился запах готовящейся еды и голоса детей, играющих на лестничной площадке.

— Стеф?

В квартире было пусто. Похоже, здесь уже много дней никто не появлялся. Калли

положила вещмешок и сняла куртку. Коснулась небольшой золотой медали на цепочке вокруг шеи и обнаружила, к своему ужасу, что в какой-то момент ее приключений маленькое колесико из темного золота переломилось пополам.

Она увидела конверт, лежащий рядом со щелью для писем у двери. Официальное сообщение из Магистратума.

Калли вскрыла конверт.

«С прискорбием ведомство Магистратума вынуждено сообщить, что во время стандартной биометрической проверки в Провальной Пади Стефан Замстак пришел в беспокойство, оказал сопротивление аресту и напал на офицера Магистратума. Офицер был вынужден применить оружие...»

Калли села — листок с сообщением хрустнул в руке — и заплакала.

>

Двое мальчишек играли в Саду

Достойных. У них был жестяной титан, красный с золотом, которого они притащили из какой-то лавки в коммерции. Мальчишки заводили его и пускали по дорожкам сада.

Трррк! Трррк! Трррк!

Цинк какое-то время наблюдал за ними. Он почти вспомнил, что должна напоминать эта игрушка. Цинк взялся за метлу и начал подметать дорожку. На лужайках щебетали зефириды.

По улицам прокатился рев горнов. Цинк поднял голову. Огромные корабли снова плыли над городом, затмевая небо. У него было ощущение, что что-то закончилось, но он не знал — что.

На негнущихся ногах, малым ходом, Цинк двинулся по дорожке, занимаясь своим делом.

>

Рака с шипением отсоединилась и вышла от гнезда кокпита. Техножрецы

бормотали свои заклинания.

Пора было снова отдыхать. Пора было переходить к следующему походу, пора для сна в холодные часы путешествия. Пора было лечить раны и восстанавливать силы.

Геархарт уснет в своей гиберкойке. «Инвиктус Антагонистес» уснет в своих опорных лесах в трюме.

Они будут видеть одни и те же сны.

>

Стоянка была безмолвна. Слабый полуденный свет проникал сквозь щели в грязных окнах. На стене последняя, сделанная от руки, надпись гласила:

«Эрик Варко пришел сюда вместе с остальными. Мы пришли в большой нужде, и нам пришлось забрать еду, энергию, бачки для продуктов и несколько других вещей. Простите, что немногое оставили взамен. Единственную дорогую мне вещь я оставил как подношение».

На заваленной хламом полке под слабым светом дня между дыхательной маской в виде лица махины и выцветшим солнечным амулетом из высушенной пустынной травы лежал небольшой медальон Омниссии, который когда-то крепился к бортовой броне танка.

Безглазые и оскаленные в крике, полки мертвецов стучат обугленными костями при звуке твоих шагов. Мерзкий дым заслоняет солнце. О машина! О божественная махина! Ярок, как фотовспышка, залп твоих орудий, раскалывающий хрупкий купол небес и сокрушающий прах земли в пыль. Принцепс, плывущий в жидких данных, — прекрасное чудовище — чувствует величие твоей царственной поступи так же верно, как если бы был создан с превеликой точностью в Кузнице, как одна из твоих шестерен. О железный бог! Единение столь полное: ближе, чем родня и семья, ближе, чем братья, ближе, чем кровь. Союз с божественным металлом, где нет начала одному и нет конца другому, но где оба смешаны, словно сплав. Быть частью бога!

Делить это величие и эту мощь! О счастливец!

Спишь ли ты когда-нибудь на самом деле? В долгое межвременье, проходящее впустую в тиши испачканных маслом трюмов и опорных лесов, спишь ли ты тогда? Когда технопровидцы погружают тебя в бездействие, сон ли это для тебя? Спишь ли ты тогда, великая махина?

Какие сны тебе снятся?

Какие секреты ты хранишь?